Троцкий Лев Давидович

Преступления Сталина

Лев Давидович Троцкий

Лев Давидович Троцкий

Преступления Сталина

Под редакцией

Ю. Г. Фельштинского

Книга была написана Троцким в 1937 г. Тогда же издана на основных европейских языках. На русском языке публикуется впервые, Она представляет собой ответ Троцкого на те обвинения, которые были выдвинуты против него на открытых московских процессах 30-х годов. Текст подготовлен по рукописи, хранящейся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США).

Для преподавателей и студентов вузов, а также широкого круга читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Фельштинский. От редактора
Предисловие
В "социалистической" Норвегии
При закрытых дверях
Через океан
Зиновьев и Каменев
Почему они каются в несовершенных преступлениях?
"Жажда власти"
"Ненависть к Сталину"
Посылка "террористов" из-за границы
В Мексике
Речь на митинге в зале ипподрома, в Нью-Йорке
Вступительное показание для Комиссии расследования московских процессов
Почему необходимо расследование?
Допустимо ли расследование политически?
Экспертиза профессора Чарльза А. Бирда
"Чисто юридическая" экспертиза
Автобиография
Мое "юридическое" положение
Три категории доказательств
Политическая база обвинения: терроризм
Убийство Кирова
Политическая база обвинения: саботаж
Политическая база обвинения: союз с Гитлером и микадо
Копенгаген
Радек
"Свидетель" Владимир Ромм
Полет Пятакова в Норвегию
Что опровергнуто в последнем процессе?
Прокурор-фальсификатор
Теория "маскировки"
Почему и зачем эти процессы?
Сталин о своих подлогах
Приложения

Термидор и антисемитизм
Президенту Комиссии социалистического фронта адвокатов
В Комиссию расследования. Господин Бильс как свидетель
В Комиссию расследования
Расстрел полководцев
В Комиссию расследования в Нью-Йорке
Письмо С. Лафолет
Бертрам Вольф о московских процессах
Великий вердикт
Новый процесс
Восемь министров
Как велось следствие перед третьим процессом
Новый московский процесс
Четыре врача и три жертвы
Заявление
Тайный союз с Германией
Вниманию мыслящих людей
Заявление в "Геральд Трибюн"
Заявление агентству "Гавас"
"Миллион долларов"
Почему так много центров? Почему все центры подчиняются Троцкому?
Новый ход событий
Анахронизмы
Юридической секции секретариата Лиги Наций
Примечания

ОТ РЕДАКТОРА

Книга "Преступления Сталина" написана Троцким в 1937 г. Тогда же она была издана на основных европейских языках, но на русском языке не публиковалась. Сам Троцкий в августе 1940 г. был убит по приказу Сталина. Его смерть, последовавшая вскоре после окончания московских процессов, стала своеобразным эпилогом к проведенным в СССР партийным чисткам.

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Книга потеряла былую политическую остроту и стала историческим документом, написанным рукой "репрессированного" большевика. Можно считать ее ответом на обвинения, выдвинутые на московских процессах против Троцкого. Сам Троцкий, пройдя через высылку, гибель детей и друзей, через отречение единомышленников, оказавшись свидетелем уничтожения всей "ленинской гвардии", не только не разочаровался в коммунистических идеалах, но и до конца своих дней был убежден в том, что не сделал в жизни ни одной ошибки. Не чувствовал он себя и ответственным за происходящее в Советском Союзе, виня во всем "сталинскую бюрократию", хотя роль Троцкого в укреплении коммунистического режима в СССР была сравнима только с ролью Ленина. И даже карательная система, используемая Сталиным во время московских процессов, была сооружена еще при жизни Ленина и при активном участии Троцкого.

Русская революция не знала более блистательного революционера и более слабого тактика. Троцкий не смог переиграть созданной им же самим системы и отдал ей на

погибель себя, свою семью и всех "ленинских гвардейцев". Революция пожирала своих детей. Одним из них был Троцкий. Когда-то второй в государстве человек, он метался, как загнанный зверь, спасаясь от системы, теперь не контролируемой никем, даже Сталиным.

Уже многие годы ощущение полного бессилия не покидало Троцкого. Он писал бесконечные статьи, публикуя их в социалистической, а иногда и в "буржуазной" прессе, но они встречали сочувствие лишь горстки его последователей. Эмиграция не принесла ему освобождения. В алма-атинской ссылке он, по крайней мере, не опасался за свою жизнь. В эмиграции -- каждый день ожидал покушения. Запад принял его холодно, даже враждебно. Самые гуманные принципы западных демократий отступали перед подрывной коммунистической деятельностью,

направленной на уничтожение того самого западного общества, у которого Троцкий надеялся теперь получить политическое убежище. И даже из тактических соображений не соглашаясь умолчать об основной своей цели -- мировой коммунистической революции -- Троцкий совершенно искренне не мог понять, почему Запад отказывается разрешить ему беспрепятственно проживать в Европе.

Даже высылка в Мексику Троцкого не образумила. Он томился в Койоакане как в заточении, в полном отрыве от реальности и погиб в результате покушения агента НКВД. Его блистательная победа 1917 года обернулась поражением. Троцкий умер тем, кем он был всегда -- революционером, не считающимся с действительностью, прежде всего с самой простой истиной-- что людям свойственно желание жить и любить, а не умирать и ненавидеть.

"Преступления Сталина" печатаются по рукописи, хранящейся в Архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (фонд bMs Russ 13 T). Русское издание книги "Преступления Сталина" отличается от иностранных. Из него исключено несколько главок, публиковавшихся ранее в периодической прессе и, следовательно, уже введенных в научный оборот. В каждом конкретном случае такие сокращения оговорены в примечаниях, данных в конце книги. В то же время в виде приложений в книге использованы статьи, письма и показания Троцкого, хранящиеся в архиве и касающиеся открытых процессов 1937--1938 годов. Все приложения подобраны редактором, даются в хронологическом порядке и на русском языке публикуются впервые.

Материалы печатаются с любезного разрешения администрации отдела рукописей Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, где находится Архив Троцкого.

Юрий Фельштинский

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период своего подъема революция могла быть грубой и жестокой, но она была правдива. Она открыто говорила то, что думала. Политика Сталина1 лжива насквозь. В этом выражается ее реакционный характер. Реакция вообще лжива, ибо вынуждена скрывать свои действительные цели от народа. Реакция на фундаменте пролетарской революции лжива вдвойне. Можно сказать без всякого преувеличения, что термидорианский режим Сталина является самым лживым режимом в мировой истории. Вот уже в течение четырнадцати лет автору этих строк суждено служить главной мишенью термидорианской лжи.

До конца 1933 года московская пресса, а следовательно, и ее тень -пресса Коминтерна -- изображали меня британским и американским агентом и даже именовали меня "мистер Троцкий"2. В "Правде" от 8 марта 1929 года целая страница посвящена доказательству того, что я являюсь союзником британского империализма (тогда он еще не назывался в Москве

"британской демократией"), причем устанавливалась моя полная солидарность с Уинстоном Черчиллем3. Статья заканчивалась словами: "Ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов!" Дело шло тогда о долларах, не о марках4.

2 июля 1931 года та же "Правда" при помощи грубо подделанных факсимиле, о которых она сама поспешила забыть на следующий день, объявила меня союзником Пилсудского5 и защитником насильнического версальского мира6. В те дни Сталин боролся не за статус-кво, а за "национальное освобождение" Германии. В августе 1931 года "теоретический" орган французской компартии "Кайе дю Большевизм" обличал "трогательный единый фронт", который установился между "Блюмом7, Полем Бонкуром8 и французским генеральным штабом, с одной стороны, и Троцким -- с другой". Я оставался, таким образом, крепко привязан к странам Антанты!

24 июля 1933 года, то есть после окончательного воцарения Гитлера9 в Германии, я въехал через Марсель во Францию благодаря визе, полученной мною от правительства Даладье10. Согласно ретроспективным "разоблачениям" недавних московских процессов, я был уже в те дни агентом Германии и занимался подготовкой мировой войны с целью разгрома СССР и Франции. На процессе Радека11--Пятакова12, в январе 1937 года, было, в частности, "установлено", что как раз в конце

июля 1933 года я встретился в Буа де Булонь с корреспондентом ТАСС Владимиром Роммом13, чтобы через его посредство привлечь русских троцкистов к союзу с Гитлером и микадо14. Но "Юманите"15 ничего этого не подозревала: как раз в день моего приезда во Францию она опубликовала статью, разоблачавшую мой тайный союз с правительством Даладье. Прикрывая интриги белой эмиграции и приглашая Троцкого, писал орган Сталина--Кашена16--Тореза17, "французская буржуазия обнажает свою истинную политику в отношении Советского Союза: переговоры по необходимости, улыбки по нужде, но за кулисами -- помощь и поддержка всем саботажникам, интервенционистам, конспираторам, клеветникам и ренегатам революции... Из Франции, из этого очага антисоветской борьбы, он может атаковать СССР... Стратегический пункт! Вот почему прибывает г. Троцкий".

Все позднейшие формулы прокурора Вышинского18 налицо: конспирация, саботаж, подготовка интервенции. Но есть разница: преступной деятельностью я занимался в союзе с французской буржуазией, а не с германским фашизмом.

Может быть, однако, злополучная "Юманите" была попросту не в курсе дела? Нет, парижский орган Сталина правильно отражал взгляды работодателя. Тяжеловесная мысль московской бюрократии никак не хотела покидать старой орбиты. Союз с Германией, независимо от ее государственной формы, считался аксиомой внешней политики Советов.

13 декабря 1931 года Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом заявил: "Если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам... Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор". Сталин имел неосторожность прибавить: "Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать".* Правда, это было еще в эпоху Веймарской республики. Но победа фашизма вовсе не изменила московского курса. Сталин делал все, чтобы заслужить благорасположение Гитлера.

4 марта 1933 года правительственные "Известия" писали, что СССР является единственным государством, которое не питает враждебных чувств по отношению к

Германии, и "это не зависимо от формы и характера германского правительства".

Парижский "Ле Тан" отмечал, со своей стороны, 8 апреля 1933 года: "В то время как приход Гитлера к власти живо занимал европейское общественное мнение и вызывал всюду обильные комментарии, московские газеты хранили молчание".

* Эти цитаты взяты из официального советского издания: "Ленин и Сталин о советской конституции", стр. 146, 147.

Сталин пытался купить дружбу победителя, повернувшись спиною к немецкому рабочему классу.

Общая картина, таким образом, ясна. В тот период, когда я, согласно позднейшей, ретроспективной версии, занимался организацией сотрудничества с Гитлером, печать Москвы и Коминтерна изображала меня агентом Франции и англосаксонского империализма. В германо-японский лагерь я был перечислен лишь после того, как Гитлер оттолкнул протянутую руку Сталина и заставил его вопреки первоначальным планам и расчетам искать дружбы "западных демократий". Обвинения против меня были и остаются лишь отрицательным дополнением дипломатических поворотов Москвы. Перемены моей политической ориентации происходили каждый раз без малейшего участия с моей стороны. Однако между двумя прямо противоположными и в то же время вполне симметричными версиями клеветы есть серьезная разница. Первая версия, превращавшая меня в агента бывшей Антанты, имела преимущественно литературный характер. Клеветники клеветали, газеты распространяли отраву, но Вышинский еще не выходил из тени. Правда, ГПУ и тогда уже время от времени расстреливало отдельных оппозиционеров, приписывая им то саботаж, то шпионаж (в пользу Англии или Франции!). Но дело шло пока еще о малозаметных лицах, расправа проходила за кулисами, в порядке скромных опытов. Сталин только дрессировал еще своих следователей, судей и палачей. Понадобилось время, чтобы довести бюрократию до такой степени деморализации, а радикальное общественное мнение Европы и Америки до такой степени унижения, когда стали возможны грандиозные судебные подлоги против троцкистов.

Все этапы этой подготовительной работы можно проследить ныне с документами в руках. Сталин не раз наталкивался на внутренние сопротивления и несколько раз отступал, но каждый раз для того, чтоб придать своей работе более систематический характер. Политическая цель состояла в том, чтобы создать автоматическую гильотину для всякого противника правящей клики: кто не за Сталина, тот наемный агент империализма. Это -- грубая схематизация, приправленная личной мстительностью, вполне в духе Сталина. Он, видимо, ни на минуту не сомневался, что "добровольные признания" его жертв убедят весь мир в подлинности обвинений и тем самым раз навсегда решат проблему неприкосновенности тоталитарного режима. Оказалось, не так. Процессы повернулись против Сталина. Причина -- не столько в грубости подлога, сколько в том, что тиски бюрократии стали окончательно невыносимы для развития страны. Под напором растущих противоречий Сталину пришлось изо дня в день увеличивать радиус подлогов. Кровавой чистке не видно конца. Пожирая собственные ряды, бюро

кратия неистово кричит о бдительности. В ее криках слышится подчас вой смертельно раненного животного.

Напомним еще раз, что во главе списка изменников стоят все члены Политбюро эпохи Ленина19 -- за вычетом одного Сталина, -- в том числе: бывший руководитель обороны в эпоху гражданской войны; два бывших руководителя Коммунистического Интернационала;

бывший председатель Совета народных комиссаров; бывший председатель Совета труда и обороны; бывший глава советских профессиональных союзов. Далее следует ряд членов Центрального комитета и правительства. Фактический руководитель промышленности Пятаков стоял, оказывается, во главе саботажа; заместитель народного комиссара транспорта Лифшиц20 оказался агентом Японии и организатором железнодорожных крушений; главный страж государственной безопасности Ягода21 -- гангстером и изменником; заместитель народного комиссара по иностранным делам Сокольников22- германо-японским агентом, как и главный публицист режима Радек. Мало того: вся головка Красной армии состояла на службе врага. Маршал Тухачевский23, которого недавно посылали в Англию и Францию для ознакомления с военной техникой дружественных стран, продавал поведанные ему секреты Гитлеру. Политический руководитель армии Гамарник24, член ЦК, оказался предателем. Военные представители Франции, Великобритании и Чехословакии совсем недавно отдавали дань украинским маневрам, которыми руководил Якир25. Оказывается, что Якир подготовлял захват Украины Гитлером. Генерал Уборевич26, страж западной границы, собирался сдать врагу Белоруссию. Два бывших начальника военной академии, генерал Эйдеман27 и генерал Корк28, заслуженные полководцы гражданской войны, готовили своих воспитанников не для победы, а для поражения Советского Союза. В измене обвинены десятки менее известных, но крайне значительных военачальников. Все эти разрушители, саботажники, шпионы, гангстеры выполняли свою работу не день, не два, а ряд лет. Но если Ягода, Пятаков, Сокольников, Тухачевский и пр. были шпионами, куда годятся Сталин, Ворошилов29 и другие "вожди"? Какую цену имеют призывы о бдительности, исходящие от Политбюро, которое само обнаружило лишь глупость и слепоту?

Из последней "чистки" режим вышел настолько осрамленным, что органы мировой печати серьезно занялись гаданиями, не впал ли Сталин в безумие. Слишком простое решение вопроса! Сперва считалось, что Сталин оказался победителем, благодаря исключительным качествам своего интеллекта. Когда же рефлексы бюрократии приняли конвульсивный характер, вчерашние почитатели "вождя" начинают спрашивать себя, не сошел ли он с ума. Обе оценки ложны. Сталин не "гениален". В подлинном смысле слова, он даже не умен, если под умом

понимать способность охватывать явления в их связи и развитии. Но он и не сумасшедший. Волна термидора подняла его наверх. Он сам поверил, что источник его силы в нем самом. Но каста выскочек, провозгласившая его гением, в короткий срок разложилась и загнила. Стране Октябрьской революции необходим другой политический режим. Положение правящей клики не оставляет более места для разумной политики. "Сумасшествие" не в Сталине, а в исчерпавшем себя режиме. В этом объяснении нет, однако, и тени морального оправдания Сталина. Он сойдет со сцены как наиболее запятнанная фигура в человеческой истории.

* * *

Эта книга писалась в несколько приемов и в разной обстановке. Первоначально она должна была служить ответом на процесс Зиновьева30--Каменева31 (август 1936 г.). Но работа была прервана в самом начале интернированием автора в Норвегии.

Вернуться к работе удалось лишь на танкере, пересекавшем Атлантический океан. Но не успел я по приезде в гостеприимную Мексику заняться приведением в порядок своих рукописей, как разразился процесс Пятакова--Радека, который требовал самостоятельного

разбора. Одновременно с литературной критикой московских подлогов пришлось заниматься подготовкой материалов для юридического расследования, организованного нью-йоркским "Комитетом защиты Троцкого"32. Значительная часть моей книги превратилась в речь перед следственной Комиссией, прибывшей в апреле этого года из Нью-Йорка в Мексику для заслушания моих объяснений.

Наконец, когда я готовился сдать последнюю часть рукописи, из Москвы пришли телеграммы об аресте и расстреле восьми наиболее выдающихся генералов Красной армии.

Построение книги отражает, таким образом, ход событий. Прибавлю еще, что, когда писались эти страницы, я десятки раз вынужден был отдавать себе отчет в том, насколько скудна гамма наших чувств и насколько беден наш словарь в сравнении с грандиозностью тех преступлений, которые совершаются ныне в Москве!

Койоакан, 5 июля 1937 г.

В "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ" НОРВЕГИИ

Почти полтора года, с июня 1935 по сентябрь 1936-го, мы прожили с женой в норвежской деревне Вексал, в шестидесяти километрах от Осло, в семье редактора рабочей газеты К. Кнуд-сена. Место жительства нам было с самого начала указано норвежским правительством. Наша жизнь протекала как нельзя более размеренно и мирно, можно было бы сказать, мелкобуржуазно. К нам скоро привыкли. Отношения с окружающим населением установились почти безмолвные, но вполне дружественные.

Раз в неделю мы вместе с семьей Кнудсен посещали ближайший кинематограф, где показывались позапрошлогодние сенсации Голливуда. Изредка нас посещали, преимущественно летом, иностранные друзья -- в большинстве деятели левого крыла рабочего движения. Жизнь мира мы подслушивали по радио: этим волшебным и несносным инструментом мы начали пользоваться не больше как три года тому назад. Больше всего мы поражались, слушая административные разговоры советских бюрократов. Эти люди чувствуют себя в эфире, как у себя дома. Они повелевают, грозят, бранятся, не соблюдая элементарной осторожности в отношении государственных секретов.

Враждебные штабы извлекают, несомненно, наиболее ценную информацию из откровенности больших и малых советских "вождей". И все это творится в стране, где человек, заподозренный в оппозиции, рискует немедленно быть обвиненным в шпионаже!..

Центральным моментом каждого дня в Вексале было получение почты. Около часу пополудни мы нетерпеливо поджидали инвалида-почтальона, который доставлял нам -- зимой на салазках, летом на велосипеде -- тяжелую пачку газет, и писем с марками всех частей света. Наша необычная корреспонденция причиняла немало бессонных ночей не только полицеймейстеру Хонефоса, маленького соседнего городка с четырехтысячным населением, но и самому социалистическому правительству в Осло, о чем мы узнали, однако, лишь позже.

Как мы попали в Норвегию? Об этом необходимо сказать несколько слов. Норвежская рабочая партия принадлежала раньше к Коминтерну, потом порвала с ним -- не только по вине Коминтерна, -- но не вошла и во Второй Интернационал, как слишком для нее будто бы оппортунистической. Когда партия

(в 1935 г.) стала у власти, над ней тяготел еще ее вчерашний день. Я поспешил обратиться в Осло за визой, надеясь, что смогу в этой спокойной стране без помех заниматься своей литературной работой. После некоторых колебаний и трений на верхах партии правительство согласилось впустить меня в страну. Условие насчет

"невмешательства во внутреннюю жизнь" и пр. я подписал без затруднений, так как отнюдь не собирался заниматься норвежской политикой.

При первом соприкосновении с верхами партии на меня пахнуло духом затхлого консерватизма, который так беспощадно обнажен в драмах Ибсена33. Центральный орган партии "Арбайтербладет" ссылается, правда, не на Библию и не на Лютера34, а на Маркса и Ленина, но остается насквозь пропитан той филистерской ограниченностью, к которой Маркс и Ленин питали непреодолимое отвращение... "Социалистическое" правительство главную свою амбицию полагало в том, чтоб как можно меньше отличаться от своих реакционных предшественников. Вся старая бюрократия оставалась на своих местах. К худу или к добру? Мне пришлось вскоре убедиться на своем горьком опыте, что иные из буржуазных чиновников обладают более-широким горизонтом и более высоким чувством собственного достоинства, чем господа "социалистические" министры. Если не считать полуофициального визита, нанесенного мне вскоре по моем приезде вождем партии Мартином Транмелем35 и министром юстиции Трюгве Ли36, у меня с правительственными верхами не было никаких личных отношений.

С низами партии я также почти не встречался, чтобы не вызывать подозрений во вмешательстве в политику страны. Мы жили с женой, как уже сказано, крайне изолированно и не видели особых оснований жаловаться на это. С семьей Кнудсен у нас установились очень дружественные отношения, из которых политика была, по молчаливому взаимному соглашению, совершенно исключена.

В промежутках между приступами болезни я работал над книгой "Преданная революция"37, в которой пытался выяснить причины победы советской бюрократии над партией, над Советами, над народом и наметить перспективы дальнейшего развития СССР.

5 августа 1936 года я отправил первые экземпляры законченной рукописи американскому и французскому переводчикам. В тот же день мы отправились вместе с четой Кнудсен в южную Норвегию, чтобы провести две недели у моря. Но уже на следующее утро, в пути, мы узнали, что в предшествующую ночь на нашу квартиру совершено было норвежскими фашистами нападение с целью овладеть моими архивами. Задача сама по себе не представляла никаких трудностей: дом никем не охранялся, и даже шкафы не запирались. Норвежцы до такой

степени привыкли к спокойному ритму своей демократии, что даже от друзей нельзя было добиться соблюдения элементарных правил осторожности. Фашисты нагрянули в полночь, показали фальшивые полицейские значки и попытались немедленно приступить к "обыску". Оставшаяся дома дочь наших хозяев заподозрила неладное, не потерялась, стала с распростертыми руками перед дверью моей комнаты и заявила, что никого не пропустит. Пять фашистов, еще неопытных в своем ремесле, опешили перед мужеством молодой девушки. Тем временем младший брат ее поднял тревогу. Показались в ночных одеяниях соседи. Потерявшие голову герои бросились наутек, захватив с ближайшего стола несколько случайных документов.

Полиция без труда установила на следующий день личность нападавших. Могло показаться, что жизнь снова войдет в спокойные берега. Продолжая путь на юг, мы вскоре установили, что за нами по пятам следует автомобиль с четырьмя фашистами под командой шефа пропаганды инженера Н. Только под самый конец путешествия нам удалось отделаться от преследователей: мы попросту не допустили их автомобиль на паром, который перевозил нас на другую сторону фиорда. Сравнительно спокойно мы прожили около десятка дней на

маленьком островке в единственном рыболовном домике среди скал.

Тем временем близились выборы в стортинг. Каждый из лагерей искал сенсационного номера для своей не очень оригинальной программы. Издания правительственной партии (в Норвегии, где всего 3 миллиона населения, рабочая партия имеет 35 ежедневных газет и десяток еженедельных!) открыли кампанию против фашистов, в очень, впрочем, умеренных тонах. Правая печать ответила настоящей травлей против меня и против правительства, давшего мне визу. Мои политические статьи, беспрепятственно печатавшиеся в разных странах мира, тщательно подбирались теперь норвежской реакционной прессой, наспех переводились и перепечатывались одна за другой, под самыми сенсационными заголовками. Неожиданно я оказался в центре норвежской политики. В рабочих массах нападение фашистов вызвало необычайное возмущение. "Мы вынуждены лить масло на волны, -- жаловались с глубокомысленным видом социал-демократические вожди. -- Почему собственно? -- Потому что иначе массы разнесут фашистов в куски."

Опыт ряда европейских стран решительно ничему не научил этих господ: они предпочитают ждать, когда фашисты разнесут в куски их самих. Я воздерживался от полемики даже в частных разговорах: каждое неосторожно сказанное слово рисковало попасть в печать. Не оставалось ничего другого, как пожимать плечами и выжидать. Еще в течение нескольких дней мы карабкались по скалам и ловили рыбу.

Тем временем на Востоке сгущались гораздо более грозные тучи. Оттуда собирались возвестить всему миру, что я работаю над низвержением Советов рука об руку с национал-социалистами. Налет на мои архивы и бешеная травля против меня фашистской печати явились для Москвы совершенно не кстати. Но нельзя же было останавливаться из-за таких пустяков! Наоборот, возможно, что под влиянием норвежских событий там решили даже ускорить инсценировку процесса. Незачем говорить, что советское посольство в Осло не теряло времени даром.

13 августа на /наш островок прилетел из Осло на аэроплане начальник уголовной полиции Свэн, чтобы допросить меня в качестве свидетеля по делу о налете фашистов. Столь спешный допрос был проведен по прямому распоряжению министра юстиции: уж это одно не предвещало ничего хорошего. Свэн показал захваченное у меня фашистами и уже опубликованное норвежской прессой письмо (совершенно невинное по содержа нию) к одному из друзей в Париже и попросил дать разъясне ние по поводу моей деятельности в Норвегии. Полицейский чи новник мотивировал свои вопросы тем, что фашисты в оправ дание ночного набега ссылаются на преступный характер моей деятельности. Один из фашистских адвокатов потребовал даже от государственного прокурора привлечь меня к ответственно сти за деяния, могущие "вовлечь Норвегию в войну с другими государствами".

Поведение самого Свэна было вполне корректно: он явно чувствовал неуместный характер вопросов, продиктованных ему сверху. В результате моих подробных показаний он заявил представителям печати, что не находит в моих действиях ничего противного законам или враждебного интересам Норвегии. Можно было снова подумать, что "инцидент исчерпан". На самом деле он только развертывался. Министр юстиции, недавний член

Коммунистического Интернационала, нимало не сочувствовал либеральной слабости начальника уголовного розыска. Еще менее оказался склонен к снисходительности премьер Нигордсволъд38. Он горел стремлением доказать твердую руку, -конечно, не против фашистов, учинивших налет на мою квартиру. Фашисты оставались на свободе под защитой демократической конституции.

14 августа ТАСС пустило по всему миру сообщение о рас
крытии террористического заговора троцкистов и зиновьевцев.
Первым из нас услышал по норвежскому радио это сообщение
наш квартирохозяин Конрад Кнудсен. Но на островке не было
электричества, антенны были очень примитивны и как назло
аппарат работал в этот вечер из рук вон плохо. "Троцкистко
зиновьевские группы"... "контрреволюционная деятельность"...
вот все, что Кнудсен мог уловить.
Что это значит? -- спросил он меня.
Какая-нибудь крупная гадость со стороны Москвы!--от
ветил я.
Но какая именно?

На рассвете прибыл из соседнего города Кристиансанда дружественный норвежский журналист с записью сообщения ТАСС.

Готовый ко многому, даже ко всему, я все же не верил глазам: сообщение показалось мне невероятным по сочетанию подлости, наглости и глупости.

Хорошо, терроризм -- это еще можно понять... но геста
по...-- повторял я в изумлении, -- так и сказано: гестапо?
Да, так и сказано.
-- Значит, после недавнего нападения фашистов сталинцы
обвиняют меня в союзе с фашистами?
Да, выходит так...
Нет, всему есть пределы: подобное сообщение мог соста
вить только безграмотный или пьяный агент-провокатор!..

Я немедленно продиктовал свое первое заявление по поводу предстоящего процесса. Надо было готовиться к борьбе, ибо близился грандиозный удар: ради второстепенных целей Кремль не стал бы компрометировать себя столь отвратительным подлогом.

Процесс застал врасплох не только мировое общественное мнение, но и Коминтерн. Норвежская коммунистическая партия, несмотря на всю враждебность ко мне, назначила открытое собрание протеста против налета фашистов на 14 августа... за несколько часов до того, как ТАСС причислил меня самого к фашистам. После этого французский орган Сталина "Юманите" опубликовал телеграмму из Осло о том, что фашисты нанесли мне ночью дружественный "визит" и что норвежское правительство усмотрело в этом ночном свидании вмешательство с моей стороны во внутреннюю политику страны. Эти господа отвыкли стесняться и, во всяком случае, готовы на все, чтобы оправдать свое жалование.

Уже в своем первом заявлении печати я требовал гласного расследования московских обвинений. Дополнительно к своим показаниям я отправил Свэну письмо, предназначенное для печати. "Давая мне визу, -- писал я, -правительство этой страны знало, что я революционер и один из инициаторов создания нового Интернационала. Строго воздерживаясь от вмешательства во внутреннюю жизнь Норвегии, я не думал и не думаю,

что норвежское правительство призвано контролировать мою литературную деятельность в других странах, тем более что мои книги и статьи не были предметом судебного преследования. Моя переписка проникнута теми же идеями, что мои литературные работы. Они могут не нравиться фашистам или

сталинцам, но тут я не могу ничего поделать. За последние дни имел, однако, место новый факт, отбрасывающий далеко назад все, что писала обо мне реакционная печать. Московское радио обвиняет меня в неслыханных преступлениях. Если бы хоть часть этих обвинений была верна, я действительно не заслуживал бы гостеприимства норвежского, как и всякого другого народа. Но по поводу московских обвинений я готов немедленно дать отчет перед любой беспристрастной следственной комиссией, перед любым московским судом. Я берусь доказать, что преступниками являются сами обвинители."

Это письмо было опубликовано в большинстве норвежских газет. Надо отметить, что печать правительственной партии заняла с самого начала по отношению к московскому процессу позицию открытого недоверия. Мартин Транмель и его коллеги недаром принадлежали в недалеком прошлом к Коминтерну: они знали, что такое ГПУ и каковы его методы! К тому же настроение рабочих масс, всколыхнутых фашистским нападением, было целиком за меня. Правая печать совершенно потеряла голову: до вчерашнего дня она утверждала, что я действую в тайном союзе со Сталиным по подготовке восстаний в Испании, Франции, Бельгии и, конечно, в Норвегии. Она не отказалась от этих обвинений и сегодня. В то же время она становилась на защиту московской бюрократии от моих террористических покушений.

К началу московского процесса мы успели вернуться с нашего острова в Вексал. По норвежским газетам я со словарем разбирал судебные отчеты ТАСС. Чувство было такое, точно попал в дом буйно помешанных. Нашу квартиру и наш телефон осаждали журналисты. Норвежское телеграфное бюро пока что добросовестно передавало мои опровержения, которые расходились по всему миру. Как раз в этот момент прибыли на помощь мне молодые друзья, уже и в прошлом выполнявшие обязанности моих секретарей: Эрвин Вольф39 из Чехословакии и Жан Ван Ейженорт40 из Франции. Они оказались совершенно незаменимы в те тревожные и горячие дни, когда мы жили ожиданием двух развязок, из которых одна подготовлялась в Москве, а другая -- в Осло.

Без убийства обвиняемых никто не принял бы обвинения всерьез Я с уверенностью ждал расстрелов как неминуемого финала. И тем не менее, когда я по парижскому радио услышал (голос спикера дрогнул, когда он сообщил эту весть), что Сталин расстрелял всех подсудимых, в том числе четырех старых членов большевистского ЦК, я с трудом поверил сообщению. Не жестокость расправы сама по себе потрясала: эпоха революций и войн -- жестокая эпоха, и она есть наше отечество во времени. Потрясала холодная злонамеренность подлога, нравственный гангстеризм правящей клики, попытка обмануть

общественное мнение всего человечества в лице нынешнего и грядущего поколений.

Мировая печать всех направлений встретила московский процесс с явным недоверием. Даже "профессиональные" друзья растерянно молчали. Из Москвы не без труда раскачивали разветвленную сеть подчиненных и полуподчиненных "дружественных" организаций. Международная машина клеветы медленно приходила в движение: в смазочных материалах недостатка не было. Главным передаточным механизмом служил, разумеется, аппарат Коминтерна. Норвежская коммунистическая газета, которая еще накануне оказалась вынужденной взять меня под защиту от фашистов, сразу переменила тон. Теперь она

требовала от правительства, чтоб меня выслали из страны и прежде всего, чтоб мне зажали рот. Функции нынешней печати Коминтерна известны: когда она свободна от второстепенных поручений советской дипломатии, она выполняет наиболее грязные задания ГПУ. Телеграф между Москвой и Осло работал без остановки. Ближайшая задача состояла в том, чтобы помешать мне разоблачить подлог. Усилия не пропали даром. В норвежских правительственных сферах произошел перелом, которого широкие круги партии сперва не заметили, а затем не поняли. О наиболее интимных пружинах этого перелома мы узнаем не скоро...

26 августа, после того как наш двор был занят восьмью полицейскими в штатском, на квартиру к нам явились начальник норвежской полиции Асквиг и чиновник Центральной паспортной конторы, в руках которой сосредоточено наблюдение за иностранцами. Высокие посетители предложили подписать мне заявление о моем согласии на новые условия пребывания в Норвегии: отныне я обязуюсь не писать на актуальные политические темы, не давать интервью и выражаю сверх того свое согласие на то, чтобы вся моя корреспонденция, входящая и исходящая, просматривалась полицией. Ни словом не упоминая о московском процессе, документ, в качестве доказательства моей преступной деятельности, приводил лишь статью о моих французских делах, напечатанную в американском еженедельнике "Nation" и мое собственное открытое письмо начальнику уголовного розыска Свэну.

Было совершенно очевидно, что норвежское правительство пользуется первым попавшимся предлогом, чтобы прикрыть действительные причины своего поворота. Только позже я понял, зачем правительству понадобилась моя подпись: норвежская конституция не предусматривает никаких ограничений для лиц, неопороченных по суду. Находчивому министру юстиции не оставалось ничего другого, как исправить пробел в основных законах при помощи моего "добровольного" ходатайства о наложении на меня ручных и ножных кандалов. Я наотрез от

казался. Министр немедленно поручил передать мне, что отныне журналисты и вообще посторонние лица не будут допускаться ко мне; новое местожительство будет мне и моей жене вскоре указано правительством. Я попытался разъяснить министру письменно некоторые простые истины: чиновник, заведующий паспортами, вовсе не компетентен контролировать мою литературную деятельность; к тому же ограничивать свободу моих сношений с печатью в момент, когда я являюсь мишенью злонамеренных обвинений, значит, становиться на сторону обвинителей. Все это было правильно, но у советского посольства нашлись более сильные аргументы.

На другое утро полицейские отвезли меня в Осло для допроса в качестве "свидетеля" по делу о налете фашистов. Следователь проявил, однако, очень мало интереса к налету. Зато в течение двух часов он допрашивал меня о моей политической деятельности, о моих посетителях. Длительные прения завязались вокруг вопроса о том, критикую ли я в своих статьях правительства других государств. Я этого, разумеется, не отрицал. Судья находил, что такая критика противоречит данному мною обязательству избегать действий, враждебных другим государствам. Я отвечал, что правительство и государство отождествляются только в тоталитарных странах. Демократический режим не рассматривает критику правительства как нападение на государство. Что сталось бы в противном случае с парламентаризмом? Единственный разумный смысл подписанного мною условия был тот, что я обязался не превращать Норвегию в операционную базу для какой-либо нелегальной, заговорщической деятельности. Но мне и в голову не могло

прийти, что, находясь в Норвегии, я не могу публиковать в других странах статей, не противоречащих законам этих стран. У судьи были, однако, на этот счет другие взгляды или, по крайней мере, другие директивы, не вполне, правда, членораздельные, но зато, как оказалось, достаточные для моего интернирования.

Из судебного помещения меня перевели к министру юстиции, который принял меня в окружении высоких чинов своего министерства. Мне опять предложено было подписать, лишь с незначительными изменениями, то самое ходатайство о гласном полицейском надзоре, которое я отверг накануне.

Если вы хотите арестовать меня, зачем вам мое разре
шение?

Но между арестом и полной свободой есть промежуточ
ное положение, -- многозначительно ответил министр.

Промежуточное положение есть экивок или ловушка: я
предпочитаю арест!

Министр пошел мне навстречу и тут же отдал надлежащее распоряжение. Полицейские грубо оттолкнули Эрвина Вольфа, который был со мной вместе на допросе и собирался сопровож

дать меня домой. Четверо констеблей уже по форме доставили меня в Вексал. Во дворе я увидел, как другие полицейские, держа за плечи Ейженорта, толкают его к воротам. В тревоге выбежала из дому жена. Меня держали в запертом автомобиле, чтобы подготовить в квартире нашу изоляцию от семьи Кнудсен. Полицейские заняли столовую и выключили телефон. Отныне мы содержались на положении арестованных. Хозяйка дома приносила нам пищу под надзором двух полицейских. Двери в нашу комнату всегда оставались полуоткрытыми.

2 сентября нас перевезли в новое помещение, Sundby, в деревне Storsand в 36-ти километрах от Осло, на берегу фиорда, где мы оставались три месяца и двадцать дней под надзором тринадцати полицейских.

Наша корреспонденция шла через Центральную паспортную контору, которая не видела оснований спешить. Никто не допускался к нам на свидание. Чтоб оправдать этот режим, не имеющий никакой опоры в норвежской конституции, правительству пришлось провести особый исключительный закон. Что касается моей жены, то она была арестована даже без попытки объяснения.

Норвежские фашисты могли, кажется, праздновать победу. На самом деле победа была одержана не ими. Тайна нашего интернирования по существу проста. Московское правительство пригрозило бойкотом норвежского торгового флота и сразу дало почувствовать силу этой угрозы на деле. Судовладельцы бросились к правительству: сделайте что угодно, но верните нам немедленно советские заказы!

Норвежский торговый флот, четвертый по величине в мире, занимает решающее место в жизни страны, и судовладельцы определяют ее политику независимо от правительственных смен. Сталин воспользовался монополией внешней торговли, чтобы помешать мне разоблачить подлог. Крупный норвежский капитал пришел ему на помощь. В свое оправдание социалистические министры сказали: "Не можем же мы жертвовать жизненными интересами населения ради Троцкого!" Такова подлинная причина нашего ареста.

17 августа, т. е. уже после того как фашисты опрокинули ушат своих разоблачений, а

Москва -- ушат своих обвинений, Мартин Транмель писал в "Арбайтербладет": "Во время своего пребывания в нашей стране Троцкий точно выполнял условия, которые были ему поставлены при въезде в Норвегию"

(Между тем по обязанностям редактора Транмель лучше, чем кто бы то ни было, знал о моей литературной деятельности, в том числе и о тех статьях, которые через несколько дней послужили основой для доклада паспортной конторы. Но как только доклад был одобрен правительством (которое само же заказа

ло этот доклад... по предварительному заказу Москвы), Тран-мель сразу понял, что во всем виновен Троцкий. В самом деле, почему он не отказался от своих взглядов или, по крайней мере, от их открытого выражения? Тогда он мог бы спокойно наслаждаться благами норвежской демократии.

Здесь уместна, может быть, маленькая историческая справка. 16 декабря 1928 года, в Алма-Ате, в Центральной Азии, специальный уполномоченный ГПУ, прибывший из Москвы, предъявил мне требование отказаться от политической деятельности, угрожая в противном случае репрессиями. "Предъявленное мне требование отказаться от политической деятельности, -- писал я в ответ ЦК партии, -- означает требование отречения от борьбы за интересы международного пролетариата, которую я веду без перерыва тридцать два года, то есть в течение всей своей сознательной жизни... Величайшая историческая сила оппозиции, при ее внешней слабости в настоящий момент, состоит в том, что она держит руку на пульсе мирового исторического процесса, ясно видит динамику классовых сил, предвидит завтрашний день и сознательно подготовляет его. Отказаться от политической деятельности значило бы отказаться от подготовки завтрашнего дня... В "Заявлении", поданном VI конгрессу Коминтерна, мы, оппозиционеры, как бы предвидя предъявленный мне сегодня ультиматум, писали дословно: "Требовать от революционера отказа от политической деятельности могло бы только вконец развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты". Я не могу ничего изменить в этих словах"41.

В ответ на это заявление Политбюро постановило выслать меня в Турцию. Так, за несогласие отказаться от политической деятельности я заплатил изгнанием. Теперь норвежское правительство требовало от меня, чтобы за право находиться в изгнании я заплатил... отказом от политической деятельности. Нет, господа демократы, на это я не мог согласиться!

В только что цитированном письме Центральному комитету я высказал уверенность, что ГПУ собирается посадить меня в тюрьму. Я ошибся: Политбюро ограничилось изгнанием. Но чего не осмелился сделать Сталин в 1928 году, то сделали норвежские "социалисты" в 1936 году. За отказ прекратить легальную политическую деятельность, составляющую смысл моей жизни, они посадили меня в тюрьму. Правительственный официоз оправдывался тем, что времена, когда эмигранты-классики Маркс, Энгельс, Ленин писали, что хотели, в том числе и против правительств тех стран, которые дали им убежище, давно отошли в прошлое. "Мы живем сейчас при совсем других отношениях, и Норвегия должна с ними считаться".

Неоспоримо, что эпоха монополистического капитала беспощадно помяла демократию и ее гарантии. Но меланхолическая

фраза Мартина Транмеля не дает ответа на вопрос, каким образом социал-демократы рассчитывают использовать эту потрепанную демократию для социалистического

преобразования общества? К этому надо еще прибавить, что ни в какой другой демократической стране невозможно было бы такое издевательство над элементарными нормами права, как в "социалистической" Норвегии.

28 августа нас интернировали, а 31 августа издано было так называемое "королевское постановление", дающее правительству право подвергать заключению "нежелательных" иностранцев. Если даже считать такое постановление законным (а юристы это оспаривают), то, во всяком случае, в течение трех дней в Норвегии царил режим маленького государственного переворота. Но это были только цветочки -- ягодки предстояли впереди.

* * *

Первые дни заключения воспринимались почти как дни блаженного отдыха после небывалого напряжения "московской" недели. Хорошо было остаться одним, без новостей, без телеграмм, без писем, без телефонных звонков, без посторонних лиц. Но как только прибыли первые газеты, интернирование превратилось в пытку. Поразительно, какое место занимает ложь в нашей общественной жизни! Даже самые простые факты передаются чаще всего в искаженном виде. Но я имею здесь в виду не обычные, будничные искажения, вытекающие из противоречий социальной жизни, мелких антагонизмов и несовершенства психики. Гораздо страшнее та ложь, на службе которой становятся грандиозные государственные аппараты, подчиняющие себе всех и все. Такую работу мы наблюдали уже во время последней войны. Но тогда еще не было тоталитарных режимов. В самой лжи еще оставался элемент застенчивости и дилетантизма. Не то теперь, в эпоху сплошной, абсолютной, тоталитарной лжи, которая пользуется монолитной прессой и монолитным радио для массового отравления общественной совести.

В первые недели заключения мы сидели, правда, без радио. Надзор над нами находился в руках начальника Главной паспортной конторы Констада, которого либеральная пресса называла из вежливости как полуфашиста. К капризному произволу он присоединял вызывающую грубость.

Озабоченный единством полицейского стиля, Констад решил, что радио несовместимо с режимом интернирования. В правительстве победило, однако, на этот раз либеральное течение, и мы получили радиоаппарат. Бетховен мирил со многим. Но Бетховен попадался редко. Чаще всего мы наталкивались

на Геббельса42, Гитлера или на ораторов московской радиостанции. Маленькая квартира с невысокими потолками сразу наполнялась густыми клубами лжи. Московские ораторы на разных языках лгали в разное время дня и ночи об одном и том же: они объясняли, как и почему я организовал убийство Кирова43, о существовании которого я при жизни его думал не многим больше, чем о существовании какого-либо из китайских генералов.

Бездарный и невежественный оратор повторял бессмысленный набор фраз, соединенных вместе лишь липкой ложью. "При помощи союза с гестапо Троцкий хочет добиться разгрома демократии во Франции, победы генерала Франко44 в Испании, крушения социализма в СССР и прежде всего гибели нашего любимого, великого, гениального..." Голос оратора звучит тускло и вместе с тем нагло. Совершенно очевидно, что этому стандартному клеветнику нет никакого дела ни до Испании, ни до Франции, ни до социализма. Он думает о бутерброде. Невозможно было больше двух-трех минут подвергать себя этой пытке. Несколько раз на день в голову приходил один и тот же непочтительный вопрос: неужели человечество так глупо? Почти столь же часто мы обменивались с женой фразой: "Все-таки нельзя было думать, что они так подлы".

Сталин совсем не гоняется за правдоподобностью. В этой области он вполне усвоил психотехнику фашизма: задушить критику массивностью и монопольностью лжи. Возражать? Опровергать? В возражениях недостатка не было. В находившихся при мне бумагах, в моей памяти, в памяти жены были неоценимые данные для разоблачения московского подлога. И днем и ночью в голову приходили факты -- сотни фактов, тысячи фактов, -- каждый из которых ниспровергал какое-либо из обвинений или "добровольных признаний".

Еще в Вексале, до интернирования, я в течение трех дней диктовал по-русски брошюру о московском процессе. Теперь я оставался без технической помощи, писать приходилось от руки. Но не в этом было главное затруднение. Пока я в тетради набрасывал свои возражения, тщательно проверяя цитаты, факты, даты и сотни раз повторяя про себя: не постыдно ли возражать на такие невообразимые гнусности -- ротационные машины всего мира извергали новые потоки апокалиптической лжи, а московские спикеры отравляли эфир.

Какова будет судьба моей рукописи? Пропустят ее или нет? Тягостнее всего была полная неопределенность положения. Министр-президент вместе с министром юстиции склонялись, видимо, к законченному тюремному режиму. Другие министры боялись отпора снизу. Ни на один вопрос о своих правах я не получал ответа. Если б, по крайней мере, твердо знать, что мне запрещена какая бы то ни было литературная работа, в том

числе и самозащита, я сложил бы временно оружие и читал бы Гегеля45 (он лежал у меня на полке). Но нет, правительства прямо ничего не запрещало. Оно только конфисковывало рукописи, которые я направлял адвокату, сыну, друзьям. После нескольких дней напряженной работы над очередным документом ждешь, бывало, с нетерпением ответа от адресата. Проходят неделя, нередко две. Старший констебль приносит в полдень бумагу за подписью Констада, извещающую, что такие-то и такие-то письма и документы признаны неподлежащими отправлению. Никаких объяснений, только подпись. Но зато какая подпись! Я должен воспроизвести ее здесь во всем ее неподдельном величии.

Не нужно было быть графологом, чтобы догадаться, кому правительство вверило нашу судьбу!

В руках Констада был сосредоточен, впрочем, лишь контроль над нашими душами (радио, переписка, газеты). Непосредственная власть над телами вручена была двум старшим полицейским чиновникам: Асквигу и Ионасу Ли. Норвежский писатель Хельге Крог, которому можно вполне довериться, называет всех трех фашистами. Правда, Асквиг и Ли держали себя приличнее Констада. Но политическая картина от этого не меняется. Фашисты нападают на мою квартиру. Сталин обвиняет меня в союзе с фашистами. Чтоб помешать мне разоблачить подлог, он добивается от своих демократических союзников моего интернирования. Суть интернирования состоит в том, что меня и мою жену отдают в руки трех фашистских чиновников. Лучшей расстановки фигур не выдумает никакая шахматная фантазия!

Я не мог все же пассивно претерпевать отвратительные обвинения. Что оставалось мне? Попытаться привлечь к судебной ответственности местных сталинцев и фашистов за клевету в печати, чтоб доказать на процессе ложность московских обвинений. Но в ответ на эту попытку бдительное правительство издало 29 октября новый исключительный закон, согласно которому министр юстиции получил право запретить "интернированному иностранцу" ведение каких бы то ни было процессов. Министр немедленно же воспользовался этим правом. Так первое беззаконие послужило фундаментом для второго.

Почему правительство пошло на такую скандальную меру? Все по той же причине. Ословская "коммунистическая" газетка, еще накануне пресмыкавшаяся перед социалистическим правительством во прахе, извергала теперь по его адресу неслыханно наглые угрозы. Покушение Троцкого на "престиж советского суда" неминуемо нанесет хозяйству Норвегии неисчислимые убытки! Престиж московского суда? Но он мог пострадать только в одном случае: если б мне удалось перед норвежским судом доказать ложность московских обвинений. Именно этого-то в

Кремле смертельно боялись. Я сделал попытку привлечь клеветников в других странах (Чехословакия и Швейцария). Реакция не заставила себя ждать: 11 ноября министр юстиции известил меня грубым по форме письмом (норвежские социалистические министры считают, видимо, грубость атрибутом твердой власти), что мне запрещено ведение где бы то ни было каких бы то ни было процессов. Если я хочу добиваться своих прав в другом государстве, я должен "покинуть почву Норвегии". Эти слова представляли собой едва замаскированную угрозу высылки, то есть фактической выдачи в руки ГПУ. Так я истолковал этот документ в письме к своему французскому адвокату Ж. Розенталю46. Пропустив беспрепятственно мое письмо, норвежская цензура подтвердила тем самым мое толкование. Встревоженные друзья стали стучаться во все двери, ища для меня визы. В результате этих усилий открылась дверь далекой Мексики.. Но об этом в свое время.

Стояла дождливая и туманная осень. Трудно передать тягостную атмосферу в деревянном доме Sundby, где ,весь нижний этаж и половина верхнего заняты были тяжеловесными и медлительными полисменами, которые курили трубки, играли в карты, а в полдень приносили нам газеты, исполненные клеветы, или послания Констада, с его фатальной подписью. Что будет дальше? Где выход? Еще 15 сентября я сделал попытку предупредить через печать общественное мнение о том, что после политического крушения первого процесса Сталин вынужден будет поставить второй. Я предсказывал, в частности, что ГПУ попытается перенести на этот раз операционную базу заговора в Осло. Своим предупреждением я надеялся перерезать ГПУ дорогу, помешать второму процессу, может быть, спасти новую группу обвиняемых. Тщетно! Мое заявление было конфисковано. В виде письма к сыну я написал ответ на сикофант-скую брошюру британского адвоката Притта47. Но так как "королевский советник" пламенно защищал ГПУ, то норвежское правительство сочло себя обязанным защищать Притта: моя работа оказалась задержана.

Я обратился с письмом в бюро Профсоюзного Интернационала, указывая в числе прочего на трагическую судьбу Томского48, бывшего главы советских профессиональных союзов, и требуя энергичного вмешательства. Министр юстиции конфисковал и это письмо. Кольцо притеснений сжималось со дня на день. Нас скоро лишили прогулок вне маленького двора. Посетители к нам не допускались. Письма и даже телеграммы задерживались цензурой на неделю и более. Министры позволяли' себе глумление над арестованными в газетных интервью.

Норвежский писатель Хельге Крог отмечал, что в свои преследования против меня правительство чем дальше, тем больше вносило элемент личной ненависти, и прибавлял: "Это сов

сем не редкое явление, что люди ненавидят того, перед кем они виноваты"...

Сейчас, когда я оглядываюсь на период интернирования, я не могу не сказать, что никогда и ни с чьей стороны в течение всей моей жизни, -- а мне пришлось видать многое -- я не подвергался такому циничному издевательству, как со стороны норвежского

"социалистического" правительства. С гримасами: демократического ханжества эти господа четыре месяца держали меня за горло, чтоб помешать мне протестовать против самого грандиозного из всех исторических преступлений.

ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Норвежское правительство собиралось первоначально поставить процесс фашистов, вторгшихся в мою квартиру за две недели перед выборами, в качестве выигрышного номера. Правительственная печать утверждала, что преступникам грозит несколько лет тюремного заключения. Но после того, как под замок попали мы с женой, правительство отодвинуло процесс фашистов, чтобы дать пройти выборам, а министр юстиции характеризовал ночное нападение, как "мальчишескую шалость". О, священные нормы правосудия! Дело фашистов рассматривалось окружным судом в Драммене уже после выборов.

11 декабря я был вызван в качестве свидетеля. Правительство, которое не ждало от моих показаний ничего хорошего ни для себя, ни для своих грозных союзников в Москве, потребовало закрытия дверей суда и не встретило, разумеется, отказа. Подсудимые -- типичные представители деклассированной мелкобуржуазной молодежи -- явились на суд из своих квартир в качестве свободных граждан. Лишь меня---потерпевшего и "свидетеля" -- привозили под охраной дюжины полицейских.

Скамьи для публики стояли пустыми; только мои охранители рассаживались здесь и там. Справа от меня сидели плачевные герои ночного набега; они слушали меня с напряженным интересом. Скамьи слева заняты были восемнадцатью присяжными и кандидатами, отчасти рабочими, отчасти мелкими буржуа. Председатель запретил им вести во время моих показаний какие бы то ни было записи. Наконец, за спинами судей разместилось несколько высоких сановников. Закрытые двери дали мне возможность с полной свободой отвечать на все вопросы. Председатель ни разу не остановил меня, хотя я дал ему для этого немало поводов в течение своих показаний, длившихся (вместе с переводом) -я говорил по-немецки -- свыше четырех часов. У меня нет, разумеется, стенограммы заседания, но я ручаюсь за почти дословную точность дальнейшего текста, записанного по свежей памяти, на основании предварительного

конспекта. Показания даны мною под судебной присягой. Я отвечаю за них полностью. Если "социалистическое" правительство закрыло двери суда, то я хочу открыть не только двери, но и окна.

Вокруг интернирования

После формальных вопросов председателя о личности свидетеля допрос переходит сразу в руки фашистского адвоката В.*, защитника подсудимых.

-- Каковы те условия, на каких свидетель был допущен в Норвегию? Не нарушил ли их свидетель? Что явилось причиной его интернирования?

Я обязался не вмешиваться в норвежскую политику и не вести из Норвегии действий, враждебных другим государст вам. Я выполнял оба обязательства безукоризненно. Даже Центральная паспортная контора признала, что я не вмеши вался в норвежские дела. Что касается других государств, то моя деятельность имела литературный характер. Правда, все что я пишу, носит марксистский, следовательно, революционный характер. Но правительство, которое само подчас ссылается на

Маркса, знало о моем направлении, когда давало мне визу. Мои книги и статьи всегда печатаются за моей подписью и ни в ка ком государстве не подвергались преследованиям.

Но разве министр юстиции не разъяснил свидетелю смысл условий во время своего визита в Вексал?

Министр юстиции действительно нанес мне визит вскоре после моего приезда в Норвегию. С ним находились (Мартин Транмель, вождь норвежской рабочей партии, и Колбьернсон - официальный журналист. Не без застенчивой улыбки министр юстиции упомянул о том, что правительство надеется, что в мо ей деятельности не будет "шипов", направленных против дру гих государств. Слово "шип" показалось мне не очень вразуми тельным, но так как министр говорил на ломаном немецком языке, то я не настаивал. В основном дело представлялось мне так: реакционные филистеры воображают, что я собираюсь превратить Норвегию в операционную базу для заговоров, транспорта оружия и прочих страшных вещей. На этот счет я мог с чистой совестью успокоить господ филистеров, в том чис ле и "социалистических". Но мне не могло и в голову прийти, что под недопустимыми "шипами" понимается политическая критика. Я считал Норвегию цивилизованной и демократиче ской страной.. и не хочу отказываться от этого взгляда и сей час.

* Я не вижу основания делать рекламу этим господам, называя полностью их имена.

Но разве министр юстиции не заявил свидетелю, что ему не разрешается публикование статей на актуальные политиче ские темы?

Такое толкование условий показалось бы в те дни непри личным самому министру юстиции. Я политический писатель вот уже сорок лет. Это моя профессия, господа судьи и при сяжные заседатели, и в то же время содержание моей жизни. Неужели же правительство могло всерьез потребовать от меня, чтоб я в благодарность за визу отказался от своих взглядов или от их изложения? Нет, правительство клевещет ныне на себя задним числом... К тому же немедленно после короткого объяснения с министром юстиции насчет таинственных "ши пов" Колбьернсон тут же попросил меня дать интервью для "Арбайтербладет". Я спросил в шутливой форме министра юс тиции:

А не будет ли интервью истолковано, как мое вторжение в норвежскую политику?

Министр ответил буквально следующее:

-- Нет, мы вам дали визу, и мы должны вас представить нашему общественному мнению.

Кажется ясно?

После этого в присутствии министра юстиции и Мартина Транмеля и с их молчаливого одобрения я в ответ на заданные мне вопросы заявил, что советская дипломатия оказывает преступную помощь Италии в итало-абиссинской войне; что московское правительство вообще стало консервативным фактором; что правящая каста занимается систематической фальсификацией истории для возвеличения самой себя; что европейская война неизбежна, если ее не остановит революция, и т. д.

Я не знаю, можно ли в этом интервью, напечатанном в "Арбайтербладет" 26 июля 1935 года, найти розы, но "шипов" в нем достаточно! Позвольте сослаться еще и на тот факт, что моя "Автобиография" опубликована в Норвегии всего несколько месяцев тому назад издательством правительственной партии. В предисловии к этому изданию бичуется византийский культ непогрешимого "вождя", бонапартистский произвол Сталина и его клики и проповедуется необходимость свержения бюрократической касты. Там же разъясняется, что именно борьба против советского бонапартизма является причиной моей третьей эмиграции. Другими словами, если б я согласен был отказаться от этой борьбы, у меня не было бы причины искать норвежского гостеприимства... Однако и это еще не все, гг. судьи и присяжные! 21 августа, всего за неделю до интернирования, "Арбайтербладет" опубликовала на первой странице обширное интервью со мной под заголовком: "Троцкий показывает, что московские обвинения вымышлены и сфабрикованы". Члены правительства, надо полагать, читали мои обличения москов

ского подлога. Однако постановление об интернировании, изданное через неделю, ссылалось не на злободневное интервью, состоявшее из одних "шипов", а на мои старые статьи, напечатанные во Франции и Соединенных Штатах. Фальшь бросается здесь прямо в глаза!

Я могу, наконец, сослаться на свидетельство министра иностранных дел Кота49, который заявил на одном из избирательных собраний, дней за десять до моего интернирования: "Конечно, правительство знало, что Троцкий будет и впредь писать свои политические статьи ("политические хроники"), но правительство считало своим долгом оставаться верным демократическому принципу права убежища". Речь г-на Кота напечатана в официозе правительства. Вы все читали ее. Публичное свидетельство министра иностранных дел уличает министра юстиции в прямой неправде. Пытаясь в последний момент -скрыть действительное положение от общественного мнения, министр юстиции конфисковал у моих секретарей мое письмо, в котором я рассказывал о первом политическом интервью с ·его активным участием, и в самой грубой форме выслал обоих моих сотрудников из Норвегии. Почему? За что? Они даже не эмигранты. У них безупречные паспорта. Кроме того--и это важнее -- они безупречные люди.

Под видом убежища норвежское правительство подставило мне, господа судьи, ловушку. Я не могу этого иначе назвать. Разве не чудовищно, что полицейское учреждение, призванное проверять паспорта иностранцев -паспорта! -- берет на себя задачу контролировать мою научную и литературную деятельность, притом за пределами Норвегии? Если б дело зависело от господ Трюгве Ли и Констадов, ни "Коммунистический манифест", ни "Капитал" [Маркса], ни другие классические произведения революционной мысли не увидели бы света: ведь это произведения политических эмигрантов!

В качестве наиболее яркого примера моей зловредной дея- тельности правительство приводит мою статью, легально напечатанную во Франции и Соединенных Штатах в буржуазном еженедельнике "Nation". Не сомневаюсь, что ни президент Соединенных

Штатов, ни Леон Блюм не обращались к начальнику норвежской паспортной конторы за защитой от моих статей. Требование зажать мне рот исходило от Москвы. Но в этом норвежское правительство не хочет признаться, чтоб не обнаружить своей зависимости. Поэтому оно прикрыло свой произвол фальшью.

Адвокат В.: Каково отношение свидетеля к Четвертому Интернационалу?

-- Я являюсь сторонником, в известном смысле--инициатором этого международного течения и несу за него политическую ответственность.

Значит, свидетель занимается и практической революци
онной работой?

Отделить теорию от практики нелегко, и я меньше всего
стремлюсь к этому. Но условия моего существования в нынеш
ней "демократической" Европе таковы, что я не имею, к несча
стью, возможности вмешиваться в практическую работу. Когда
конференция организаций Четвертого Интернационала летом
этого года выбрала меня заглазно в состав своего Совета, ко
торый, к слову сказать, имеет более почетный, чем практиче
ский характер, я особым письмом отклонил эту честь, именно
для того, чтоб не давать Констадам разных стран повода для
полицейских кляуз.

Что касается россказней норвежской реакционной печати о том, что я являюсь инициатором восстания в Испании, стачек во Франции и Бельгии и пр., то я могу лишь презрительно пожать плечами. На самом деле инициатива восстания в Испании принадлежит единомышленникам подсудимых и их адвоката. Конечно, если б я имел возможность отправиться в Испанию для практической работы, я сделал бы это немедленно. Я отдал бы все силы, чтоб помочь испанским рабочим справиться с фашизмом, разгромить его, искоренить его. К несчастью я вынужден ограничиваться статьями или советами в письмах, когда те или другие лица или группы спрашивают моего совета...

Чего, собственно, хочет фашистский адвокат? Мы находимся пред лицом суда, то есть такого учреждения, которое призвано карать за нарушение закона. Нарушил ли я закон? Какой именно? Вы знаете, господа судьи и присяжные заседатели, что другой фашистский адвокат, г-н Х., обратился к прокуратуре с предложением возбудить против меня судебное преследование за мою "деятельность", не то литературную, не то террористическую. Жалоба была отклонена в двух инстанциях. Государственный прокурор Зунд, официальный страж законов этой страны, заявил в печати, что из всех тех материалов, какими он располагает, он не видит, чтобы Троцкий нарушил какой-либо норвежский закон или вообще подал повод к преследованиям против него. Это заявление сделано было 26 сентября, через пять недель после московского процесса и почти через месяц после моего интернирования. Нельзя не отдать должное твердости и мужеству господина государственного прокурора! Его заявление является явной демонстрацией недоверия к московским обвинениям и в то же время осуждением репрессий против меня со стороны норвежского правительства. Этого, думаю, достаточно!

Адвокат В.: Известно ли свидетелю это письмо и кем оно было написано?

-- Это письмо продиктовано мною моему секретарю и, оче
видно, украдено (извиняюсь) господами обвиняемыми во время их непрошенного визита. Из самого текста письма видно, что в ответ на поставленные мне вопросы я высказываю

свое мнение по поводу того, заслуживает ли известное мне лицо, г-н Х., морального доверия или нет. И в этом случае я лишь подаю совет.

Адвокат В. (иронически): Только совет? А может быть, нечто большее, чем совет?

-- Вы хотите сказать: приказание?

Адвокат утвердительно кивает головою.

-- Это в партиях наци "вождь" решает и приказывает, не сомненно, и в том случае, когда дело идет о ночном налете на квартиру. Подобные же нравы усвоил себе выродившийся Ко минтерн. Принудительный культ слепого послушания создает рабов и лакеев, а не революционеров. Я не являюсь ни учреж дением, ни миропомазанным вождем. Мои советы всегда очень осторожные и условные, -- ибо на расстоянии трудно оценить все факторы, -- встречают у заинтересованных лиц то отноше ние к себе, какого они заслуживают по своей внутренней убе дительности: никакой другой силы они не имеют... Молодые лю ди, похитившие это невинное письмо, рассчитывали, видимо, найти в моих архивах доказательства заговоров, переворотов и других злодеяний. Политическое невежество -- плохой советник. В моих письмах нет ничего такого, чего нельзя найти в моих статьях. Мой архив дополняет мою литературную деятельность, но ни в чем не противоречит ей. Для тех, кто хочет обвинить меня...

Председатель: Вас здесь ни в чем не обвиняют. Вы приглашены в качестве свидетеля.

-- Я это вполне понимаю, господин председатель. Но гос подин адвокат...

Адвокат: Я ни в чем не обвиняю; мы только защищаемся.

-- Да, конечно. Но вы защищаете ночное нападение на ме ня тем, что подхватываете и разогреваете всякую клевету про тив меня, откуда бы она ни исходила. Я защищаюсь против та кой "защиты".

Председатель: Это ваше право. Вы можете вообще отказываться отвечать на вопросы, которые способны причинить вам ущерб.

-- Таких вопросов нет, господин председатель! Я готов от вечать на все вопросы, какие кому-либо угодно будет мне по ставить. Я не заинтересован в закрытии дверей, о нет!.. Вряд ли на протяжении всей человеческой истории можно найти бо лее грандиозный аппарат клеветы, чем тот, который приведен в движение против меня. Бюджет этой международной клеве ты исчисляется миллионами в чистом золоте. Господа фашисты и так называемые "коммунисты" черпают свои обвинения из одних и тех же источников: ГПУ. Их сотрудничество против меня есть факт, который мы наблюдаем на каждом шагу, в том числе и в этом процессе. Мои архивы -- одно из лучших опровержений всех направленных против меня инсинуаций и клевет.

Прокурор: В каком именно смысле?

-- Позвольте разъяснить это с некоторой подробностью. За границей находятся мои

архивы, начиная с января 1928 года. Более старые документы -лишь в ограниченном числе. Но что касается последних девяти лет, все полученные мною письма и копии всех моих ответов (дело идет о тысячах писем!) находятся в моем распоряжении. В любой момент я могу предъявить эти документы любой беспристрастной комиссии, любому открытому суду. В этой переписке нет пробелов и пропусков. Она развертывается изо дня в день с безупречной полнотой и своей непрерывностью отражает весь ход моей мысли и моей деятельности. Она просто не оставляет места ни для какой клеветы... Вы позволите мне, может быть, взять пример из более близкой некоторым присяжным заседателям области.

Представим себе человека религиозного, благочестивого, который всю жизнь стремится жить в тесном согласии с Библией. В известный момент враги при помощи фальшивых документов или лжесвидетелей выдвигают обвинение, будто этот человек занимается втайне атеистической пропагандой. Что скажет оклеветанный? "Вот моя семья, вот мои друзья, вот моя библиотека, вот моя переписка за много лет, вот вся моя жизнь. Перечитайте мои письма, писавшиеся самым различным лицам по самым различным поводам, допросите сотни людей, которые били в общении со мною в течение многих лет, и вы убедитесь, что я не мог вести работы, противной всему моему нравственному существу". Этот довод будет убедителен для всякого разумного и честного человека. (Председатель и некоторые присяжные утвердительно кивают головами.)

В аналогичном положении нахожусь и я. В течение сорока лет я словом и делом защищал идеи революционного марксизма. Моя верность этому учению, доказанная, смею думать, всей моей жизнью и, в частности, теми условиями, в каких я нахожусь теперь, создала мне большое число врагов. Чтоб парализовать влияние тех людей, которые я защищаю и которые находят все большее подтверждение в событиях нашей эпохи, враги прибегают к методам личного очернения: они пытаются навязать мне методы индивидуального террора или, еще хуже, союз с гестапо... Здесь отравленная злоба уже переходит в глупость. Критически мыслящие люди, знающие мое прошлое и настоящее, не нуждаются ни в каком расследовании, чтоб отвергнуть эти грязные обвинения. А всем тем, которые недоумевают и сомневаются, я предлагаю выслушать многочисленных

свидетелей, изучить важнейшие политические документы и, в частности, расследовать мои архивы за весь тот период, который особенно пытаются очернить мои враги. ГПУ отдает себе безошибочный отчет в значении моих архивов и стремится овладеть ими какой угодно ценой.

Председатель: Что такое ГПУ? Присяжные заседатели этого названия не знают.

-- ГПУ -- это советская политическая полиция, которая в
свое время была органом защиты народной революции, но пре
вратилась в орган защиты советской бюрократии против наро
да. Ненависть ко мне бюрократии определяется тем, что я ве
ду борьбу против ее чудовищных привилегий и престутпного про
извола. В этой борьбе и состоит суть так называемого "троц
кизма". Чтоб разоружить меня перед лицом клеветы, ГПУ стре
мится овладеть моими архивами, хотя бы ценою грабежа, взло
ма и даже убийства.

Прокурор: Из чего это можно заключить?

-- 10 октября я во второй или в третий раз написал своему
сыну50, живущему в Париже: "Не сомневаюсь, что ГПУ пред

примет все, чтоб захватить мои архивы. Предлагаю немедлен
но передать парижскую часть архивов на хранение какому-ли
бо научному учреждению, может быть, голландскому Институту
социальной истории, еще лучше -- какому-либо американскому
учреждению". Это письмо я послал, как и все другие, через па
спортную контору: других путей у меня не было. Сын немед
ленно приступил к сдаче архивов парижскому отделению гол
ландского Исторического института*.

Но после того, как он сдал первую партию, институт подвергся ограблению. Похитители выжгли аппаратом большой силы дверь института, работали целую ночь, обыскали все полки и ящики, не взяли ничего, даже случайно забытых на столе денег, кроме 85-ти килограммов моих бумаг. Своим образом действий организаторы грабежа настолько разоблачили себя, как если бы начальник ГПУ оставил на месте преступления свою визитную карточку. Все французские газеты (кроме, разумеется, "коммунистической" "Юманите", которая является официозом ГПУ) открыто или замаскированно высказали свою уверенность в том, что ограбление совершено по приказанию Москвы. Отдавая дань технике ГПУ, парижская полиция заявила, что французские взломщики не владеют такой мощной аппаратурой... К счастью, парижские агенты ГПУ поторопились и попали впросак: первая партия бумаг, сданная институ

* Как я вижу из письменных показаний сына, врученных судебному следователю 19 ноября 1936 года, сын передал первую часть архивов еще до получения письма от 10 октября, руководствуясь моими предшествующими письмами, в которых я не раз выражал свои опасения насчет архивов, хотя и в не столь категорической форме.

ту, составляла не более двадцатой части моих парижских архивов и состояла главным образом из старых газет, представляющих исключительно научный интерес; писем взломщики захватили, к счастью, очень мало...

Я жду новых, более решительных покушений, может быть, и здесь, в Норвегии. Во всяком случае, я позволяю себе обратить внимание судей на то обстоятельство, что ГПУ совершило набег на архивное помещение вскоре 'после того, как я назвал голландский Исторический институт в письме, прошедшем через руки паспортной конторы. Не в праве ли я сделать предположение, что ГНУ имеет своих агентов в тех самых норвежских учреждениях, которые призваны контролировать мою переписку? Если так, то контроль превращается в прямую помощь взломщикам. Парижский набег агентов Сталина впервые навел меня на мысль о том, что инициатива покушения этих господ (жест в сторону обвиняемых) на мои архивы могла также исходить от ГПУ...

Председатель: На чем вы основываете ваше подозрение?

-- Дело идет только о гипотезе. Я не раз спрашивал себя:
кто внушил этим молодым людям план набега? Кто вооружил
их столь совершенным военным аппаратом для подслушива
ния моих телефонных разговоров? Ведь норвежские наци, как
показали последние выборы, пока еще ничтожная группа. Пер
воначальная моя мысль была: здесь замешано гестапо, которое
хотело выудить таким путем моих единомышленников в Гер
мании. Участие в этом деле гестапо остается для меня несом
ненным и сейчас.

Председатель: Каковы ваши основания?

-- За последние недели перед покушением господа фаши сты нередко посещали наш двор и даже нашу квартиру, чаще всего под видом покупателей дома... Поведение этих "покупа телей" не раз возбуждало мои подозрения: сталкиваясь со мною во дворе или в доме, они делали вид, что не замечают меня: у них просто не хватало решимости мне поклониться. Храбрость этих молодых людей вообще отставала от их злой воли: неда ром они капитулировали перед одной мужественной девуш кой-- Иордис Кнудсен...

За несколько дней до покушения к нам во двор пробрался иностранец в тирольском костюме и, когда увидел меня, сейчас же отвел глаза в сторону. На вопрос, чего ему нужно, он бессмысленно ответил: "купить хлеба", причем назвал себя туристом, австрийцем. Но у нас в доме жил в те дни австриец, который, выпроводив вежливо посетителя за ворота, сказал мне: этот субъект говорит не на австрийском, а на северо-не-мецком языке. Я не сомневаюсь, господа судьи, что подозрительный турист был инструктором в подготовке покушения.

Главный обвиняемый: Это был мекленбуржец. Он действи тельно был туристом и носил тирольские брюки. Ему было не больше восемнадцати лет... Никакого отношения к нашему плану он не имел. Мы встретились с ним случайно в гостинице.

-- Ага! Подсудимый признает, следовательно, свою связь с тем мекленбуржцем, который почему-то выдал себя за австрий ца. Что касается возраста, то "туристу" было никак не менее 23-х лет. Ему незачем было искать хлеба у нас, когда есть бу лочные. Случайная встреча в гостинице? Я этому не верю. ,В заявлении подсудимого правдива лишь ссылка на тирольские брюки...

Что фашисты, особенно германские, относятся ко мне с ненавистью, это они достаточно доказали. Во время травли против меня французской реакционной печати, главные материалы доставлялись из Германии. Когда гестапо при каком-то обыске нашло в Берлине пачку моих старых писем, еще из дофашист-ских времен, Геббельс расклеил по всей Германии афиши с разоблачением моей преступной деятельности. Мои единомышленники в Германии приговорены ко многим десяткам лет тюрьмы.

Адвокат В.: Как давно?

-- Арестуются и приговариваются все время, в том числе и в течение последних месяцев. Начиная с первых лет своего из гнания, я не раз доказывал в брошюрах и статьях, что поли тика Коминтерна в Германии подготовляет победу наци. Тогда царила пресловутая теория "третьего периода". Сталин разре шился афоризмом: "социал-демократия и фашизм -- близнецы, а не антиподы". Главным врагом из двух "близнецов" счита лась, однако, социал-демократия. В борьбе с нею германские сталинцы доходили до прямой поддержки Гитлера (знамени тый прусский плебисцит)51. Вся политика Коминтерна пред

ставляла цепь преступлений.

Я требовал единого фронта с социал-демократией, создания рабочей милиции и серьезной, а не театральной борьбы с вооруженными бандами реакции. В течение 1929--1932 годов была полная возможность справиться с движением Гитлера. Но нужна была политика революционной обороны, а не бюрократического тупоумия и хвастовства. Наци очень внимательно следили за внутренней борьбой в рядах рабочего класса и отдавали себе ясный отчет в опасности для них смелой политики единого фронта. В этом смысле можно вполне понять попытку гестапо овладеть при помощи своих норвежских единомышленников моей перепиской...

Но возможно и другое объяснение, не менее вероятное. Подготовляя московский процесс, ГПУ не могло не интересоваться моими архивами. Устроить нападение через "коммунистов" значило бы слишком обнажить себя. Через фашистов удобнее. К тому же ГПУ имеет своих агентов в гестапо, как и гестапо име

ет своих агентов в ГПУ. Как те, так и другие могли воспользоваться этими молодыми людьми для своих планов.

Обвиняемый Р. Х. (с горячностью): Мы не были связаны ни с ГПУ, ни с гестапо!

-- Я и не утверждаю, что подсудимые знали, кто ими руко
водит. Но ведь такова вообще судьба фашистской молодежи:
она только пушечное мясо для чужих целей.

Адвокат В. (предъявляя ряд Номеров "Бюллетеня русской оппозиции"52): Является ли свидетель издателем этого журнала?

-- Издателем в формальном смысле слова -- нет. Но глав
ным сотрудником. Во всяком случае, я несу полностью полити
ческую ответственность за это издание.

Адвокат В. (после того, как суд оглашает, по его требованию, ряд цитат из "Бюллетеня", заключающих в себе резкую критику советской бюрократии): Обращаю внимание суда на то, что свидетель писал эти статьи во время проживания в Норвегии; тем самым он стремился подорвать режим дружественного Норвегии государства.

-- Я с интересом констатирую, что норвежские фашисты
защищают от меня режим Сталина. Вместе с начальником пас
портной конторы они ставят мне в то же время в вину мою
критику политики Леона Блюма во Франции. Они, видимо, за
щищают все существующие режимы, кроме норвежского: здесь
они сохраняют за собой право государственного переворота.
Нападение на мою квартиру, изолированно взятое, может по
казаться незначительным эпизодом. Но если продумать вопрос
до конца, то этот факт есть первая проба гражданской войны
в Норвегии.

Адвокат В. с демонстративным изумлением поднимает руки вверх.

-- О, я знаю, все это делается во имя "порядка". Генерал
Франко поднял восстание во имя "порядка". Гитлер ради спа
сения "порядка" от большевизма готовит мировую войну. Фа
шисты спасают порядок при помощи кровавого беспорядка.
Норвежские фашисты для начала попытались произвести бес
порядок в моих архивах. Но это потому, что они пока еще слиш

ком слабы для более крупных преступлений.

Адвокат В.: "Бюллетень" запрещен в России?

-- Несомненно!

Адвокат В.: Между тем 'в "Бюллетене" сказано, что идеи его имеют много сторонников в СССР. Следовательно, во время пребывания в Норвегии свидетель занимался нелегальной доставкой "Бюллетеня" в Россию?

-- Лично я этим совершенно не занимался. Но не сомнева
юсь, что "Бюллетень" и его идеи проникают в СССР. Какими
путями? Самыми различными. За границей всегда находятся?

сотни и даже тысячи советских граждан (дипломаты, торговые представители, моряки, хозяйственники, техники, учащиеся, артисты, спортсмены). Многие из них читают "Бюллетень", правда, украдкой, но охотнее, чем официальную советскую прессу. Я слышал даже, что Литвинов53 всегда увозит с собой из-за границы в кармане сюртука свежий номер "Бюллетеня". Под присягой я этого, правда, заявить не могу, тем более, что не хочу причинять неприятности советскому дипломату. (Улыбки среди судей и присяжных.) Высокие сановники Кремля являются самыми надежными подписчиками "Бюллетеня", с которым они не раз полемизировали в своих официальных докладах; насколько удачно, это вопрос другой. Находя отчеты об этих докладах в советской печати, граждане стараются читать между строк. Всего этого, конечно, недостаточно, но это все же кое-что.

Отмечу, к слову, что "Бюллетень" выходит уже в течение восьми лет, большую часть которых я провел в Турции и Франции. До 1933 г. "Бюллетень" печатался в Германии; но Гитлер немедленно запретил его по приходе к власти. Сейчас "Бюллетень" выходит в Париже, на основании французских законов о печати. Даже турецкое правительство, несмотря на свою особую дружбу с Кремлем, никогда не покушалось на мою литературную деятельность. Честь инициативы, если не считать Гитлера, принадлежит норвежским фашистам и во вторую очередь -- норвежскому правительству.

Адвокат В. (предъявляя свидетелю No 48 "Бюллетеня"): Принадлежит ли свидетелю неподписанная передовая статья?

-- Господина адвоката тоже интересует эта статья? Здесь я
вынужден сделать сенсационное сопоставление. С этим самым
номером ко мне явился несколько недель тому назад в Sundby
(место заключения) начальник норвежской полиции Асквиг,
находящийся сейчас в зале суда. По поручению начальника
паспортной конторы Асквиг задал мне тот же самый вопрос:
мне ли принадлежит неподписанная статья в No 48 "Бюллете
ня" (февраль 1936 г.). Я ответил: ведет ли Констад следствие?
По какому делу? На основании какого закона? Вопрос началь
ника паспортной конторы я назвал дерзким и отказался отве
чать на него. Сейчас тот же номер "Бюллетеня" оказывается в
руках адвоката...

Председатель: Защитник имеет право, на основании норвежских законов, пользоваться всеми материалами судебного следствия.

-- Я это вполне понимаю, господин председатель. Но кто
включил этот номер "Бюллетеня" в материалы судебного след
ствия?

Прокурор: Номер включен по требованию защиты; я отка
зался от этого включения, не усматривая никакой связи с настоящим делом.
-- Итак, господа судьи и присяжные, начальник паспортной
конторы беззаконно пытался получить через полицию у меня,
у заключенного, сведения, которые нужны фашистскому защит
нику взломщиков моей квартиры. Разве это не скандал? И это
му господину "социалистическое" правительство поручает конт
ролировать мою переписку!..

Что касается самой статьи, то здесь, перед лицом суда, у меня нет ни малейшего основания утаивать мое авторство. К тому же статья появилась за моей подписью в ряде иностранных изданий Европы и Америки. Она целиком посвящена преследованиям так называемых "троцкистов" в СССР. Таких статей я писал десятки. Господин адвокат, видимо, ни за что не хочет примириться с моей критикой сталинской полиции. Не удивляюсь: фашисты воруют мои бумаги в Норвегии; агенты ГПУ -- в Париже, а единство приемов порождает солидарность интересов.

После того, как оглашают выдержки из криминальной статьи, адвокат В. предъявляет свидетелю французскую книгу L. Trotsky. Defense du terrorisme. Paris, 1936. -- Принадлежит ли перу свидетеля предисловие, написанное в 1936 г., следовательно, уже в Норвегии?

-- Вопрос излишен: предисловие носит мою подпись и да
ту. Самая книга написана в 1919 г. и тогда же вышла на мно
гих языках. Насколько знаю, она нигде не подвергалась пре
следованиям. Происхождение книги таково: известный теоре
тик Второго Интернационала К. Каутский54 написал книгу, об
личающую "терроризм" большевиков. Я написал книгу в за
щиту нашей партии. Речь идет в этом произведении, разумеет
ся, не об индивидуальном терроре, который мы, марксисты,
всегда отвергали, а о революционных действиях массы. Не
знаю, преступна моя книга или нет с точки зрения паспортной
конторы. Но нынешний норвежский министр-президент, министр
юстиции и ряд других членов правительства примыкали к Ком
мунистическому Интернационалу как раз в тот период, когда
появилась эта книга. Все они, несомненно, читали ее. Что имен
но они из нее усвоили -- вопрос особый.

По требованию адвоката В. оглашается перевод нескольких мест из предисловия, свидетельствующих о революционном направлении мыслей автора.

-- Как видите, обвиняемым незачем было воровать мои
письма: в своих книгах я гораздо яснее и полнее выражаю ре
волюционный характер своей программы. От моих вредных идей
меня не излечат даже медикаменты норвежской паспортной
конторы.

Адвокат В. (предъявляя книгу Leon Trotsky. La revolution
trahio. Grasset, Paris, 1936): Написана ли эта книга свидетелем во время его пребывания в Норвегии?

-- Да, и, к счастью, я успел не только закончить работу до
интернирования, но и отправить две копии рукописи за грани

цу, французскому и американскому переводчикам. Остальные копии попали в руки паспортной конторы, которая при содей ствии профессоров и дипломатов свыше двух месяцев ломала себе голову над вопросом, написал ли я научный труд или по литический. Только после получения в Осло экземпляров фран цузского издания г. Констад убедился, что его просвещенные усилия пропали даром... причинив мне, однако, большой мо ральный и материальный ущерб. Между тем за пределами Нор вегии ни одному здравомыслящему человеку не пришло, разу меется, в голову протестовать против опубликования этой рабо ты. Наоборот, я могу с удовольствием констатировать успех книги у французского читателя.

Адвокат В.: Что свидетель понимает под успехом: быстрое распространение?

-- Не только распространение, но и тот отклик, который книга встретила в прессе самых различных направлений. Поли тические выводы автора встречают, разумеется, со стороны подавляющего большинства изданий отпор. Но почти все кри тики рекомендуют книгу вниманию своих читателей. Одним из первых высказался в этом смысле бывший французский ми нистр-президент Кайло55, который, как известно, не принадле жит к числу моих единомышленников. Я мог бы привести мно го других отзывов... Но не поразительно ли, не смешно ли, гос пода судьи, что мне приходится пред норвежским судом как бы доказывать свое право печатать свои книги во Франции? Нор вежское правительство загнало себя в тупик, из которого у не го нет достойного выхода!

По предложению адвоката свидетель переводит с французского языка на немецкий отдельные места книги, где говорится о неизбежности низвержения бонапартистской бюрократии трудящимися массами Советского Союза.

Адвокат В.: Отмечаю, что это было написано в Норвегии.

-- Отмечаю, что советская олигархия имеет в лице норвеж ских фашистов бдительных и, надеюсь, бескорыстных друзей. Во всяком случае над моим интернированием Сталин и Квис линг56 (вождь норвежских фашистов) работали рука об руку.

Московский процесс

После получасового перерыва адвокат В. хочет поставить свидетелю вопрос относительно московского процесса шестнадцати и предъявляет официальный отчет о процессе на немецком языке.

Адвокат В.: Что свидетель может сказать об источниках этого процесса?

-- Вопрос слишком туманно поставлен. Мы находимся на суде. Адвокат -юрист. Дело идет не об "источниках". Вопрос должен быть сформулирован точно: верны ли обвинения, выдвинутые против меня на московском процессе? На этот вопрос я отвечаю: нет, они ложны. В них нет ни слова правды! Дело идет при этом не о судебной ошибке, а о злонамеренном подлоге. ГПУ подготовляло этот процесс в течение не менее десяти лет, начав свою работу задолго до убийства Кирова (1 декабря 1934 года), которое само явилось

простой "аварией" в процессе подготовки.

К убийству Кирова я имею не большее отношение, чем любое лицо в этом зале. Не большее, господа судьи и присяжные заседатели! Ответственным организатором московского судебного подлога, этого величайшего политического преступления нашего времени, а может быть и всех времен, является Сталин. (В зале царит сосредоточенное внимание.) Я хорошо сознаю вес своих заявлений и ответственность, какую я на себя беру. Я взвешиваю каждое слово, господа судьи!.. В печати можно на каждом шагу встретить попытки свести всю проблему к личной вражде между Сталиным и Троцким: "борьба за власть", "соперничество" и проч. Такое объяснение надо отвергнуть как поверхностное, неумное и прямо абсурдное. Многие десятки тысяч так называемых "троцкистов" подвергались в СССР в течение последних тринадцати лет жестоким преследованиям, отрывались от семей, от друзей, от работы, лишались огня и воды, нередко и жизни, -- неужели все это ради личной борьбы между Троцким и Сталиным?

Я отдаю себе ясный отчет в тех затруднениях, какие испытывает иностранец, особенно юрист, перед лицом московского процесса. Верить официальным обвинениям, то есть тому, что старая гвардия большевизма превратилась в фашистов, совершенно невозможно. Весь ход процесса похож на кошмар. С другой стороны, непонятно, зачем советскому правительству понадобилась вся эта фантасмагория и какими путями оно добилось от обвиняемых фальшивых обвинений против себя самих.

Позвольте сказать, что подходить к московскому процессу с обычными критериями "здравого смысла" невозможно. Здравый смысл отирается на повседневный, будничный опыт в мирных, нормальных условиях. Между тем Россия проделала величайший в истории социальный переворот. Новое внутреннее равновесие еще далеко не достигнуто. Общественные отношения, как и идеи, находятся в состоянии острого брожения.

Прежде всего, господа судьи и присяжные заседатели, необходимо понять основное противоречие, которое раздирает ны

не общественную жизнь Советского Союза. Цель революции состояла в том, чтоб установить общество без классов, то есть без привилегированных и без обделенных. Такому обществу не нужно государственное насилие. Основатели режима предполагали, что все общественные функции будут выполняться посредством самоуправления граждан, без профессиональной бюрократии, возвышающейся над обществом. В силу исторических причин, о которых я здесь говорить не могу, ныне реальное строение советского общества находится в вопиющем противоречии с этим идеалом. 'Над народом поднялась самодержавная бюрократия. В ее руках власть и распоряжение богатствами страны. Она пользуется неимоверными привилегиями, которые растут из года в год. Положение правящей касты ложно в самой своей основе. Она вынуждена скрывать свои привилегии, лгать народу, прикрывать коммунистическими формулами такие отношения и действия, которые не имеют ничего общего с коммунизмом. Бюрократический аппарат не позволяет никому называть вещи по имени. Наоборот, он требует от всех и каждого применения условного "коммунистического" языка, который служит для того, чтобы замаскировать правду. Традиции партии, как и ее основные документы, находятся в вопиющем противоречии с действительностью. Правящая олигархия обязывает поэтому историков, экономистов, социологов, профессоров, учителей, агитаторов, судей истолковывать документы и действительность, прошлое и настоящее так, чтоб они оказывались хоть во внешнем согласии друг с другом. Принудительная ложь пронизывает всю официальную

идеологию. Люди думают одно, а говорят и пишут другое. Так как расхождение между словом и делом непрерывно возрастает, то самые священные формулы приходится пересматривать чуть не каждый год. Если вы возьмете разные издания одной и той же книги, скажем, Энциклопедии, то окажется, что об одних и тех же людях или явлениях в каждом новом издании даются совершенно различные отзывы, либо все более хвалебные, либо, наоборот, все более порочащие. Под кнутом бюрократии тысячи людей выполняют систематическую работу "научной" фальсификации. Любая попытка критики или возражения, малейшая нота диссонанса рассматривается как тягчайшее преступление.

Можно сказать без преувеличения, что бюрократия наск- возь пропитала политическую атмосферу СССР духом инквизиции. Ложь, клевета и подлог являются, таким образом, не случайным средством борьбы против политических противников, а вытекают органически из фальшивого положения бюрократии в советском обществе. Пресса Коминтерна, которую вы знаете, представляет в этом отношении только тень советской прессы. Реальная действительность дает, однако, о себе знать на каждом шагу, компрометирует официальную ложь и наобо

рот, реабилитирует критику оппозиции. Отсюда необходимость прибегать ко все более и более острым средствам для доказательства непогрешимости бюрократии. Сперва оппозиционеров исключали из партии и снимали с ответственных постав, затем их стали ссылать, потом у них стали отнимать всякую работу. О них распространяли все более ядовитую клевету.

Но обличительные статьи всем приелись, им давно перестали верить. Понадобились сенсационные процессы. Обвинять оппозиционеров в том, что они критикуют самодержавие бюрократии, значило бы только помогать оппозиции. Не оставалось ничего другого, как приписывать им преступления, направленные не против привилегий новой аристократии, а против интересов народа. На каждом новом этапе эти обвинения принимали все более чудовищный характер. Таковы та общая политическая обстановка и та общественная психология, которые сделали возможной московскую судебную фантасмагорию. В процессе Зиновьева бюрократия добралась до высшей точки, нет, простите, она пала до низшей точки...

Если процесс, вообще говоря, подготовлялся издавна, то многое заставляет думать, что он был инсценирован на несколько недель, а может быть, и месяцев раньше, чем намечали режиссеры. Впечатление, какое произвел налет этих господ (жест в сторону подсудимых), слишком противоречило видам Москвы. Печать всего мира говорила, и не без основания, о связи норвежских наци с гестапо. Впереди предстояло судебное разбирательство, на котором отношения между мною и фашистами должны были раскрыться во всей своей остроте. Надо было во что бы то ни стало перекрыть впечатление от столь неудавшегося предприятия. Сталин потребовал, видимо, от ГПУ ускорить московский процесс.

Как видно из официальных данных, важнейшие "признания" были выжаты из подсудимых в течение последней недели следствия, перед самым процессом, от 7 до 14 августа. При такой спешке трудно было заботиться о согласованности показаний с фактами и между собой. К тому же режиссеры слишком уверенно рассчитывали на то, что все прорехи обвинения будут с избытком покрыты показаниями самих обвиняемых. В самом деле, если все шестнадцать подсудимых признали в той или другой степени свое участие в убийстве Кирова или в подготовке других убийств, а некоторые прибавили к этому свою связь с гестапо, то к чему прокурору обременять себя доказательствами или хотя бы

устранением фактических противоречий, грубых анахронизмов и прочих нелепостей? Бесконтрольность усыпляет внимание, безответственность порождает беспечность. Прокурор Вышинский не только бессовестен, но и бездарен. Доказательства он заменяет бранью. Его обвинительный акт, как и его речь, представляют нагромождение проти

воречий. Я не могу здесь, разумеется, не только разобрать, но хотя бы только перечислить их. Мой старший сын, Лев Седов, которого московские борджиа впутали в это дело, чтоб через его посредство добраться до меня (они считали, очевидно, что моему сыну труднее будет во многих случаях установить свое алиби, чем мне), выпустил недавно в Париже "Красную книгу", посвященную московскому процессу. На протяжении 120 страниц вскрыта полная несостоятельность обвинения -- с фактической, психологической и политической стороны. А между тем мой сын не мог использовать и десятой доли доказательств, имеющихся в моем распоряжении (письма, документы, свидетельские показания, личные воспоминания). Перед лицом любого открытого суда московские обвинители были бы обнаружены как фальсификаторы, которые не останавливаются ни перед каким преступлением, когда дело идет о защите интересов новой касты привилегированных.

В Западной Европе нашлись юристы (назову англичанина Притта и француза Розенмарка57), которые, основываясь на '"полноте" признаний обвиняемых, выдали юстиции ГПУ свидетельство безупречности. Этим адвокатам Сталина придется еще пожалеть о своем торопливом усердии, ибо истина не только проложит себе дорогу через все препятствия, но и сокрушит по пути немало репутаций... Господа Притты обманывают общественное мнение, изображая дело так, будто шестнадцать лиц, заподозренные как участники преступного сообщества, признались, в конце концов, в совершенных ими преступлениях, и будто их признания, несмотря на отсутствие улик, дали в совокупности своей убедительную картину убийства Кирова и других покушений.

На самом деле отдельные обвиняемые и группы обвиняемых из числа шестнадцати вовсе не были связаны в прошлом между собою ни делом Кирова, ни каким-либо другим "делом". Из официальных документов известно, что по обвинению в убийстве Кирова были первоначально расстреляны 104 безымянных '"белогвардейца" (среди них немало оппозиционеров), затем четырнадцать действительных или мнимых участников группы Николаева58, фактического убийцы Кирова. Несмотря на- "чистосердечные" признания, никто из них не назвал ни одного из будущих обвиняемых по процессу шестнадцати.

Дело Зиновьева--Каменева представляет самостоятельное предприятие Сталина, построенное вне всякой связи с предшествующими "кировскими" процессами. "Признания" шестнадцати, полученные в несколько этапов, совершенно не дают картины чьей-либо террористической деятельности. Наоборот, под руководством обвинителя подсудимые тщательно обходят все конкретные обстоятельства времени и места... Мне предъявлен здесь официальный московский отчет о суде. Но ведь эта книж

ка -- самая страшная улика против организаторов московского подлога! Подсудимые на каждой страничке истерически кричат о своих преступлениях, но не способны решительно ничего сказать о них. Им нечего рассказать, господа судьи! Они не совершали никаких преступлений. Их показания должны лишь помочь правящей верхушке расправиться со всеми ее врагами, в том числе и со мною -- "врагом No 1"...

Но какой же смысл подсудимым взваливать на себя несовершенные ими преступления и идти таким путем навстречу собственной гибели? -- возражают адвокаты ГПУ. Возражение

нечестное по самому своему существу! Разве подсудимые свободно, по собственной воле сделали свои признания? Нет, их постепенно, в течение ряда лет держали под прессом, нажимали пресс все больше и больше и, в конце концов, не оставили несчастным раздавленным людям никакой другой надежды на спасение, кроме полной и безусловной покорности, кроме окончательной прострации перед мучителями, кроме истерической готовности произносить все слова и проделывать все жесты, какие им диктует палач. Выносливость нервной системы человека ограничена! Чтоб довести подсудимых до такого состояния, когда они только путем исступленной клеветы на самих себя могли надеяться вырваться из невыносимых тисков, ГПУ не нужно было даже прибегать к физическим пыткам или к специфическим медикаментам: достаточно было тех нравственных ударов, терзаний и унижений, которым важнейшие подсудимые и члены их семей 'подвергались в течение десяти лет, а некоторые даже в течение тринадцати лет.

Кошмарные по содержанию и по форме "признания" только в том случае находят свое объяснение, если не забывать ни на минуту, что эти самые подсудимые уже многократно каялись и делали чистосердечные признания в течение предшествующих лет: перед контрольными комиссиями партии, на публичных собраниях, в печати, снова перед контрольными комиссиями и, наконец, на скамье подсудимых. Во время предшествующих покаяний эти лица признавали каждый раз именно то, чего от них требовали.

Первоначально дело касалось программных вопросов. Оппозиция долго боролась за индустриализацию и коллективизацию. Оказавшись после долгого сопротивления вынужденной вступить на путь, указанный оппозицией, бюрократия обвинила оппозицию в том, будто та противилась индустриализации и коллективизации. В этой механике -- суть сталинизма! От тех оппозиционеров, которые хотели вернуться в партию, требовали отныне категорического признания своей "ошибки", которая на самом деле была ошибкой бюрократии.

Самая возможность такого рода иезуитизма объясняется тем, что взгляды оппозиции оставались известны лишь десят

кам и сотням тысяч людей, главным образом верхнему слою, но не народным массам, так как бюрократия железной рукой препятствовала распространению оппозиционной литературы. Между кающимися оппозиционерами и чиновниками контрольных комиссий, которые являются по существу органами ГПУ, шла за кулисами каждый раз долгая и мучительная торговля: какую "ошибку" и в какой форме признать. В конце концов верх брали, конечно, иезуиты контрольных комиссий. На верхах партии все прекрасно знали, что покаянные документы не имеют ни малейшей нравственной ценности и что их единственное назначение -упрочивать в массах догмат непогрешимости вождей.

На новом этапе борьбы за свое самодержавие бюрократия требовала от того же лица, давно капитулировавшего, то есть отказавшегося от какой бы то ни было критики, новых, более острых и унизительных признаний. При первом сопротивлении жертвы инквизитор отвечал: "Значит, все ваши предшествующие 'показания были не искренни. Значит, вы не хотите помочь партии в борьбе с ее врагами. Значит, вы снова становитесь по другую сторону баррикады!" ,Что оставалось делать капитулянтам, то есть оклеветавшим себя самих оппозиционерам? Упереться? Поздно! Они уже прочно сидели в сетях врага. На путь оппозиции им возврата не было. Оппозиция им не поверила бы. Да у них и не оставалось больше политической воли. Придавленные к земле тяжестью предшествующих покаяний, под постоянным страхом новых ударов, не только против них самих, но и членов их семей,

они на каждом новом этапе становились на колени перед каждым новым актом полицейского шантажа и падали таким образом все ниже и ниже.

На первом процессе Зиновьева--Каменева, в январе 1937 года, обвиняемые после острых нравственных истязаний согласились признать, что на них как на бывших оппозиционеров падает моральная ответственность за террористические действия. Это признание сейчас же послужило ГПУ исходной позицией для дальнейшего шантажа. Официальная печать и тогда уже -- по сигналу Сталина -требовала смертных приговоров. ГПУ устраивало перед зданием суда демонстрации с воплями: "Смерть убийцам!" Так осужденные подготовлялись для новых признаний.

Каменев упирался дольше Зиновьева. Для него устроен был 27 июля 1935 года новый суд при закрытых дверях, чтоб показать ему, что единственная надежда или хотя бы тень надежды на спасение останется для него лишь при условии полной готовности признать все, что нужно властям. Без связи с внешним миром, без внутренней уверенности, без защиты, без перспективы, без просвета Каменев дал окончательно сломить себя. А тех обвиняемых, которые и при этих сверхчеловеческих

пытках продолжали бороться за остатки своего достоинства, ГПУ расстреливало одного за другим, без суда и без огласки. Вот такими способами Сталин "отбирал" и "воспитывал" подсудимых для последнего московского процесса. Такова реальность, господа судьи и присяжные! Все остальное -мистификация и ложь. . .

Для чего все это, спросите вы? Для удушения всякой оппозиции, всякой критики, для деморализации и оплевания всего и всех, кто противится бюрократии или хотя бы отказывается петь ей "осанну". Не в последнем счете эта дьявольская работа направлена против меня лично. Но здесь я должен снова отступить назад.

В 1928 году, после первых крупных арестов в партии, бюрократия еще думать не смела о физической расправе над вождями оппозиции. В то же время она не могла надеяться и на капитуляцию с моей стороны. Я продолжал из ссылки руководить борьбой. Правящая клика не нашла в конце концов другого решения, как выслать меня за границу. На заседании Политбюро (отчет об этом заседании был мне доставлен друзьями и тогда же опубликован) Сталин говорил: "За границей Троцкий окажется изолирован; он вынужден будет сотрудничать в буржуазной прессе, мы будем его компрометировать; социал-демократия вступится за него, -- мы его развенчаем в глазах мирового пролетариата; Троцкий выступит с разоблачениями, -- мы его изобразим предателем". Этот хитрый расчет оказался, однако, недальновиден. Сталин не учел силы и значения идей. Я выпустил за границей ряд книг, на которых воспитывается молодежь. Во всех странах создались сплоченные группы моих единомышленников. Возникли периодические издания на основе защищаемой мною программы. Недавно происходила международная конференция организаций, стоящих под знаменем Четвертого Интернационала. Под ударами врагов это движение непрерывно растет. Наоборот, внутри Коминтерна царят неуверенность и разброд.

Между тем без международного авторитета Сталин не мог бы удержать в своих руках командование над бюрократией и через нее -- над народом. Рост Четвертого Интернационала представляет для него грозную опасность, отголоски которой к тому же все больше проникают внутрь Советского Союза. Наконец, правящая клика смертельно боится еще неугаснув-ших традиций Октябрьской революции, которые неизбежно направляются против новой привилегированной касты. Все это достаточно объясняет, почему Сталин и его группа ни на минуту не прекращали борьбы против меня лично. От

каждого, кто "каялся" за последние тринадцать лет, неизменно требовалось какое-либо заявление против Троцкого. Таких заявлений, индивидуальных и коллективных, можно насчитать многие де

сятки тысяч. Без осуждения Троцкого, без прямой клеветы на Троцкого бывший оппозиционер и думать не мог вернуться в партию или хотя бы получить кусок хлеба. Причем из года в год покаяния становились все унизительнее, а обличения [против] Троцкого -- все лживее и грубее. На этой работе воспитывались будущие подсудимые, как и сами следователи и судьи. Ведь и они доведены были до нынешней стадии деморализации лишь через ряд переходных ступеней.

Ответственным организатором этой деморализации -- я снова жалею, что вынужден заявить это при закрытых дверях -- является Сталин! Последний процесс не упал с неба, нет! Он резюмирует длинный ряд ложных показаний, которые острием своим направлялись против меня. Когда Сталин понял ошибку высылки меня за границу, он попытался "исправить" ее свойственными ему методами. Судебный подлог, поразивший общественное мнение своей неожиданностью, был на самом деле неизбежным звеном длинной цепи. Он был заранее предвиден и публично предсказан.

В основу последнего процесса положено обвинение в организации террористических актов. Что касается меня, господа судьи и присяжные заседатели, то я не остановился бы перед проповедованием индивидуального террора и перед его применением, если б я мог поверить, что этот метод способен продвинуть вперед дело освобождения человечества. Враги обвиняли и преследовали меня не раз за те мысли, которые я высказывал: последним в этом ряду является норвежское правительство. Но никто еще не обвинял меня в сокрытии моих мыслей.

Если я неизменно восстаю против индивидуального террора, притом не со вчерашнего дня, а с первых дней моей революционной деятельности, то потому, что считаю этот метод борьбы не только недействительным, но и пагубным для рабочего движения. В России действовали две всемирно известные террористические партии: Народная воля и социалисты-революционеры. Мы, русские марксисты, сложились как партия масс в непримиримой борьбе против индивидуального терроризма. Наш главный довод был тот, что этот метод гораздо более дезорганизует революционную партию, чем государственный аппарат. Недаром нынешняя бонапартистская бюрократия СССР жадно ищет актов террора и даже изобретает их, чтобы подкинуть их затем своим политическим противникам.

Убийство Кирова ни на минуту не пошатнуло самодержавия бюрократии; наоборот, дало ей желанную возможность истребить сотни неугодных ей людей, забросать грязью политических противников и внести смуту в сознание трудящихся. Результаты авантюры Николаева, -- могло ли быть иначе?-- целиком подтвердили старую марксистскую оценку терроризма,

которой я оставался верен в течение четырех десятилетий и которую меньше всего собираюсь менять теперь .. .

Если террористические тенденции вспыхивают в отдельных, группах советской молодежи, то не вследствии политической деятельности оппозиции, а в результате ее разгрома, удушения всякого протеста и всякой мысли, в результате безнадежности и отчаяния. ГПУ жадно набрасывается на первый проблеск террористических настроений, культивирует их и немедленно создает подобие подпольной организации, в которой агенты-провокаторы окружают несчастного террориста со всех сторон. Так было с Николаевым.

Даже из официальных данных, если внимательно сопоставить их друг с другом, вытекает с несомненностью, что Ягода, Сталин и даже сам Киров были прекрасно осведомлены о затевавшемся в Ленинграде террористическом акте. Задача ГПУ состояла в том, чтобы припутать к делу вождей оппозиции, затем обнаружить заговор накануне покушения и пожать политические плоды. Был ли сам Николаев агентом ГПУ? Вел ли он одновременно игру на два фронта? Этого я не знаю. Во всяком случае, он выстрелил, не дожидаясь того, когда Сталин и Ягода успеют запутать в дело своих политических противников. На основании одних лишь официальных публикаций я еще в начале 1935 года, в особой брошюре ("Убийство Кирова и советская бюрократия"59) разоблачил провокационную работу ГПУ в деле убийства Кирова. Тогда же я писал, что провал этой попытки, оплаченной жизнью Кирова, не остановит Сталина, а наоборот, заставит его подготовить новую, более грандиозную амальгаму. Чтобы предвидеть это, поистине не было нужды в пророческом духе: достаточно было знать обстановку, факты и людей...

Из убийства Кирова ГПУ, как я уже сказал, смогло непосредственно извлечь только одно: признание всеми подсудимыми -- под дулом револьвера -своей "моральной" ответственности за акт Николаева. Для большего не были подготовлены ни обвиняемые, ни общественное мнение, ни сами судьи. Но что отложено, то не потеряно. Сталин твердо решил превратить труп Кирова в неразменный капитал. ГПУ периодически извлекает этот труп для новых обвинений, новых признаний и новых расстрелов.

После дальнейшей полуторалетней психологической "подготовки", в течение которой все важнейшие подсудимые сидели в тюрьме, ГПУ предъявило им ультиматум: помочь правительству притянуть к террористическому обвинению Троцкого. Именно так и только так ставился вопрос во время следствия, предшествовавшего процессу шестнадцати. "Вы нам не опасны более, -- так примерно говорили агенты Сталина Зиновьеву, Каменеву и другим пленникам, -вы сами это знаете. Но Троцкий не сдался. Он ведет против нас борьбу в междуна

родном масштабе. Между тем надвигается война (бонапартисты всегда играют на струнах патриотизма). Мы должны справиться с Троцким во что бы то ни стало и как можно скорее. Надо скомпрометировать его. Надо связать его с террором, с гестапо ..." -- "Но ведь этому же никто не поверит!" -- должны были возражать вечные подсудимые: мы скомпрометируем лишь себя, но не скомпрометируем Троцкого". Именно по этой линии шли торги между ГПУ и его пленниками. Некоторых непокорных кандидатов в подсудимые ГПУ расстреляло без суда, чтоб показать другим, что у них нет выбора. -- "Поверят или не поверят, -- так должны были возражать следователи, -- это не ваше дело. Вы должны лишь доказать, что все ваши прошлые показания не были лицемерием, что вы действительно преданы партии (то есть правящей касте) и готовы для нее на любые жертвы".

Если следователи хотели быть откровенными (а стесняться в четырех стенах у них не было особенных оснований), они могли прибавить: "Поверят ли посвященные, не так уж и важно; зато не многие из них решатся протестовать. Опровержения фашистов нам будут только выгодны. Демократия? Она будет молчать. Французская или чешская демократия наберет воды в рот по патриотическим соображениям. Леон Блюм зависит от коммунистов, а эта братия сделает все, что мы прикажем. "Друзья СССР"? Эти тоже проглотят все, уже хотя бы для того, чтобы не признаться в своей слепоте. У мировой буржуазии, которая знает Троцкого как глашатая перманентной революции, не может быть интереса поддерживать его против нас. Печать Четвертого Интернационала еще слаба. До масс дойдет таким образом то, что мы скажем, а не то, что скажет Троцкий". Таков был расчет Сталина, и в этом расчете далеко не все было ложным. В конце концов подсудимые капитулировали и приняли на себя порученные им трагические и постыдные роли.

Не все подсудимые согласились, однако, признать все, что от них требовали. Именно градация покаяний свидетельствует о той отчаянной борьбе, которая происходила за кулисами накануне процесса. Я оставляю здесь в стороне тех подозрительных молодых людей, которых я направлял будто бы из-за границы, но о которых я на самом деле ничего не слыхал до процесса. Из старых революционеров ни один не признал связей с гестапо: довести их до такого отвратительного самооклеветания ГПУ оказалось не в силах. Смирнов60 и Гольцман61 начисто отрицали, кроме того, свое участие в террористической деятельности. Но все шестнадцать обвиняемых, все без исключения, признали, что Троцкий из-за границы тайно призывал к убийствам, давал террористические инструкции и даже посылал исполнителей. Мое "участие" в терроре является, таким

образом, общим коэффициентом всех признаний. От этого минимума ГПУ не могло отступить. Только в обмен на этот минимум оно оставляло надежду на сохранение жизни. Так перед нами раскрывается подлинная цель всего подлога. Секретарь Второго Интернационала Фридрих Адлер62, мой старый и непримиримый политический противник, пишет по поводу московского процесса: "Практическая цель этой акции представляет собой позорную главу всего процесса. Дело идет о попытке лишить Троцкого права убежища в

Норвегии и воздвигнуть, против него травлю, которая отняла бы у него возможность существования на всем земном шаре..."

Возьмем, господа судьи и присяжные, общий коэффициент признаний, как он представлен в показаниях подсудимого Гольцмана, основного свидетеля против меня и моего сына.

В ноябре 1932 года Гольцман, по его рассказу, прибыл на свидание со мной в Копенгаген. В вестибюле отеля "Бристоль" он встретился с моим сыном, который привел его ко мне. Во время продолжительной беседы я развил Гольцману террористическую программу. Это, пожалуй, единственное показание, где есть конкретная ссылка на обстоятельства времени и места. А так как Гольцман упорно отказывался в то же время признать свою связь с гестапо и свое участие в террористической деятельности, то его рассказ о свидании в Копенгагене должен представиться читателю как наиболее достоверный и надежный элемент всех признаний на этом процессе. Что же оказывается на деле? Гольцман никогда не посещал меня, ни в Копенгагене, ни в ином месте. Мой сын не приезжал в Копенгаген во время моего пребывания там и вообще никогда не был в Дании. Наконец, отель "Бристоль", где произошла будто бы встреча Гольцмана с сыном в 1932 году, был на самом деле разрушен еще в 1917 году! Благодаря исключительно счастливому стечению обстоятельств (визы, телеграммы, свидетели и пр.) все материальные элементы рассказа Гольцмана, этого наиболее скупого на признания подсудимого, рассыпаются в прах. Между тем Гольцман не составляет исключения. Все остальные "признания" построены по тому же типу. Они разоблачены в "Красной книге" моего сына. Новые разоблачения еще предстоят. Я мог бы, со своей стороны, уже давно представить печати, общественному мнению, беспристрастной следственной комиссии или независимому суду ряд фактов, документов, свидетельств, политических и психологических соображений, которые взрывают самый фундамент московской амальгамы. Но я связан по рукам и ногам. Норвежское правительство превратило право убежища в ловушку. В момент, когда ГПУ обрушило на меня исключительное по подлости обвинение, правительство этой страны заперло меня на замок,

изолировав от внешнего мира.

Здесь я должен рассказать один маленький эпизод, кото-рый может послужить неплохим ключом к моему нынешнему положению. Летом этого года, за несколько недель до того, как был возвещен московский процесс, норвежский министр иностранных дел Кот был гостем в Москве и чествовался с подчеркнутой торжественностью.

Я заговорил на эту тему с нашим квартирохозяином, редактором Конрадом Кнудсеном, которого вы здесь уже допрашивали в качестве свидетеля. Вы знаете, что несмотря на глубокую разницу политических взглядов, нас связывают с Кнутсеном дружественные личные отношения. Политики мы касались с ним только в порядке взаимной информации, решительно избегая принципиальных споров.

Знаете ли вы, -- спросил я его в полушутливой форме,

-- почему Кота так дружественно принимают в Москве?

Почему?

Дело идет о моей голове.

Как так?

Москва говорит или намекает Коту: мы будем фрахто

вать ваши суда и покупать ваши сельди, но при одном усло

вии, если вы нам продадите Троцкого ...

Кнутсен, горячий патриот своей партии, был явно задет моим тоном.

Неужели же вы думаете, -- ответил он мне с горечью,.

-- что здесь будут торговать принципами?

Дорогой Кнудсен, -- возразил я ему, -- я не говорку

ведь, что норвежское правительство собирается продать ме

ня; я утверждаю лишь, что Кремль хочет купить меня...

Передавая здесь эту короткую беседу, я не хочу этим сказать, что между Литвиновым и Котом велись откровенные переговоры в духе купли-продажи. Я должен даже признать, что в вопросе обо мне министр Кот держал себя во время избирательной кампании лучше, чем некоторые другие министры. Но для меня было совершенно ясно из ряда обстоятельств, что Кремль ведет в Норвегии обволакивающую дипломатическую и экономическую акцию широкого масштаба. Смысл этой подготовительной акции раскрылся для всех, когда разразился московский процесс. Не может быть, в частности, никакого сомнения в том, что кампания норвежской реакционной печати против меня питалась за кулисами из московских источников. Через посредников ГПУ снабжало реакционные газеты моими "неблагонадежными" статьями. Через своих агентов из норвежской секции Коминтерна оно пускало тревожные слухи и сплетни. Задача состояла в том, чтоб накануне выборов создать напряженную атмосферу в стране, запугать правительство и тем подготовить его к капитуляции перед ультиматумом Москвы.

Вдохновляемые советским посольством норвежские судовладельцы и другие заинтересованные капиталисты требовали от правительства немедленно урегулировать вопрос о Троцком, угрожая в противном случае ростом безработицы в стране.

Правительство, со своей стороны, ничего не хотело так, как сдаться на милость Москвы. Ему нужен был лишь повод. Чтоб прикрыть свою капитуляцию, правительство без малейшего права и основания обвинило меня в нарушении подписанных мною условий. На самом деле путем моего интернирования оно хотело улучшить торговый баланс Норвегии! Особенно нелояльным надо признать поведение министра юстиции. Накануне интернирования он позвонил ко мне неожиданно по телефону. Наш двор был уже оккупирован полицейскими. Голос министра был слаще меда

Я получил ваше письмо, -- говорил он, -- и нахожу, что

в нем есть много верного. Я вас прошу только об одном: не да

вайте вашего письма печати, не отвечайте вообще на сегод

няшнее правительственное сообщение. У нас будет вечером

совет министров, и, я надеюсь, мы примем решение ...

Разумеется, -- ответил я, -- я подожду окончательного

решения

На следующий день я был арестован, моих секретарей обыскали, причем первым делом у них отобрали пять копий письма, в котором я напоминал министру юстиции об его участии в политическом интервью со мною. Господин министр черезвычайно опасался, что разоблачение этого факта может повредить его избирательным шансам. Таков этот страж юстиции!

Советское правительство, как вы знаете, не осмелилось поднимать вопрос о моей выдаче ни накануне процесса, ни после него. Могло ли быть иначе? Требование выдачи пришлось бы обосновать перед норвежским судом, другими словами, выставлять себя самих на международный позор. Мне не оставалось ничего другого, как привлечь к суду норвежских

"коммунистов" и фашистов, которые повторяли московскую клевету.

Еще в день интернирования министр юстиции сказал мне:

-- Разумеется, вы будете иметь возможность защищаться

от выдвинутых против вас обвинений.

Но дела министра юстиции резко расходятся с его словами. Своими исключительными законами против меня норвежское правительство заявило всем наемным клеветникам: "Вы можете отныне беспрепятственно и безнаказанно клеветать на Троцкого во всех пяти частях света: мы держим его связанным и не позволим ему защищаться!"

Господа судьи и присяжные заседатели! Вы вызвали меня %сюда в качестве свидетеля по делу о налете на мою квартиру.

Правительство любезно доставило меня сюда под солидным полицейским конвоем. Между тем по делу о похищении моих архивов в Париже то же правительство конфисковало мои показания, предназначенные для французского судебного следователя. Почему такая разница? Не потому ли, что в одном" случае дело идет о норвежских фашистах, которых правительство считает своими врагами, а во втором случае -- о гангстерах ГПУ, которых правительство причисляет ныне к числу своих друзей?..

Я обвиняю норвежское правительство в попрании элементарных основ права. Процесс шестнадцати открывает целую серию подобных процессов, где ставкой являются личная честь и судьба не только меня и членов моей семьи, но и сотен других людей. Как же можно запрещать мне, главному обвиняемому и одному из наиболее осведомленных свидетелей, изложить то, что я знаю? Ведь это значит злонамеренно мешать выявлению истины! Кто посредством угроз или насилия препятствует свидетелю рассказать правду, тот совершает тягчайшее преступление, которое -- я уверен в этом -- сурово карается по норвежским законам... Весьма возможно, что в результате моих показаний в этом зале министр юстиции прибегнет к новым мерам репрессий против меня: ресурсы произвола неог-раничены. Но я обещал вам говорить правду, и притом всю правду. Я выполнил обещание!

Председатель спрашивает, нет ли у сторон еще вопросов к. свидетелю. Вопросов больше нет.

Председатель (к свидетелю): Согласны ли вы подтвердить, все, что вы показали, присягой?

-- Я не могу принести религиозной присяги, так как не принадлежу никакой религии; но я хорошо понимаю значение всего того, что я показал перед вами и готов принести гражданскую присягу, то есть взять на себя юридическую ответственность за" каждое сказанное здесь слово. Все встают. Свидетель с поднятой рукой повторяет слова присяги, после чего в сопровождении полицейских покидает зал суда и отбывает в Sundby,. место интернирования.

ЧЕРЕЗ ОКЕАН63 Отъезд из Норвегии

28 ноября 1936 года. Настоящие строки пишутся на борту норвежского нефтеналивного судна "Руфь", направляющегося из Осло в один из мексиканских портов, пока еще не известно какой. Вчера мы прошли мимо Азорских островов. Первые дни море было тревожно, писать было трудно. Я с жадностью чи

тал книги о Мексике. Наша планета так мала, а мы так плохо ее знаем! После того как, выйдя из проливов, "Руфь" повернула на юго-запад, океан становился все спокойнее, и я смог заняться приведением в порядок заметок о пребывании в Норвегии и своих показаний перед судом.

Так прошли первые восемь дней -- в напряженной работе и в гаданиях о таинственной Мексике. Впереди еще не менее двенадцати суток пути. Нас сопровождает норвежский офицер Ионас Ли, находившийся одно время в Саарской области, в распоряжении Лиги Наций.

За столом мы сидим вчетвером: капитан, полицейский и мы с женой. Других пассажиров нет. Море для этого времени года исключительно благоприятно.

Позади четыре месяца плена. Впереди -- океан и неизвестность. На борту судна мы все еще остаемся, однако, под "защитой" норвежского флага, то есть на положении заключенных. Мы не имеем права пользоваться радиотелеграфом. Наши револьверы остаются у полицейского офицера, нашего соседа по табльдоту. Условия высадки в Мексике вырабатываются по радио помимо нас. Социалистическое правительство не любит %шутить, когда дело идет о принципах ... интернирования!

На происшедших незадолго до нашего отъезда выборах рабочая партия получила значительный прирост голосов. Конрад Кнудсен, против которого сплотились все буржуазные партии ·как против моего "сообщника" и которого собственная партия почти не защищала от нападений, оказался выбран внушительным большинством. В этом был косвенный вотум доверия мне ... Получив поддержку населения, которое голосовало против реакционных атак на право убежища, правительство, как полагается, решило окончательно растоптать это право в угоду реакции. Механика парламентаризма сплошь построена "а таких qui pro quo между избирателями!

Норвежцы справедливо гордятся Ибсеном как своим национальным поэтом. Тридцать пять лет тому назад Ибсен был моей литературной любовью. Ему я посвятил одну из первых моих статей. В демократической тюрьме, на родине поэта, я снова перечитывал его драмы. Многое кажется ныне наивным и старомодным. Но многие ли довоенные поэты выдержали полностью испытание временем? Вся история до 1914 года представляется сегодня простоватой и провинциальной. В общем же Ибсен показался мне свежим и в своей северной свежести притягательным.

С особенным удовольствием прочитал я "Врага народа". Ненависть Ибсена к протестантскому ханжеству, захолустной тупости и черствому лицемерию стала мне понятнее и ближе после знакомства с первым социалистическим правительством на родине поэта.

Ибсена можно разно толковать! -- защищался министр
юстиции, нанесший мне неожиданный визит в Sundby.
Как ни толковать его, он будет против вас. Вспомните
бюргермейстера Штокмана ...
Вы думаете, что это я? . .
В лучшем для вас случае, господин министр, у вашего
правительства все пороки буржуазных правительств, но без их
достоинств.

Несмотря на литературную окраску, наши беседы не отличались большой куртуазностью. Когда доктор Штокман, брат бургомистра, пришел к выводу, что благосостояние родного города основано на отравленных минеральных источниках, бургомистр прогнал его со службы, газеты закрылись для него, сограждане объявили его врагом народа. "Мы еще посмотрим,

-- восклицает доктор, -- настолько ли сильны низость и тру

сость, чтоб зажать свободному честному человеку рот! .." У
меня были свои основания ссылаться против социалистических
тюремщиков на эту цитату.
Мы совершили глупость, дав вам визу, -- сказал мне
бесцеремонно министр юстиции в середине декабря.
И эту глупость вы собираетесь исправить посредством
преступления? -- ответил я откровенностью на откровенность.
-- Вы действуете в отношении меня как Носке64 и Шейдема
ны65 действовали в отношении Карла Либкнехта66 и Розы Люк
сембург67. Вы прокладываете дорогу фашизму. Если рабочие
Испании и Франции не спасут вас, вы и ваши коллеги будете
через несколько лет эмигрантами, подобно вашим предшест
венникам, германским социал-демократам.

Все это было правильно. Но ключ от нашей тюрьмы оставался в руках бюргермейстера Штокмана.

Насчет возможности найти убежище в какой-либо другой стране я не питал больших надежд. Демократические страны ограждают себя от опасности диктатур тем, что усваивают некоторые худшие стороны этих последних. Для революционеров так называемое право убежища давно уже превратилось из права в вопрос милости. К этому прибавилось еще: московский процесс и интернирование в Норвегии!

Нетрудно понять, какай благой вестью явилась для нас телеграмма из Нового Света, извещавшая о готовности правительства далекой Мексики предоставить нам гостеприимство. Наметился выход -- из Норвегии и из тупика. Возвращаясь из суда, я сказал сопровождавшему меня полицейскому офицеру: "Передайте правительству, что мы с женой готовы покинуть Норвегию как можно скорее. Прежде, однако, чем обратиться за мексиканской визой, я хочу обеспечить условия безопасности переезда. Мне необходимо посоветоваться об этом с друзьями: депутатом Конрадом Кнудсеном, директором на

родного театра в Осло Хаконом Мейером и немецким эмигрантом Вальтером Хельдом68. При их помощи я найду сопровождающих и обеспечу сохранность своих архивов".

Министр юстиции, который прибыл через день в Sundby в сопровождении трех высших полицейских чиновников, был, видимо, потрясен радикализмом моих требований.

Даже в царских тюрьмах, -- сказал я ему, -- давали
высылаемым возможность повидаться с родными или друзьями
для урегулирования личных дел.
Да, да, -- философски ответил социалистический ми
нистр, -- но теперь другие времена ...
От более точного определения различия времен он, однако, воздержался.

18 декабря министр явился снова, но только для того, чтобы заявить мне, что в свиданиях мне отказано, что мексиканская виза получена без моего участия (каким образом, остается неясным и сейчас) и что завтра мы с женой будем погружены на грузовое судно "Руфь", где нам отведена больничная каюта. Не скрою, при прощании я господину министру руки не подал ...

Было бы несправедливо не отметить, что только путем прямого насилия над мыслью и совестью партии правительству удавалось проводить свой курс. Оно попадало при этом в

конфликт с либеральными или просто добросовестными представителями администрации и магистратуры и оказывалось вынуждено опираться на наиболее реакционную часть бюрократии. Среди рабочих полицейская энергия Нигорсвольда, во" всяком случае, не вызывала энтузиазма. Я с уважением и благодарностью отмечаю усилия таких заслуженных деятелей рабочего движения, как Олав Шефло69, Конрад Кнудсен, Хакон Мейер, добиться изменения правительственной политики. Нельзя не назвать здесь снова Хельга Крога, который нашел слова страстного негодования, чтоб заклеймить образ действий норвежских властей.

На укладку вещей и бумаг у нас, за вычетом тревожной ночи, оставалось лишь несколько часов. Еще ни один из наших многочисленных переездов не проходил в атмосфере такой горячечной спешки, полной изолированности, неизвестности и глубокого подавленного возмущения. На ходу мы время от времени переглядывались с женой: что это значит? чем это вызвано? -- и каждый из нас снова бежал с узлом или пачкой бумаг.

Не ловушка ли со стороны правительства? -- спрашива

ла жена.

Не думаю, -- отвечал я без полной уверенности

На веранде полисмены с трубками в зубах заколачивали ящики. Над фиордом клубился туман.

Отъезд был обставлен величайшей тайной. Газетам дано было ложное сообщение о нашем близком будто бы переселении -- в целях отвлечения внимания от предстоящей поездки. Правительство боялось и того, что я откажусь ехать, и того, что ГПУ успеет подложить на пароход адскую машину. Считать последнее опасение безосновательным мы с женой никак не могли. Наша безопасность совпадала в этом случае с безопасностью норвежского судна и его экипажа

Встретили нас на "Руфи" с любопытством, но без малейшей враждебности. Прибыл старик-судовладелец. По его любезной инициативе нас поместили не в полутемную больничную каюту с тремя койками, без стола, как распорядилось почему-то недремлющее правительство, а в удобную каюту самого судовладельца, рядом с помещением капитана Так я получил возможность в дороге работать ...

Несмотря на все, мы увезли с собой теплые воспоминания о чудесной стране лесов и фиордов, о снегах под январским солнцем, лыжах и салазках, светловолосых и голубоглазых детях, слегка угрюмом и тяжеловесном, но серьезном и честном народе. Прощай, Норвегия!

Поучительный эпизод

30 декабря. Большая половина пути оставлена позади. Ка-питан полагает, что 8 января будем в Вэра-Крус, если океан не лишит нас своей благожелательности. 8-го "ли Ю-го, не все ли равно? На судне спокойно. Нет московских телеграмм, и воздух кажется вдвойне чистым. Мы не спешим. Пора, однако, вернуться к процессу ...

Поразительно, с какой настойчивостью Зиновьев, увлекая за собой Каменева, готовил в течение ряда лет свой собственный трагический финал. Без инициативы Зиновьева . Сталин едва ли стал бы генеральным секретарем. Зиновьев хотел использовать эпизодическую дискуссию о профессиональных союзах зимою 1920--21 гг. для дальнейшей борьбы против меня. Сталин казался ему, и не без основания, наиболее подходящим человеком для закулисной работы. Именно в те дни, возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, Ленин произнес свою знаменитую фразу: "Не советую -- этот повар будет готовить только острые блюда". Какие пророческие слова! Победила, однако, на съезде

руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Своему предупреждению он сам не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой

После заболевания Ленина тот же Зиновьев взял на себя инициативу открытой борьбы против меня. Он рассчитывал, что тяжеловесный Сталин останется его начальником штаба. Генеральный секретарь продвигался в те дни очень осторожно. Массы его не знали совершенно. Авторитетом он пользовался только у части партийного аппарата, но и там его не любили. В 1924 году Сталин сильно колебался. Зиновьев толкал его вперед. Для политического прикрытия своей закулисной работы Сталин нуждался в Зиновьеве и Каменеве: на этом основана была механика "тройки". Наибольшую горячность проявлял неизменно Зиновьев: он на буксире тянул за собой своего будущего палача.

В 1926 году, когда Зиновьев и Каменев после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня, перешли в оппозицию к аппарату, они сделали мне ряд очень поучительных сообщений и предупреждений.

-- Вы думаете, -- говорил Каменев, -- что Сталин размыш
ляет сейчас над тем, как возразить вам по поводу вашей кри
тики? Ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить...
Сперва морально, а потом, если можно, и физически. Оклеве
тать, организовать провокацию, подкинуть военный заговор,
подстроить террористический акт. Поверьте мне. это не гипоте
за: в тройке приходилось быть откровенными друг с другом, хо
тя личные отношения и тогда уже не раз грозили взрывом.
Сталин ведет борьбу совсем в другой плоскости, чем вы. Вы
не знаете этого азиата ...

Сам Каменев хорошо знал Сталина. Оба они начали в свои молодые годы, в начале столетия, революционную работу в кавказской организации, были вместе в ссылке, вместе вернулись в Петербург в марте 1917 года, вместе придали центральному органу партии оппортунистическое направление, которое держалось до приезда Ленина.

-- Помните арест Султан-Галиева70, бывшего председате
ля татарского совнаркома в 1923 году? -- продолжал Каменев.
-- Это был первый арест видного члена партии, произведен
ный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью,
дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул
крови ... Как только мы порвали с ним, мы составили нечто
вроде завещания, где предупреждали, что в случае нашей "не
чаянной" гибели виновником ее надлежит считать Сталина.
Документ этот хранится в надежном месте. Советую вам сде
лать то же самое: от этого азиата можно ждать всего .. .

Зиновьев говорил мне в первые недели нашего недолговечного блока (1926--1927): "Вы думаете, что Сталин не взвешивал вопроса о вашем физическом устранении? Взвешивал, и не раз. Его останавливала одна и та же мысль молодежь возложит ответственность на "тройку" или лично на него и может

прибегнуть к террористическим актам. Сталин считал поэтому необходимым разгромить предварительно кадры оппозиционной молодежи. А там, мол, видно будет... Его ненависть к

нам, особенно к Каменеву, вызывается тем, что мы слишком многое знаем о нем".

Перепрыгнем через промежуток в пять лет. 31 октября 1931 года центральный орган германской коммунистической партии "Роте Фане" опубликовал сообщение о том, что белый генерал Туркул71 подготовляет убийство Троцкого в Турции. Такие сведения могли исходить только от ГПУ. Так как в Турцию я был выслан Сталиным, то предупреждение "Роте Фане" весьма походило на попытку подготовить для Сталина моральное алиби на случай, если бы замысел Туркула закончился успехом.

4 января 1932 года я обратился в Политбюро, в Москву, с письмом на ту тему, что такими дешевыми мерами Сталину не удастся обелить себя: ГПУ способно одной рукой подталкивать белогвардейцев к покушению, через своих агентов-провокаторов, а другой рукой разоблачать их, на всякий случай, через органы Коминтерна.

"Сталин пришел к заключению, -- писал я, -- что высылка Троцкого за границу была ошибкой. Он надеялся, как это известно из тогдашнего заявления в Политбюро, что без секретариата и без средств Троцкий окажется бессильной жертвой бюрократической клеветы, организованной в мировом масштабе. Бюрократ ошибся. Вопреки его ожиданиям, обнаружилось, что идеи имеют собственную силу, без аппарата и без средств..."

Сталин прекрасно понимает грозную опасность, которую представляют для него лично, для его дутого авторитета, для его бонапартистского могущества идейная непримиримость и упорный рост интернациональной левой оппозиции. Сталин думает: "Надо исправить ошибку". Разумеется, не идеологическими мерами: Сталин ведет борьбу в другой плоскости. Он хочет добраться не до идей противника, а до его черепа. Уже в 1924 году Сталин взвешивал доводы "за" и "против" в вопросе о моей физической ликвидации "Я получил в свое время эти сведения через Зиновьева и Каменева, -- писал я, -- в период их перехода в оппозицию, притом в таких обстоятельствах и с такими подробностями, что не может быть сомнения относительно правдивости этих сообщений ... Если Сталин заставит Зиновьева и Каменева опровергнуть свои собственные прежние заявления, никто им не поверит".

Уже в то время система ложных признаний и опровержений

на заказ цвела в Москве махровым цветом.

Через десять дней после того как я отправил свое письмо из Турции, делегация моих французских единомышленников, руководимая Навиллем72 и Франком73, обратилась к тогдаш

нему советскому послу в Париже Довгалевскому74 с письменным заявлением: ""Роте Фане" опубликовал сообщение по поводу подготовки покушения на Троцкого . . . Таким образом, само советское правительство формально подтверждает, что оно осведомлено об опасностях, угрожающих Троцкому".

А так как, согласно тому же официозному сообщению, план генерала Туркула "опирается на плохую организацию охраны со стороны турецких властей", то заявление Навилля-Франка заранее возлагало ответственность за последствия на советское правительство, требуя от него принятия немедленных практических мер.

Эти шаги всполошили Москву. 2 марта Центральный комитет французской коммунистической партии разослал наиболее ответственным работникам на правах конфиденциального документа ответ Центрального комитета большевистской партии СССР. Сталин не только не отрицал, что сообщение "Роте Фане" исходит от него, но ставил себе это предупреждение в особую заслугу и обвинял меня в ... неблагодарности. Не говоря ничего по существу вопроса о безопасности, циркулярное письмо утверждало, что своими

нападками на ЦК я подготовлю свой "союз с социал-фашистами" (то есть социал-демократией). До обвинения в союзе с фашизмом Сталин тогда еще не додумался, а своего собственного союза с "социал-фашистами" против меня он еще не предвидел.

К ответу Сталина приложено было опровержение Каменева и Зиновьева от 13 февраля 1932 года, написанное, как неосмотрительно сказано в самом опровержении, по требованию Ярославского75 и Шкирятова76, членов Центральной контрольной комиссии и главных в то время агентов-инквизиторов по борьбе с оппозицией. В обычном для таких документов стиле Каменев и Зиновьев писали что сообщение Троцкого есть "бесчестная ложь с единственной целью скомпрометировать нашу партию. .. Само собой разумеется, что никогда не могло быть и речи об обсуждении подобного вопроса ... и никогда мы ни о чем подобном не говорили Троцкому".

Опровержение заканчивалось еще более высокой нотой: "Заявление Троцкого насчет того, будто в партии большевиков нас могут заставить сделать ложные сообщения, представляет собой заведомый прием шантажиста".

Весь этот эпизод, отстоящий, на первый взгляд, далеко от процесса, представляет, однако, при более внимательном подходе исключительный интерес. Согласно обвинительному акту, я уже в мае 1931 года и затем в 1932 году передал Смирнову через сына Льва Седова и через Юрия Гавена77 инструкцию: перейти к террористической борьбе и заключить с зиновьевца-ми блок на этой основе. Все мои "инструкции", как мы еще не раз увидим, немедленно выполнялись капитулянтами, то есть

людьми, давно порвавшими со мною и ведшими против меня открытую борьбу.

Согласно официальному истолкованию, капитуляция Зи-иовьева, Каменева и других представляла собою простую военную хитрость -- с целью пробраться в святилище бюрократии. Если принять на минуту эту версию, которая, как видно будет из дальнейшего, разбивается о сотни фактов, то мое письмо в Политбюро от 4 января 1932 года становится совершенно непостижимой загадкой. Если б я в 1931--32 годах действительно руководил организацией террористического "блока" с Зиновьевым и Каменевым, я не стал бы, разумеется, столь непоправимо компрометировать своих союзников в глазах бюрократии.

Грубое опровержение Зиновьева -- Каменева, предназначенное для обмана непосвященных, не могло, конечно, ни на минуту обмануть Сталина: он -- то уж, во всяком случае, знал, что его бывшие союзники рассказали мне голую правду! Одного этого факта было слишком достаточно, чтоб навсегда лишить Зиновьева и Каменева малейшей возможности вернуть себе доверие правящей верхушки. Что же остается от "военной хитрости"? Я должен был бы быть просто невменяемым, чтобы подрывать таким образом шансы "террористического центра".

В свою очередь опровержение Каменева и Зиновьева и содержанием, и тоном своим свидетельствует о чем угодно, только не о сотрудничестве. К тому же этот документ не стоит особняком. Мы увидим еще, особенно на примере Радека, что главная функция капитулянтов состояла в том, чтобы из года в год и из месяца в месяц поносить и чернить меня перед советским и мировым общественным мнением. Как могли эти люди надеяться под руководством ими же скомпрометированного вождя прийти к победе, остается совершенно необъяснимым. Здесь "военная хитрость" уже явно превращается в свою противоположность. В сущности, опровержение Зиновьева -- Каменева от 13 февраля 1932 года, разосланное всем секциям Коминтерна, представляет собою один из бесчисленных черновых набросков их будущих показаний в августе 1936 года: та же брань против меня как

против противника большевизма и особенно -- врага "товарища Сталина"; та же ссылка на мое стремление служить "контрреволюции"; наконец, то же заверение, что они, Зиновьев и Каменев, дают показания по доброй воле, без всякого принуждения. Да и может ли быть иначе: допустить самую возможность принуждения в "демократии" Сталина могут только "шантажисты". Самые эксцессы стиля безошибочно указывают источник вдохновения. Поистине драгоценный документ! Он не только вырывает почву из-под вымысла о троцкистско-зиновьевском центре 1932 года,

но и позволяет попутно заглянуть в ту лабораторию, где подготовлялись будущие процессы со сделанными на заказ покаяниями.

ЗИНОВЬЕВ И КАМЕНЕВ

31 декабря. Кончается год, который войдет в историю как год Каина . . .

В связи с предупреждением Зиновьева и Каменева относительно сокровенных планов и расчетов Сталина можно поставить вопрос, не возникли ли подобные намерения у Зиновьева и Каменева в отношении Сталина, когда все другие пути оказались для них отрезаны. Оба они за последний период своей жизни совершили немало поворотов и растеряли немало принципов. Почему же не допустить в таком случае, что, отчаявшись в последствиях собственных капитуляций, они в известный момент действительно метнулись в сторону террора? Затем в порядке последней капитуляции они согласились пойти навстречу ГПУ и припутать меня к своим злосчастным замыслам, чтобы оказать услугу себе и режиму, с которым они снова пытались помириться. Такая гипотеза приходила в голову некоторым из моих друзей. Я взвешивал ее со всех сторон, без малейшей предвзятости или личной заинтересованности. И каждый раз я приходил к выводу о ее полной несостоятельности.

Зиновьев и Каменев -- глубоко различные натуры. Зиновьев -- агитатор. Каменев -- пропагандист. Зиновьев руководился, главным образом, тонким политическим чутьем. Каменев размышлял, анализировал. Зиновьев всегда склонен был зарываться. Каменев, наоборот, грешил избытком осторожности. Зиновьев был целиком в политике, без других интересов и вкусов В. Каменеве сидел сибарит и эстет. Зиновьев был мстителен Каменеву свойственно было добродушие. Я не знаю, каковы были их взаимные отношения в эмиграции. В 1917 году их связала временно оппозиция к Октябрьскому перевороту. В первые годы после победы Каменев относился к Зиновьеву скорее иронически. В дальнейшем их сблизила оппозиция ко мне, затем -- к Сталину. Последние тридцать лет своей жизни они прошли рядом и имена их всегда назывались вместе. При всех их индивидуальных различиях у них помимо общей школы, которую они проделали в эмиграции, под непосредственным руководством Ленина, был примерно одинаковый диапазон мысли и воли. Каменевский анализ дополнял зиновьевское чутье; совместно они нащупывали общее решение. Более осторожный Каменев позволял иногда Зиновьеву увлечь себя дальше, чем хотел бы, но, в конце концов, они оказывались рядом на одной и той же линии отступления. Они были близки друг другу по размеру личности и дополняли друг друга своими раз

личиями. Оба были глубоко и до конца преданы делу социализма. Таково объяснение их трагического союза.

Брать на себя какую бы то ни было политическую или моральную ответственность за Зиновьева и Каменева у меня нет основания. За вычетом короткого перерыва (1926--27 г.г.), он" всегда были моими ожесточенными противниками. Лично я не питал к ним большого

доверия. Интеллектуально каждый из них стоял, правда, выше Сталина. Но им не хватало характера. Именно эту их черту имеет в виду Ленин, когда пишет в "Завещании", что Зиновьев и Каменев "не случайно" оказались осенью 1917 года противниками восстания: они не выдержали напора буржуазного общественного мнения.

Когда в Советском Союзе определились глубокие социальные сдвиги, связанные с формированием привилегированной бюрократии, Зиновьев и Каменев "не случайно" дали увлечь себя в лагерь термидора (1922--1926). Теоретическим пониманием совершающихся процессов они далеко превосходили своих тогдашних союзников, в том числе и Сталина. Этим объясняется их попытка оторваться от бюрократии и противопоставить себя ей.

В июле 1926 года Зиновьев заявил на пленуме ЦК: "В вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против нас". Свою ошибку в борьбе со мною Зиновьев признал тогда же "более опасной", чем свою ошибку 1917 года! Однако давление привилегированного слоя приняло непреодолимые размеры. Зиновьев и Каменев "не случайно" капитулировали перед Сталиным в конце 1927 года и увлекли за собою более молодых, менее авторитетных. Они приложили затем немало сил к очернению оппозиции. Но в 1931--1932 г.г., когда весь организм страны потрясали ужасающими последствиями насильственной и необузданной коллективизации, Зиновьев и Каменев, как и многие другие капитулянты, тревожно подняли головы и начали шушукаться между собою об опасностях новой правительственной политики. Их поймали на чтении критического документа, исходившего из рядов правой оппозиции, исключили за это страшное преступление из партии -- ни в чем другом их не обвиняли! -- и в довершение сослали.

В 1933 году Зиновьев и Каменев не только снова покаялись, но и окончательно простерлись ниц перед Сталиным. Не было такого поношения, которого они не бросили бы по адресу оппозиции и, особенно, по моему личному адресу. Их саморазоружение сделало их окончательно беззащитными перед лицом бюрократии, которая могла отныне требовать от них любых признаний. Дальнейшая их судьба явилась последствием этих прогрессивных капитуляций и самоунижений.

Да, им не хватало характера. Однако эти слова не нужно

понимать слишком упрощенно. Сопротивление материала измеряется действующими на него силами разрушения. От мирных мелких буржуа мне пришлось слышать в дни между началом процесса и моим интернированием: "Невозможно понять Зиновьева... Какая бесхарактерность!" "Разве вы измерили на себе, -отвечал я, -- давление, которому он подвергался в течение ряда лет?"

Крайне неумны столь распространенные в интеллигентской среде сравнения с поведением на суде Дантона78, Робеспьера79 и др. Там революционные трибуны попадали под нож правосудия непосредственно с арены борьбы, в расцвете сил, с почти незатронутыми нервами и в то же время без малейшей надежды на спасение. Еще более неуместны сравнения с поведением Димитрова80 на лейпцигском суде.

Разумеется, рядом с Торглером81 Димитров выгодно выделялся решительностью и мужеством. Но революционеры разных стран, и в частности царской России, проявляли не меньше стойкости в неизмеримо более трудных условиях. Димитров стоял лицом к лицу с злейшим классовым врагом. Никаких улик против него не было и быть не могло. Государственный аппарат наци еще только складывался и не был способен к тоталитарным подлогам. Димитрова поддерживал гигантский аппарат советского государства и Коминтерна. К нему шли со всех сторон симпатии народных масс. Друзья присутствовали на

суде. Достаточно было среднего человеческого мужества, чтобы оказаться "героем".

Разве таково было положение Зиновьева и Каменева перед лицом ГПУ и суда? Десять лет их окружали тучи оплаченной тяжелым золотом клеветы. Десять лет они качались между жизнью и смертью, сперва в политическом смысле, затем в моральном, наконец в физическом. Много ли можно найти на протяжении всей истории примеров такого систематического, изощренного, дьявольского разрушения позвоночников, нервов, · всех фибр души? Характеров Зиновьева или Каменева с избытком бы хватило для мирного периода. Но эпоха грандиозных социальных и политических потрясений требовала от этих людей, которым их дарования обеспечили руководящее место в революции, совершенно исключительной стойкости. Диспропорция между их дарованиями и волей привела к трагическим результатам.

Историю моих отношений к Зиновьеву и Каменеву можно проследить без труда по документам, статьям, книгам. Один "Бюллетень оппозиции" (1929--1937 г. г.) достаточно определяет ту пропасть, которая окончательно разделила нас со времени их капитуляции. Между нами не было никакой связи, никаких сношений, никакой переписки, никаких даже попыток в этом направлении, -- не было и быть не могло.

В письмах и статьях я неизменно рекомендовал оппозиционерам в интересах политического и морального самосохранения беспощадно рвать с капитулянтами. То, что я могу сказать, следовательно, о взглядах Зиновьева--Каменева за последние восемь лет их жизни, ни в коем случае не является свидетельским показанием. Но в моих руках достаточное количество документов и фактов, доступных проверке; я слишком хорошо знаю участников, их характеры, их отношения, всю обстановку, чтобы сказать с абсолютной уверенностью: обвинение Зиновьева и Каменева в терроре -- гнусный полицейский подлог, с начала до конца, без малейших крупиц истины.

Уже одно чтение судебного отчета ставит каждого мыслящего человека перед загадкой: кто, собственно, такие эти необыкновенные обвиняемые? Старые и опытные политики, которые борются во имя определенной программы и способны согласовать средства с целью, или же жертвы инквизиции, поведение которых определяется не их собственными разумом и волей, а интересами инквизиторов? Имеем ли мы дело с нормальными, людьми, психология которых представляет внутреннее единство, выражающееся в словах и в действиях, или же с клиническими субъектами, которые выбирают наименее разумные пути и мотивируют свой выбор наиболее несообразными доводами? Эти вопросы относятся прежде всего к Зиновьеву и Каменеву. Какими именно мотивами -- а мотивы должны были иметь исключительную силу -- руководствовались они в своем предполагаемом терроре? На первом процессе, в январе 1935 года, Зиновьев и Каменев, отрицая свое участие в убийстве Кирова, признали в виде компенсации свою "моральную ответственность" за террористические тенденции, причем в качестве побудительного мотива своей оппозиционной работы сослались на свое стремление.. . "восстановить капитализм". Если б не было ничего, кроме этого противоестественного политического "признания", ложь сталинской юстиции была бы достаточно обнажена. Кто может, в самом деле, поверить, будто Каменев и Зиновьев столь фантастически устремились к низвергнутому ими капитализму, что оказались готовы жертвовать для этой цели своими и чужими головами? Исповедь обвиняемых в январе 1935 года настолько грубо обнаруживала заказ Сталина, что покоробила даже наименее требовательных "друзей".

В процессе 16-ти (август 1936 года) "реставрация капитализма" совершенно

отбрасывается. Побудительной причиной, террора является голая "жажда власти". Обвинение отказывается от одной версии в пользу другой, как если бы дело шло" о разных решениях шахматной задачи, причем смена решений совершается молча, без комментариев. Вслед за прокурором обвиняемые повторяют теперь, что у них не осталось никакой программы, зато возникло непреодолимое стремление захва

тить командные высоты государства какой угодно ценою. Спрашивается, однако: каким образом убийство "вождей" могло доставить власть людям, которые в ряде покаяний успели подорвать к себе доверие, унизить себя, втоптать себя в грязь и тем раз навсегда лишить себя возможности играть в будущем руководящую политическую роль?

Если невероятна цель Зиновьева и Каменева, то еще более бессмысленны их средства. В наиболее продуманных показаниях Каменева настойчиво подчеркивается, что оппозиция окончательно оторвалась от масс, растеряла принципы, лишилась, тем самым, надежды на завоевание влияния в будущем и что именно поэтому она пришла к мысли о терроре. Нетрудно понять, насколько подобная самохарактеристика полезна Сталину: его заказ совершенно очевиден. Но если показания Каменева пригодны для унижения оппозиции, то они совершенно непригодны для обоснования террора. Именно в условиях политической изоляции террористическая борьба означает для революционной фракции быстрое сжигание самой себя на костре.

Мы, русские, слишком хорошо знаем это из примера Народной воли (1879--1883), как и из примера социалистов-революционеров в период реакции (1907--1909). Зиновьев и Каменев не только выросли на этих уроках, но и многократно комментировали их сами в партийной печати. Могли ли они, старые большевики, забыть и отвергнуть азбучные истины русского революционного движения только потому, что им очень захотелось власти? Поверить этому нет никакой возможности.

Допустим, однако, на минуту, что в головах Зиновьева и Каменева действительно возникла надежда достигнуть власти путем открытого самооплевания, дополненного анонимным террором (такое допущение равносильно, по существу, признанию Зиновьева и Каменева психопатами)! Каковы же были, в таком случае, двигательные пружины террористов-исполнителей, -- не вождей, прятавшихся за кулисами, а рядовых бойцов, тех, которые неминуемо должны были за чужую голову заплатить своей собственной? Без идеала и глубокой веры в свое знамя мыслим наемный убийца, которому заранее обеспечена безнаказанность, но не мыслим приносящий себя в жертву террорист. На процессе 16-ти убийство Кирова изображалось как маленькая часть плана, рассчитанного на истребление всей правящей верхушки. Дело шло о систематическом терроре грандиозного масштаба. Для непосредственного выполнения покушений нужны были бы десятки, если не сотни фантастических, самоотверженных, закаленных бойцов. Они не падают с неба. Их нужно отобрать, воспитать, организовать. Их нужно насквозь пропитать убеждением, что вне террора нет спасения. Кроме активных террористов нужны резервы. Рассчиты

вать на них можно лишь в том случае, если широкие круги молодого поколения проникнуты террористическими симпатиями. Создать такие настроения могла бы лишь проповедь террора, которая должна была иметь тем более страстный и напряженный характер, что вся традиция русского марксизма направлялась против терроризма. Эту традицию необходимо было сломить. Ей надо было противопоставить новую доктрину.

Если сами Зиновьев и Каменев не могли безмолвно отказаться от всего своего антитеррористического прошлого, то еще менее они могли направить на Голгофу своих

сторонников -- без критики, без полемики, без конфликтов, без расколов и без ... доносов. Столь радикальное идейное перевооружение, захватывающее сотни и тысячи революционеров, не могло, в свою очередь, не оставить многочисленных вещественных следов (документы, письма и пр.). Где все это? Где пропаганда? Где литература террора? Где отголоски прений и внутренней борьбы? В материалах процесса на это нет и намека.

Для Вышинского, как и для Сталина, подсудимые вообще не существуют как человеческие личности. Тем самым исчезают и вопросы их политической психологии. На попытку одного из обвиняемых сослаться на свои "чувства", помешавшие ему будто бы стрелять в Сталина, Вышинский отвечает ссылкой на мнимые физические препятствия: "Это .. . причина очевидная, объективная, а все остальное -- это психология". "Психология!" Какое уничтожающее презрение! Обвиняемые не имеют психологии, т. е. не смеют иметь ее. Их признания не вытекают из нормальных человеческих мотивов. Психология правящей клики, через посредство инквизиционной механики, безраздельно подчиняет себе психологию обвиняемых. Процесс построен по образцу трагического кукольного театра. Подсудимых дергают за нитки или за веревки, надетые на шею. Для "психологии" места нет. Однако же без террористической психологии немыслима и террористическая деятельность.

Примем, однако, абсурдную версию обвинения целиком. Гонимые "жаждой власти" вожди-капитулянты становятся террористами. Сотни людей настолько захватываются, в свою очередь, "жаждой власти" Зиновьева--Каменева, что покорно несут свои головы на плаху. Все это ... в союзе с Гитлером! Преступная работа, правда, не видимая невооруженным глазом, принимает неслыханные масштабы: организация покушения на всех "вождей", универсальный саботаж и шпионаж. И это -- не день, не месяц, а почти пять лет! И все это под маской преданности партии! Немыслимо представить себе более свирепых, холодных, закаленных преступников. И что же? В конце июля 1936 года эти монстры внезапно отрекаются от своего прошлого и от себя самих и жалко каются один за

другим. Ни один из них не завещает своих идей, целей и методов борьбы. Все наперебой стремятся очернить себя и других. Никаких данных, кроме признаний обвиняемых, у прокурора нет! Вчерашние террористы, саботажники и фашисты простираются ниц перед Сталиным и клянутся в горячей любви к нему. Кто же они, в конце концов, эти фантастические обвиняемые: преступники? психопаты? то и другое вместе? Нет, они клиенты Вышинского--Ягоды. Так выглядят люди, прошедшие длительную обработку ГПУ. В рассказах Зиновьева и Каменева об их прошлой преступной деятельности ровно столько же правды, сколько в их заверениях в любви к Сталину. Они жертвы тоталитарной системы, которая не заслуживает ничего, кроме проклятия.

ПОЧЕМУ ОНИ КАЮТСЯ В НЕСОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ?

1 января 1937 года. Этой ночью заревели обе сирены танкера, воздушная и паровая, дважды выстрелила сигнальная "пушка": "Руфь" приветствовала новый год. Никто не откликнулся. За все время мы встретили, кажись, только два парохода. Правда, мы держимся необычного пути. Зато сопровождающий нас фашистский полицейский офицер получил от своего социалистического министра Трюгве Ли поздравление по радио с новым годом. Не хватало только поздравления от Ягоды и Вышинского!

Самый простой для меня способ защиты против московских обвинений был таков: "Вот уже почти десять лет, как я не только не несу за Зиновьева и Каменева никакой ответственности, но наоборот, множество раз бичевал их как изменников. Действительно ли эти капитулянты, разочаровавшись в своих надеждах и запутавшись в интригах, дошли до

терроризма, я знать не могу. Но совершенно ясно, что они хотели вымолить помилование, скомпрометировав меня". В таком объяснении не было бы ни одного слова лжи. Но это только половина правды, а следовательно -- неправда. Несмотря на мой давний разрыв с обвиняемыми, я не сомневаюсь ни на минуту, что те старые большевики, которых я в течение многих лет знал в прошлом (Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский82), не совершили и не могли совершить ни одного из тех преступлений, в которых они "признавались". Людям неосведомленным такое утверждение кажется парадоксальным га, по меньшей мере, лишним. Зачем, говорят они, осложнять собственную защиту защитой своих злейших врагов от них же самих? Разве это не донкихотство?" Нет, это не донкихотство.

Чтоб положить конец московскому конвейеру подлога, нужно вскрыть политическую и психологическую механику "добровольных признаний".

В 1931 году в Москве был разыгран процесс меньшевиков, целиком основанный на покаяниях обвиняемых. Двух из них, историка Суханова83 и экономиста Громана84, я знал лично, первого -- довольно близко. Несмотря на то, что обвинительный акт в некоторых частях звучал фантастически, я не мог допустить, чтобы старые политические деятели, которых я при всей непримиримости наших взглядов считал честными и серьезными людьми, способны были так лгать на себя и на других. ГПУ, конечно, округлило собранный материал, говорил я себе, многое прибавило, но в основе показаний должны быть заложены действительные факты.

Помню сын мой, живший в Берлине, говорил мне при позднейшей встрече во Франции:

Процесс меньшевиков, по-видимому, сплошная фальси

фикация.

Но как же быть с показаниями Суханова и Громана? -

возражал я ему. -- Ведь это не подлецы и не продажные карь

еристы!

В объяснение, если не в оправдание, надо сказать, что я давно не следил за литературой меньшевиков, а с конца 1927 года жил вне политической среды (Центральная Азия, Турция) и совершенно не имел живых и непосредственных политических впечатлений. Моя ошибка в оценке процесса меньшевиков вытекала, во всяком случае, не из доверия к ГПУ (я и в 1931 году знал, что это учреждение выродилось в шайку негодяев), а из доверия к личности некоторых подсудимых. Я недооценил далеко зашедшую вперед технику деморализации и коррупции и переоценил нравственную стойкость некоторых жертв ГПУ.

Дальнейшие разоблачения по делу меньшевиков и новые процессы с ритуальными покаяниями раскрыли, по крайней мере для мыслящих людей, инквизиционные секреты ГПУ еще до процесса Зиновьева--Каменева.

В мае 1936 года я писал в "Бюллетене оппозиции": "Целая серия публичных политических процессов в СССР показала, с какой готовностью некоторые подсудимые возводят на себя преступления, которых они явно не совершали. Эти подсудимые, как бы играющие на суде затверженную роль, отделываются очень легкими, иногда заведомо фиктивными наказаниями. Именно в обмен на такую снисходительность юстиции они и дают свои "признания". Для чего, однако, фальшивые самооговоры нужны властям? Иногда для того, чтоб подвести под удар третье лицо, заведомо не причастное к делу; иногда, чтобы прикрыть свои собственные преступления, вроде ничем не оправдываемых кровавых репрессий; наконец, для того,

чтобы создать благоприятную обстановку для бонапартистской диктатуры ... Вынуждение от подсудимого фантастических показаний против себя самого, чтоб рикошетом ударить по другим, давно уже стало системой ГПУ, т. е. системой Сталина". Эти строки были опубликованы за два месяца до процесса Зиновьева--Каменева (август 1936 года), когда я впервые был назван в качестве организатора террористического заговора.

Все обвиняемые, имена которых мне известны, принадлежали ранее оппозиции, затем испугались раскола или преследований и решили во что бы то ни стало вернуться в ряды партии. Правящая клика требовала от них заявить во всеуслышание, что их программа ложна. Ни один из них не думал этого, наоборот, все были уверены, что развитие доказало правоту оппозиции. Тем не менее они подписали в конце 1927 года заявление, в котором ложно возводили на себя обвинение в "уклонах", "ошибках", грехах против партии и возвеличивали новых вождей, к которым не питали уважения. В эмбриональной форме перед нами здесь заложены целиком будущие московские процессы.

Первой капитуляцией дело не ограничилось. Режим становился все более тоталитарным, борьба с оппозицией -- все более бешеной, обвинения -- все более чудовищными. Политических дискуссий бюрократия допустить не могла, ибо дело шло о защите ее привилегий. Чтоб сажать противников в тюрьмы, ссылать их и расстреливать, недостаточно было обвинения в "уклонах". Нужно было приписать оппозиции стремление расколоть партию, разложить армию, низвергнуть советскую власть, восстановить капитализм. Чтоб подкрепить эти обвинения перед народом, бюрократия вытягивала каждый раз на свет божий бывших оппозиционеров одновременно в качестве свидетелей и обвиняемых.

Так капитулянты превращались постепенно в профессиональных лжесвидетелей против оппозиции и против себя самих. Во всех покаянных заявлениях неизменно фигурировало мое имя как главного "врага" СССР, т. е. советской бюрократии: без этого документ не имел силы. Сперва дело шло лишь о моих уклонах в сторону "социал-демократии"; на следующем этапе говорилось о контрреволюционных последствиях моей политики; еще дальше -- о моем союзе де факто, если не де-юре, с буржуазией против СССР и т. д. и т. д. Тот из капитулянтов, который пытался сопротивляться вымогательствам, встречал один и тот же ответ: "Значит, ваши предшествующие заявления были неискренни, вы -- тайный враг". Так последовательные покаяния становились ядром и тянули его на дно*.

* См. об этом мою книгу "Преданная революция", написанную до процесса 16-ти.

Как только надвигались политические затруднения, бывших оппозиционеров снова арестовывали и ссылали по совершенно ничтожным или фиктивным поводам: задача состояла в. том, чтобы разрушить нервную систему, убить личное достоинство, сломить волю. После каждой новой репрессии амнистию можно было получить только ценою двойного унижения. Требовалось заявить в печати: "Я признаю, что обманывал в прошлом партию, что держал себя в отношении советской власти нечестно, что был фактическим агентом буржуазии, но отныне я окончательно разрываю с троцкистскими контрреволюционерами ..." и т. д. Так совершалось шаг за шагом "воспитание", т. е. деморализация десятков тысяч членов партии, а косвенно и всей партии, обвиняемых, как и обвинителей.

Убийство Кирова (декабрь 1934 года) придало процессу растления партийной совести небывалую ранее остроту. После ряда противоречивых и лживых официальных заявлений бюрократии пришлось ограничиться полумерой, именно "признанием" Зиновьева, Каменева и других в том, что на них лежит "моральная ответственность" за террористический акт. Это

заявление было исторгнуто простым аргументом: "Если вы не поможете нам возложить на оппозицию хотя бы моральную ответственность за террористические акты, вы обнаружите тем свое фактическое сочувствие террору, и мы с вами поступим по заслугам". На каждом новом этапе вставала перед капитулянтами одна и та же альтернатива: либо отказаться от всех прежних "признаний" и вступить в безнадежный конфликт с бюрократией, без знамени, без организации, без авторитета; либо сделать еще шаг вниз, взвалив на себя и на других еще большие гнусности. Такова эта прогрессия падений! Установив ее приблизительный "коэффициент", можно было заранее предвидеть характер "покаяния" на следующем этапе. Я не раз производил эту операцию в печати.

Для достижений своих целей у ГПУ есть множество дополнительных ресурсов. Не все революционеры держали себя достойно в царских тюрьмах: одни каялись, другие выдавали, третьи просили милости. Старые архивы давно изучены и клас-сифицированы. Наиболее ценные досье хранятся в секретариате Сталина. Достаточно вынуть одну из этих бумажек, и высокий сановник ввергается в бездну.

Другие сотни нынешних бюрократов находились в лагере белых в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны. Таков, например, цвет сталинской дипломатии: Трояновский85, Майский86, Хинчук87, Сурiц88 и пр. Таков цвет журналистики: Кольцов89, Заславский90 и многие другие. Таков сам грозный обвинитель Вышинский, правая рука Сталина. Молодое поколение об этом не знает, старое делает вид, что забыло. Стоит вслух напомнить о прошлом какого-нибудь Трояновского, и

репутация дипломата разбита вдребезги. Сталин может, поэтому, требовать от Трояновских любых заявлений и свидетельств: Трояновские дадут их без отказа.

Покаянию каждой из крупных фигур предшествуют обычно ложные свидетельства десятков лиц, составляющих ее окружение. ГПУ начинает с ареста секретарей, стенографов, машинисток и обещает им не только освобождение, но и всякие льготы, если они дадут нужные показания против вчерашнего "патрона". Уже в 1924 году ГПУ довело моего секретаря Гла-змана91 до самоубийства.

В 1928 году начальник моего секретариата, инженер Бутов92, ответил голодной забастовкой на попытку ГПУ добиться от него ложных показаний против меня и на пятидесятый день умер в тюрьме Два других моих сотрудника, Сермукс93 и Познанский94, не покидали с 1929 года тюрьмы и ссылки. Какова ныне их судьба, мне неизвестно.

Не все секретари отличаются такой стойкостью. Большинство их деморализовано капитуляциями своих патронов и всей вообще гнилой атмосферой режима Чтобы вырвать показания у Смирнова и Мрачковского, ГПУ вооружилось ложными доносами их близких и далеких сотрудников, бывших друзей и родственников. Намеченная жертва оказывается в конце концов до такой степени окутанной сетью ложных свидетельств, что всякое сопротивление кажется бесцельным.

ГПУ тщательно следит за семейными отношениями сановников. Аресту будущих обвиняемых нередко предшествуют аресты их жен. На самом процессе жены обычно не фигурируют, но во время следствия помогают ГПУ сломить волю мужей. Во многих случаях арестованный идет на признания под угрозой интимных разоблачений, которые могут скомпрометировать его в глазах жены и детей. Даже в официальных отчетах можно открыть следы этой закулисной игры!

Наиболее многочисленный человеческий материал для судебных амальгам доставляет, пожалуй, широкий слой плохих администраторов, действительных или мнимых виновников

хозяйственных неудач, наконец, чиновников, неосторожных в обращении с общественными деньгами. Граница между легальным и нелегальным в СССР крайне туманна. Наряду с официальным жалованием существуют бесчисленные неофициальные и полулегальные подачки. В нормальные времена такие опера-ции проходят безнаказанно. Но ГПУ имеет возможность в любой момент предоставить своей жертве на выбор: погибнуть в качестве простого растратчика и вора или попытаться спастись в качестве мнимого оппозиционера, увлеченного Троцким на путь государственной измены.

Доктор Цилига95, югославский коммунист, проведший пять лет в тюрьмах Сталина, рассказывает, как упорствующих выводят несколько раз в день из камеры в тот двор, который

служит для расстрелов, и затем возвращают в камеру. Это действует. Каленого железа не применяют. Вероятно, не применяют и специфических медикаментов. Достаточно "морального" воздействия таких прогулок.

Простаки спрашивают: как же Сталин не боится, что его жертвы на открытом суде не очнутся и не обличат подлог? Риск такого рода совершенно ничтожен. Большинство подсудимых трепещет не только за себя, но и за своих близких. Не так просто решиться на эффектный жест в зале суда, когда жена, сын, дочь или все они вместе являются заложниками в руках ГПУ. И что значит раскрыть подлог? Ведь физических пыток не было. "Добровольные" признания каждого обвиняемого составляют естественное продолжение его предшествовавших покаяний Как заставить поверить судебный зал и все человечество, что все заявления и признания в течение десяти лет представляли лишь клевету на самого себя?

Смирнов пытался опровергнуть на суде "признания", сделанные им на предварительном следствии. Ему сейчас же противопоставили, в качестве свидетельницы, его жену, ему противопоставили его собственные предшествующие показания, все остальные подсудимые немедленно же начали клевать его.

К этому надо прибавить враждебность зала. По телеграммам и корреспонденциям услужливых журналистов суд кажется "гласным". На самом деле зал был битком набит агентами ГПУ, которые намеренно хохочут в самых драматических местах и аплодируют наиболее зверским выпадам прокурора. Иностранцы? Безразличные дипломаты, не знающие русского языка, или иностранные журналисты, типа Дуранти96, которые принесли готовое мнение в кармане! Французский журналист описывал очень картинно, как Зиновьев жадным взором обводил зал, но, не найдя ни одного сочувствующего лица, опустил в бессилии голову. Прибавьте к этому: стенографистки полностью в руках ГПУ, председатель может в любой момент прервать заседание, агенты ГПУ, изображающие публику, могут поднять бешеный рев. Все предусмотрено. Все роли расписаны. Обвиняемый, который во время предварительного следствия примирился с навязанной ему постыдной ролью, не видит никаких оснований менять ее во время суда: он рискует лишь потерять последнюю тень надежды на спасение.

Спасение? Но Зиновьев и Каменев, по мнению господ Притта и Розенмарка, не могли рассчитывать спасти свою жизнь посредством покаяния в несовершенных преступлениях. Почему не могли? В прошлом было несколько процессов, где обвиняемые спасли свою жизнь путем фальшивых самообличений. Подавляющее большинство людей, следивших за московским процессом во всех концах мира, надеялось на помилование обвиняемых. То же самое наблюдалось и в СССР. Ин

тереснейшее свидетельство об этом мы находим в лондонском "Дейли Геральд", органе

той партии, парламентскую фракцию которой украшает г. Притт.

Сейчас же после казни 16-ти московский корреспондент "Дейли Геральд" писал: "До последнего момента шестнадцать расстрелянных сегодня надеялись на помилование". И он прибавляет: "В широких кругах предполагалось, что специальный декрет, проведенный пять дней тому назад и давший им право апелляции, издан был с целью пощадить их". Это свидетельство показывает, что даже в Москве до последнего часа царила атмосфера надежд на помилование. Эти надежды намеренно поддерживались и питались сверху. Смертный приговор подсудимые встретили, по словам очевидцев, спокойно, как нечто само собой разумеющееся: они понимали, что придать вес их театральным покаяниям может только смертный приговор. Они не понимали, т. е. старались не понимать, что придать настоящий вес смертному приговору может лишь приведение его в исполнение. Каменев, наиболее расчетливый и вдумчивый из обвиняемых, питал, видимо, наибольшие сомнения насчет исхода неравной сделки. Но и он должен был сотни раз повторять себе: неужели Сталин решится? Сталин решился.

В первые два месяца 1923 года больной Ленин готовился открыть решительную борьбу против Сталина. Он опасался, что я пойду на уступки и 5 марта предостерегал меня: "Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет". Эта формула как нельзя лучше охватывала политическую методологию Сталина, в том числе и в отношении шестнадцати подсудимых: он заключил с ними "компромисс" -- через следователей ГПУ, а затем обманул их -- через палача.

Методы Сталина не были тайной для подсудимых. Еще в начале 1926 года, когда Зиновьев и Каменев открыто порвали со Сталиным и в рядах левой оппозиции обсуждался вопрос, с кем из противников мы могли бы заключить блок, Мрачков-ский, один из героев гражданской войны, сказал: "Ни с кем: Зиновьев убежит, а Сталин обманет". Эта фраза стала крылатой. Зиновьев заключил с нами вскоре блок, а затем действительно "убежал". Вслед за ним, в числе многих других, "убежал", впрочем, и Мрачковский. "Убежавшие" попытались заключить блок со Сталиным. Тот пошел на "гнилой компромисс", а потом обманул. Подсудимые выпили чашу унижений до дна. После этого их поставили к стенке.

Механика, как видим, сама по себе не сложна. Она лишь требует тоталитарного режима, т. е. отсутствия малейшей свободы критики, военного подчинения подсудимых, свидетелей, следователей, экспертов, прокуроров, судей одному и тому же лицу и полной монолитности прессы, которая своим волчьим воем устрашает обвиняемых и гипнотизирует общественное мнение.

"ЖАЖДА ВЛАСТИ"

3 января. По словам Вышинского (август 1936) у "Объеди-ненного центра" не было никакой программы. Им руководила лишь "голая жажда власти". Я, конечно, томился этой "жаждой" больше других. Тему о моем властолюбии не раз развивали наемники Коминтерна и некоторые буржуазные журналисты. В моем нетерпеливом стремлении овладеть рулем государства эти господа пытались найти ключ к моей неожиданной деятельности в качестве террориста. Такое объяснение -- "жажда власти" -- неплохо укладывается в ограниченную голову среднего филистера.

Когда в начале 1926 года "новая оппозиция" (Зиновьев, Каменев и др.) вступили со мной и моими друзьями в переговоры о совместных действиях, Каменев говорил мне в первой беседе* с глазу на глаз: "Блок осуществим, разумеется, лишь в том? случае, если вы намерены вести борьбу за власть. Мы в своей среде несколько раз ставили себе этот вопрос:

может быть, Троцкий устал и намерен ограничиваться литературной критикой, не вступая на путь борьбы за власть?" В те дни не только Зиновьев, великий агитатор, но и Каменев, "умный политик", по определению Ленина, находились еще полностью в плену иллюзии, будто утерянную власть легко будет вернуть. "Как только вы появитесь на трибуне рука об руку с Зиновьевым, -- говорил мне Каменев, -партия скажет: "Вот Центральный комитет! Вот правительство!" Весь вопрос только в том, собираетесь ли вы создавать правительство".

После трех лет оппозиционной борьбы (1923--1926 гг.) я; ни в малейшей степени не разделял этих оптимистических ожиданий. Наша группа ("троцкисты") успела к тому времени выработать уже довольно законченные представления о второй, термидорианской главе революции, о растущем разладе между бюрократией и народом, о национальном перерождении правящего слоя, о глубоком влиянии на судьбы СССР поражений мирового пролетариата. Вопрос о власти не стоял для меня самостоятельно, т. е. вне связи с этими основными внутренними и международными процессами. Роль оппозиции на ближайший период получила по необходимости подготовительный характер. Надо было воспитывать новые кадры и ждать дальнейшего развития событий. В этом смысле я и ответил Каменеву: "Я не чувствую себя ни в малейшей мере "уставшим", но считаю, что надо запасаться терпением на целый исторический период. Дело идет сейчас не о борьбе за власть, а лишь о подготовке идейных и организационных орудий для такой борьбы на случай нового подъема революции. Когда он наступит, не знаю".

Кто читал мою автобиографию97, "Историю русской революции"98, "Критику Третьего Интернационала"99 или последнюю книгу "Преданная революция", тому приведенный только что диалог с Каменевым не сообщает ничего нового. Я воспроизвел его здесь лишь потому, что он, сам по себе, достаточно ярко освещает вздорность и глупость приписываемой мне московскими фальшивомонетчиками "идеи": при помощи нескольких револьверных выстрелов повернуть колесо революции назад, к исходной октябрьской точке.

Уже в течение ближайших полутора лет ход внутрипартийной борьбы развеял иллюзии Зиновьева и Каменева насчет скорого возвращения к власти. Из этой проверки они сделали, однако, вывод, прямо противоположный тому, который отстаивал я. "Раз нет возможности вырвать власть у правящей ныне группы, -заявил Каменев, -- остается одно: вернуться в общую упряжку". К тому же заключению, с большими колебаниями в ту и другую сторону, пришел и Зиновьев.

Накануне, а, может быть, уже и во время Пятнадцатого съезда партии, исключавшего оппозицию, в декабре 1927 года, у меня был последний разговор с Зиновьевым и Каменевым. В те дни каждому из нас приходилось определять свою дальнейшую судьбу на долгий ряд лет, вернее, на весь остаток жизни. Под конец спора, который велся в сдержанных, но по существу глубоко "патетических" тонах, Зиновьев сказал мне: "В "Завещании" Владимир Ильич (Ленин) предупреждал, что отношения между Троцким и Сталиным могут расколоть партию. Подумайте, какую ответственность вы на себя берете! Верна или не верна наша платформа? Сейчас она более верна, чем когда бы то ни было! (через немного дней оба публично отреклись от платформы). Если так, то самая острота борьбы аппарата против нас свидетельствует о том, что дело идет не о конъюнктурных разногласиях, а о социальных противоречиях. Тот же Ленин в том же "Завещании" писал, что если разногласия в партии совпадут с расхождением между классами, то никакая сила не спасет нас от раскола, и меньше всего спасет от него капитуляция!"

Помню, что после нескольких реплик я снова вернулся к "Завещанию", в котором Ленин

напоминал, что Зиновьев и Каменев отшатнулись в 1917 году от восстания "не случайно".

"Сейчас момент в своем роде не менее ответственный, и вы собираетесь сделать новую ошибку того же типа, которая может оказаться величайшей ошибкой вашей жизни!" Эта беседа была последней. Мы не обменялись после этого ни одним письмом, ни одной вестью, ни прямо, ни косвенно. В течение следующих десяти лет я не переставал бичевать капитуляцию Зиновьева и Каменева, которая помимо жестокого удара по

оппозиции привела к гораздо более трагическим результатам для них самих, чем я мог ожидать в конце 1927 года.

26 мая 1928 года я писал из Алма-Аты (Центральная Азия) друзьям: "Нет, мы партии еще очень и очень понадобимся. Не нервничать по поводу того, что "все сделается без нас", не теребить зря себя и других, учиться, ждать, зорко глядеть и не позволять своей политической линии покрываться ржавчиной личного раздражения на клеветников и пакостников -- вот каково должно быть наше поведение".

Не будет преувеличением сказать, что высказанная в этих строках мысль является основным мотивом моей политической; деятельности. Начиная с молодых годов, я учился в школе марксизма презрению к тому поверхностному субъективизму, который стремится подстегнуть историю детским кнутиком или хлопушкой. В мнимореволюционном нетерпении я всегда видел источник как оппортунизма, так и авантюризма. В сотнях статей я нападал на тех, кто "предъявляет истории счет раньше срока" (май 1909 года). В марте 1931 года я с особенной симпатией цитировал слова моего покойного единомышленника Котэ Цинцадзе100, погибшего в ссылке: "Беда с людьми, которые не умеют ждать!"

Обвинение в нетерпении я отвергаю, как и многие другие обвинения. Я умею ждать. Да и что, в сущности, означает в этом случае слово "ждать"? Готовить будущее! Но разве не к этому сводится вся деятельность революционера?

Для пролетарской партии власть есть средство социалистической перестройки общества. Никуда не годился бы тот революционер, который не стремился бы поставить на службу своей программы государственный аппарат принуждения. В этом смысле борьба за власть представляет собою не какую-либо самостоятельную функцию, а совпадает со всей вообще революционной работой: воспитанием и объединением трудящихся масс. Поскольку овладение властью естественно вытекает из этой работы и служит ей, постольку и самая власть может доставить и личное удовлетворение. Но нужны совершенно исключительная тупость и вульгарность, чтобы стремиться к власти ради власти. На это способны лишь люди, непригодные ни на что лучшее.

"НЕНАВИСТЬ К СТАЛИНУ"

4 января. Остается еще сказать о так называемой "ненависти" моей к Сталину. О ней немало говорилось на московском процессе как о движущем мотиве моей политики. В устах какого-нибудь Вышинского, в передовицах московской "Правды" и органов Коминтерна разглагольствования о моей "нена

висти" к Сталину представляют оборотную сторону возвеличивания "вождя". Сталин творит "счастливую жизнь". Низвергнутые противники способны лишь завидовать ему и "ненавидеть" его. Таков глубокий психоанализ лакеев!

К касте жадных выскочек, которые душат народ "именем социализма", я отношусь с непримиримой враждебностью и, если угодно, с ненавистью. Но в этом чувстве нет ровно ничего персонального. Я слишком близко наблюдал все этапы пере- , рождения революции и почти автоматической узурпации ее завоеваний, я слишком настойчиво и тщательно искал

объяснений этих процессов в объективных условиях социальной борьбы, чтоб сосредоточивать свой взгляд и свои чувства на отдельном лице. Уже тот наблюдательный пункт, который я занимал, не позволял мне отождествлять реальную человеческую фигуру с ее гигантской тенью на экране бюрократии. Я считаю себя поэтому вправе сказать, что никогда не возвышал Сталина в своем сознании до чувства ненависти к нему.

Если оставить в стороне случайную встречу, без слов, в Ве-не, около 1911 года, на квартире Скобелева101, будущего министра Временного правительства, -- то впервые я соприкоснулся со Сталиным после прибытия из канадского концентрационного лагеря в Петербург в мае 1917 года.

Сталин был тогда для меня лишь одним из членов большевистского штаба, менее знаменитым, чем ряд других. Он не оратор. Пишет серо. Его полемика груба и вульгарна. На фоне грандиозных митингов, демонстраций, столкновений он политически едва существовал. Но и на совещаниях большевистского штаба он оставался в тени. Его медлительная мысль не поспевала за темпом событий. Не только Зиновьев и Каменев, но и молодой Свердлов102, даже Сокольников занимали большее место в прениях, чем Сталин, который весь 1917 год провел в состоянии выжидательности. Позднейшие попытки наемных историков приписать Сталину в 1917 году чуть не руководящую роль (через посредство никогда не существовавшего "Комитета" по руководству восстанием) представляют грубейшую политическую подделку.

После завоевания власти Сталин стал чувствовать себя и действовать несколько более уверенно, не переставая, однако, оставаться фигурой второго плана. Я заметил вскоре, что Ленин "выдвигает Сталина". Не очень задерживаясь вниманием на этом факте, я ни на минуту не сомневался, что Лениным руководят не личные пристрастия, а деловые соображения. Постепенно они выяснились мне. Ленин ценил в Сталине характер: твердость, выдержку, настойчивость, отчасти и хитрость как необходимое качество в борьбе. Самостоятельных идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Помню, во время гражданской

войны я расспрашивал члена ЦК Серебрякова103, который тогда работал вместе со Сталиным в Революционном военном совете Южного фронта: нужно ли там участие их обоих? Не смог ли бы Серебряков в интересах экономии сил справиться и без Сталина? Подумав, Серебряков ответил: "Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность". Способность "нажимать" Ленин в Сталине очень ценил. Сталин чувствовал себя тем увереннее, чем больше рос и креп государственный аппарат "нажимания". Надо прибавить: и чем больше дух 1917 года отлетал от этого аппарата.

Нынешние официальные приравнивания Сталина Ленину-- просто непристойность. Если исходить из размера личности, то нельзя поставить Сталина на одну доску даже с Муссолини104 или Гитлером. Как ни скудны "идеи" фашизма, но оба победоносных вождя реакции, итальянский и германский, начинали с начала, проявляли инициативу, поднимали на ноги массы, пролагали новые пути.

Ничего этого нельзя сказать о Сталине. Он вырос из аппарата и неотделим от него. К массам у него нет другого подхода, как через аппарат. Только после того, как обострение социальных противоречий на основе нэпа позволило бюрократии подняться над обществом, Сталин стал подниматься над партией.

В первый период он сам был застигнут врасплох собственным подъемом. Он ступал неуверенно, озираясь по сторонам, всегда готовый к отступлению. Но его в качестве

противовеса мне поддерживали и подталкивали Зиновьев и Каменев, отчасти Рыков105, Бухарин106, Томский. Никто из них не думал тогда, что Сталин перерастет через их головы. В период "тройки" Зиновьев относился к Сталину осторожно--покровительственно. Каменев -- слегка иронически. Помню, Сталин в прениях ЦК употребил однажды слово "ригористический" совсем не по назначению (с ним это случается нередко); Каменев оглянулся на меня лукавым взглядом, как бы говоря: "Ничего не поделаешь, надо брать его таким, каков он есть". Бухарин считал, что "Коба" (старая подпольная кличка Сталина) -- человек с характером (о самом Бухарине Ленин публично говорил: мягче "воска") и что "нам" такие нужны, а если он невежествен и малокультурен, то "мы" ему поможем. На этой идее основан был блок Сталина--Бухарина после распада тройки. Так все условия -- и социальные, и персональные -- содействовали подъему Сталина.

В 1923 или 1924 году И. Н. Смирнов, расстрелянный позже вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне в частной беседе: "Сталин -- кандидат в диктаторы? Да ведь это же совсем серый и ничтожный человек". "Серый -- да, ничтожный -- нет", -- отвечал я Смирнову.

На ту же тему были у меня два с лишним года спустя споры с Каменевым, который вопреки очевидности утверждал, что Сталин -- "вождь уездного масштаба".

В этой саркастической характеристике была, конечно, частица правды, но только частица. Такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низших свойствах человеческой натуры, развиты у Сталина необычайно и при сильном характере представляют могущественные орудия в борьбе. Конечно, не во всякой. Освободительной борьбе масс нужны другие качества. Но где дело идет об отборе привилегированных, об их сплоченьи духом касты, об обессиливаньи и дисциплинированьи масс, там качества Сталина поистине неоценимы, и они по праву сделали его вождем термидора.

И все же взятый в целом Сталин остается посредственностью. Он не способен ни к обобщению, ни к предвиденью. Его ум лишен не только блеска и полета, но даже способности к логическому мышлению. Каждая фраза его речи преследует какую-либо практическую цель; но речь в целом никогда не поднимается до логического построения. В этой слабости -- сила Сталина.

Бывают исторические задачи, разрешить которые можно только отказавшись от обобщений; бывают эпохи, когда обобщение и предвиденье исключают непосредственные успехи: это эпохи сползания, снижения, реакции. Гельвеции107 говорил некогда, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находят, то она изобретает их. По поводу забытого ныне французского генерала Шангарнье Маркс писал: "При полном недостатке в великих людях партия порядка естественно была вынуждена приписать недостающую всему ее классу силу одному единственному индивидууму и таким образом раздула его в какое-то чудовище". Чтоб закончить с цитатами, можно применить к Сталину слова, сказанные Энгельсом о Веллингтоне108: "Он был велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью". Индивидуальное "величие" есть в последнем счете -- социальная функция.

Если бы Сталин мог с самого начала предвидеть, куда его заведет борьба против "троцкизма", он, вероятно, остановился бы, несмотря на перспективу победы над всеми противниками. Но он ничего не предвидел. Предсказания противников насчет того, что он

станет вождем термидора, могильщиком партии и революции, казались ему пустой игрой воображения. Он верил в самодовлеющую силу аппарата, в его способность разрешать все задачи. Он совершенно не понимал выполняемой им исторической функции. Отсутствие творческого воображения, неспособность к обобщению и к предвидению, убили Сталина как

революционера. Но те же черты позволили ему авторитетом бывшего революционера прикрыть восхождение термидорианской бюрократии.

Сталин систематически развращал аппарат. В ответ аппарат разнуздывал своего вождя. Те черты, которые позволили Сталину организовать величайшие в человеческой истории подлоги и судебные убийства, были конечно, заложены в его природе. Но понадобились годы тоталитарного всемогущества, чтоб придать этим преступным чертам поистине апокалиптические размеры.

Я упомянул выше хитрость и отсутствие сдерживающих внутренних начал. К этому надо прибавить жестокость и мстительность. Ленин еще в 1921 году предостерегал против назначения Сталина в генеральные секретари: "Этот повар будет готовить только острые блюда". В 1923 году, в интимной беседе с Каменевым и Дзержинским109, Сталин признавался, что высшее для него наслаждение в жизни состоит в том, чтоб наметить жертву, подготовить месть, нанести удар, а затем пойти спать. "Он дурной человек, -- говорил мне о Сталине Крес-тинский110, --. у него желтые глаза". Сталина не любили даже в рядах бюрократии, до тех пор пока не почувствовали надобности в нем.

Не без колебаний приведу два факта из личной жизни Сталина, которые получают теперь общественное значение. Бухарин рассказывал мне лет двенадцать тому назад как Сталин развлекался, пуская своей десятимесячной девочке111 дым из трубки в лицо: ребенок задыхался и плакал, а Сталин смеялся.

Да что вы выдумываете! -- прервал я Бухарина.

Ей-богу, правда, -- отвечал он со свойственной ему ре

бячливостью.

Десятилетний сын Сталина112 часто укрывался у нас на квартире, весь бледный, с дрожащими губами.

-- Мой папа сумасшедший, -- говорил он вслух, уверенный,

что наши стены обеспечивают его неприкосновенность.

Чем бесконтрольнее становилась власть бюрократии, тем грубее выпирали наружу преступные черты в характере Сталина. Крупская113, которая в 1926 году примкнула ненадолго к оппозиции, рассказывала мне о глубоком недоверии и острой неприязни, с какими Ленин относился к Сталину в последний период жизни и которые нашли лишь крайне смягченное выражение в его "Завещании".

-- Володя говорил мне: у него (Сталина) нет элементарной

честности, понимаешь, самой простой человеческой честности...

Последний оставшийся от Ленина документ, -- это продиктованное им письмо, в котором он извещал Сталина о разрыве с ним всех личных и товарищеских отношений. Можно себе

представить, как накипело у больного на сердце, если он решился на такой крайний шаг!.. А между тем подлинный "сталинизм" развернулся только после смерти Ленина.

Нет, личная ненависть -- слишком узкое, домашнее, комнатное чувство, чтоб оно могло оказать воздействие на направление исторической борьбы, неизмеримо перерастающей

каждого из участников. Разумеется, Сталин заслуживает самой суровой кары и как могильщик революции, и как организатор неслыханных преступлений. На эта кара не есть самостоятель-ная цель, и для нее не существует особых методов. Она дол-жна вытечь -- и вытечет! -- из победы рабочего класса над бюрократией. Этим я вовсе не хочу умалить лежащую лично на Сталине ответственность. Наоборот, именно потому, что его преступления так беспримерны, отвечать на них террористическим актом не может придти в голову ни одному серьезному революционеру. Только историческая катастрофа сталинизма в результате революционной победы масс может доставить не только политическое, но и нравственное удовлетворение. А эта катастрофа неизбежна.

Чтоб закончить с "ненавистью" и "жаждой власти", мне приходится прибавить, что несмотря на личные испытания последнего периода, я бесконечно далек от той психологии "отчаянья", какую навязывает мне советская печать, сталинская прокуратура и их неосторожные или неуемные "друзья" на Западе. Ни один день за эти тринадцать лет я не чувствовал себя ни сломленным, ни побежденным. Ни. на один день я не переставал глядеть на клевету и клеветников сверху вниз. В школе великих исторических потрясений я учился и, думается мне, научился измерять ход развития его собственным, внутренним ритмом, а не коротким метром личной судьбы. К людям, которые способны видеть жизнь в черном цвете только потому, что они потеряли священный министерский пост, я могу питать лишь ироническое сожаление. Движение, которому я служу, проходило на моих глазах через периоды подъемов, спусков и новых подъемов. Сейчас оно далеко отброшено назад. Но в объективных условиях мирового хозяйства и мировой политики заложены условия нового гигантского подъема, который далеко оставит позади все предшествующие. Ясно предвидеть это будущее, готовиться к нему через все трудности настоящего, содействовать формированию новых марксистских кадров -- выше этой задачи для меня нет ничего... Остается только извиниться перед читателем за эти чисто личные признания: они вынуждены самим существом судебного подлога.

5 января, семнадцатый день пути. После эпизодического поражения петербургских рабочих в июле 1917 года правительство Керенского114 объявило Ленина, меня и ряд других большевиков (Сталин не попал тогда в их число только потому, что

им никто не интересовался) агентами немецкого генерального штаба. Опарой обвинения явились показания прапорщика Ермоленко115, агента царской контрразведки. На первом после "разоблачения" заседании большевистской фракции Совета царило настроение подавленности, недоумения, почти кошмара. Ленин и Зиновьев уже скрылись. Каменев был арестован. "Ничего не поделаешь, -- говорил я в своем докладе, -- петербургских рабочих побили, большевистскую партию загнали в подполье. Соотношение сил сразу изменилось. Все темное, невежественное полезло наверх. Прапорщик Ермоленко стал вдохновителем Керенского, который немногим выше его. Придется нам пройти через эту непредвиденную главу... Но когда массы поймут связь между клеветой и интересами реакции, они повернутся в нашу сторону". Я не предвидел тогда, что Иосиф Сталин, член ЦК большевистской партии, обновит через 18 лет версию Керенского--Ермоленко!116

Ни один обвиняемый из числа старых большевиков не признал своей "связи" с гестапо. Между тем они не были скупы на признания. Каменеву, Зиновьеву и другим воспрепятствовали следовать до конца за ГПУ не только остатки самоуважения, но и соображения здравого смысла. По их диалогу с прокурором относительно гестапо нетрудно восстановить тот торг, который велся за кулисами во время судебного следствия. "Вы хотите

опорочить и уничтожить Троцкого? -- говорил, вероятно, Каменев. -- Мы вам поможем. Мы готовы представить Троцкого организатором террористических актов. Буржуазия в этих вопросах плохо разбирается, да и не только буржуазия: большевики... террор... убийства... жажда власти... жажда мести... Этому могут поверить... Но никто не может поверить, что Троцкий или мы, Каменев, Зиновьев, Смирнов и пр., связаны с Гитлером. Перейдя все пределы вероятия, мы рискуем скомпрометировать и обвинение в терроре, которое, как вы сами хорошо знаете, тоже не воздвигнуто на гранитном фундаменте. К тому же обвинение в связи с гестапо слишком напоминает клевету на Ленина и того же Троцкого в 1917 году..."

Предположительная аргументация Каменева достаточно убедительна. Сталина она, однако, не поколебала: он ввел в дело гестапо. Первое впечатление таково, что злоба ослепила его. Но это впечатление, если и не ошибочно, то односторонне. У Сталина тоже не было выбора. Обвинение в терроре само по себе не решало задачи. Буржуазия подумает: "Большевики уничтожают друг друга; подождем, что из этого выйдет".

Что касается рабочих, то значительная часть их может сказать: "Советская бюрократия захватила все богатства и всю власть и подавляет каждое слово критики, -- может быть, Троцкий и прав, призывая к террору. Наиболее горячая часть советской молодежи, узнав, что за террором стоит авторитет

хорошо знакомых ей имен, может действительно повернуть на этот неизведанный еще ею путь".

Сталин не мог не предвидеть опасных последствий собственной игры. Именно поэтому возражения Каменева и других на него не действовали. Ему необходимо было утопить противников в грязи. Ничего более действительного, чем связь с гестапо, он придумать не мог. Террор в союзе с Гитлером! Рабочий, который поверит этой амальгаме, получит навсегда прививку против "троцкизма". Трудность только в том, чтоб заставить поверить...

Ткань процесса, даже в той приглаженной и фальсифицированной форме, в какой она выступает из официального "Отчета" (Изд. Народного комиссариата юстиции), представляет такое нагромождение противоречий, анахронизмов и просто бессмыслицы, что одно лишь систематическое изложение "Отчета" разрушает все обвинение. Это не случайно. ГПУ работает вне контроля. Никаких трений, разоблачений, неожиданностей опасаться не приходится. Полная солидарность прессы обеспечена. Следователи ГПУ рассчитывают гораздо больше на устрашение, чем на собственную изобретательность. Даже как подлог процесс груб, нескладен, местами непроходимо глуп. Нельзя не отметить, что дополнительную печать глупости накладывает на него всемогущий прокурор Вышинский, бывший провинциальный адвокат из меньшевиков.

И все же замысел чудовищнее исполнителя. Тот факт, например, что важнейший свидетель против меня, единственный из старых большевиков, который будто бы непосредственно посетил меня за границей, именно Гольцман, имел несчастье назвать в качестве проводника моего сына, которого в Копенгагене не было, и выбрать местом свидания отель "Бристоль", которого давно нет на свете, -- этот и подобные факты имеют, с чисто юридической точки зрения, решающее значение.

Но для всякого мыслящего человека, не лишенного психологического и нравственного чутья, нет, в сущности, надобности в этих "маленьких" дефектах большого подлога. Узор фальшивой монеты может оказаться лучше или хуже выполненным. Но стоит ли разбираться в узоре, если, взяв монету на ладонь, я могу уверенно сказать: она легковесна, или, бросив ее на стол, я обнаружу, что она звучит глухим звуком "амальгамы", Утверждение, будто я мог

вступить в союз с гестапо, чтоб убить сталинского чиновника Кирова, настолько глупо само но себе, что умный и честный человек не захочет даже разбираться в подробностях сталинского подлога.

ПОСЫЛКА "ТЕРРОРИСТОВ" ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

6 января. Ночью вошли в Мексиканский залив. Температура воды 27 °С! В каюте жарко. Полицейский офицер и Капитан регулируют по радио условия нашей высадки (видимо, в Там-пико, а не в Вэра-Крус, как предполагалось несколько дней тому назад).

С подготовкой судебных подлогов связана одна из самых постыдных глав советской дипломатии: инициатива Литвинова в деле международной борьбы с террористами. 9 октября 1934 года во Франции были убиты югославский король Александр117 и французский министр Барту118. Убийство организовано было хорватскими и болгарскими националистами, за спиной которых стояли Венгрия и Италия. Если марксизм отвергает террористические методы борьбы, то отсюда вовсе ·не вытекает, что марксисты могут подать руку империалистской полиции в целях совместного истребления "террористов". Между тем именно таково было поведение Литвинова в Женеве. Со ссылками на Маркса он выдвинул лозунг: "Полицейские всех стран, объединяйтесь!" "Не может быть, -- говорил я тогда же друзьям, -- чтоб эта гнусность не преследовала какой-то вполне определенной цели. Для расправы над внутренними противниками Сталин не нуждается в Лиге Наций. Против кого же направлены речи Литвинова?" Я не мог не ответить: против меня. Что именно подготовляется, этого я, конечно, знать не мог. Но для меня было уже тогда несомненно, что дело идет о каком-то гигантском подлоге, в который я какими-то путями должен быть втянут, причем международная поли-ция, вдохновляемая Литвиновым, должна помочь Сталину добраться до меня.

Сейчас вся эта махинация представляется совершенно очевидной. Первые попытки Литвинова создать священный союз против "террористов" совпадают с периодом подготовки первой амальгамы вокруг Кирова. Соответственные инструкции даны были Сталиным Литвинову до убийства Кирова, т. е. в те горячие дни, когда ГПУ подготовляло покушение в расчете запутать в него оппозицию. Замысел оказался, однако, слишком сложен и встретил на пути ряд препятствий. Николаев выстрелил слишком рано. Латышский консул119 не успел связать террористов со мной. Международный трибунал против террористов не создан и до сих пор. От великого замысла добраться до меня через посредство Лиги Наций остались пока что лишь скандальные выступления советского дипломата, направленные на объединение мировой полиции против "троцкизма".

"Террористическая" неделя в Копенгагене (ноябрь 1932 года) тесно связана с идеей международного трибунала. Если террористический центр существует и действует в Москве, а я

из-за границы только "вдохновляю" его посредством писем, которых никак не даются в руки прокуратуры, то возможность обвинения меня перед трибуналом Лиги Наций остается слишком проблематической. Совершенно необходимо было, чтоб я лично посылал из-за границы живых террористов. Вот почему неизвестные мне молодые люди Берман и Фриц Давид120 явились ко мне будто бы в Копенгаген, где я в течение одной беседы превратил каждого из них в террориста, а заодно и в агента гестапо.

Отправляя их в СССР с поручением убить как можно большее число "вождей" в возможно более короткий срок, я предлагал им, однако, не вступать в отношения с московским террористическим центром... по соображениям конспирации: наиболее верное

средство сохранить "террористический центр" в неприкосновенности состоит, видите ли, в том, чтобы освободить его от участия в террористических актах... С той же целью: подготовить необходимые свидетельские показания для трибунала Лиги Наций, приезжал ко мне в Копенгаген Гольцман, который имел, однако, несчастие встретиться в давно упраздненном отеле с моим сыном, находившимся в это время в Берлине. С Ольбергом121 и двумя Лурье, Моисеем122 и Натаном123, дело обстояло проще: я направил их на террористическую работу заочно, ни разу не видев их в глаза. Нет, копенгагенская неделя не принесла лавров авторам великого замысла. Но что могли они предложить другое?

* * *

Каменев с особой настойчивостью предрекал на суде, что доколе Троцкий остается за границей, дотоле оттуда будут неизбежно прибывать в Советский Союз террористы. Сохраняя черты "умного политика" и на последней ступени своего унижения, Каменев наиболее прямо шел навстречу главной задачи Сталина: сделать мое пребывание невозможным ни в одном из иностранных государств. Троцкий за границей означает террористические акты в СССР! Каменев обходил вопрос о том, из какой, собственно, среды я смогу вербовать террористов. За границей есть два круга русских людей: белая эмиграция и советские колонии вокруг посольств.

После моей высылки в Турцию ГПУ делало через посредство секций Коминтерна настойчивые попытки "связать" иностранных, в частности чешских, "троцкистов" с белой эмиграцией. Но первые же мои статьи, опубликованные за границей, положили конец этим проискам. Во всех своих, без исключения, группировках белая эмиграция, как она ни враждебна Сталину, чувствует себя политически несравненно ближе к нему, чем ко мне, и совершенно не скрывает этого. Что касается заграничных советских кругов, то они крайне узки и нахо

дятся под таким надзором ГПУ, что о какой-либо организационной работе в их среде не может быть и речи. Достаточно напомнить, что Блюмкин124 был расстрелян за один лишь визит ко мне, вскоре после моего прибытия в Константинополь: это была единственная моя встреча с советским гражданином за все годы моего нынешнего изгнанья. Во всяком случае, в списке обвиняемых не оказалось никого из состава белой эмиграции или заграничных советских служащих.

Кто же такие те пять "террористов", которых я будто бы послал в Москву из-за границы и которые обнаружили свои террористические намерения только в зале судебных заседаний? Все это -- еврейские интеллигенты, притом не из СССР, а из лимитрофов, входивших некогда в состав царской России (Литва, Латвия...). Их семьи бежали в свое время от большевистской революции, но представители младшего поколения, благодаря подвижности, приспособляемости, знанию языков, в частности русского, недурно устроились впоследствии в аппарате Коминтерна. Сплошь выходцы из мелкобуржуазной среды, без связи с рабочим классом какой бы то ни было страны, без революционного закала, без серьезной политической подготовки, эти безличные чиновники Коминтерна, всегда покорные последнему циркуляру, стали поистине бичом международного рабочего движения. Иные из них, потерпев аварию на своем пути, заигрывали временно с оппозицией. И в статьях, и в письмах я не раз предостерегал своих единомышленников против подобных господ. И вот оказывается, что как раз этим коминтерновским комиссионерам я вдруг сразу с первого -свидания или даже заглазно, доверил самые сокровенные свои планы по части террора, а заодно и свои связи с гестапо. Нелепо? Но в

том-то и дело, что другой среды, из которой я мог бы из-за границы вербовать "террористов", ГПУ не нашло. А без отправки мною эмиссаров из-за границы мое участие в терроре сохраняло бы слишком отвлеченный характер.

Одна бессмыслица влечет за собой другую: агентами гестапо оказываются, как на подбор, пять еврейских интеллигентов (Ольберг, Берман, Давид, два Лурье)! Достаточно известно, что широкие круги еврейской интеллигенции, в том числе и в Германии, поворачивались в сторону Коминтерна не из интереса к марксизму и коммунизму, а в поисках опоры против агрессивного антисемитизма. Это понять можно. Но какие политические или психологические мотивы могли толкнуть пять русско-еврейских интеллигентов ступить на путь террора против Сталина... в союзе с Гитлером? Сами обвиняемые тщательно обходили эту загадку. Вышинский тоже не ломал над ней своей головы. Между тем она заслуживает вниманья. Мною лично руководила "жажда власти". Допустим! Но какие чувства двигали этими пятью незнакомцами? Они-то во всяком слу

чае собирались отдавать свои головы. Во имя чего? Во славу Гитлера?

Однако и мотивы Троцкого вовсе не так ясны, как хочется думать Приттам, Розенмаркам и остальным заграничным адвокатам советского прокурора. Выходит, что из "ненависти" к Сталину я делал как раз то, в чем Сталин больше всего нуждался.

С 1927 года я не десятки, а сотни раз предупреждал о том, что логика бонапартизма будет побуждать Сталина пытаться подкинуть оппозиции военный заговор или террористический акт. С момента приезда в Константинополь я многократна повторял и политически обосновывал эти предупреждения в печати. Зная таким образом заранее, что Сталину до зарезу нужны покушения на его "священную особу", я занялся поставкой таких заговоров; на роли исполнителей я выискивал случайных и заведомо ненадежных людей; в качестве союзника я выбрал Гитлера; в агенты гестапо я определял евреев; чтоб сотрудничество мое с гестапо не осталось, упаси боже, под секретом, я рассказывал об этом направо и налево. Словом, я делал как раз то, чего требовало от меня воображение среднего провокатора ГПУ.

В МЕКСИКЕ

9 января, жарким тропическим утром, наш танкер входил в гавань Тампико. Мы все еще не знали, что нас ждет впереди. Наши паспорта и наши револьверы оставались по-прежнему в руках полицейского фашиста, который и в территориальных водах Мексики поддерживал режим, установленный норвежским "социалистическим" правительством. Я предупредил полицейского и капитана, что мы с женой высадимся добровольно лишь в том случае, если нас встретят друзья: у нас не было ни малейшего основания доверять норвежским вассалам ГПУ под тропиками, как и на параллели Осло. Но все уладилось благополучно.

Вскоре после остановки танкера к нему подошел правительственный катер с представителями местной и центральной власти, с мексиканскими и иностранными журналистами и, главное, с верными и надежными друзьями. Здесь были: Фрида Ривера, жена знаменитого художника125, которого болезнь удержала в клинике; Макс Шахтман126, марксистский журналист и близкий единомышленник, посещавший нас ранее в Турции, во Франции и в Норвегии; наконец, Жорж Новак127, секретарь нью-йоркского комитета защиты Троцкого.

После четырех месяцев заключения и изолированности встреча с друзьями была особенно тепла! Норвежский полицейский, передавший нам, наконец, наши паспорта и револьверы, со

смущением наблюдал предупредительное отношение к нам со стороны мексиканского полицейского генерала.

Покинув танкер, мы не без волнения вступили на почву Нового Света. Несмотря на январь, эта почва дышала теплом. Нефтяные вышки Тампико напоминали Баку. В отеле мы сразу почувствовали, что не знаем испанского языка. В десять часов вечера мы в предоставленном нам министром путей сообщения генералом Мухика специальном вагоне выехали из Тампико в столицу.

Контраст между северной Норвегией и тропической Мексикой чувствовался не только в климате. Вырвавшись из атмосферы отвратительного произвола и изнуряющей неизвестности, мы на каждом шагу встречали гостеприимство и внимание. Нью-йоркские друзья оптимистически рассказывали о работе своего Комитета, о росте недоверия к московскому процессу, о перспективах контрпроцесса. Общее заключение было таково, что надо как можно скорее выпустить книгу о судебных подлогах Сталина. Новая глава нашей жизни открывалась крайне благоприятно. Но... каково будет ее дальнейшее развитие?

Через окна вагона мы с жадным интересом наблюдали тропический ландшафт. У села Карденас, между Тампико и Сан-Луис-Потоси, два паровоза стали поднимать наш поезд на плато. Повеяло прохладой, и мы вскоре освободились от овладевшего нами в парной атмосфере Мексиканского залива страха северян перед тропиками. Утром, 11-го, мы высадились в Лечериа, маленькой станции перед столицей, где обняли Диего Риверу, прибывшего из клиники: ему прежде всего мы были обязаны нашим освобождением из норвежского плена. С ним было несколько друзей: Фриц Бах, бывший швейцарский коммунист, ставший мексиканским профессором; Гидальго128, участник гражданской войны в рядах армии Сапаты129; несколько человек молодежи. В автомобилях нас доставили в полдень в Койоакан, предместье Мексики, где мы водворились в синем доме Фриды Ривера, с апельсиновым деревом в центре двора.

В благодарственной телеграмме президенту Карденасу130, посланной еще из Тампико, я повторил, что намерен строжайше воздерживаться от вмешательства в мексиканскую политику. Я не сомневался ни на минуту, что на помощь так называемым друзьям СССР в Мексику проникнут ответственные агенты ГПУ, чтоб всеми мерами затруднить мое пребывание в гостеприимной стране. Из Европы шло, тем временем, предупреждение за предупреждением. Да и могло ли быть иначе? Сталин рисковал слишком многим, если не всем. Его первоначальный расчет, основанный на внезапности и быстроте действий, оправдался только на половину. Мое переселение в Мексику резко меняло соотношение сил к невыгоде Кремля. Я получал возможность апеллировать к мировому общественному

мнению. "Чем это кончится?" -- должны были себя с тревогой спрашивать те, которые слишком хорошо знали хрупкость и гниль своих судебных подлогов.

Один признак тревоги в Москве бил в глаза: мексиканские коммунисты стали посвящать мне целые номера своей еженедельной газеты и даже выпускать специальные номера, заполняя их старыми и новыми материалами из водосточных канав ГПУ и Коминтерна. Друзья говорили: "Не обращайте внимания: эта газета пользуется заслуженным презрением". Я и сам не собирался вступать в полемику с лакеями, когда впереди предстояла борьба с их хозяевами. Крайне недостойно держал себя и секретарь Конфедерации профессиональных союзов Ломбардо Толедано131. Политический дилетант из адвокатов, чуждый пролетариату и революции, этот господин посетил в 3935 году Москву и вернулся оттуда, как полагается, бескорыстным другом СССР.

Доклад Димитрова на VII конгрессе Коминтерна о политике "народных фронтов" -- этот документ теоретической и политической прострации -Толедано объявил... самым важным произведением со времени Коммунистического манифеста. С момента моего прибытия в Мексику этот господин клевещет на меня тем более бесцеремонно, что ввиду моего невмешательства во внутреннюю жизнь страны заранее рассчитывает на полную безнаказанность. Русские меньшевики были подлинными рыцарями революции по сравнению с подобными невежественными и чванными карьеристами. Среди иностранных журналистов сразу выделился мексиканский корреспондент "Нью-Йорк таймс" Клукхон, который под видом интервью несколько раз пытался подвергнуть меня полицейскому допросу. Нетрудно было понять, из каких источников вдохновлялось это усердие.

По поводу мексиканской секции Четвертого Интернационала я заявил печатно, что не могу нести никакой ответственности за ее работу. Я слишком дорожил новым убежищем, чтоб позволить себе какую-либо неосторожность. В то же время я предупреждал мексиканских и североамериканских друзей о том, что следует ждать совершенно исключительных мер "самообороны" со стороны сталинских агентов в Мексике и Соединенных Штатах. В борьбе за свою международную репутацию и власть правящая клика в Москве не остановится ни перед чем, и меньше всего перед расходом в несколько десятков миллионов долларов на покупку человеческих душ. Не знаю, были ли у Сталина колебания по поводу постановки нового процесса. Думаю, что не могли не быть. Мой переезд в Мексику должен был, однако, сразу положить им конец. Теперь необходимо было во что бы то ни стало и как можно скорее заглушить предстоящие разоблачения сенсацией

новых обвинений. Подготовка дела Радека и Пятакова велась еше с конца августа. Операционной базой "заговора" выбрано было на этот раз, как и следовало предвидеть, Осло: ведь надо было облегчить норвежскому правительству высылку меня из страны. Но в успевшие устареть географические рамки подлога включены были спешно новые, свежие элементы: через Владимира Ромма я стремился, видите ли, овладеть секретами вашингтонского правительства, а через Карла Радека я собирался снабжать Японию нефтью в случае войны с Соединенными Штатами. Только за краткостью срока ГПУ не смогло организовать мне встречу с японскими агентами в мексиканском парке Чапулътепек.

]9-го пришла первая телеграмма о предстоящем процессе. 21-го я ответил на нее статьей, которую считаю нужным перепечатать здесь. 23-го начался в Москве суд. Опять, как в августе, мы пережили неделю кошмара. Несмотря на то, что после прошлогоднего опыта механика дела была ясна заранее, впечатление морального ужаса скорее усилилось, чем ослабело Телеграммы из Москвы казались бредом. Каждую строку приходилось перечитывать несколько раз, чтобы заставить себя поверить, что за этим бредом стоят живые люди. Некоторых из этих людей я знал близко. Они были не хуже других людей наоборот, лучше многих. Но их отравил ложью, а затем раздавил тоталитарный аппарат. Они лгут на себя, чтоб дать возможность правящей клике оболгать других. Сталин поставил себе целью заставить человечество поверить в невозможные преступления. Опять приходилось спрашивать себя: неужели человечество так глупо? Конечно, нет. Но дело в том, что подлоги самого Сталина настолько чудовищны, что тоже кажутся невозможными преступлениями.

Как убедить человечество, что эта видимая невозможность есть на самом деле зловещая реальность? Поединок ведется неравным оружием. С одной стороны -- ГПУ, суд, печать, дипломатия, наемная агентура, журналисты типа Дуранти, адвокаты ти-па Притта. С другой стороны -- изолированный обвиняемый, едва вырвавшийся из социалистической тюрьмы, в

чужой и далекой стране, без собственной печати и средств. И все же я ни на минуту не сомневался в том, что всемогущие организаторы амальгамы идут навстречу катастрофе. Спираль сталинских подлогов, уже успевшая захватить слишком большое число людей, фактов и географических пунктов, продолжает расширяться. Всех обмануть нельзя. Не все хотят быть обмануты. Французская Лига прав человека со своим девственным президентом Виктором Башем способна, конечно, почтительно проглотить второй и десятый процессы, как проглотила первый. Но факты сильнее патриотического усердия сомнительных поборников права. Факты проложат себе дорогу.

Уже в течение судебного разбирательства я передал печати ряд документальных опровержений и поставил московскому суду ряд точных вопросов, которые сами по себе разрушают важнейшие показания обвиняемых. Однако московская Фемида не только завязала себе глаза, но и заткнула ватой уши. Я не рассчитывал, разумеется, на непосредственное широкое воздействие своих разоблачений: мои технические возможности для этого слишком ограничены. Ближайшая задача состояла в том, чтоб дать фактическую опору мысли наиболее проницательных людей и пробудить критику или, по крайней мере, сомнения у следующего слоя. Овладев сознанием избранных, правда будет развертываться шире и шире. В конце концов спираль правды окажется сильнее спирали подлога. Все, что происходило со времени кошмарной недели в конце января, только укрепляло меня в моих оптимистических ожиданиях.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЗАЛЕ ИППОДРОМА, В НЬЮ-ЙОРКЕ132

9 февраля я должен был обратиться по телефону с речью к нью-йоркскому митингу, посвященному московским процессам. Друзья предупреждали меня, что можно ждать технического саботажа со стороны "друзей" Москвы, не имеющих, правда, корней в массах, но зато успевших обосноваться в кое-каких административных и технических учреждениях. Так и случилось. Таинственные силы встали в последний момент между мною и семью тысячами моих слушателей в Нью-Йорке. Путанные объяснения, которые давали мне заинтересованные техники, были полностью опровергнуты серьезными специалистами. Действительное объяснение исчерпывается тремя буквами: ГПУ. К счастью, в предвиденьи возможного саботажа я своевременно переслал текст своей речи устроителям митинга. Речь была прочитана перед внимательной аудиторией и, как показал дальнейший ход событий, не осталось без внимания. Митинг в зале Ипподрома 9 февраля стал важнейшим этапом на пути к созданию Комиссии расследования.

* * *

Дорогие слушатели, товарищи и друзья!

После перерыва в десять лет я получил сейчас возможность обратиться к вам на русском языке, увы, лишь с немногими словами, ибо речь моя ограничена несколькими минутами.

Московские процессы потрясли умы и сердца миллионов граждан во всех частях света. Мыслящие люди не верят зи-новности обвиняемых. Широкие слои колеблются. Такое сос

тояние долго длиться не может. Всякому придется разобраться и сделать вывод. Официальные документы Москвы, если их подвергнуть критическому расследованию, оказываются кучей противоречий, лжи и бессмыслиц. Сверх того, вне Советского Союза имеется достаточное количество живых свидетелей и драгоценных документов, чтоб доказать ложность обвинений.

Дело идет не о судебной ошибке. О, нет! Дело идет о подлоге, о величайшем подлоге во всемирной истории. Аппарат подлога -- ГПУ, которое было раньше гвардией революции, а

ныне стало полицией новой аристократии. Организатор подлога -- Сталин. Я понимаю всю тяжесть этих обвинений. Я берусь их доказать.

Иные люди хотели бы вечно колебаться, чтоб не брать на себя ответственности. "Почему, -- говорят они, -- мы должны верить Троцкому больше, чем Сталину". Такая постановка вопроса ложна в корне. Я не требую доверия. Слепое доверие в политике преступно. Слепого доверия требуют тоталитарные режимы с непогрешимым "вождем" во главе: все равно, идет ли дело о фашисте Гитлере или о бывшем большевике Сталине. Я не требую доверия! Я предлагаю проверку. Путь проверки очень прост. Надо создать следственную комиссию. Надо делегировать в нее авторитетных и безупречных представителей рабочего движения, научной мысли, юриспруденции, литературы и искусства.

Перед этой комиссией я предстану. Рядом со мной предстанет Лев Седов, мой сын. Я предъявлю комиссии факты и документы. Я укажу ей свидетелей. Я дам ей объяснения. Пусть представители Сталина внесут в эту комиссию свои обвинения. Я отвечу на каждый вопрос. Мне нечего скрывать. Я заявляю заранее: если эта беспристрастная комиссия признает, что я прямо или косвенно виновен хотя бы в небольшой части тех чудовищных и невозможных преступлений, которые Сталин пытается возложить на меня, -- если комиссия признает меня виновным, -- я добровольно отдамся в руки палачей ГПУ. Вы слышите меня? Я даю это обязательство перед лицом всего мира. Пусть мои противники примут вызов. Что может быть проще? Ведь их несгораемые шкафы -не правда ли? -- должны ломиться от улик и доказательств. Иначе невозможно было бы расстрелять около 200 большевиков, в том числе старую гвардию партии. Пусть Сталин предъявит открыто хоть часть этих доказательств. Все сомнения рассеются. Пагубный "троцкизм" будет сокрушен. Моральный авторитет советского правосудия будет восстановлен.

Я бросаю этот вызов перед лицом всего человечества. Но я вам говорю заранее: Сталин этого вызова не примет. Он не посмеет его принять. Он не может его принять. Он не пойдет добровольно навстречу собственному крушению. Его метод

другой. Он предпочитает нанимать бюрократов Коминтерна и других субъектов с гибкой совестью -- вроде адвоката Притта или журналиста Дуранти -- для внесения заразы в умы, вместо того, чтоб принять честный и открытый путь для установления истины.

Но если Сталин отступит перед следственной комиссией, мы не отступим. Если Сталин не способен доказать, что его обвинения правдивы, то мы можем доказать, что они ложны.

Подлог Сталина поражает не только размахом преступления, но и грубостью фальсификации. ГПУ привыкло в Советском Союзе не стесняться ничем. Монополия развращает. Безответственность парализует способность критики. Напомню кратко два ярких примера: ГПУ выдвинуло против меня двух свидетелей: Гольцмана и Пятакова. Первый посетил меня будто бы в Копенгагене в ноябре 1932 года, второй -- в Осло в середине декабря 1935 года. Гольцмана свел со мной будто бы мой сын, Лев Седов. Но у меня в руках неоспоримые официальные данные -- телеграммы французского министерства, паспорта, визы, свидетельские показания, доказывающие, что мой сын был в это время в Берлине. Об эти доказательства все защитники ГПУ сломают себе зубы. Далее: свидание с сыном произошло будто бы в отеле "Бристоль". Но отель "Бристоль" разрушен за 15 лет до мнимого свидания! Не лучше обстоит дело с Пятаковым. Он прилетел ко мне будто бы на аэроплане из Берлина в Осло. Но официальные власти аэродрома в Осло уже заявили, что ни один иностранный аэроплан не спускался на этом аэродроме в декабре 1935 г. Все остальные признания имеют ту же цену.

Суд ГПУ есть суд инквизиции. Признания подсудимых, вынужденные методами ужасающей нравственной пытки, полны противоречий и абсурдов. При первом соприкосновении со свободной критикой они рассыпаются в прах. Я говорю вам: пусть малодушные отходят в сторону. Мы победим без них. Те, которые сегодня защищают Сталина, будут завтра сгорать со стыда!

Откуда, зачем и почему эти страшные подлоги? Политический режим Советов окончательно превратился в бюрократическую тиранию. Новая аристократия пожирает огромную часть национального дохода и не смеет глядеть народу в глаза. Она не может допустить ни одного слова свободной критики. Для поддерживания своих привилегий она нуждается в отраве лжи и подлогов. Кто смешивает бюрократию с Советским Союзом, тот становится спиною к революции. Мы все готовы защищать Советский Союз, т. е. социальные завоевания Октябрьской революции от фашизма и японского империализма. Но экономическим основам советского режима угрожает новая аристократия, которая угнетает, эксплуатирует и обманывает

массы. Открытая борьба между советским народом и деспотизмом Сталина неизбежна. В этой борьбе мы на стороне народа против развращенной аристократии. Мы хотим помочь народу разбить новый деспотизм и восстановить рабочую демократию. Помочь народу можно только правдой. Установить правду о преступлениях сталинской клики может только международная следственная комиссия.

Граждане и друзья! Отбросьте колебания и праздные догадки. Потребуйте властно создания следственной комиссии. Поддержите ее всем вашим авторитетом.. Народы движутся вперед только правдой. Да здравствует следственная комиссия! Долой подлоги! Да здравствует правда!

9 февраля 1937 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ ДЛЯ КОМИССИИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССОВ133

Есть все основания надеяться, что вопрос о московских процессах и в частности о выдвинутых против меня и моего сына Льва Седова обвинениях станет в ближайшем будущем предметом разбирательства со стороны авторитетной следственной комиссии. Это открывает мне, наконец, возможность высказаться как о существе московских судебных подлогов, так и о возможных путях их расследования. Будущая комиссия примет, надеюсь, настоящий документ как мое вступительное показание, которое должно быть в дальнейшем дополнено рядом других, более детальных и конкретных.

Я издал за годы последней эмиграции (1929--1937) ряд книг, в которых изложил свое теоретическое и политическое миросозерцание на всех языках цивилизованного человечества. Последняя из этих книг -- "Преданная революция" -- вышла в Нью-Йорке несколько недель тому назад. Написанная до московских процессов, она вскрывает их политические источники. С 1933 г., когда я окончательно убедился на трагическом опыте Германии, что Третий Интернационал стал насквозь деморализованным орудием правящей советской клики и способен лишь прокладывать пути фашизму, я поднял борьбу за построение Четвертого Интернационала. Его программа обоснована в ряде моих работ. В течение восьми лет последней эмиграции я находился в постоянной переписке с десятками старых и сотнями молодых друзей во всех частях света. Я могу с уверенностью и с гордостью сказать, что именно из этой молодежи выйдут лучшие пролетарские борцы открывающейся новой эпохи. Мои архивы содержат все полученные мною письма и копии

всех моих ответов. Моя жизнь и дея

тельность, особенно за последние восемь лет, могут быть прослежены день за днем. Как бы ни оценивать общее направление моего политического пути, ему вряд ли можно отказать во внутреннем единстве.

Все это, как известно, не помешало правящей ныне советской верхушке, видящей во мне своего "врага номер один" (в этом она совершенно права), сделать попытку при помощи серии сенсационных процессов убедить человечество в том, что я в тайне от всего мира изменил идеалам всей своей жизни, стал противником социализма и врагом рабочего класса; применяю метод индивидуального террора, против которого боролся с начала нынешнего столетия; вступил в союз с германскими фашистами и японскими милитаристами, работаю рука об руку с ними над ускорением войны, руковожу разрушением советского хозяйства и массовым истреблением рабочих, подготовляя поражение и расчленение СССР, -- все это в интересах капитализма!

Единственным доказательством этих обвинений, которые кажутся столь же кошмарными, когда читаешь их в 101-й раз, как и в первый раз, являются стереотипные монологи подсудимых, которые, повторяя мысли и выражения прокурора, каются в невероятных преступлениях и неизменно называют меня главным организатором заговора. Рядом со мной фигурирует в качестве обвиняемого мой сын Лев Седов, который разделил со мной и своей матерью134 ссылку в Центральной Азии и изгнание. Несмотря на покорные покаяния, проклятия по моему адресу и гимны по адресу Сталина, подсудимые расстреливаются пачками. Все старое поколение большевистской партии подвергается холодному и систематическому истреблению. Серия расправ не закончилась еще и сейчас. Каждый новый процесс имеет целью подкрепить убедительность предшествующего процесса. Таково положение на сегодняшний день, когда я пишу это показание.

Возможная схема расследования

1. На основании официальных источников устанавливается с полной несомненностью, что подготовка покушения на Кирова была организована с ведома ГПУ. Начальник ленинградского отделения ГПУ Медведь135 и с ним 11 других агентов ГПУ были осуждены к тюремному заключению за то, что, "располагая сведениями о готовящемся покушении на С. М. Кирова..., не приняли необходимых мер". Агенты полиции, которые "знали", казалось бы, должны были фигурировать в качестве свидетелей на всех последующих процессах. Однако о Медведе и его сотрудниках нет больше и речи: они "знали" слишком

много. Убийство Кирова лежит в основе всех дальнейших процессов. Между тем в основе убийства Кирова лежит грандиозная провокация ГПУ, удостоверенная вердиктом военного трибунала от 29 декабря 1934 года. Задача организаторов провокации состояла в том, чтоб притянуть к террористическому акту оппозицию, в частности меня (через посредство латышского консула Биссинекса, агента-провокатора на службе ГПУ, также бесследно исчезнувшего с тех пор). Выстрел Николаева вряд ли входил в программу, а явился скорее накладным расходом амальгамы.

Этот вопрос разобран в моей брошюре "Убийство Кирова и сталинская бюрократия", написанной в начале 1935 г. Ни советские власти, ни их заграничная агентура даже не попытались ответить на мои аргументы, основанные исключительно на документах Москвы. Здесь для Комиссии открывается благодарная работа, опирающаяся целиком и полностью на официальные правительственные сообщения, судебные отчеты к официальные комментарии к ним советской печати.

2. Надо изучить и сравнить официальные данные по поводу тех семи процессов, исходным пунктом которых является убийство Кирова: 1) процесс Николаева и других 28--29 декабря 1934 г.; 2) процесс Зиновьева--Каменева 15--16 января 1935 г.; 3) процесс Медведя и других 23 января 1935 г.; 4)

процесс Каменева и других в июле 1935 г.; 5) процесс Зиновь ева--Каменева в августе 1936 г.; 6) процесс в Новосибирске 19--22 ноября 1936 г.; 7) процесс Пятакова--Радека в январе 1937 г. Эти процессы являются семью вариантами на одну и ту же тему. Разные варианты едва связаны друг с другом. Они противоречат друг другу в основном и в деталях. В каж дом процессе убийство Кирова организуют другие люди, дру гими методами и с другими политическими целями. Тщатель ное сопоставление официальных советских документов покажет, что по крайней мере шесть из этих семи процессов должны были быть подложны. Дальнейшее исследование покажет, что подложны были все семь.

3. Процесс Зиновьева--Каменева (август 1936 г.) вызвал уже целую литературу, заключающую в себе ряд исключи тельной важности доводов, свидетельств и соображений в поль зу той мысли, что процесс представляет злонамеренный подлог ГПУ. Я называю здесь следующие книги: Leon Sedov. Livre rouge sur le proces Moscou; Max Shaahman. Behind the Moscow Trial; Francis Heisler. The First Two Moscow Trials; Victor Serge. Destin d'une revolution URSS 1917--1937; Victor Serge. 16 Fu silles. Ou va la Revolution Russe?; Friedrich Adler. The Witchcraft Trial in Moscow.

Ни одна из этих работ, представляющих результат серьезного и вдумчивого исследования, не встретила до сих пор кри тической оценки, если не считать площадных ругательств со стороны печати Коминтерна, которой ни один уважающий себя человек давно уже не берет всерьез. Если проверка со стороны Комиссии подтвердит правильность ссылок, цитат, фактических утверждений, и доводов, заключающихся в перечисленных выше книгах, то от первого процесса останутся лишь жалкие развалины. Между тем названные авторы не могли знать исключительной важности обстоятельств, которые близко известны мне как участнику работы старшего революционного поколения, и не имели доступа ко всем моим архивам.

4. Уже с 1926 года клика Сталина делает попытки обвинить отдельные группы оппозиции в "антисоветской" пропаганде, в связях с белогвардейцами, в капиталистических тенденциях, в шпионаже, в террористических намерениях, наконец, в под готовке вооруженного восстания. Все эти попытки, похожие на черновые эскизы, оставили свой след в официальных актах, в газетных статьях, в документах оппозиции. Если расположить эти эскизы и опыты подлога в хронологическом порядке, то получится нечто вроде геометрической прогрессии фальшивых обвинений, заключительными звеньями которой являются обви нительные акты последних процессов. Таким путем Комиссия откроет "закон подлога", и таинственность мнимого троцкист ского заговора рассеется как дым.

Совершенно также обстоит дело с невероятными, проти воречащими на первый взгляд всем законам человеческой

психологии, показаниями подсудимых. Ритуальные покаяния оппозиционеров начинаются с 1924 г. и особенно с конца 1927 г. Если собрать тексты этих покаяний на основе руково дящей советской печати, -- нередко последовательные покая ния одних и тех же лиц, -- то мы получим вторую геометричес кую прогрессию, заключительными звеньями которой являют ся кошмарные признания Зиновьева, Каменева, Пятакова, Ра дека и др. на судебных процессах. Политический и психологи ческий анализ этого общедоступного и бесспорного материала способен полностью и до конца раскрыть инквизиционную ме ханику покаяний.

Математическому ряду подлогов и математическому ряду покаяний соответствует третий математический ряд: предо стережений и предсказаний. Автор этих строк и его ближай шие единомышленники внимательно следили за кознями и про вокациями ГПУ и на основании отдельных фактов и признаков предупреждали многие десятки раз, заранее, как в письмах, так и в печати, о провокационных замыслах Сталина и о под готовляющихся им амальгамах. Самое выражение: сталинская "амальгама" было нами введено в оборот почти за восемь лет до убийства Кирова и последовавших затем грандиозных про цессов. Соответственные документальные доказательства могут быть сегодня же предоставлены в распоряжение Следственной комиссии. Они показывают с абсолютной непререкаемостью, что дело шло не о подпольном заговоре "троцкистов", который будто бы неожиданно раскрылся в 1936 году, а о систематическом заговоре ГПУ против оппозиции, -- с целью навязать ей саботаж, шпионаж, покушения и подготовку восстания.

Все "покаяния", исторгавшиеся у десятков тысяч оппо зиционеров, начиная с 1924 года, заключали в себе обязатель ное острие, направляющееся против меня. От всех желающих вернуться в партию, -- пишут ссыльные в "Бюллетене оппози ции" (No 7, ноябрь -- декабрь, 1929) требуют: "Подавай голову Троцкого". В соответствии с уже известным нам законом ма тематического ряда нити всех преступлений террора, измены и саботажа в процессах 1936--37 гг. ведут неизменно ко мне и моему сыну. Но вся наша деятельность за последние восемь лет развертывалась, как известно, за границей. В этом отноше нии Комиссия будет иметь большие преимущества на своей стороне. ГПУ не имело за границей доступа ко мне, т. к. я всегда был окружен кольцом преданных друзей. 7 ноября 1936 г. ГПУ похитило в Париже часть моих архивов, но не смогло до сих пор сделать из нее никакого употребления. След ственная комиссия будет иметь в своем распоряжении все мои архивы, свидетельства моих друзей и знакомых, не говоря о моих собственных показаниях. Она сможет сопоставить мою

секретную переписку с моими статьями и книгами и проверить, таким образом, есть ли в моей деятельности какой бы то ни было элемент двойственности.

Но этого мало. Директивы заговора исходили будто бы из-за границы (из Франции, из Копенгагена, из Норвегии). Благодаря исключительно счастливому стечению обстоятельств Следственная комиссия будет иметь полную возможность про верить, действительно ли меня посетили в указанные сроки и в указанном месте все эти мнимые заговорщики: Гольцман, Берман-Юрин, Фрид Давид, Владимир Ромм и Пятаков. Если московский суд не ударил пальцем о палец для того, чтоб доказать, что эти свидания и переговоры действительно проис ходили (вопросы о паспортах, визах, отелях и пр.), то я беру на себя гораздо более трудную задачу: доказать при помощи документов, свидетельских показаний, обстоятельств времени и места, что этих посещений и переговоров не было и быть не могло. Говоря юридическим языком, во всех важнейших слу чаях, где приведены точные даты, я могу с несокрушимой убе дительностью установить свое алиби.

9. Если преступник не психопат, а вменяемый субъект, тем более старый и опытный политик, то преступление, как бы чудовищно оно ни было, должно отвечать вполне определен ным целям преступника. Между тем такое соответствие между целью и средствами целиком отсутствует в московских процессах Прокуратура приписывает одним и тем же подсудимым в. разных процессах разные цели (то голую "борьбу за власть" при советском режиме, то борьбу за "реставрацию капитализма"). Подсудимые и в этом вопросе покорно следуют за прокуратурой. Средства, которые применяют подсудимые, являются абсурдными с точки зрения их предполагаемых целей, но зато как бы нарочно созданы для того, чтобы дать бюрократии наилучший повод для истребления всякой оппозиции. В противовес "чисто юридическим" экспертизам Комиссия неминуемо должна будет проверить; а) соответствовали ли применявшиеся подсудимыми средства их действительным или мнимым целям; б) вытекали ли эти преступные цели из всего прошлого подсудимых, из их миросозерцания, из их психологии. Серьезный политический анализ процессов должен неминуемо обнаружить их внутреннюю абсурдность

Такова, на мой взгляд, основная схема расследования. По каждому из намеченных пунктов я могу сейчас уже предо-ставить в распоряжение Комиссии десятки документов и назвать ряд свидетелей Необходимые дополнительные расследо-вания придется произвести в советских изданиях соответственного периода, в моих архивах и в архивах ряда связанных со мною организаций. Эта работа может быть выполнена вспо-могательными органами Комиссии без больших затруднений и в сравнительно короткий срок.

* * *

Выводы, которые должны сами собою вытечь в результате расследования, для меня -- как для наиболее осведомленного лица -- ясны уже и сейчас. Я кратко перечислю их.

Несмотря на долгие годы борьбы с оппозицией, на десят ки тысяч обысков, арестов, высылок, тюремных заключений и

сотни расстрелов, в распоряжении советских судебных орга нов нет ни одной улики, ни одного вещественного доказа тельства, подтверждающих правильность обвинений. Этот факт представляет самую страшную улику против Сталина.

Если даже допустить условно, что подсудимые (все или некоторые) действительно совершали вменяемые им чудовищ ные преступления, их стереотипные ссылки на меня как на глав ного организатора заговора не имеют никакой доказательной силы: нравственные уроды, способные подготовлять крушение поездов, отравлять рабочих, вступать в связь с гестапо и пр., естественно, должны были бы стремиться заслужить снисхож дение бюрократии при помощи неизменной клеветы на ее глав ного врага.

3 Однако показания подсудимых, по крайней мере тех, по-литическая физиономия которых известна, ложны и в той части, где они изобличают свою собственную преступную деятельность Мы имеем перед собой не бандитов, не дегенератов, а несчастных жертв самой страшной из всех инквизиционных систем.

4. Процессы представляют собой судебную комедию (как ни трудно употреблять здесь слово "комедия"), текст которой вырабатывался в течение ряда лет на основе многочисленных опытов органами ГПУ под непосредственным и прямым руководством Сталина.

5 Обвинение старых революционеров ("троцкистов") в переходе на позиции фашизма, в союзе с Гитлером и микадо и пр продиктовано теми же политическими причинами, что и обвинение со стороны французских термидорианцев против Робеспьера и других гильотинированных ими якобинцев в том, что они стали "роялистами" и "агентами Питта"136. Аналогич-ные исторические причины вызывают аналогичные последствия.

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО РАССЛЕДОВАНИЕ

Совершенно неоспоримым является тот факт, что процессы против Зиновьева--Каменева и Пятакова--Радека вызвали взрыв острого недоверия к советской юстиции в рабочих и демократических кругах всего мира. Между тем как раз в данном случае следовало ждать полной ясности и убедительности судопроизводства Обвинители, как и обвиняемые, по крайней мере главные из них, известны всему миру. Цели и мотивы участников должны непосредственно вытекать из политической обстановки, из характеров действующих лиц, из всего их прошлого Большинство обвиняемых подвергнуты расстрелу: стало быть, вина их абсолютно доказана! Между тем, если оставить в стороне тех, которых можно убедить в чем угодно простым телеграфным приказом из Москвы, общественное мнение Запада наотрез отказало обвинителям и палачам в поддержке. Наоборот, тревога и недоверие растут, переходя в ужас и отвращение. Никто при этом не думает о судебной ошибке. Московские властители не могли "по ошибке" расстрелять Зиновьева, Каменева, Смирнова, Пятакова, Серебрякова и всех других Недоверие к юстиции Вышинского означает в данном случае прямое подозрение Сталина в судебном подлоге с политическими целями Для другого толкования не остается места. Один факт такого подозрения равносилен политической катастрофе. Но, может быть, сентиментальное общественное мнение сбито с пути предвзятыми симпатиями к обвиняемым? Подобный довод приводился не раз в случаях с Франциско Феррером137 в

Испании, Сакко138 и Ванцетти139 или Муни140 в Соединенных Штатах и пр. Но в отношении московских подсудимых о предвзятых симпатиях не может быть и речи. Наиболее осведомленная часть мирового общественного мнения не питала больше, нужно сказать прямо, ни доверия, ни уважения к главным обвиняемым ввиду их многочисленных предшествующих покаяний и особенно их поведения на суде. Прокуратура представила обвиняемых с их собственной помощью не как капитулянтов, а как "троцкистов", надевших личину капитуляции. Такая характеристика, поскольку она принималась на веру, никак не могла повысить симпатий к обвиняемым. Наконец, самый "троцкизм" представляет сейчас в рабочем движении небольшое меньшинство, находящееся в острой борьбе со всеми остальными партиями и фракциями. О предвзятой симпатии не только к капитулянтам, но и к действительным "троцкистам" не станет, поэтому, говорить ни один осведомленный человек.

Неизмеримо выгоднее положение обвинителей. За их спиною стоит Советский Союз. Рост мировой реакции, особенно ее наиболее варварской формы -фашизма, повернул в сторону Советского Союза симпатии и надежды даже и очень умеренных демократических кругов. Эти симпатии имеют, правда, очень суммарный характер. Но именно поэтому официальные и неофициальные друзья СССР не склонны, по общему правилу, разбираться во внутренних противоречиях советского режима; наоборот, они заранее готовы рассматривать всякую оппозицию против правящего слоя как вольное или невольное содействие мировой реакции. К этому надо прибавить дипломатические и военные связи СССР, взятые в общем контексте нынешних международных отношений: чисто национальные и патриотические чувства в ряде стран (Франция, Чехословакия, отчасти Великобритания и Соединенные Штаты) предрасполагают демократические массы населения в пользу советского правительства как антагониста Германии и Японии. Незачем напоминать, что сверх всего этого Москва располагает могущественными рычагами, весомыми и невесомыми, для воздействия на общественное мнение самых различных слоев общества... Агитация вокруг новой, "самой демократической в мире" конституции, не случайно развернутая как раз накануне процессов, еще более разогрела симпатии к Москве. Гигантский перевес априорного доверия был, таким образом, заранее обеспечен советскому правительству. Несмотря на все эта всесильные обвинители не убедили и не завоевали общественное мнение, которое они пытались застигнуть врасплох. Наоборот, авторитет советского правительства в результате процессов сильно снизился. Непримиримые противники "троцкизма", союзники Москвы и даже многие традиционные друзья советс

кой бюрократии выступили с требованием проверки московских обвинений. Достаточно напомнить инициативу Второго и Профессионального Интернационалов в августе 1936 года.

В неслыханно грубом ответе Кремль, заранее рассчитывавший на полную и безусловную победу, обнаружил всю силу своего разочарования. Фридрих Адлер, секретарь Второго Интернационала и, следовательно, непримиримый противник "троцкизма", сравнил московские процессы с инквизиционными процессами ведьм. Известный реформистский теоретик Отто Бауэр141, считающий возможным заявить в печати, будто Троцкий спекулирует на будущей войне (утверждение не только ложное, но и бессмысленное!), вынужден, несмотря на всю свою политическую симпатию к советской бюрократии, признать московские процессы судебными подлогами. Крайне осторожная и весьма далекая от симпатий к "троцкизму" газета "Нью-Йорк таймс" резюмировала вывод из последнего процесса в словах: Сталин должен доказать вину Троцкого, а не Троцкий -свою

невиновность. Одна эта лапидарная фраза сводит юридическую убедительность московского судопроизводства к нулю.

Если бы не дипломатические, патриотические и "антифашистские" соображения, недоверие к московским обвинителям приняло бы неизмеримо более открытые и резкие формы. Это можно без труда доказать на одном второстепенном, но крайне поучительном примере. В октябре прошлого года опубликована во Франции моя книга "Преданная революция". Несколько недель тому назад она вышла в Нью-Йорке. Ни 'один из многочисленных критиков, в большинстве своем моих противников, начиная с бывшего французского министра-президента Кайо142, даже не упоминает о том, что автор книги "изобличен" в союзе с фашизмом и японским милитаризмом -- против Франции и Соединенных Штатов. Никто, решительно никто не считает нужным сопоставить мои политические выводы с обвинениями Кремля. Точно в Москве не было никаких процессов и расстрелов. Один этот факт, если в него вдуматься, свидетельствует с полной безошибочностью, что мыслящие круги общества, начиная с наиболее заинтересованной и чувствительной страны, Франции, не только не ассимилировали чудовищного обвинения, но просто напросто извергли его из себя с едва скрываемым отвращением.

Кремлю не удалось изнасиловать мировое общественное мнение. Мы не можем, к несчастью, сказать, что думает и чувствует придушенное население Советского Союза. Но во всем остальном мире трудящиеся массы охвачены трагическим недоумением, которое отравляет их мысль и парализует их волю. Либо все старое поколение руководителей большевизма, за исключением одного единственного лица, предало социализм во имя фашизма, либо же нынешнее руководство СССР орга

низовало против строителей большевистской партии и советского государства судебный подлог.

Да, именно так стоит вопрос: либо ленинское Политбюро состояло из предателей, либо сталинское Политбюро состоит из фальсификаторов. Третьего не дано! Но именно потому, что третьего не дано, прогрессивное общественное мнение не может, не совершая самоубийства, уклониться от разрешения загадочной и трагической альтернативы и от ее разъяснения народным массам.

Какими путями и средствами? Чтоб разобраться в сложном вопросе, существует один единственный способ: надо изучить его. Научная мысль вообще, юридическая в частности, выработала методы такого изучения: надо собрать воедино все доступные данные и материалы, допросить всех, кто может дать фактическую информацию или компетентную оценку, классифицировать документы и свидетельства, подвергнуть их анализу в связи с той обстановкой, из которой они выросли, и постепенно прийти к выводам, оправдываемым материальными и логическими посылками.

Каждый мыслящий человек на всем земном шаре пытается ныне разобраться в московских процессах, т. е. представляет собою своего рода индивидуальную "комиссию" расследования. Задача состоит в том, чтоб этим разрозненным и беспомощным индивидуальным усилиям прийти на помощь посредством правильно организованной работы анализа и проверки. Совершенно очевидно, что если в Комиссии и ее подсобных органах объединятся представители рабочего движения, лица, знающие законы истории, лица, близко знакомые с революционной средой, юристы с широким кругозором, наконец, люди науки, привыкшие к точному и последовательному мышлению, такого рода Комиссия окажет неоценимые услуги мировому общественному мнению в одном из самых жгучих

вопросов современности.

ДОПУСТИМО ЛИ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИ?

Часто встречающееся высоко официозное выражение, будто работа Комиссии может принести политический ущерб СССР и оказать содействие фашизму, представляет собою -- я употребляю наименее энергичное выражение --смесь тупоумия и лицемерия. Если допустить на минуту, что судебные обвинения против оппозиции обоснованы, то есть, что десятки людей расстреляны не зря, то для могущественного правительства не может составлять никакого труда раскрыть материалы предварительного следствия, заполнить пробелы отчетов, разъяснить противоречия и рассеять сомнения. В этом случае проверка могла бы только повысить авторитет советского прави

тельства. Можно ли действительным друзьям СССР не стремиться к этому?

Как быть, однако, если Комиссия обнаружит заведомую подложность московских обвинений? Разве потрясение доверия к советскому правительству не упрочит реакцию во всем мире? И не требует ли в таком случае политическая осторожность избежать рискованного расследования?

Подобное рассуждение, редко высказываемое вслух и до конца, основано на той трусливой мысли, будто против сил реакции можно бороться при помощи фикций, миражей и обманов; будто лучшее средство спастись от болезни состоит в том, чтоб не называть ее по имени. Если нынешнее советское правительство способно прибегать к кровавым судебным подлогам с целью обмана собственного народа, то оно не может быть союзником мирового рабочего класса в борьбе против реакции. Его внутренняя несостоятельность неизбежно должна обнаружиться в таком случае при первом большом историческом толчке. Чем раньше вскроется гниль, чем скорее наступит неизбежный кризис, тем больше надежды на то, что он будет еще своевременно преодолен живыми силами организма. Наоборот, закрывать глаза на болезнь, значит загонять ее внутрь и подготовлять величайшую историческую катастрофу.

Сталин оказал сперва величайшую услугу Гитлеру теорией и практикой "социал-фашизма". Вторую услугу он оказал ему московскими процессами. Этих процессов, в которых растоптаны и осквернены величайшие моральные ценности, нельзя вычеркнуть из сознания человечества. Помочь массам залечить нанесенную ими рану можно только полной ясностью и полной правдой.

Со-противление известного типа "друзей" против расследования, представляющее само по себе вопиющий скандал, вытекает из того обстоятельства, что даже у наиболее ревностных защитников московской юстиции нет внутренней уверенности в правоте своего дела. Они заранее опасаются к тому же., и вполне основательно, что расследование даст плачевные результаты... для их собственной репутации, и эти свои тайные опасения они прикрывают совершенно несообразными и недостойными доводами. Проверка, говорят они, есть "вмешательство во внутренние дела СССР"! Но разве мировой рабочий класс не имеет права вмешиваться во внутренние дела СССР? В чем же состоят, в таком случае, первые буквы интернационализма? В рядах Коминтерна и сейчас еще продолжают повторять: "СССР -- отечество всех трудящихся". Странное отечество, в судьбы которого нельзя вмешиваться! Если рабочие массы не доверяют действиям вождей, последние обязаны представить им все разъяснения и все элементы для проверки. Ни прокурор, ни судьи, ни члены Политбюро СССР не составляют, ис

ключения из этого элементарного правила. Кто хочет себя поставить над рабочей

демократией, тот уже тем самым предает ее.

К сказанному следует прибавить, что и с чисто формальной стороны вопрос вовсе не является "внутренним делом" СССР. Вот уже пять лет как московская бюрократия лишила меня, мою жену и старшего сына советского гражданства143. Тем самым она лишила себя самое каких бы то ни было особых прав в отношении нас. Обвинение против меня и сына не есть, следовательно, "внутреннее" дело СССР. Мы лишены "отечества", которое могло бы нам оказать защиту. Естественно, если мы отдаем себя под защиту мирового общественного мнения.

ЭКСПЕРТИЗА ПРОФЕССОРА ЧАРЛЬЗА А. БИРДА

В своем ответе (19 марта 1937 г.) секретарю нью-йоркского Комитета Новаку г. Чарльз Бирд мотивирует свое несогласие принять участие в Комиссии расследования принципиальными доводами, которые имеют большую ценность сами по себе, независимо от вопроса об участии или неучастии знаменитого историка в Комиссии расследования.

Мы узнаем прежде всего, что г. Бирд "тщательно изучил многочисленные документы, относящиеся к делу, включая официальный отчет о последнем московском процессе". Понятен без лишних слов вес такого заявления со стороны ученого, который слишком хорошо знает, что такое "тщательное изучение". Чарльз Бирд в очень сдержанной, но, в то же время, совершенно недвусмысленной форме, сообщает "известные исключения", к которым его привело изучение вопроса. Прежде всего, говорит он, обвинение против Троцкого покоится исключительно на признаниях. "Из долгого изучения исторических проблем я знаю, что признания, даже когда они сделаны добровольно, не являются положительным доказательством". Слово "даже" достаточно ясно указывает на то, что вопрос о добровольности московских признаний является для ученого по меньшей мере спорным. В качестве примера ложных самообвинений г. Бирд приводит классические образцы инквизиционных процессов наряду с проявлениями самых мрачных суеве- рий. Одно это сопоставление, совпадающее с ходом мысли Фридриха Адлера, секретаря Второго Интернационала, говорит само за себя. Далее г. Бирд считает правильным применить ко мне правило, господствующее в американской юриспруденции, именно: обвиняемый должен быть признан невиновным, раз не приведено против него объективных доказательств, не оставляющих места разумным сомнениям. Наконец, пишет историк, "почти, если не полностью, невозможно доказать в подобном

случае отрицательное положение, именно: что г. Троцкий не вступал в конспиративные сношения, в которых он обвиняется. Естественно, как старый революционер, опытный в своем деле, он не сохранил бы компрометирующих отчетов об этих операциях, если б занимался ими. Далее, никто на свете не мог бы доказать, что он не был замешан в конспирации, если только он не находился под охраной в течение всего времени, к которому относится обвинение. По моему, -- продолжает автор письма, -- г. Троцкий не обязан совершать невозможное, т. е. доказывать негативный факт позитивными доказательствами. Это обязанность обвинителей -- предъявить нечто большее, чем признания, именно: подкрепляющие их доказательства специфических и явных актов".

Как уже оказано, приведенные выводы в высшей степени важны сами по себе, так как содержат в себе уничтожающую оценку московской юстиции. Если не подкрепленные признания сомнительной "добровольности" недостаточны для обвинения меня, то они столь же недостаточны для обвинения всех остальных. Это значит, что, по мнению г. Бирда, в Москве расстреляны десятки невиновных лиц или же таких, виновность которых не

доказана. Господа палачи должны расписаться в этой оценке, сделанной исключительно добросовестным исследователем на основании "тщательного изучения" вопроса.

Тем не менее я должен сказать, что из материальных выводов г. Бирда никак не вытекает, по моему мнению, его формальное заключение, именно: отказ от участия в расследовании. В самом деле: общественное мнение прежде всего · ищет разрешения загадки -- доказано или не доказано обвинение? Именно этот вопрос хочет в первую голову разрешить Комиссия. Г-н Бирд заявляет: я лично уже пришел к выводу о том, что обвинение не доказано, и поэтому не вхожу в Комиссию.

Мне кажется правильное заключение было бы таково: и потому вхожу в Комиссию, чтоб убедить ее в правильности моего вывода. Совершенно очевидно, что коллективное заключение Комиссии, в которую входят представители разных областей общественной деятельности и разных родов духовного оружия, будет иметь для общественного мнения гораздо больший вес, чем мнение отдельного, хотя бы и высоко авторитетного лица.

Выводы г. Бирда, при всей своей важности, неполны, однако, и в своем материальном существе. Вопрос вовсе не состоит только в том, доказано или не доказано обвинение против меня. В Москве расстреляны десятки. Другие десятки дожидаются расстрелов. Сотни и тысячи заподозрены, обвинены косвенно или оклеветаны не только в СССР, но и во всех час

тях света. Все это на основании "признаний", которые г. Вирду приходится сравнивать с признаниями жертв инквизиции.

Основной вопрос, стало быть, должен быть формулирован так: кто, почему и для чего организует эти инквизиционные процессы и крестовые походы клеветы? Сотни тысяч людей во всем мире несокрушимо убеждены, а миллионы подозревают, что процессы опираются на систематические фальсификации, продиктованные определенными политическими целями. Именно это обвинение против правящей московской клики я надеюсь доказать перед Комиссией. Дело идет, следовательно, не только о "негативном факте", т. е. о том, что Троцкий не участвовал в заговоре, но о позитивном факте, т. е. о том, что Сталин организовал самый грандиозный в человеческой истории подлог.

Однако и в отношении "негативных фактов" я не могу принять слишком категорическое суждение г. Бирда. Он предполагает, что в качестве опытного революционера я не стал бы хранить компрометирующие меня документы. Совершенно правильно. Но я не стал бы писать заговорщикам письма в наименее осторожной и наиболее компрометирующей меня форме. Я не стал бы без всякой нужды посвящать незнакомых мне молодых людей в наиболее сокровенные планы или давать им, с первого свидания, наиболее ответственные террористические поручения. Поскольку г. Бирд оказывает мне известный кредит как конспиратору, я, опираясь на этот кредит, могу полностью скомпрометировать "признания", в которых я изображаюсь как опереточный заговорщик, больше всего озабоченный тем, чтоб доставить против себя как можно большее количество свидетелей будущему прокурору.

То же относится и к другим обвиняемым, особенно, к Зиновьеву и Каменеву. Они без всякой нужды и без всякого смысла расширяют круг посвященных. Их вопиющая к небесам неосторожность имеет явно умышленный характер. Несмотря на это, в руках обвинения нет ни одной улики. Все дело построено на разговорах, вернее, на воспоминаниях о мнимых разговорах. Отсутствие улик -- я не устану повторять это -- не только аннулирует обвинение, но и является грозной уликой против самих обвинителей.

Однако у меня есть и более прямые, притом вполне положительные доказательства

"отрицательного факта". Это вовсе не так необычно в юриспруденции. Разумеется, трудно доказать, что я за восемь лет эмиграции не имел ни с кем, нигде, никогда ни одного тайного свидания, посвященного заговору против советской власти. Но вопрос так и не стоит. Важнейшие свидетели обвинения, они же обвиняемые, вынуждены указывать когда и где они имели свидания со мной. Во всех этих случаях я, благодаря особенностям моего жизненного уклада (надзор полиции, постоянное наличие охраны друзей,

повседневные письма и пр.), могу с несокрушимой убедительностью доказать, что я не был и не мог быть в указанном месте и в указанное время. Такое положительное доказательство "отрицательного факта" называется на юридическом языке алиби.

Совершенно неоспоримо далее, что я не хранил бы в архи
вах записи собственных преступлений, если б совершал их. Но
архивы мои важны для расследования не тем, чего в них нет,
а тем, что в них есть. Положительного знакомства с повсед
невным ходом моих мыслей и действий в течение девяти лет
(год ссылки и восемь лет изгнания) совершенно достаточно
для доказательства "отрицательного факта", а именно: что я
не мог совершать действий, противных моим убеждениям, моим
интересам, всему моему существу.)

"ЧИСТО ЮРИДИЧЕСКАЯ" ЭКСПЕРТИЗА

Агенты советского правительства и сами отлично отдают себе отчет в том, что без подкрепления московских приговоров какими-то авторитетными экспертизами обойтись нельзя. Для этой цели на первый процесс был в секретном порядке приглашен английский адвокат Притт; на второй процесс -другой английский адвокат -- Додлей Колард. В Париже три темных, но весьма преданных ГПУ адвоката сделали попытку использовать с той же целью фирму Интернациональной юридической ассоциации. Никому не известный французский адвокат Ро-зенмарк дал, по соглашению с советским посольством, столь же благожелательную, сколь и невежественную экспертизу под прикрытием Лиги прав человека. В Мексике "друзья СССР" не случайно предложили "фронту социалистических адвокатов" произвести юридическое расследование московских процессов. Подобные же шаги предпринимаются, видимо, сейчас в Соединенных Штатах.

Московский комиссариат юстиции выпустил на иностранных языках "стенографический" отчет о процессе 17-ти (Пятаков, Радек и пр.). Как известно, отчет о процессе 16-ти (Зиновьева-Каменева) представлял собою чисто публицистическое произведение. Диалог внезапно прерывался такими фразами: "Смирнов пытается снова вилять, ссылаясь на отсутствие заседаний... Обвиняемый упорно изворачивается, пытаясь отрицать свою роль руководителя..." и т. д. и т. п. Всякое показание, нарушавшее единство стиля, просто выбрасывалось или заменялось нравоучениями по адресу обвиняемого. Этот "отчет" удовлетворил на всем земном шаре, кажется, только двух человек: адвоката Притта в Лондоне и адвоката Розенмарка в Париже. Так называемых вождей Коминтерна мы не считаем: они были удовлетворены еще до появления отчета.

Процесс Зиновьева--Каменева был крайне неблагоприятно встречен мировой печатью. Процесс 17-ти имел своей важнейшей задачей исправить дурное впечатление процесса 16-ти. В только что вышедшем отчете не полтораста страниц, а 600. Весь текст выдержан в форме диалога. Редактор не вмешивается со своими нравоучениями по адресу расстрелянных подсудимых. Издавая на этот раз "стенографический" отчет, ГПУ хочет

проявить свое внимание к "общественному мнению".

Правда, в своем материальном существе процесс Пятакова -- Радека обнаруживает еще больше прорех, противоречий и несообразностей, чем процесс Зиновьева -- Каменева. Винить организаторов трудно: еще древняя философия знала, что из ничего нельзя сделать ничего. Построение обвинения, под Которым нет фактической базы, относится по самому существу своему к области юридической алхимии. Законы материи неизбежно берут верх над творческой фантазией. Основную несостоятельность январского процесса, как и его частные, фактические противоречия и прямые абсурды, я кратко вскрыл в своих заявлениях печати и в своей речи для нью-йоркского митинга в Ипподроме.

Но если алхимики ГПУ не могли и на этот раз изменить законов материи, то, во всяком случае, они попытались использовать опыт прошлых неудач и придать своему новому препарату как можно большее внешнее сходство с золотом.

Отчет о процессе Пятакова -- Радека уже по одним размерам своим рассчитан на специалистов. ГПУ пытается сейчас, через посредство своих политических и литературных агентов, организовать в разных странах "юридическую экспертизу", т. е. получить от авторитетных адвокатов свидетельство о том, что жертвы инквизиции расстреляны в полном соответствии с правилами, которые установлены инквизиторами.

По существу, значение чисто формального удостоверения в соблюдении внешних форм и обрядностей судопроизводства близко к нулю. Суть дела в материальных условиях подготовки и проведения процесса. Правда, если даже отвлечься на минуту от решающих факторов, лежащих вне судебного зала, и тогда нельзя не признать, что московские процессы являются прямым издевательством над идеей правосудия. Следствие на двадцатом году революции ведется в абсолютной тайне. Все старое поколение большевиков судится военным судом в составе трех безличных военных чиновников. Всем процессом командует прокурор, который всю жизнь был и остается политическим врагом подсудимых. Защита устранена, и судопроизводство совершенно лишено состязательного характера. Вещественные доказательства не предъявляются суду: о них говорят, но их нет. Свидетели, о которых упоминает прокурор

или подсудимые, не допрашиваются. Целый ряд обвиняемых, о которых шла речь на судебном следствии, отсутствуют по неизвестным причинам на скамье подсудимых. Два главных обвиняемых, находящиеся за границей, даже не предупреждены о процессе и подобно свидетелям, находящимся за границей, лишаются возможности предпринять какие бы то ни было шаги к выяснению истины. Судебный диалог целиком построен на условной игре в вопросы и ответы. Прокурор не задает ни одному из подсудимых ни одного конкретного вопроса, который мог бы поставить их в затруднение и обнаружить материальную несостоятельность их признаний. Председатель почтительно покрывает работу прокурора. Именно "стенографический" характер отчета особенно убедительно обнаруживает злонамеренные умолчания прокурора и судей. К этому надо прибавить, что аутентичность ответа не внушает ни малейшего доверия.

Первым шагом честной экспертизы должно было бы быть изучение оригиналов стенографического отчета. Их сопоставление с опубликованным текстом обнаружило бы, несомненно, множество тенденциозных подчисток и поправок со стороны режиссеров процесса.

Но как ни важны сами по себе все эти соображения, открывающие широкое поле для юридического анализа, они имеют все же второстепенный и третьестепенный характер, так

как касаются формы подлога, а не его существа. Теоретически можно себе представить, что, если Сталин, Вышинский и Ежов144 еще в течение десяти лет будут иметь возможность безнаказанно инсценировать свои процессы, они достигнут столь высокой техники, при которой все элементы судопроизводства будут находиться в формальном согласии друг с другом и с существующими законами. Но усовершенствование юридической техники подлога ни на миллиметр не приближает этот последний к истине.

Дело, однако, в том, что "чисто юридическая" экспертиза вовсе и не стремится к установлению истины, иначе она с самого начала должна была бы признать и заявить, что в политическом процессе столь исключительного значения юрист не может отвлечься от политических условий, из которых вырос процесс и в которых велось расследование -- конкретно говоря, от того тоталитарного гнета, которому в последнем счете одинаково подчинены и подсудимые, и свидетели, и судьи, и защитники, и даже прокуратура. Здесь гвоздь вопроса! В бесконтрольном и деспотическом режиме, сосредотачивающем в одних руках все средства экономического, политического, физического и морального принуждения, судебный процесс пере-стает быть судебным процессом. Дело идет о судебной инсценировке с заранее расписанными ролями. Подсудимые выво-дятся на сцену только после ряда репетиций, которые дают

режиссеру заранее полную уверенность в том, что они не выйдут из своих ролей, В этом смысле, как и во всех других, судебные процессы представляют собой только сгусток всего вообще политического режима в СССР. На всех собраниях все ораторы говорят одно и то же, равняясь по главному оратору, совершенно независимо от того, что сами они говорили вчера. В газетах все статьи комментируют одну и ту же директиву в одних и тех же выражениях. Ловя движения дирижерской палочки, историки, экономисты, даже статистики переделывают прошлое и настоящее, совершенно не считаясь с фактами, документами или с предпоследним изданием своей собственной книги. В детских садах и школах все дети в одних. и тех же словах славят Вышинского и проклинают подсудимых.

Никто не действует так по доброй воле, все насилуют себя. Монолитизм судебного процесса, в котором подсудимые наперебой повторяют формулу прокурора, является, таким образом, не исключением из правила, а лишь наиболее отвратительным выражением тоталитарно-инквизиционного режима. Перед нами не суд, а спектакль, в котором главные актеры играют свои роли под дулом револьвера. Спектакль может быть разыгран лучше или хуже; но это вопрос инквизиционной техники, а не правосудия. Фальшивая монета может быть сделана настолько грубо, что ее легко отличить уже по внешнему виду. Искусные фальшивомонетчики могут, наоборот, достигнуть высокого качества продукции. Плох бы был, однако, тот эксперт, который ограничился бы вопросом о внешней форме монеты, об ее чекане, не касаясь вопроса об ее удельном весе и других материальных свойствах. "Чисто юридическая" экспертиза московских процессов сводит по существу свою задачу к выяснению того, хорошо или плохо выполнен подлог. Такой подход к делу представляет уже сам по себе форму пособничества фальсификаторам.

Чтоб ярче осветить вопрос, поскольку он вообще может нуждаться в освещении, возьмем свежий пример из области государственного права. После захвата власти Гитлер, вопреки' всем ожиданиям, заявил, что вовсе не намерен изменять основные законы государства. Большинство людей забыло, вероятно, что в Германии и сегодня остается в неприкосновенности Веймарская конституция: только в этот юридический футляр Гитлер вложил содержание тоталитарной диктатуры. Представим себе эксперта, который, надев

большие очки и вооружившись официальными документами, намерен изучить государственный строй Германии "с чисто юридической точки зрения". После нескольких часов умственного напряжения он откроет, что Германия Гитлера представляет собою чистейшей воды демократическую республику (всеобщее избирательное право, парламент дающий полномочия фюреру, независимость судебной

власти и пр. и пр.). Всякий здравомыслящий человек воскликнет, однако, что такого рода юридическая экспертиза является в лучшем случае проявлением "юридического кретинизма". Демократия основана на свободной борьбе классов, партий программ, идей. Если задушить эту борьбу, то от демократии останется мертвая шелуха, вполне пригодная для прикрытия фашистской диктатуры. Современное судопроизводство основано на борьбе обвинения и защиты, которая вводится в известные процессуальные рамки. Там, где состязание между сторонами задушено при помощи внесудебного насилия, процессуальные рамки, каковы бы они ни были, являются лишь прикрытием инквизиции. Действительное расследование московских процессов не может не быть всесторонним. Оно использует, разумеется, и -"стенографические" отчеты, но не как "вещи в себе", а как составную часть грандиозной исторической драмы, главные факторы которой остаются за кулисами судебного спектакля.

АВТОБИОГРАФИЯ

В своей обвинительной речи 22 января Вышинский говорил: "Троцкий и троцкисты всегда были капиталистической агентурой в рабочем движении". Вышинский разоблачал "лицо настоящего, подлинного троцкизма -- этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, слуги капитализма". Он рисовал историю "троцкизма, потратившего тридцать с лишним лет своего существования на то, чтоб подготовить, в конце концов, свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции".

В то время как иностранные публицисты ГПУ (из "Дейли Уоркер", "Нью Массес" и пр.) расходуют свою энергию на то, чтобы при помощи тонких догадок и исторических аналогий объяснить, каким образом революционный марксист мог на шестом десятке жизни превратиться в фашиста, Вышинский подходит к вопросу совершенно иначе: Троцкий всегда был агентом капитала и врагом рабочих и крестьян; тридцать с лишним лет он готовился к тому, чтоб превратиться в агента фашизма. Вышинский говорит то, что публицисты "Нью Массес" скажут лишь через некоторое время. Я предпочитаю поэтому иметь дело с Вышинским. Категорическим утверждениям прокуратуры СССР я противопоставлю столь же категорические факты своей автобиографии.

Вышинский ошибается, когда говорит о тридцати годах моей подготовки к фашизму. Факты, арифметика, хронология, как, впрочем, и логика, вообще не составляют сильной стороны этого обвинения.

Я позволю себе начать с некоторых автобиографических фактов, которые будут не лишними для оценки обвинений, тем более что основные черты моего жизненного пути типичны в той или другой степени для всего старшего поколения большевиков, из среды которого Сталин рекрутирует ныне своих главных обвиняемых.

На путь революции я вступил на восемнадцатом году жиз-ни. В текущем месяце исполнилось сорок лет, как я непрерывно участвую в рабочем движении, на его левом, марксистском) крыле под знаменем марксизма. На восемнадцатом году жизни я нелегально организовал в Николаеве Южно-русский рабочий союз, насчитывающий свыше 200 рабочих.

На гектографе я издавал революционную газету "Наше дело". Во время первой ссылки в Сибирь (1900--1902) я участвовал в создании сибирского Союза за освобождение рабочего класса. После побега за границу я примкнул к социал-демократической организации "Искра", во главе которой стояли Плеханов145, Ленин и другие. В 1905 году я вел руководящую работу в первом петербургском Совета рабочих депутатов.

Я провел четыре с половиной года в тюрьмах, два раза был в ссылке в Сибири, где оставался около двух с половиной лет, два раза бежал из Сибири, провел в два приема двенадцать лет в эмиграции при царизме, приговорен был в 1915 году в Германии заочно к тюремному заключению за борьбу против; войны, выслан был за то же преступление из Франции, арестован в Испании, заключен английским правительством в концентрационный лагерь в Канаде. Так я выполнил свои функции "агента капитала".

Рассказы сталинских историков о том, будто я до 1917 года; был меньшевиком, представляют собой одну из обычных фальсификаций. С того момента, как большевизм и меньшевизм определились политически и организационно (1904 г.), я стоял формально вне обеих фракций, но, как показали три русские революции, моя политическая линия, несмотря на конфликты и полемику, во всем основном совпадала с линией Ленина.

Наиболее важным разногласием между мною и Лениным в эти годы была моя надежда на то, что посредством объединения с меньшевиками можно заставить большинство их повернуть на революционный путь. В этом жгучем вопросе правота была целиком на стороне Ленина. Нужно, однако, сказать что в 1917 г. "объединительные" тенденции были очень сильны среди большевиков. 1 ноября 1917 года Ленин говорил по этому поводу на заседании петроградского комитета партии: "Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика".

С конца 1904 года я отстаивал тот взгляд, что русская революция может закончиться лишь диктатурой пролетариата, которая в свою очередь должна привести к социалистическому

преобразованию общества при условии успешного развития мировой революции. Меньшинство моих нынешних противников считало эту перспективу фантастической вплоть до апреля 1917 г. и называло ее враждебным именем "троцкизма", противопоставляя ей программу буржуазной демократической республики. Что касается подавляющего большинства нынешней бюрократии, то оно примкнуло к советской власти лишь после победоносного окончания гражданской войны.

В годы эмиграции я участвовал в рабочем движении Австрии, Швейцарии, Франции и Соединенных Штатов. Я с благодарностью думаю о том, что эмиграция дала мне возможность, ближе приобщиться к жизни мирового рабочего класса и превратить интернационализм из абстрактного понятия в движущую силу всей моей дальнейшей жизни.

Во время войны я вел сперва в Швейцарии, затем во Франции пропаганду против шовинизма, разъедавшего Второй Интернационал. Свыше двух лет я издавал в Париже под военной цензурой ежедневную русскую газету в духе революционного интернационализма. Я был тесно связан в своей работе с интернационалистическими элементами во Франции и вместе с их представителями принимал участие в международной конференции противников шовинизма в Циммервалъде (1915 г.). Ту же работу я продолжал во время двухмесячного пребывания в Соединенных Штатах.

После прибытия в Петроград (5 мая 1917 г.) из канадского концентрационного лагеря, где я вел проповедь идей Либкнех-та и Люксембург среди пленных немецких матросов, я

принимал близкое участие в подготовке и организации Октябрьской революции, особенно в течение тех четырех решающих месяцев, когда Ленин вынужден был скрываться в Финляндии. В 1918 году Сталин в статье, имевшей задачей ограничить мою роль в Октябрьской революции, вынужден был, однако, писать: "Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому" ("Правда" No 241, 6 ноября 1918 г.). Это не помешало Сталину писать шесть лет спустя: "Никакой особой роли ни в партии, ни в октябрьском восстании не играл и не мог играть т. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября" (И. Сталин. Троцкизм или ленинизм. 1924, с. 68--69).

В настоящее время школа Сталина при помощи свойственных ей научных методов, на которых воспитались и суд, и прокуратура, считает доказанным, что я не руководил Октябрьской революцией, а противодействовал ей. Однако эти

исторические подлоги относятся не к моей биографии, а к биографии Сталина.

После октябрьского переворота я стоял у власти в течение около девяти лет, принимал близкое участие в строительстве советского государства, революционной дипломатии, Красной армии, хозяйственных организаций и Коммунистического Интернационала. В течение трех лет я непосредственно руководил гражданской войной. В этой суровой работе мне приходилось прибегать к решительным мерам. Я несу за это полную ответственность перед мировым рабочим классом и историей. Оправдание суровых мер покоилось в их исторической необхо-димости и прогрессивности, в их соответствии с основными интересами рабочего класса. Всякую меру репрессии, продиктованную условиями гражданской войны, я называл ее настоящим именем и давал о ней открытый отчет перед трудящимися массами. Мне нечего было скрывать перед народом, как сейчас мне нечего скрывать перед Комиссией.

Когда в известных частях партии, не без закулисного участия Сталина, возникла оппозиция против моих методов руководства гражданской войной, Ленин в июле 1919 г. по собственной инициативе и совершенно неожиданно для меня вручил мне белый лист бумаги, внизу которого было написано: "Товарищи, зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)".

Даты на бумаге не было. Дату в случае нужды должен был поставить я сам. Осторожность Ленина во всем, что касалось его отношения к трудящимся, известна. Тем не менее он считал возможным заранее подписаться под всяким моим распоряжением, хотя от этих распоряжений зависела нередко судьба многих людей. Ленин не боялся злоупотребления властью с моей стороны. Прибавлю, что я ни разу не делал употребления из выданного мне Лениным карт-бланша. Но документ остается свидетельством исключительного доверия со стороны человека, которого я считаю самым высоким образцом революционной морали.

Я принимал непосредственное участие в выработке программных документов и тактических тезисов Третьего Интернационала. Основные доклады о мировом положении на конгрессах делились между Лениным и мною. Программные манифесты первых пяти

Конгрессов написаны мною. Я предоставляю прокурорам Сталина разъяснять, какое место занимала эта деятельность на моем пути в сторону фашизма. Что касается меня, то я стою и сегодня незыблемо на почве тех принципов, которые я рука об руку с Лениным залагал в основу Коммунистического Интернационала.

Я разошелся с правящей бюрократией с того времени, как она в силу исторических причин, о которых здесь не место говорить, сложилась в привилегированную консервативную касту. Причины расхождения, запечатленные на всех его этапах в официальных документах, статьях и книгах, доступны общей проверке.

Я отстаивал советскую демократию -- против бюрократического абсолютизма; повышение жизненного уровня масс--против чрезмерных привилегий верхов; систематическую индустриализацию и коллективизацию в интересах трудящихся; наконец -- международную политику в духе революционного интернационализма против национального консерватизма. В свое" последней книге "Преданная революция" я сделал попытку теоретически объяснить, почему изолированное советское государство, на отсталой экономической базе, выделило из себя? чудовищную пирамиду бюрократии, которая почти автоматически увенчалась бесконтрольным и "непогрешимым" вождем.

Задушив партию при помощи полицейского аппарата и разгромив оппозицию, правящая клика выслала меня в начале 1928 г. в Центральную Азию. За отказ прекратить политическую деятельность в ссылке она изгнала меня в начале 1929 г. в Турцию. Здесь я приступил к изданию "Бюллетеня оппозиции" на основе той же программы, которую отстаивал в России, и вступил в связь со своими, тогда еще очень немногочисленными, единомышленниками во всех частях света.

20 февраля 1932 г. советская бюрократия лишила меня и находившихся за границей членов моей семьи советского" гражданства. Дочь моя Зинаида146, временно находившаяся заграницей для лечения, лишилась таким образом возможности вернуться в СССР к мужу и детям. Она покончила с собой 5 января 1933 г.

Я прилагаю при сем список книг и более крупных брошюр, которые полностью или отчасти написаны мною во время моей последней ссылки и последней эмиграции147. По подсчету моих молодых сотрудников, которые во всей моей работе оказывали и оказывают мне самоотверженную и незаменимую помощь, я написал за границей около 5000 печатных страниц, не считая статей и писем, которые вместе должны составить еще несколько тысяч страниц. Позволю себе прибавить, что я пишу нелегко, с многочисленными проверками и исправлениями. Моя литературная работа и переписка составляли, таким образом, главное содержание моей жизни за последние девять лет. Политическое направление моих книг, статей и писем говорит само за себя. Цитаты, какие приводит Вышинский из моих работ, представляют, как я покажу, грубые фальсификации, т. е. необходимый элемент всего судебного подлога.

В течение 1923--33 годов я по отношению к советскому государству, его правящей партии и Коминтерну стоял на точке.

зрения, которая лапидарно выражалась словами: реформа, а не революция. Эта позиция питалась надеждой на то, что при благоприятном развитии в Европе левая оппозиция сможет мирными путями возродить большевистскую партию, демократически преобразовать советское государство и вернуть Коминтерн на путь марксизма. Только победа Гитлера, подготовленная гибельной политикой Кремля, и полная неспособность Коминтерна извлечь уроки из трагического опыта Германии убедили меня и моих

единомышленников в том, что старая большевистская партия и Третий Интернационал окончательна погибли для дела социализма. Тем самым исчезал единственный легальный рычаг, при помощи которого можно было надеяться на мирную демократическую реформу советского государства. Со второй половины 1933 года я все решительнее прихожу к тому убеждению, что для освобождения трудящихся масс СССР и заложенных Октябрьской революцией социальных основ от новой паразитической касты исторически неизбежна политическая революция. Совершенно естественно, если проблема такой огромной важности вызвала страстную идейную борьбу в международном масштабе.

Политическое вырождение Коминтерна, полностью закрепощенного советской бюрократией, привело к необходимости выдвинуть лозунг Четвертого Интернационала и выработать основы его программы. Относящиеся сюда книги, статьи, дискуссионные бюллетени и пр. имеются в распоряжении Комиссии и являются лучшим доказательством того, что дело шло не о "маскировке", а о напряженной и страстной идейной борьбе на основе традиций первых конгрессов Коммунистического Интернационала.

Я находился все время в переписке с десятками старых и сотнями молодых друзей во всех частях света и могу с уверенностью и гордостью сказать, что именно из этой молодежи выйдут наиболее надежные и твердые пролетарские борцы открывающейся новой эпохи.

Отказ от надежды на мирную реформу советского государства не означал, однако, отказа от защиты советского государства. Как показывает, в частности, только что вышедший в Нью-Йорке сборник выдержек из моих статей за последние десять лет148, я неизменно и непримиримо боролся против всяких колебаний в вопросе о защите СССР. На этом вопросе я рвал не раз со своими друзьями. В своей книге "Преданная революция" я теоретически обосновываю ту мысль, что война поставит под удар не только советскую бюрократию, но и новые социальные основы СССР, представляющие грандиозный шаг вперед в развитии человечества. Отсюда для каждого революционера вытекает безусловный долг защиты СССР против империализма, несмотря на советскую бюрократию.

Мои работы за тот же период дают безошибочную картину моего отношения к фашизму. С первого периода своей эмиграции я бил тревогу по поводу нарастающей фашистской волны в Германии. Коминтерн обвинял меня в "переоценке" фашизма и в "панике" перед ним. Я требовал единого фронта всех рабочих организаций. Коминтерн противопоставлял этому нелепую теорию "социал-фашизма". Я требовал систематической организации рабочей милиции. Коминтерн противопоставлял этому хвастовство будущими победами. Я показывал, что СССР окажется под величайшей угрозой в случае победы Гитлера. Известный писатель Осецкий149 с большим сочувствием печатал и комментировал мои статьи в своем журнале. Ничто не помогало. Советская бюрократия узурпировала авторитет Октябрьской революции только для того, чтоб превратить его в препятствие для победы революции в других странах. Без политики Сталина не было бы победы Гитлера! Сами московские процессы возникли в значительной мере из потребности Кремля заставить мир забыть об его преступной политике в Германии. Если доказать, что Троцкий -- агент фашизма, кто станет размышлять над программой и тактикой Четвертого Интернационала? Таков был расчет Сталина.

Достаточно известно, что во время войны каждый интернационалист объявлялся агентом враждебного правительства. Так обстояло дело с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Отто Рюле150 и др. в Германии, с рядом французских друзей (Монат151, Росмер152, Лорио153 и др.). с Евгением Дебс154 и др. в Соединенных Штатах, наконец, с

Лениным и со мной -- в России. Британское правительство заключило меня в марте 1917 года в концентрационный лагерь по внушенному царской охранкой обвинению в том, что я, по соглашению с немецким генеральным штабом, стремился низвергнуть Временное правительство Милюкова155--Керенского. Сегодня это обвинение кажется плагиатом у Сталина и Вышинского; между тем на самом деле Сталин и Вышинский совершили плагиат у царской контрразведки и у британской "Интелидженс сервис".

16 апреля 1917 года, когда я сидел в концентрационном лагере вместе с немецкими матросами, Ленин писал в "Правде": "Можно ли поверить хоть на минуту в добросовестность того сообщения .. что Троцкий, бывший председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 году, революционер, десятки лет отдавший бескорыстной службе революции, -- что этот человек имел связь с планом, субсидированным "германским правительством"? Ведь это явная, неслыханная, бессовестнейшая клевета на революционера!" (Правда, No 34).

"Как свежо звучат эти слова теперь,--писал я 21 октября 1927 г., повторяю: 1927 г! -- в эпоху гнусных клевет на оппозицию, ничем не отличающихся от клевет 1917 года на большевиков".

Итак, десять лет тому назад, т. е. задолго до создания "объединенного" и "параллельного" центров и до "полета" Пятакова в Осло, Сталин выдвигал уже против оппозиции все те инсинуации и клеветы, которые Вышинский позже превратил в обвинительные акты. Если, однако, Ленин в 1917 году считал, что мое двадцатилетнее революционное прошлое является само по себе достаточным опровержением грязных инсинуаций, то я смею думать, что прошедшие после того новые двадцать лет, достаточно значительные по содержанию, дают мне право ссылаться на свою автобиографию как на один из самых важных аргументов против московского обвинительного акта.

МОЕ "ЮРИДИЧЕСКОЕ" ПОЛОЖЕНИЕ

Самая необходимость "оправдываться" в обвинениях в союзе с Гитлером и микадо характеризует всю глубину реакции, которая торжествует сейчас на большей части нашей планеты и, в частности, в СССР. Но никому из нас не дано перескакивать через исторически обусловленные этапы. Я с полной готовностью предоставляю свое время и свои силы в распоряжение Комиссии. Незачем говорить, что перед Комиссией у меня нет и не может быть тайн. Комиссия сама сумеет соблюсти необходимую осторожность в отношении третьих лиц, в частности граждан фашистских стран и СССР. Я готов ответить на все вопросы и предоставить в распоряжение Комиссии всю свою переписку, не только политическую, но и личную.

В то же время считаю нужным сказать заранее, что я вовсе не чувствую себя перед лицом общественного мнения на положении "обвиняемого". Для этого нет даже и формальных оснований. Московские власти не привлекли меня ни по одному из процессов. И это, конечно, не случайно. Чтоб привлечь меня, они должны были бы своевременно вызвать меня на суд или потребовать моей выдачи. Для этого нужно было бы, по крайней мере, опубликовать срок разбирательства и обвинительный акт за несколько недель до процесса. Но даже на эта Москва не могла пойти. Весь расчет был основан на том, чтоб застигнуть общественное мнение врасплох, подготовив заранее Приттов и Дуранти в качестве осведомителей и истолкователей. Потребовать моей выдачи можно было бы не иначе, как поставив вопрос перед французским, норвежским или мексиканским судом под контролем мировой печати. Но это значило бы для Кремля идти навстречу жестокому провалу! Вот

почему оба процесса были не судом надо мною и моим сыном, а только оклеветанием нас при помощи судебного процесса без принуждения, без вызова -- за нашей спиной.

Во время подготовки будущих амальгам, надеясь заранее на их полный и оглушительный успех в международном масштабе,

Сталин, через посредство Литвинова, взял на себя в 1934 г. инициативу создания специального Трибунала "против террористов" при Лиге Наций. Он подготовлял себе таким образом одну из легальных 'возможностей завладеть мною и моим сыном. (Расследование этой деликатной дипломатической операции, казавшейся в свое время совершенно непонятной, составит одну из легко осуществимых и крайне благодарных задач Комиссии.) Неблагоприятное эхо московских процессов должно было, однако, сильно охладить с того времени надежды Сталина на "легальные" пути.

Я не знаю, осуществится ли трибунал при Лиге Наций или нет, и, если да, то Когда именно. 22 октября 1936 г. я обратился через своего норвежского адвоката М. Пюнтервольда в женевскую комиссию юристов, разрабатывающую статуты будущего Трибунала, с письменным заявлением о том, что, как только Трибунал будет создан, я потребую рассмотрения в нем моего дела. Можно предсказать заранее, что московское правительство не посмеет предстать перед этим Трибуналом, ибо он, как следует надеяться, будет обставлен элементарными гарантиями правосудия.

Приговор ,по последнему процессу говорит, что Троцкий и Седов "изобличены... в непосредственном руководстве изменнической деятельностью" и "в случае их обнаружения (?) на территории СССР -- подлежат немедленному аресту и преданию суду..." Я оставляю в стороне вопрос о том, при помощи какой техники Сталин надеется "обнаружить" меня и моего сына на территории СССР. (Очевидно, при помощи той же самой, которая позволила ГПУ "обнаружить" ночью на 7 ноября 1936 г. часть моих архивов в научном институте в Париже и перевести их в прочных дипломатических вализах в Москву.)

Внимание останавливает на себе прежде всего тот факт, что после того, как приговор объявляет нас, не привлеченных к суду и не выслушанных судом, "изобличенными", он обещает в случае нашего обнаружения предать нас... суду. Таким образом, я и мой сын являемся сейчас уже "изобличенными", но еще не преданными суду. Цель этой бессмысленной, но не случайной формулы состоит в том, чтоб вооружить ГПУ возможностью расстрелять нас после "обнаружения" без всякой судебной процедуры: позволить себе роскошь открытого суда над нами Сталин не может даже в СССР!

Наиболее циничные из агентов Москвы, в том числе советский дипломат Трояновский, выступают с таким аргументом: "Преступники не могут сами выбирать для себя судей". В общей форме эта мысль верна. Нужно только установить предварительно, по какую сторону разграничительной линии находятся преступники. Если допустить, что действительными преступниками являются организаторы московских процессов -- а

таково мнение широких и растущих кругов,--то можно ли им позволить выступать судьями в собственном деле? Именно по этой причине Комиссия расследования стоит над обеими сторонами. Она будет сообразовываться не с московской иерархией, а с требованиями мировой совести.

ТРИ КАТЕГОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Область, охватываемая московскими процессами, совершен-но необъятна. Если б я поставил себе задачей опровергнуть перед вами все направленные против меня ложные утверждения, которые заключаются хотя бы в официальных отчетах о двух важнейших

московских процессах, я вынужден был бы занять слишком много времени: достаточно напомнить, что мое имя встречается почти на каждой странице, притом неоднократно. Я надеюсь, что буду иметь возможность еще раз, и с большей полнотой, высказаться перед Комиссией в целом. Сейчас я вынужден наложить на себя суровые ограничения. Целый ряд вопросов, имеющих, каждый в отдельности, большое значение для опровержения обвинения, я вынужден пока оставить в стороне. По ряду других, еще более важных вопросов мне приходится ограничиться коротким конспектом, лишь намечающим общие рамки тех выводов, которые я надеюсь в будущем представить Комиссии. Зато я постараюсь выделить узловые пункты советских процессов как принципиального, так и эмпирического характера, и осветит их со всей возможной полнотой. Эти узловые пункты располагаются в трех плоскостях.

1. Иностранные апологеты ГПУ монотонно повторяют один и тот же довод: невозможно допустить, чтобы ответственные и старые политики могли на суде обвинять себя в таких преступлениях, которых они не совершили. Но эти господа упорно отказываются применить тот же критерий здравого смысла не к признаниям, а к самим преступлениям. Между тем в этом втором случае он гораздо более уместен.

Я исхожу из того, что подсудимые -- вменяемые, т. е. нормальные субъекты, и, следовательно, не могли совершать заведомо бессмысленных преступлений, направленных против их идей, против всего их прошлого и против их сегодняшних интересов.

Замышляя преступление, каждый из подсудимых обладал тем, что с юридической точки зрения можно назвать свободой выбора. Он мог совершить преступление, мог и не совершать его. Он размышлял о том, выгодно ли преступление, отвечает ли оно его целям, разумны ли намеченные им средства и пр , словом, действовал как свободное и вменяемое лицо.

Положение, однако, радикально меняется, когда действительный или мнимый преступник попадает в руки ГПУ, кото

рому по политическим причинам необходимо во что бы то ни "стало добиться определенных показаний. Здесь "преступник" перестает быть самим собою. Не он решает, а решают за него.

Поэтому, прежде чем заниматься рассуждениями о том, действовали ли подсудимые на суде сообразно законам здравого смысла или нет, надо поставить другой, предварительный вопрос, именно: могли ли подсудимые совершать те невероятные преступления, в которых они каются?

Выгодно ли было оппозиции убийство Кирова? И если нет, то не было ли выгодно бюрократии какой угодно ценою, приписать убийство Кирова оппозиции?

Выгодно ли было оппозиции совершать акты саботажа взрывать шахты, организовывать крушения поездов? И если нет, то не было ли выгодно бюрократии взвалить ответственность за ошибки и катастрофы в хозяйстве на оппозицию?

Выгодно ли было оппозиции вступать в союз с Гитлером и микадо? И если нет, то не было ли выгодно бюрократии добиться от оппозиции признания в том, что она состояла в союзе с Гитлером и микадо?

Qui prodest?156 Достаточно ясно и точно сформулировать этот вопрос, чтобы тем самым наметить уже первые контуры ответа.

2. В последнем процессе, как и во всех предшествующих, единственной опорой обвинений являются стандартные монологи подсудимых, которые, повторяя мысли и

выражения прокурора, каются наперебой и неизбежно называют меня главным организатором заговора. Как объяснить этот факт?

В своей обвинительной речи Вышинский пытался на этот раз оправдать отсутствие объективных доказательств теми соображениями, что заговорщики не имеют членских билетов, не ведут протоколов и пр. и пр. Эти жалкие доводы кажутся вдвойне жалкими на русской почве, где заговоры и судебные процессы насчитывают долгий ряд десятилетий. Конспираторы пишут письма иносказательно. Но эти иносказательные письма захватываются при обысках и представляют серьезную улику. Заговорщики прибегают нередко к химическим чернилам. Но царская полиция сотни раз перехватывала такие письма и предъявляла их суду. В среду заговорщиков проникают провокаторы, которые доставляют полиции конкретные сведения о ходе заговора и дают возможность захватить документы, лаборатории или самих заговорщиков на месте преступления. Ничего подобного мы не находим в процессах Сталина--Вышинского. Несмотря на пятилетнюю длительность самого грандиозного из всех заговоров, имевшего свои разветвления во всех частях страны и свои связи за западной и за восточной границами, несмотря на бесчисленное количество обысков и арестов и даже на похищение архивов, ГПУ не удалось представить суду ни

одного вещественного доказательства. Обвиняемые ссылаются лишь на свои действительные или мнимые разговоры о заговоре. Судебное следствие есть разговор о разговорах. "Заговор" лишен плоти и крови.

С другой стороны, история революционной, как и контрреволюционной борьбы не знает таких случаев, чтобы десятки закоренелых заговорщиков совершали в течение ряда лет беспримерные преступления, а после ареста, несмотря на отсутствие улик, каялись во всем, выдавали себя и друг друга и с бешенством клеймили своего отсутствующего "главу". Каким образом преступники, которые вчера убивали вождей, разрушали хозяйство, готовили войну и расчленение страны, сегодня так покорно поют по камертону прокурора?

Эти две основные черты московских процессов: отсутствие улик и повальный характер покаяний не могут не вызвать подозрений у каждого мыслящего человека. Тем большее значение преобретает в этом случае объективная проверка признаний. Между тем суд не только не производил такой проверки, но, наоборот, всячески избегал ее. Эту проверку мы должны взять на себя. Правда, она возможна не во всех случаях. Но в этом нет и надобности. С нас будет совершенно достаточно -- для начала -- показать, что в нескольких крайне важных случаях покаяния находятся в полном противоречии с объективными фактами. Чем более стандартный характер имеют покаяния, тем более они окажутся скомпрометированными при обнаружении ложности нескольких из них.

Количество примеров, где показания обвиняемых -- их доносы на себя и на других-- рассыпаются вдребезги при сопоставлении с фактами, очень велико. Это достаточно обнаружилось уже здесь, во время следствия. Опыт московских процессов показывает, что подлог столь грандиозного масштаба не под силу самому могущественному полицейскому аппарату в мире. Слишком много людей и обстоятельств, характеров и дат, интересов и документов, которые не укладываются в рамки готового либретто! Календарь упорно сохраняет свои права, и метеорология Норвегии не склоняется перед Вышинским. Если взглянуть на вопрос с точки зрения искусства, то такая задача -- драматическое согласование сотен людей и бесчисленных обстоятельств -- оказалась бы не по плечу и Шекспиру. Но в распоряжении ГПУ нет Шекспиров. Поскольку дело идет о "событиях" в СССР, внешняя видимость согласованности охраняется инквизиционным насилием: все -- подсудимые,

свидетели, эксперты -- хором подтверждают материально невозможные факты. Но положение сразу меняется, когда нужно протянуть нити за границу. Между тем без нитей за границу, ко мне,. "врагу No 1", процесс терял главную часть своего политического значения. Вот почему ГПУ вынуждено было пуститься на

рискованные и крайне несчастные комбинации с Гольцманом, Ольбергом, Давидом, Берманом, Роммом и Пятачковым.

Выбор объектов анализа и опровержения сам собою вытекает, таким образом, из тех "данных", какими обвинение располагает против меня и моего сына. Так, опровержение показания Гольцмана о посещении им меня в Копенгагене; опровержение показания Ромма о свидании со мной в Булонском лесу и опровержение рассказа Пятакова об его полете в Осло не только имеют значение сами по себе, поскольку опрокидывают важнейшие устои обвинения против меня и моего сына, но и позволяют заглянуть за кулисы московского правосудия в целом и уяснить себе применяемые там методы.

Таковы два первых этапа моего анализа. Если нам удастся доказать, что, с одной стороны, так называемые "преступле-ния" противоречат психологии и интересам подсудимых; что, с другой стороны, признания по крайней мере в нескольких типических случаях противоречат точно установленным фактам, мы выполним тем самым очень большую работу в деле опровержения обвинения в целом.

3. Правда, и после этого останется еще немало вопросов, требующих ответа. Главные из них таковы: что же за люди эти подсудимые, которые после 25--30 и более лет революционной работы согласились взвалить на себя столь чудовищные и унизительные обвинения? Какими путями ГПУ добилось своей цели? Почему ни один из обвиняемых не закричал открыто о подлоге на суде? И пр. и Т. п.

По сути дела я не обязан отвечать на эти вопросы. Мы не могли допросить здесь ни Ягоду (его допрашивает сейчас Ежов!), ни Ежова, ни Вышинского, ни Сталина, ни, главное, их жертв, большинство которых к тому же уже расстреляно. Комиссия не может, поэтому, вскрыть до конца инквизиционную технику московских процессов. Но главные ее пружины видны и сейчас.

Обвиняемые -- не "троцкисты", не оппозиционеры, не борцы, а покорные капитулянты. ГПУ воспитывало их для будущих процессов в течение ряда лет. Я считаю поэтому крайне важным для понимания механики покаяний вскрыть психологию капитулянтов как политической группы и дать личную характеристику важнейших подсудимых в обоих процессах. Я имею в виду не произвольные психологические импровизации, построенные задним числом в интересах защиты, а объективные характеристики, основанные на бесспорных материалах, относящихся к различным моментам интересующего нас периода. Недостатка в таких материалах у меня нет. Наоборот, мои папки ломятся от фактов и цитат. Я выбираю поэтому один пример, наиболее яркий и типичный, именно, Радека.

Еще 14 июня 1929 г. я писал о влиянии могущественных термидорианских тенденций на саму оппозицию: "...Мы видели на целом ряде примеров, как старые большевики, стремившиеся охранить традиции партии и себя самих, из последних сил тянулись за оппозицией: кто до 1925 года, кто до 27-го, а кто и до 29-го. Но в конце концов выходили в расход: не хватало нервов. Радек является сейчас торопливым и крикливым идеологом такого рода элементов" (Бюллетень оппозиции, No 1--2, июль 1929). Именно Радек дал на последнем процессе "фило-софию" преступной деятельности "троцкистов". По свидетельству многих иностранных журналистов показания Радека казались на суде

наиболее искусственными и шаблонными, наиболее незаслуживающими доверия. Тем важнее именно на этом примере показать, что на скамье подсудимых фигурировал не реальный Радек, каким его создали природа и политическое прошлое, а некоторый "робот", вышедший из лаборатории ГПУ.

Если мне удастся обнаружить это с необходимой убедительностью, то тем самым будет освещена в значительной мере и роль других подсудимых в этих процессах. Это не значит, конечно, что я отказываюсь от мысли осветить физиономию каждого из них в отдельности. Наоборот, я надеюсь, что Комиссия даст мне возможность выполнить ее на следующем этапе своих работ. Но сейчас, связанный рамками времени, я вынужден сосредоточивать внимание лишь на наиболее важных обстоятельствах и на наиболее типических фигурах. Работа Комиссии от этого, надеюсь, только выиграет.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БАЗА ОБВИНЕНИЯ: ТЕРРОРИЗМ

Если возможен террор на одной стороне, почему считать его исключенным на другой? При всей своей подкупающей симметричности это рассуждение порочно в самой своей основе. Никак нельзя ставить на одну доску террор диктатуры против оппозиции с террором оппозиции против диктатуры. Для правящей клики подготовка убийств через посредство суда или из-за угла есть простой вопрос полицейской техники: в случае неудачи можно всегда пожертвовать второстепенными агентами. Со стороны оппозиции террор предполагает сосредоточение всех сил на подготовке покушений, причем заранее известно, что каждое из них, удачное или неудачное, вызовет в ответ истребление десятков лучших людей. Такого безумного расточительства оппозиция себе никак позволить не могла. Именно по этой причине, а не по какой-либо другой, Коминтерн не прибегает к террористическим покушениям в странах фашистской диктату

ры. Оппозиция так же мало расположена к политике самоубийства, как и Коминтерн.

Согласно обвинительному акту, рассчитанному на невежество и леность мысли, "троцкисты" решили истребить правящую группу, чтоб таким образом проложить себе путь к власти. Средний филистер, особенно если он носит значок друга СССР, рассуждает так: оппозиционеры не могли не стремиться: к власти и не могли не ненавидеть 'правящую группу; почему им было в самом деле не прибегнуть к террору? Другими словами: для филистера дело кончается там, где оно на самом деле только начинается. Вожди оппозиции -- не случайные люди, не новички. Вопрос совсем не в том, стремились ли они к власти: каждое серьезное политическое направление стремится овладеть властью. Вопрос в том, могли ли оппозиционеры, воспитавшиеся на огромном опыте революционного движения, хоть на одну минуту поверить, что террор способен приблизить их к власти? Русская история, марксистская теория, политическая-психология отвечают: нет, не могли!

Проблема террора нуждается здесь хоть в кратком историческом и теоретическом освещении. Поскольку я изображаюсь инициатором "антисоветского террора", я вынужден придать изложению автобиографический характер. В 1902 году, едва прибыв из Сибири в Лондон после почти пяти лет тюрьмы и ссылки, я в заметке, посвященной 200-летию Шлиссельбурга с его каторжной тюрьмой, перечислял замученных в крепости революционеров. "Они взывают о мести, эти страдальческие тени". Но тут же я прибавлял: "Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия". Эти строки были целиком направлены против индивидуального террора. Автору их было 23 года. Противником террора он был уже с первых шагов своей революционной работы. С 1902' по 1905 г.г. я прочитал в разных городах Европы перед русскими студентами и

эмигрантами десятки политических докладов против террористической идеологии, которая в начале столетия стала снова распространяться среди русской молодежи.

Начиная с 80-х годов прошлого века, два поколения русских марксистов переживали историю террора на личном опыте, учились на его трагических уроках и органически впитывали в себя отрицательное отношение к героическому авантюризму одиночек. Плеханов, основоположник русского марксизма, Ленин, вождь большевизма, Мартов157, наиболее выдающийся представитель меньшевизма, посвятили борьбе с тактикой террора тысячи страниц и сотни речей. Идейными внушениями, исходившими от этих старших марксистов, питалось уже в ранней юности мое отношение к революционной алхимии замкнутых интеллигентских кружков. Проблема террора была для нас, русских революционеров, проблемой жизни и смерти в политическом.

как и в личном смысле слова. Террорист был для нас не фигурой из романа, а живым и близким человеком. В ссылке мы

годами жили бок о бок с террористами старшего поколения. В тюрьмах и на этапах мы встречались с террористами-ровесни

ками. Мы перестукивались в Петропавловской крепости с террористами, осужденными на смерть. Сколько часов, сколько дней уходило на страстные прения, сколько раз мы рвали личные отношения на самом жгучем из всех вопросов! Питавшая и отражавшая эти споры русская литература о терроризме мог

ла бы составить большую библиотеку.

Отдельные террористические взрывы неизбежны, когда политический гнет переходит известные пределы. Такие акты почти всегда имеют симптоматический характер. Другое дело -- политика, канонизирующая террор, возводящая его в систему. "По самому существу своему, -- писал я в 1909 г., -террористическая работа требует такого сосредоточения энергии на "великом миге", такой переоценки значения личного героизма и, наконец, такой герметической конспирации, которые... совершенно исключают агитационную и организационную деятельность среди масс... Борясь против терроризма, марксистская интеллигенция защищала свое право или свою обязанность -- не уходить из рабочих кварталов для учинения подкопов под великокняжеские и царские дворцы". Обмануть или перехитрить историю нельзя. В конце концов она всех ставит на свое место. Основное свойство террора как системы --разрушать ту организацию, которая при помощи химических препаратов пытает-ся возместить недостаток собственной политической силы. Бывают, конечно, исторические условия, где террор может внести замешательство в правительственные ряды. Но кто способен в этом случае пожать плоды? Во всяком случае не сама террористическая организация и не массы, за спиною которых происходит поединок. Так, либеральные русские буржуа неизменно сочувствовали в свое время терроризму. Причина ясна: "поскольку террор вносит дезорганизацию и деморализацию в ряды правительства (ценою дезорганизации и деморализации в рядах революционеров), -- писал я в 1909 г., -- постольку он играет на руку не кому иному, как им, либералам". Ту же мысль, и почти в тех же словах, мы встречаем через четверть века в связи с убийством Кирова.

Самый факт индивидуальных покушений является безошибочным признаком политической отсталости страны и слабости . прогрессивных сил. Революция 1905 года, обнаружившая могущество пролетариата, покончила с романтикой единоборства между кучками интеллигентов и царизмом. "Терроризм в России умер", -- повторял я в ряде статей. "...Террор передвинулся далеко на восток -- в область Пенджаба и Бенгалии... Может "быть,

и в других странах востока терроризму еще предстоит

пережить эпоху расцвета. Но в России он составляет уже достояние истории".

С 1907 года я снова оказался в эмиграции. Метла контрре-волюции работала свирепо, и русские колонии в европейских: городах стали очень многочисленны. Целая полоса моей второй эмиграции посвящена докладам и статьям против террора мести и отчаяния. В 1909 году раскрылось, что во главе террористической организации так называемых "социалистов-революционеров" стоял агент-провокатор Азеф158. "В тупом переулке терроризма, -- писал я, "уверенно хозяйничает рука провокации" (январь 1910 г.). Терроризм всегда оставался для меня не чем другим как "тупым переулком".

"Непримиримое отношение русской социал-демократии к бюрократизированному террору революции как средству борьбы против террористической бюрократии царизма, -- писал я в тот же период, -встречало недоумение и осуждение не только среди русских либералов, но и среди европейских социалистов".. И те и другие обвиняли нас в "доктринерстве". Со своей стороны, мы, русские марксисты, объясняли сочувствие к русскому терроризму оппортунизмом вождей европейской социал-демократии, которые привыкли переносить свои надежды с масс на правящие верхи. "Тот, кто охотится за министерским портфелем... как и тот ,кто охотится за самим министром с адской машиной под полою, -- одинаково должны переоценивать министра: его личность и его пост. Для них система исчезает или отодвигается вдаль; остается лишь лицо, наделенное властью". Эту мысль, которая проходит через десятилетия моей деятельности, мы опять-таки встретим позже в связи с убийством Кирова.

В 1911 году среди некоторых групп австрийских рабочих возникли террористические настроения. По просьбе Фридриха Адлера, редактора теоретического ежемесячника австрийской социал-демократии "Дер Кампф", я написал в ноябре 1911 г.. для этого органа статью о терроризме. "Вносит ли террористическое покушение, даже "удавшееся", замешательство в господствующие круги, нет ли, это зависит от конкретных политических обстоятельств. Во всяком случае, это замешательство может быть только кратковременным. Капиталистическое государство опирается не на министров и не может быть уничтожено вместе с ними. Классы, которым оно служит, всегда найдут себе новых людей, -- механизм остается в целости и продолжает действовать. Но гораздо глубже то замешательство, которое террористические покушения вносят в ряды рабочих масс. Если достаточно вооружиться револьвером, чтобы добиться своего, то к чему усилия классовой борьбы? Если наперстка пороха и кусочка свинца достаточно для того, чтобы прострелить, шею врага, то к чему классовая организация? Если есть смысл

в запугивании превосходительных особ грохотом взрыва, то к чему партия? К чему собрания, массовая агитация, выборы, если с парламентской галерки так легко взять на прицел министерскую скамью? Индивидуальный терроризм в наших глазах именно потому недопустим, что он принижает массу в ее собственном сознании, примиряет ее с ее бессилием и направляет ее взоры и надежды в сторону великого мстителя и освободителя, который когда-нибудь придет и совершит свое дело".

Через пять лет, в разгар империалистической войны Фридрих Адлер, побудивший меня написать эту статью, убил в венском ресторане австрийского министра-президента Штюргка159. Героический скептик и оппортунист не нашел другого выхода своему возмущению и отчаянию. Мое сочувствие было, разумеется, не на стороне габсбургского сановника. Однако индивидуальному акту Фридриха Адлера я противопоставлял образ

действий Карла Либкнехта, который во время войны вышел на берлинскую площадь, чтоб раздавать рабочим революционное воззвание.

28 декабря 1934 г., через четыре недели после убийства Кирова, когда сталинская юстиция еще не знала, в какую сторону ей повернуть острие своего "правосудия", я писал в "Бюллетене оппозиции" (январь ,1935 г. No 41): "Если марксисты решительно осуждали индивидуальный терроризм... даже тогда, когда выстрелы направлялись против агентов царского правительства и капиталистической эксплуатации, тем более беспощадно осудят и отвергнут они преступный авантюризм покушений, направленных против бюрократических представителей первого в истории рабочего государства. Субъективные мотивы Николаева и его единомышленников для нас при этом безразличны. Лучшими намерениями вымощен ад. Пока советская бюрократия не смещена пролетариатом, -- а эта задача будет выполнена, -- до тех пор она выполняет необходимую функцию по охране рабочего государства. Если б терроризм типа Николаева развернулся, он мог бы при наличии других неблагоприятных условий лишь оказать содействие фашистской контрреволюции.

Пытаться подкинуть Николаева левой оппозиции, хотя бы только в лице группы Зиновьева, какою она была в 1926--27 гг., могут лишь политические мошенники, рассчитывающие на дураков. Террористическая организация коммунистической молодежи порождена не левой оппозицией, а бюрократией, ее внутренним разложением. Индивидуальный терроризм есть по самой своей сути бюрократизм, вывернутый наизнанку. Марксистам этот закон известен не со вчерашнего дня. Бюрократизм не доверяет массам, стараясь заменить их собою. Также поступает и терроризм, который хочет осчастливить массы без их участия. Сталинская бюрократия создала отвратительный

культ вождей, наделяя их божественными чертами. Религия "героев" есть также и религия терроризма, хоть и со знаком минус. Николаевы воображают, что стоит при помощи револьверов устранить нескольких вождей, и ход истории примет другое направление. Коммунисты-террористы как идейная формация представляют собою плоть от плоти и кость от кости сталинской бюрократии."

Эти строки, как успел убедиться читатель, не написаны ad hoc. Они резюмируют опыт целой жизни, который питался в свою очередь опытом двух поколений.

Ужо в эпоху царизма молодой марксист, переходивший в ряды террористической партии, представлял сравнительно редкое явление, на которое указывали пальцами. Но там шла, по крайней мере, непрерывная теоретическая борьба двух Направлений, издания двух партий вели ожесточенную полемику, публичные прения не прекращались ни на день. Теперь же нас хотят заставить поверить, что не молотые революционеры, а старые вожди русского марксизма, имеющие за спиной традицию трех революций, вдруг -- без критики, без прений, без объяснений -- повернулись лицом к террору, который они всегда отвергали как метод политического самоубийства. Самая возможность такого обвинения показывает, до какого унижения довела сталинская бюрократия официальную теоретическую и политическую мысль, не говоря уже о советской юстиции. Политическим убеждениям, завоеванным опытом, закрепленным теорией, закаленным в самом горячем огне человеческой истории, фальсификаторы противопоставляют бессвязные, противоречивые, ничем не подтвержденные показания подозрительных анонимов.

Да, говорят Сталин и его агенты, мы не можем отрицать того, что Троцкий не только в России, но и в других странах на различных этапах политического развития, в разных условиях с одинаковой настойчивостью предостерегал против террористического

авантюризма. Но мы открыли в его жизни несколько моментов, которые составляют исключение из этого правила. В конспиративном письме, которое он написал некоему Дрейцеру (и которого никто не видал); в беседе с Гольцманом, которого привел к нему в Копенгагене его сын (находившийся в это время в Берлине); в (беседе с Берманом и Давидом (о которых я никогда ничего не слыхал до первых судебных отчетов) -- в этих четырех или пяти случаях Троцкий дал своим сторонникам (которые на самом деле были моими злейшими противниками) террористические инструкции (не попытавшись ни обосновать их, ни связать их с делом всей моей жизни). Если свои программные воззрения на террор Троцкий сообщал устно и письменно сотням тысяч и миллионам в течение сорока лет, то только для того, чтоб обмануть их: подлинные взгля

ды он излагал под строжайшим секретом Берманам и Давидам... И о чудо! Этих нечленораздельных "инструкций", стоящих целиком на уровне мысли господ Вышинских, оказалось достаточным для того, чтоб сотни старых марксистов автоматически, без возражений, без слов повернули на путь террора. Такова политическая база процесса 16-ти. Иначе сказать: процесс 16-ти совершенно лишен политической базы.

УБИЙСТВО КИРОВА

В московских процессах речь идет о грандиозных замыслах, планах и подготовках преступлений. Но все это разыгрывается в области разговоров, вернее, воспоминаний подсудимых о тех разговорах, которые они вели будто бы в прошлом между собой. Судебный отчет о процессе представляет собою, как уже сказано, не что иное, как разговор о разговорах. Единственное действенное преступление -- убийство Кирова. Но именно это преступление совершено не оппозиционерами и не капитулянтами, которых ГПУ выдает за оппозиционеров, а одним, может быть, двумя или тремя молодыми коммунистами, попавшими в сети провокаторов ГПУ. Независимо от того, хотели или не хотели провокаторы довести дело до убийства, ответственность за преступление падает на ГПУ, которое в свою очередь не могло в таком важном деле действовать без прямого поручения Сталина.

На чем основываются эти утверждения? Все необходимые материалы для ответа заключаются в официальных документах Москвы. Анализ их дан в моей брошюре "Убийство Кирова и советская бюрократия" (1935), в книге Л. Седова "Le livre rouge" и в других работах. Я резюмирую выводы этого анализа в конспективной форме.

1. Зиновьев, Каменев и другие не могли организовать убийство Кирова, ибо в этом убийстве не было ни малейшего политического смысла. Киров был второстепенной фигурой, без самостоятельного значения. Кто в мире знал имя Кирова до его убийства? Если допустить даже абсурдную мысль, что Зиновьев, Каменев и другие встали на путь индивидуального террора, то они, во всяком случае, не могли не понимать, что убийство Кирова, не обещающее никаких политических результатов, вызовет бешеные репрессии против всех подозрительных и ненадежных и затруднит в дальнейшем какую бы то ни было оппозиционную деятельность, особенно террористическую. Действительные террористы должны были, естественно, начать со Сталина. Среди обвиняемых были члены ЦК и правительства, имевшие свободный доступ всюду: убийство Сталина не представляло бы для них никакого труда. Если "капитулянты" не совершили этого акта, то только потому, что они служили Сталину, а не боролись с ним и не покушались на него.

2. Убийство Кирова привело правящую верхушку в состояние панического замешательства. Несмотря на то, что личность Николаева была немедленно установлена,

первое правительственное сообщение связывало покушение не с оппозицией, а с белогвардейцами, пробравшимися будто бы в СССР из Польши, Румынии и других лимитрофов. Таких "белогвардейцев", по опубликованным данным, было расстреляно не меньше 104 человек! В течение свыше двух недель правительство считало нужным при помощи суммарных казней отвлекать внимание общественного мнения в другую сторону и заметать какие-то следы. Только на 16-й день версия о белогвардейцах была оставлена. Никакого официального объяснения 'первому периоду правительственной паники, ознаменовавшейся более чем сотней трупов, не дано до сих пор.

3 В советской печати решительно ничего не было сказано о том, как и при каких условиях Николаев убил Кирова, ни о том, какой пост занимал Николаев, в каких отношениях он находился с Кировым и пр. Вся конкретная, как политическая, так и чисто житейская обстановка убийства, и сегодня пребывает в тени, ГПУ не может рассказать того, что произошло, не раскрывая своей инициативы в организации убийства Кирова.

Несмотря на то что Николаев и остальные 13 расстрелян
ных показали все, чего от них требовали (я вполне допускаю,
что Николаев и его сообщники подвергались физическим пыт
кам), они ни слова не сказали об участии в убийстве Зиновь
ева, Бакаева160, Каменева или кого-либо из "троцкистов". ГПУ,
видимо, даже не предъявляло им таких вопросов. Все обстоя
тельства дела были еще слишком свежи, роль провокации слиш
ком очевидна, и ГПУ не столько разыскивало следы оппозиции,
сколько заметало свои собственные следы.
В то время как процесс Радека--Пятакова, непосредст
венно задевавший правительства иностранных государств, ста
вился на открытой сцене, процесс комсомольца Николаева,
убившего Кирова, разбирался 28--29 декабря 1934 г. при за
крытых дверях. Почему? Очевидно, не по дипломатическим, а
по внутренним причинам: ГПУ не могло выставить напоказ
свою собственную работу. Необходимо было втихомолку истре
бить прямых участников покушения и близких к ним людей,
вымыть тщательно руки и уж затем приняться за оппозицию.
6. Убийство Кирова вызвало такую тревогу в среде самой
бюрократии, что Сталин, на которого не могла в осведомлен
ных кругах не пасть тень подозрения, оказался вынужден най
ти козлов отпущения. 23 января 1935 г. состоялся процесс две
надцати главных чиновников ленинградского отдела ГПУ во
главе с начальником Медведем. Обвинительный акт признает,
что Медведь и его сотрудники своевременно "располагали све
дениями о готовящемся покушении на Кирова". Приговор за

являет, что они "не приняли мер, чтобы вовремя вскрыть и прекратить" деятельность террористической группы, "хотя имели полную возможность сделать это". Большей откровенности требовать нельзя. Все обвиняемые приговорены к тюремному заключению от двух до десяти лет. Ясно: через своих провокаторов ГПУ играло головой Кирова с целью впутать в дело оппозицию и затем обнаружить заговор. Николаев выстрелил, однако, не дожидаясь разрешения Медведя, и тем жестоко скомпрометировал амальгаму. Сталин

принес Медведя в качестве искупительной жертвы.

Наш анализ находит полное подтверждение в роли ла тышского консула Биссинекса, заведомого агента ГПУ. Консул имел с Николаевым, по признанию этого последнего, непосред ственную связь, выдал пять тысяч рублей на совершение тер рористического акта и без всякого смысла выпрашивал у Ни колаева письмо на имя Троцкого. Для того чтобы хоть косвен но связать мое имя с делом Кирова, Вышинский включил этот поразительный эпизод в обвинительный акт (январь 1935), ра зоблачив тем провокационную роль консула до конца. Имя кон сула было опубликовано, однако, лишь по прямому требованию дипломатического корпуса. После этого консул бесследно ис чез со сцены. В дальнейших процессах о Биссинексе не упоми налось ни словом, несмотря на то, что он непосредственно сно сился с убийцей и финансировал убийство. Все дальнейшие "организаторы" террористического акта против Кирова (Бака ев, Каменев, Зиновьев, Мрачковский и пр. и пр.) ничего не зна ли о консуле Биссинексе и ни разу не называли его имени. Трудно вообще представить себе более грубую, путаную и бес стыдную провокацию!

Только после того, как были истреблены действительные террористы, их друзья и их пособники, в том числе, несомнен но, и запутанные в заговор агенты ГПУ, Сталин счел возмож ным приняться вплотную за оппозицию. ГПУ подвергает аре сту верхушку бывших зиновьевцев и делит их на две группы. Относительно семи наиболее крупных деятелей, бывших членов ЦК, ТАСС сообщил 22 декабря об отсутствии "достаточных данных для предания их суду". Менее значительные члены груп пы, согласно традиционной технике ГПУ, были оставлены под дамокловым мечом. Под угрозой смерти некоторые из них дали показания против Зиновьева, Каменева и др. Показания гово рили, правда, не о терроре, а о контрреволюционной деятельно сти вообще (недовольство, критика политики Сталина и по.). Но этих показаний оказалось достаточно, чтобы выудить у Зи новьева, Каменева и др. признание своей "моральной" ответст венности за террористический акт. Такой ценою Зиновьев и Ка менев откупились (временно!) от обвинения в прямой причаст ности к убийству Кирова.

9. 29 января 1935 года я писал американским друзьям (письмо напечатано в "Бюллетене оппозиции" No 42, февраль 1935): "Стратегия, развернутая вокруг трупа Кирова, не принесла Сталину больших лавров. Но именно поэтому он не может ни остановиться, ни отступить. Сталину необходимо прикрыть сорвавшиеся амальгамы новыми, более широкого масштаба и... более успешными. Нужно встретить их во всеоружии!" Процессы 1936--37 гг. подтвердили это предостережение.

Самой грубой частью судебного подлога как по замыслу, так и исполнению, является обвинение "троцкистов" в саботаже. Эта часть процесса, составляющая важнейший элемент всей амальгамы, не убедила никого (если не считать господ типа Дурантии и К°). Из обвинительного акта и прений мир узнал, что вся советская промышленность находилась в сущности в руках "кучки троцкистов". Не лучше обстояло дело и с транспортом. Но в чем, собственно, состояли акты троцкистского саботажа? Из признаний Пятакова, подтвержденных показаниями его бывших подчиненных, сидящих рядом с ним на скамье подсудимых, обнаруживается, что: а) планы новых заводов разрабатывались слишком медленно и многократно переделывались; б) строительство заводов шло слишком долго и приводило к иммобилизации огромных капиталов; в) предприятия вводились в эксплуатацию незаконченными и в результате этого подвергались быстрому разрушению; г) разные части новых заводов оказывались в диспропорции одна по отношению к другой, что чрезвычайно снижало производительную мощь предприятий; д) заводы накопляли излишние резервы сырья и материалов, превращая таким путем живой капитал в мертвый; е) материалы расходовались хищнически и т. д. и т. п. Все эти явления, которые давно были известны как хронические болезни советского хозяйства, объявлены ныне результатом злонамеренного заговора, которым руководил Пятаков, разумеется, по моим директивам.

Остается, однако, совершенно непонятным, какова была во всем этом роль государственных органов промышленности, финансов и контроля, не говоря уже о партии, которая во всех учреждениях и предприятиях имеет свои ячейки. Если верить обвинительному акту, то руководство хозяйством находилось не в руках "гениального, никогда не ошибающегося вождя" и не в руках его ближайших сотрудников, членов Политбюро и правительства, а в руках изолированного человека, уже девять лет находящегося в ссылке и в изгнании. Как это понять? Согласно телеграмме "Нью-Йорк таймс" (25 марта 1937 г.) из Москвы,

новый шеф тяжелой промышленности В. Межлаук162 на собрании своих подчиненных обличал преступную роль саботажников в деле составления ложных планов. Но до момента смерти Орджоникидзе163 (18 февраля 1937 г.) сам Межлаук стоял во главе Госплана, основной задачей которого как раз и является проверка хозяйственных планов и смет. Так, в погоне за подлогом советское правительство выдает себе самому унизительное свидетельство о несостоятельности. Недаром "Тан", официоз дружественной Франции, писал, что эту часть процесса лучше было бы вообще не выводить на свет божий.

Сказанное выше о промышленности целиком относится и к транспорту. Железнодорожные специалисты считали, что провозная способность железных дорог имеет такие-то и такие-то технические пределы. С того времени как Каганович164 стал во главе путей сообщения, "теория пределов" была официально объявлена буржуазным предрассудком; хуже того, измышлением саботажников. Сотни инженеров и техников поплатились за прямую или косвенную приверженность к "теории пределов". Несомненно, многие старые специалисты, воспитанные в условиях капиталистического хозяйства, явно недооценивали возможности, заложенные в плановых методах и потому склонны были вырабатывать слишком низкие нормы. Но отсюда вовсе не вытекает, что темпы хозяйства зависят только от вдохновения и энергии бюрократии. Общее материальное оборудование страны, взаимозависимость разных частей промышленности, транспорта и сельского хозяйства, степень квалификации рабочих, процент опытных инженеров, наконец, общий материальный и культурный уровень населения-- таковы основные факторы, которым

принадлежит последнее слово в определении пределов. Стремление бюрократии изнасиловать эти факторы при помощи голого командования, репрессий и премий ("стахановщина") неизбежно вызывает суровую расплату в виде растройства заводов, порчи машин, высокого процента брака, аварий и катастроф. Привлекать к делу троцкистский "заговор" нет ни малейшего основания.

Задача обвинения чрезвычайно усложняется еще и тем, что, начиная с февраля 1930 года, я в печати систематически, настойчиво, из года в год и из месяца в месяц обличал те самые пороки бюрократизированного хозяйства, которые ныне ставятся в вину фантастической организации "троцкистов". Я доказывал, что советской промышленности нужны не "максимальные, а оптимальные темпы, т. е. такие, которые, опираясь на соответствие разных частей одного и того же предприятия и разных предприятий между собой обеспечивают непрерывный рост хозяйства в дальнейшем. "Промышленность мчится к кризису,-- писал я в "Бюллетене" 13 февраля 1930 г., --прежде всего по причине чудовищно бюрократических методов составле

ния плана. Пятилетка может быть построена с соблюдением необходимых пропорций и гарантий только при условии свободного обсуждения темпов и сроков, при участии в обсуждении всех заинтересованных сил промышленности и рабочего класса, всех его организаций и, прежде всего, самой партии, при свободной проверке всего опыта советского хозяйства за последний период, и в том числе чудовищных ошибок руководства... План социалистического строительства не может быть дан в порядке априорной канцелярской директивы".

"Троцкисты", как мы слышим на каждом шагу, представляют собою ничтожную кучку, изолированную от масс и ненавистную массам. Именно поэтому они и прибегли будто бы к методам индивидуального террора. Однако картина совершенно меняется, когда мы переходим к саботажу. Правда, бросить камень в машину или взорвать мост может и один человек. Но на суде мы слышим о таких методах саботажа, которые возможны лишь в том случае, если весь аппарат управления находится в руках саботажников. Так, обвиняемый Шестов165, заведомый агент-провокатор, показал в заседании 25 января: "Во всех шахтах в Прокопьевске, Анжерке, Ленинске был организован саботаж стахановского движения. Даны были инструкции раздражать рабочих. Прежде чем рабочий доберется до места своей работы, он должен был двести раз обругать управление. Созданы были невыносимые условия труда. Невозможно было работать не только стахановскими методами, но и самыми обыкновенными". Все это сделали "троцкисты"! Очевидно, вся администрация, снизу до верху, состояла из "троцкистов".

Не удовлетворяясь и этим, обвинение называет такие виды саботажа, которые не могут быть применены без активной или, по крайней мере, пассивной поддержки самих рабочих. Так, председатель суда цитирует следующее показание подсудимого Муралова166, который, в свою очередь, ссылается на подсудимого Богуславского167: "Работая на железных дорогах, "троцкисты" преждевременно извлекали локомотивы из обращения, саботировали расписание поездов, провоцировали закупорку станций, замедляя таким образом движение товарных поездов". Перечисленные преступления означают попросту, что железные дороги были в руках "троцкистов". Не удовлетворяясь этой выпиской из показаний Муралова, председатель спрашивает его:

-- Последнее время Богуславский саботировал постройку линий Эйхе--Сокол?

Муралов: Да.

Председатель: И в конце концов вы добились неудачи строительных работ?

Муралов: Да.

И это все. Каким образом Богуславский и два-три других "троцкиста" без поддержки служащих и рабочих могли добиться провала строительных работ целой железнодорожной линии, остается совершенно непостижимым.

Даты саботажа чрезвычайно противоречивы. Согласно важнейшим показаниям, саботаж являлся в 1934 году "новым словом". Но названный выше Шестов относит начало саботажа к концу 1931 г. В ходе судебных прений даты передвигаются то вперед, то назад. Механика этих передвижений достаточно ясна. Каждое из конкретных обвинений в саботаже или в "диверсии" опирается в большинстве случаев на какую-либо действительную неудачу, ошибку или катастрофу в промышленности и на транспорте Начиная с первой пятилетки, неудач и аварий было немало. Обвинение выбирает те из них, какие можно связать с кем-либо из подсудимых. Отсюда постоянные скачки в хронологии саботажа. Во всяком случае генеральная "директива" дана была мною, насколько можно понять, только в 1934 г

Наиболее злокачественные проявления "саботажа" обнаружены в химической промышленности, где особенно грубо нарушены внутренние пропорции. Между тем уже семь лет тому назад, когда советская власть в сущности только приступала к созданию этой отрасли хозяйства, я писал: "Решение вопроса о том, например, какое место должна занять химическая промышленность в плане ближайших лет может быть подготовлено лишь путем открытой борьбы разных хозяйственных группировок и разных отраслей промышленности за долю химии в народном хозяйстве. Советская демократия не есть требование отвлеченной политики, еще менее -- морали. Она стала делом хозяйственной необходимости".

Как же обстояло на этот счет в действительности? "Индустриализация,-писал я в той же статье, -- все больше держится на административном кнуте. Оборудование и рабочая сила форсируются Несоответствия между разными областями промышленности накопляются". Слишком хорошо зная сталинские методы самообороны, я прибавлял: "Нетрудно предвидеть, какой отклик найдет наш анализ со стороны официальных кругов. Чиновники скажут, что мы спекулируем на кризисе. Негодяи прибавят, что мы хотим падения советской власти .. Это нас не остановит. Кляузы проходят, а факты остаются".

Я не могу здесь злоупотреблять цитатами. Но с комплектом своих статей в руках я берусь доказать, что в течение семи лет я на основании данных официальной советской печати неутомимо предупреждал против гибельных последствий перепрыгивания через период лабораторной подготовки, введения в действие незаконченных заводов, замены технического обучения и правильной организации бешеными премиями. Все те

экономические "преступления", о которых шла речь на последнем процессе, неоднократно анализировались мною, начиная с февраля 1930 года и кончая моей последней книгой "Преданная революция", как неизбежные последствия бюрократической системы. У меня нет при этом ни малейшего основания гордиться своей проницательностью. Я просто внимательно следил за официальными отчетами и делал элементарные выводы из неоспоримых фактов.

Если "саботаж" Пятакова и др. практически начался, согласно обвинительному акту, лишь около 1934 года, то как объяснить тот факт, что уже в течение четырех предшествующих лет я настойчиво требовал радикального лечения тех самых болезней советской промышленности, которые ныне изображаются как результат злонамеренной деятельности "троцкистов"? Может быть, моя критическая работа была простой

"маскировкой"? По самому смыслу этого понятия маскировка должна была бы прикрывать преступления. Между тем моя критика, наоборот, обнажала их. Выходит так, что, организуя втайне саботаж, я изо всех сил привлекал внимание правительства к актам "саботажа" и тем самым --к его виновникам. Все это было бы, может быть, очень хитро, если бы не было совершенно бессмысленно.

Механика Сталина и его полицейских и судебных агентов совершенно проста. За крупные аварии на заводах, особенно за крушения поездов, расстреливали обычно несколько служащих, нередко тех, которые незадолго до того были награждены орденами за высокие темпы. Результатом явились всеобщая неуверенность и всеобщее недовольство. Последний процесс должен был персонифицировать причины крушений и катастроф в лице Троцкого. Доброму духу Ормузду противопоставлен злой дух Ариман. Согласно незыблемому порядку нынешнего советского судопроизводства все обвиняемые признали, разумеется, свою вину. Удивляться ли? Для ГПУ не представляет никакого труда предъявить известной части своих жертв альтернативу: либо быть расстрелянными немедленно, либо сохранить тень надежды при условии фигурировать на суде в качестве "троцкистов", сознательно саботирующих промышленность и транспорт. Дальнейшее не требует пояснений.

Поведение прокурора на суде само по себе является убийственной уликой против действительных заговорщиков. Вышинский ограничивается голыми вопросами: признаете ли вы себя виновным в саботаже? в организации аварий и крушений? признаете ли, что директивы исходили от Троцкого? Но он никогда не спрашивает, как подсудимые практически осуществляли свои преступления, как удавалось им провести свои вредительские планы через высшие государственные учреждения; скрывать саботаж в течение ряда лет от начальников и подчиненных;

добиться молчания местных властей, специалистов и рабочих и пр. и пр. Как всегда, Вышинский является главным сообщником ГПУ в деле подлогов и обмана общественного мнения.

Как далеко заходит при этом бесстыдство инквизиторов, видно из того, что обвиняемые по настойчивому требованию прокурора показывали, -- правда, не без сопротивления, -- буд-. то они сознательно стремились вызвать как можно большее количество человеческих жертв, чтоб породить таким путем недовольство рабочих. Но дело не останавливается и на этом. 24 марта, т. е. в самые последние дни, телеграмма из Москвы сообщила, что в Новосибирске расстреляны три "троцкиста" за злонамеренный поджог школы, в которой сгорело много детей. Позволю себе тут же напомнить, что мой младший сын Сергей Седов168 арестован по обвинению в подготовке массового отравления рабочих. Представим себе на минуту, что после потрясшего весь мир несчастья со школой в Техасе правительство Соединенных Штатов открывает в стране ожесточенную кампанию против Коминтерна, обвиняя его в злонамеренном истреблении детей, -- и мы получим приблизительное представление о нынешней политике Сталина. Подобные наветы, мыслимые только в отравленной атмосфере тоталитарной диктатуры, сами в себе заключают свое опровержение.

* * *

Проверить все сказанное выше не составит для Комиссии никакого труда. Мое конспективное изложение опирается на общедоступные материалы: советские газеты и печать оппозиции, главным образом, заграничный "Бюллетень". Уже одно хронологически последовательное сопоставление этих двух источников способно полностью исчерпать

вопрос о саботаже. Между тем нет недостатка во всякого рода дополнительных данных.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БАЗА ОБВИНЕНИЯ: СОЮЗ С ГИТЛЕРОМ И МИКАДО

Для подкрепления слишком уж невероятного обвинения в союзе "троцкистов" с Германией и Японией заграничные адвокаты ГПУ пускают в ход такие версии.

1. Ленин во время войны проехал с согласия Людендорфа169
через Германию с целью осуществить свои революционные за
дачи.

2. Большевистское правительство не остановилось перед
уступкой Германии громадных территорий и уплаты контрибу
ции с целью сохранения советского режима.

Вывод: почему не допустить, что Троцкий вступил в соглашение с тем же немецким генеральным штабом, чтоб посредством уступки территории и пр. приобрести возможность осуществить свои цели на остальной части территории?

Эта аналогия представляет собой на самом деле чудовищную и отравленную клевету на Ленина и на большевистскую партию в целом.

1. Ленин действительно проехал через Германию, использо
вав ложные надежды Людендорфа на распад России в резуль
тате внутренней борьбы. Но как поступил при этом Ленин?

а) он ни на минуту не скрывал ни своей программы, ни це
лей своей поездки;

б) он созвал в Швейцарии небольшое совещание интерна
ционалистов разных стран, которые вынесли полное одобрение
плану Ленина проехать в Россию через Германию;

в) Ленин не вступал ни в какие политические соглашения с
германскими властями и поставил условием, чтоб никто не
входил в вагон при проезде через Германию170;

г) немедленно по прибытии в Петербург Ленин изложил пе
ред Советом и перед рабочими массами смысл и характер сво
его проезда через Германию.

Смелость решения и осторожность подготовки характеризует Ленина и в этом эпизоде; но не меньше характеризует его полная и безусловная честность по отношению к рабочему классу, которому он в любой момент готов отдать отчет в каждом своем политическом шаге.

2. Большевистское правительство действительно уступило
Германии по Брест-Литовскому миру огромные территории с
целью сохранения советского режима на остальной части тер
ритории. Но:

а) у советского правительства не было никакого другого вы
бора;

б) решение принято было не за спиной народа, а в резуль
тате открытого и гласного обсуждения;

в) большевистское правительство ни на минуту не скрыва
ло от народных масс, что Брест-Литовский мир означает вре
менную и частичную капитуляцию пролетарской революции
перед капитализмом.

Мы имеем и в этом случае полное соответствие между целью и средством и безусловную

честность руководства перед лицом общественного мнения трудящихся масс.

Посмотрим теперь, каков смысл предъявленного мне обвинения.

Я заключил будто бы соглашение с фашизмом и милитаризмом на следующих началах:

а) я соглашаюсь отказаться от социализма в пользу капитализма;

б) я даю сигнал к разрушению советского хозяйства и к ист
реблению рабочих и солдат;

в) я скрываю от всего мира как свои действительные цели,
так и свои методы;

г) вся моя открытая политическая деятельность служит
лишь для того, чтоб обмануть трудящиеся массы относительно
моих действительных планов, в которые посвящены Гитлер,
микадо и их агенты.

Приписываемые мне действия не только не имеют, следовательно, ничего общего с приведенными выше примерами из деятельности Ленина, но представляют во всех отношениях прямую противоположность им.

Брест-Литовский мир представлял временное отступление, вынужденный компромисс в целях спасения советской власти и осуществления революционной программы. Тайный союз с Гитлером и микадо означает предательство интересов рабочего класса во имя личной власти, вернее, во имя миража власти, т. е. самое низменное из всех возможных преступлений.

Правда, некоторые из адвокатов ГПУ склонны разбавлять водою слишком крепкое вино Сталина: может быть, говорят они, Троцкий только на словах обязывался восстановить капитализм, в действительности же собирался на оставшейся части территории осуществлять политику в духе своей программы. Прежде всего этот вариант противоречит показаниям Радека, Пятакова и других. Но и независимо от этого он столь же бессмыслен, как официальная версия обвинения. Программа оппозиции есть программа международного социализма. Каким же образом взрослый и опытный человек мог воображать, что Гитлер и микадо, имея в своих руках против него весь список его предательств и отвратительных преступлений, позволят ему осуществлять революционную программу? Каким образом можно было вообще надеяться прийти к власти ценой уголовных действий на службе иностранного штаба? Разве не ясно было заранее, что Гитлер и микадо, использовав такого агента до конца, выбросили бы его затем просто как выжатый лимон? Разве заговорщики, возглавляемые шестью членами ленинского Политбюро, могли не понимать этого? Обвинение является, таким образом, внутренне (бессмысленным в обоих своих вариантах: в официальном, где дело идет о восстановлении капитализма, и в официозном, где у заговорщиков допускается затаенная мысль: обмануть Гитлера и микадо.

К этому надо прибавить, что заговорщикам должно было быть заранее ясно, что заговор ни в каком случае не может остаться нераскрытым. В процессе Зиновьева--Каменева Ольберг и другие показывали, что "сотрудничество" "троцкистов" с гестапо было не исключением, а "системой". Значит в эту систему были посвящены десятки и сотни. Для террористи

ческих актов и особенно саботажа нужны были, в свою очередь, сотни и даже тысячи агентов. Провалы были, следовательно, абсолютно неизбежны, а вместе с тем -- и разоблачение союза "троцкистов" с фашистскими и японскими шпионами. Кто, кроме сумасшедшего, мог надеяться прийти таким путем к власти?

Но и это еще не все. Акты саботажа, как и террористические акты, предполагают со стороны исполнителей готовность жертвовать собой. Когда немецкий фашист или японский агент рискуют в СССР своей головой, то ими движет такой могучий стимул, как патриотизм, национализм, шовинизм. Какие побудительные стимулы могли быть у "троцкистов"? Допустим, что "вожди", сойдя с ума, надеялись такими методами захватить власть. Но какие могли быть движущие мотивы у Бермана, у Давида, Ольберга, Арнольда171 и многих других, которые, став практически на путь террора и саботажа, обрекли себя тем самым на верную гибель? Жертвовать своей жизнью человек способен только во имя какой-либо высшей цели, хотя бы и ложной. Какая же высшая цель была у "троцкистов"? Стремление расчленить СССР? Стремление доставить Троцкому власть ради восстановления капитализма? Симпатии к германскому фашизму? Стремление доставить Японии нефть для войны против Соединенных Штатов? Ни официальная, ни официозная версии не дают совершенно ответа на вопрос, во имя чего, собственно, сотни "исполнителей" соглашались отдавать свои головы. Вся конструкция обвинений имеет механический характер. Она игнорирует психологию живых людей. В этом смысле обвинение является законным продуктом тоталитарного режима с его невниманием и презрением к людям, если они не являются "вождями".

* * *

Вторая фантастическая теория, которая пускается в оборот друзьями ГПУ, гласит, что я ввиду своей общей позиции политически заинтересован будто бы в ускорении войны. Общий ход рассуждений таков: Троцкий стоит за международную революцию. Известно, что война нередко вызывает революцию. Эрго: Троцкий не может быть не заинтересован в ускорении войны.

Люди, которые так думают, или которые навязывают мне такие мысли, имеют очень слабое представление о революции, о войне и об их взаимозависимости. Война действительно нередко ускоряла революцию. Но именно поэтому она приводила нередко к выкидышу. Война обостряет социальные противоречия и недовольство масс. Но этого мало для победы, пролетарской революции. Без революционной партии, имеющей опору в

массах, революционная ситуация приводит к жесточайшим поражениям. Задача не в том, чтоб "ускорить" войну, -- над этим, к несчастью, не без успеха работают империалисты всех стран. Задача в том, чтоб использовать то время, которое империалисты еще оставляют рабочим массам для создания революционной партии и революционных профессиональных союзов.

Жизненный интерес пролетарской революции -- как можно дальше отодвинуть войну, выиграть как можно больше времени для подготовки. Чем тверже, мужественнее, революционнее поведение трудящихся, тем дольше будут колебаться империалисты, тем вернее удастся отсрочить войну, тем больше шансов, что революция произойдет до войны и, может быть, сделает невозможной войну.

Именно благодаря тому, что Четвертый Интернационал стоит за международную революцию, он является одним из факторов, действующих против войны, ибо -- повторяю снова -- единственным тормозом на пути новой войны является страх имущих классов перед революцией.

* * *

Война, говорят нам, создает революционную ситуацию. Но разве за период с 1917 года до сих пор у нас был недостаток в революционных ситуациях? Бросим беглый взгляд на послевоенный период.

Революционная ситуация в Германии в 1918--1919 году.

Революционная ситуация в Австрии и Венгрии.

Революционная ситуация в Германии в 1923 году (оккупация Рура).

Революция в Китае в 1925--27 гг., которой непосредственно не предшествовала война.

Глубокие революционные потрясения в Польше в 1926 году.

Революционная ситуация в Германии в 1931--33 гг.

Революция в Испании в 1931--37 гг.

Предреволюционная ситуация во Франции начиная с 1934 г.

Предреволюционная ситуация в Бельгии.

Несмотря на обилие революционных ситуаций, трудящиеся массы ни в одном из перечисленных случаев не одержали революционной победы. Чего не хватает? Партии, способной использовать революционную обстановку.

Социал-демократия достаточно показала в Германии, что она враждебна революции. Она теперь снова показывает это же во Франции (Леон Блюм). В свою очередь Коминтерн, узурпируя авторитет Октябрьской революции, дезорганизует революционное движение во всех странах Коминтерн стал на деле, независимо от своих намерений, лучшим помощником фашизма и реакции вообще.

)

Именно поэтому перед пролетариатом выросла железная необходимость строить новые партии и новый Интернационал, отвечающие характеру нашей эпохи -- эпохи грандиозных социальных потрясений и постоянной военной опасности. Если во главе масс в случае войны не окажется смелой, мужественной, последовательной революционной партии, проверенной на опыте и пользующейся доверием масс, тогда новая революционная ситуация отбросит общество назад. Война может закончиться при этих условиях не победой революции, а крушением всей нашей цивилизации. Нужно было бы быть жалким слепцом, чтоб не видеть этой опасности

Война, как и революция, самые серьезные и трагические явления в человеческой истории. С ними нельзя шутить. Они не допускают дилетантского к себе отношения. Нужно ясно понимать взаимоотношение войны и революции. Не менее ясно нужно понимать взаимоотношение между объективными революционными факторами, которые нельзя вызвать по желанию, и между субъективным фактором революции -- сознательным авангардом пролетариата, его партией. Эту партию надо готовить изо всех сил

Можно ли допустить хоть на минуту, чтобы так называемые "троцкисты", крайний левый фланг, гонимый и преследуемый всеми другими течениями, стали отдавать свои силы презренным авантюрам, саботажу и провоцированию войны вместо того, чтобы строить новую революционную партию, способную встретить во всеоружии революционную ситуацию? Только циническое презрение Сталина и его школы к мировому общественному мнению в союзе с его примитивным полицейским коварством могли создать такого рода чудовищное и нелепое обвинение!

* * *

Я в сотнях статей и тысячах писем разъяснял, что военное поражение СССР означало бы неизбежно реставрацию капитализма в полуколониальной форме при фашистском политическом режиме, расчленении страны и крушении Октябрьской революции. Многие из моих бывших политических друзей в разных странах, возмущенные политикой сталинской бюрократии, приходили к выводу, что мы не можем брать на себя обязанность "безусловной защиты СССР". На это я возражал, что нельзя отождествлять бюрократию и СССР. Новый социальный фундамент СССР необходимо безусловно защищать от империализма. Бонапартистская бюрократия будет низвергнута трудящимися массами лишь в том случае, если удастся оградить основы нового экономического режима в СССР. Я гласно и открыто порвал на этом вопросе с десятками старых и сотнями

молодых друзей. В моем архиве имеется огромная переписка, посвященная вопросу о защите СССР. Наконец, моя новая книга "Преданная революция" дает подробный анализ военной и дипломатической политики СССР специально под углом зрения обороны страны. Теперь милостью ГПУ оказывается, что в то самое время, как я рвал с близкими друзьями, не понимавшими необходимости безусловной защиты СССР против империализма, я на деле заключал союзы с империалистами и рекомендовал разрушать экономический фундамент СССР.

Совершенно не видно к тому же, что же, собственно, практически внесли в союз Германия и Япония? "Троцкисты" продали микадо и Гитлеру свои головы. Что получили они в обмен? Деньги -- нерв войны. Получали ли "троцкисты", по крайней мере, деньги от Японии и Германии? Об этом в процессе ни слова. Прокурор даже не интересуется этим вопросом. В то же время из указаний на другие финансовые источники вытекает, что ни

Германия, ни Япония денег не давали. Что ж они вообще давали "троцкистам"? На этот вопрос во всем процессе нет и тени ответа. Союз с Германией и Японией сохраняет чисто метафизический характер. Позвольте прибавить, что это самая подлая из всех полицейских метафизик человеческой истории!

КОПЕНГАГЕН

"Копенгагенская" глава процесса 16-ти (Зиновьев и другие) является по скоплению противоречий и бессмыслиц самой чудовищной из всех его глав. Относящиеся к Копенгагену факты давно установлены и проанализированы в ряде печатных работ, начиная с "Красной книги" Л. Седова. Я представил Комиссии важнейшие документы и свидетельства и сохраняю за собой право представить дополнительные материалы в дальнейшем ходе расследования. По поводу "террористической недели" в Копенгагене я хочу поэтому быть настолько кратким, насколько возможно.

Я принял приглашение датских студентов прочитать доклад в Копенгагене в надежде, что мне удастся остаться в Дании или в другой европейской стране. Этот план не осуществился вследствие давления советского правительства на датское (угроза экономическим бойкотом). Чтоб отвратить другие страны от предоставления мне гостеприимства, ГПУ решило превратить неделю моего пребывания в Копенгагене в неделю "террористического заговора". Меня посетили будто бы в столице Дании Гольцман, Берман-Юрин и Давид. Все три прибыли независимо друг от друга, и каждый в отдельности получил от меня террористические инструкции. Ольберг, находившийся в

Берлине, получил от меня из Копенгагена также инструкции, но в письменном виде.

Наиболее важным свидетелем против меня и Льва Седова является Гольцман, старый член партии и лицо, известное нам обоим. Признания Гольцмана на судебном следствии и на самом суде отличаются от признаний большинства подсудимых чрезвычайной скупостью: достаточно сказать, что, несмотря на все настояния прокурора, Гольцман отрицал какое бы то ни было свое участие в террористической деятельности. Показания Гольцмана можно рассматривать как общий коэффициент всех показаний: Гольцман согласился признать только террористические планы Троцкого и участие в них Льва Седова. Именно скупость признаний Гольцмана придает им, на первый взгляд, особый вес. Между тем как раз свидетельство Гольцмана рассыпается прахом при первом соприкосновении с фактами. Представленные мною документы и свидетельские показания, которые я не стану снова перечислять, устанавливают с несомненностью, что вопреки заявлению Гольцмана Седов не был в Копенгагене и, следовательно, не мог привести ко мне Гольцмана. Тем более -- из отеля "Бристоль", разрушенного в 1917 г. К тому же показания трех других "террористов", -- Бермана, Давида и Ольберга -- невероятные сами по себе, подрывают друг друга и окончательно разрушают показания Гольцмана.

Гольцман, Берман и Давид были, по их словам, одинаково направлены в Копенгаген Львом Седовым. Но о присутствии Седова в Копенгагене не упоминает ни Берман, ни Давид. Они нашли ко мне дорогу сами. Только один Гольцман встретился будто бы с Седовым в вестибюле разрушенного отеля.

Совершенно неизвестные мне, по их собственным словам, Берман и Давид были будто бы рекомендованы мне впервые моим сыном, в то время 24-летним студентом. Выходит, что, скрывая свои террористические взгляды от самых близких людей, я давал террористические поручения первым встречным. Объяснить этот загадочный факт можно только одним путем: "первые встречные" для меня не были "первыми встречными" для ГПУ.

Четвертый террорист -- Ольберг -- заявил в вечернем заседании 20 августа 1936 г.: "Еще до моего отъезда в Советский Союз я собирался вместе с Седовым поехать в Копенгаген к Троцкому. Наша поездка не удалась, в Копенгаген отправилась жена Седова Сюзанна и, вернувшись оттуда, привезла письма Троцкого, адресованное Седову, в котором Троцкий соглашался с моей поездкой в СССР..."

Мои берлинские друзья, супруги Пфемферт172, как явствует из их писем от апреля 1930 года, уже в то время считали Ольберга если не агентом ГПУ, то кандидатом в агенты. Я отклонил его приезд из Берлина на Принкипо в качестве русского

секретаря. Тем менее мог я давать ему через два года "террористические инструкции". Но Ольберг, в отличие от Бермана и Давида, действительно находился одно время в переписке со мною, познакомился с Седовым в Берлине лично, несколько раз встречался с ним, знаком был с друзьями Седова, словом, находился до некоторой степени в его окружении. Ольберг мог знать и, как свидетельствует его показание, действительно знал, что попытки сына поехать в Копенгаген не удались и что туда поехала жена его, имевшая французский паспорт.

Все четыре "террориста" заявляют, как видим, что их связал со мною Седов. Но дальше их показания расходятся. По Гольцману, Седов сам находился в Копенгагене. Берман и Давид совершенно не упоминают о присутствии в Копенгагене Седова. Наконец, Ольберг категорически утверждает, что поездка Седова в Копенгаген не удалась. Самым поразительным во всем этом является то, что прокурор не обращает "и малейшего внимания на эти противоречия.

В распоряжении Комиссии имеются, как сказано, документальные доказательства того, что Седов не был в Копенгагене. О том же свидетельствуют показание Ольберга и умолчания Бермана и Давида. Наиболее внушительное из всех показаний против Седова и меня -- именно показание Гольцмана -- рассыпается, таким образом, прахом. Немудрено, если друзья ГПУ пытаются во что бы то ни было спасти показание Гольцмана, на котором держится вся версия "террористической недели" в Копенгагене. Отсюда гипотеза: Седов мог приехать в Копенгаген нелегально, неведомо для Ольберга и для других. Чтоб не оставлять противнику никаких лазеек, я коротко остановлюсь и на этой гипотезе.

С какой целью Седов мог пойти на риск нелегальной поездки? Все, что мы знаем о его мнимом пребывании в Копенгагене, сводится к тому, что он проводил Гольцмана из отеля "Бри-столь" ко мне на квартиру и во время моей беседы с Гольцма-ном "входил и выходил из комнаты". Это все! Стоило ли ради этого нелегально приезжать из Берлина?

Берман и Давид, которые, по собственному признанию, никогда раньше не встречали меня, разыскали меня в Копенгагене без помощи Седова, который, как вытекает из их слов, из Берлина дал им все необходимые указания. Тем легче мог разыскать меня Гольцман, который в прошлом встречался со мной. Ни один здравомыслящий человек не поверит тому, что Седов приехал по чужому паспорту из Берлина в Копенгаген для того, чтоб проводить ко мне на квартиру Гольцмана и в то же время оставил без внимания Бермана и Давида, которых он также будто бы направил из Берлина и которых я не знал в лицо.

Может быть, однако, Седов приехал нелегально в Копенгаген, чтоб повидаться с родителями? Это предположение, на первый взгляд, могло бы казаться несколько более правдоподобным, если бы Седов несколькими днями спустя не приехал вполне легально во Францию для той же цели, т. е. для свидания с родителями.

Но, может быть, настаивают друзья ГПУ, Седов совершил вторую, легальную поездку

только для того, чтобы скрыть первую поездку, нелегальную? Представим себе на минуту эту комбинацию во всей ее конкретности. Седов ведет совершенно открыто и заведомо для всех хлопоты о поездке в Копенгаген. Другими словами, он ни от кого не скрывает своего намерения повидаться с нами. Все наши друзья в Копенгагене знают, что мы ожидаем сына. Его жена и его адвокат приезжают в Копенгаген и рассказывают друзьям о неудаче хлопот сына. Теперь нам предлагают поверить, что, не получив визы, Седов нашел чужой паспорт и тайно прибыл в Копенгаген, невидимо ни для кого из наших друзей. Здесь он встречает Гольцмана в вестибюле несуществующего отеля, приводит его на свидание со мною, незримо для моей охраны, и во время моей беседы с Гольцманом "входит и выходит из комнаты". Затем Седов исчезает так же таинственно из Копенгагена как и появился. После возвращения в Берлин он успевает получить визу и 5 декабря уже встречает нас снова на Северном вокзале в Париже. Для чего все это?

С одной стороны, мы имеем показание Гольцмана, который сам ничего не говорит о том, по какому паспорту он приехал в Копенгаген (прокурор его об этом, конечно, не спрашивает), и который в довершение беды местом встречи с отсутствующим Седовым указывает несуществующий отель. С другой стороны, мы имеем: молчание о Седове Бермана и Давида; совершенно правильное показание Ольберга о том, что Седов остался в Берлине; две дюжины свидетельств, подтверждающие заявления Седова, его матери и мои, и в довершение ко всему здравый человеческий смысл, которому нельзя отказать в правах.

Выводы: Седов не был в Копенгагене, показание Гольцмана ложно. Гольцман -- главный свидетель обвинения. Вся "копенгагенская неделя" рассыпается прахом.

* * *

Я могу привести целый ряд дополнительных доводов, которые должны рассеять последние сомнения, если они вообще возможны в этом деле.

1. Ни один из моих мнимых посетителей не называет ни моего адреса, ни части города, в которой произошло свидание.

Маленькая вилла, которую мы занимали, принадлежала
танцовщице, уехавшей за границу. Вся обстановка дома соот
ветствовала профессии хозяйки и не могла не обращать на се
бя внимания всех посетителей. Если б Гольцман, Берман и Да
вид посетили меня, они непременно упомянули бы об обстанов
ке квартиры.

Во время нашего пребывания в Копенгагене мировую пе
чать обошла весть о смерти Зиновьева. Весть оказалась лож
ной Но мы все находились под ее впечатлением. Можно ли се
бе представить, что мои посетители, прибывшие для получения
"террористических" инструкций, ничего не слышали от меня
или других о смерти Зиновьева или же забыли об этом фак
те?173

Ни один из мнимых посетителей ни словом не говорит о
моих секретарях, о моей охране и пр.

Берман и Давид ничего не говорят о том, по каким пас
портам они приехали, как разыскали меня, где ночевали и пр.

Судьи и прокурор не задают ни одного конкретного вопроса, чтоб не разрушить неосторожным движением хрупкую постройку

* * *

Газета датской правительственной партии "Социал-демо-кратен" сейчас же после суда над Зиновьевым и Каменевым, 1 сентября 1936 года, установила, что отель "Бристоль", в котором произошла будто бы встреча Гольцмана с Седовым, был разрушен в 1917 году. Это немаловажное разоблачение встречено было московской юстицией сосредоточенным молчанием. Один из адвокатов ГПУ, кажется, незаменимый Притт, высказал предположение, что стенографистка вписала имя "Бристоль" . по ошибке. Если принять во внимание, что судебные прения велись на русском языке, то совершенно непонятно, каким образом стенографистка могла ошибиться в таком нерусском слове, как "Бристоль". Судебные отчеты, тщательно выправленные, читались, к тому же, судьями и публикой. Иностранные журналисты присутствовали на суде. Никто не заметил "описки" до разоблачений "Социал-демократен".

Эпизод получил, разумеется, широкую популярность Сталинцы молчали пять месяцев. Только в феврале этого года пресса Коминтерна сделала спасительное открытие: в Копенгагене нет, правда, отеля "Бристоль", но зато есть кондитерская "Бристоль", которая одной стеной примыкает к отелю. Правда, отель этот называется "Гранд Отель Копенгаген", но это все же отель Кондитерская, правда, не отель, но зато она называется "Бристоль". По словам Гольцмана, свидание произошло в вестибюле отеля. Кондитерская не имеет, правда, вести

бюля. Но зато у отеля, который не называется "Бристоль", имеется вестибюль. К этому надо прибавить, что, как явствует даже из чертежей, напечатанных в прессе Коминтерна, входы в кондитерскую и в отель ведут с разных улиц. Где же все-таки происходило свидание? В вестибюле без "Бристоля" или в "Бристоле" без вестибюля?

Допустим, однако, на минуту, что, назначая в Берлине Седову свидание, Гольцман спутал кондитерскую с отелем. Как же в таком случае Седов попал на место свидания? Пойдем еще далее навстречу авторам гипотезы и допустим, что Седов, проявив исключительную находчивость, перешел на другую улицу, нашел там вход в отель под другим именем и встретился с Гольцманом в вестибюле. Но ошибаться насчет имени отеля Гольцман мог, очевидно, только до свидания. Во время свидания ошибка должна была разъясниться и тем крепче врезаться в память обоих участников. После свидания Гольцман во всяком случае не мог говорить о вестибюле... кондитерской "Бристоль". Гипотеза рушится, таким образом, при первом прикосновении.

Чтоб еще больше, однако, запутать положение, пресса Коминтерна утверждает, что кондитерская "Бристоль" издавна служила местом собраний датских и приезжих "троцкистов". Здесь очевидный анахронизм. В Дании мы не нашли в ноябре 1932 г. ни одного "троцкиста". Немецкие "троцкисты" появились в Копенгагене только после фашистского переворота, т. е. в 1933 году. Но если допустить на минуту, что "троцкисты" не только существовали в 1932 г., но и успели оккупировать кондитерскую "Бристоль", то новая гипотеза оказывается еще более бессмысленной. Обратимся к показанию Гольцмана по официальному отчету.

"...Седов сказал мне: "Так как вы собираетесь ехать в СССР, то было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец..". Я согласился. Но заявил ему, что ехать вместе нам нельзя по конспиративным соображениям. Я условился с Седовым, что через два-три дня я приеду в Копенгаген, остановлюсь в гостинице "Бристоль"..."

Ясно, что старый революционер, который не хотел совершить поездку вместе с Седовым,

ибо визит в Копенгаген угрожал ему в случае разоблачения смертью, ни в каком случае не мог назначать свидание в помещении, которое, по словам прессы Коминтерна, "в течение ряда лет (!) было местом встречи датских "троцкистов", так же как и встречи датских и иностранных "троцкистов" и этих последних друг с другом". В этом обстоятельстве, которое, как уже сказано, представляет чистейший вымысел, слишком усердные агенты Коминтерна видят подкрепление своей гипотезы. У них выходит так, что Гольцман назначил местом свидания заведомо известную сталинцам

"троцкистскую" кондитерскую. Одна несообразность налагается на другую. Если кондитерская была заведомо известна "троцкистам" -- датским и приезжим -- в частности Гольцману, то он, во-первых, никак не мог бы смешать ее с "Гранд Отель Копенгаген" и, во-вторых, именно вследствие ее "троцкистского" характера должен был бы избегать ее как огня. Так эти люди поправляют "описку" стенографистки.

Комиссия знает из представленных мною документов, что Седов не мог быть даже в самой известной "троцкистской" кондитерской, ибо он вообще не был в Копенгагене. В "Красной книге" самого Седова эпизод с отелем "Бристоль" отмечен скорее как курьез, характеризующий крайнюю неряшливость работы ГПУ. Главное же внимание сосредоточено на доказательстве того", что Седов в ноябре 1932 года находился в Берлине: многочисленные документы и свидетельства не оставляют на этот счет места ни малейшему сомнению. Нас хотят таким образом заставить поверить, что призрак Седова нашел вход в призрачный вестибюль кондитерской, которую воображение агентов ГПУ превратило с запозданием в отель.

Гольцман совершил свое мнимое путешествие отдельно от Седова и, разумеется, по фальшивому паспорту, чтоб не оставить никаких следов. Приезд иностранцев регистрируется ныне во всех странах. Показания Гольцмана можно было бы проверить в течение немногих часов, если б знать, по какому паспорту он проехал из Берлина в Копенгаген. Можно ли себе представить такого рода суд, где прокурор не задал бы в подобном случае подсудимому вопроса об его паспорте? Гольцман, как известно, категорически отрицал свою связь с гестапо. Тем больше оснований было у прокурора спросить Гольцмана, кто именно доставил ему фальшивый паспорт? Однако Вышинский этих вопросов, конечно, не задал, чтобы не саботировать собственной работы. Гольцман должен был, по всем данным, переночевать в Копенгагене. Где именно: может быть, в кондитерской "Бристоль"? Вышинский не интересуется и этим вопросом. Функция Вышинского состоит в том, чтоб охранять подсудимых от проверки их показаний.

Конечно, ошибка насчет отеля "Бристоль" компрометирует обвинение. Ошибка насчет свидания с отсутствующим Седовым компрометирует процесс вдвое. Однако больше всего компрометирует процесс и самого Вышинского то обстоятельство, что он не задает подсудимому вопросов об его паспорте, об источнике, из которого паспорт получен, о месте ночлега, несмотря на то что все эти вопросы властно навязываются сами собою. Молчание Вышинского разоблачает его и в этом случае как участника судебного подлога.

РАДЕК

В своей обвинительной речи (28 января) прокурор говорил: "Радек -- один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных "троцкистов"... Он неисправим... Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды -- к Троцкому -- людей". Все элементы в этой характеристике ложны, за исключением, разве, ссылки на талантливость Радека; но и здесь надо прибавить: как журналиста. Только! Говорить об

"упорстве" Радека, об его "неисправимости" как оппозиционера и об его близости ко мне можно разве лишь в порядке неуместной шутки.

Радек характеризуется на самом деле импульсивностью, неустойчивостью, ненадежностью, склонностью впадать в панику при первой опасности и исключительной болтливостью в минуты благополучия. Эти качества делают его газетным Фигаро высокой квалификации, неоценимым информатором для иностранных журналистов и туристов, но совершенно непригодным для роли конспиратора. В кругу осведомленных людей просто немыслимо говорить о Радеке, как о вдохновителе террористических покушений и организаторе международного заговора!

Прокурор не случайно, однако, наделяет Радека чертами, которые прямо противоположны его действительному характеру: иначе невозможно было бы создать хоть подобие психологической базы для обвинения. В самом деле, если я выбрал Радека в качестве политического руководителя "чисто троцкистского" центра и если именно Радека я в первую голову посвятил в свои переговоры с Германией и Японией, то совершенно очевидно, что Радек должен был быть не только "упорным" и "неисправимым" "троцкистом", но и "одним из самых доверенных и близких" ко мне людей. Характеристика Радека в обвинительной речи есть необходимая составная часть всего судебного подлога.

Радек, по словам прокурора, -- "хранитель в... "троцкистском" центре портфеля по внешней политике". Вопросами внешней политики Радек действительно занимался близко, но исключительно как журналист. Правда, в первые годы после октябрьского переворота он состоял одно время в коллегии народного комиссариата по иностранным делам. Но советские дипломаты жаловались в Политбюро: все, что говорится при Радеке, становится на другой день известным всей Москве. Радек был скоро устранен из коллегии.

Одно время Радек был членом Центрального комитета и в этом звании имел право посещать заседания Политбюро. По инициативе Ленина секретные вопросы обсуждались неизменно в отсутствии Радека. Ленин ценил Радека как журналиста, но

в то же время не выносил его несдержанности, его несерьезного отношения к серьезным вопросам, его цинизма.

Нельзя не привести оценку, которую дал Радеку Ленин на VII съезде партии (1918 г.), во время споров о Брест-Литовском мире. По поводу слов Радека: Ленин "уступает пространство, чтобы выиграть время", Ленин заметил: "Я вернусь к товарищу Радеку, и здесь я хочу отметить, что ему удалось нечаянно сказать серьезную фразу"... И дальше опять: "На этот раз вышло так, что у тов. Радека получилась совершенно серьезная фраза". Это дважды повторенное замечание выражало самую суть отношения к Радеку не только самого Ленина, но и его ближайших сотрудников. Отмечу тут же, что шесть лет спустя, в январе 1924 г., на партийной конференции, собравшейся незадолго до смерти Ленина,Сталин сказал: "У большинства людей голова управляет языком; у Радека язык управляет головой". При всей своей грубости эти слова не лишены меткости. Во всяком случае они никого не удивили, и меньше всего -- самого Радека: он привык к таким оценкам. Кто поверит, что во главе грандиозного заговора я поставил человека, у которого язык управляет головой и который способен поэтому только "нечаянно" высказывать серьезные мысли?

Отношение Радека ко мне прошло через две стадии: в 1923 году он написал обо мне панегирическую статью, которая поразила меня своим приподнятым тоном ("Лев Троцкий -- организатор победы". -- Правда, 14 марта 1923 года). В дни московского суда (21 августа 1936 года) Радек написал обо мне наиболее клеветническую и циничную из всех своих

статей. Период между этими статьями делится пополам капитуляцией Радека: 1929 год стал переломным моментом в его политике, как и в его отношении ко мне. Историю наших отношений до и после 1929 г. можно без труда проследить из года в год, по статьям и письмам. Восстановить основные факты -- значит и в этом вопросе ниспровергнуть обвинение.

* * *

С 1923 по 1926 год Радек колебался между левой оппозицией в России и правой коммунистической оппозицией в Германии (Брандлер174, Тальгеймер175 и др.). В момент открытого разрыва между Сталиным и Зиновьевым (начало 1926 г.) Радек тщетно пытался увлечь левую оппозицию на блок со Сталиным. Радек принадлежал затем в течение почти трех лет (срок для него исключительный!) к левой оппозиции. Но внутри оппозиции он неизменно метался то вправо, то влево.

Развивая в августе 1927 г. тему об угрозе термидора, Радек писал в своих программных тезисах: "Тенденция к термидорианскому перерождению партии и ее руководящих учреждений

выражается в следующих моментах: ...г) в линии на увеличение веса партаппарата в противоположность низовым партийным организациям, нашедшая свое классовое выражение в заявлении Сталина на пленуме (август 1927 г.): "Эти кадры могут выть сняты только гражданской войной" -- в заявлении, которое является... классической формулой бонапартистского переворота; д) во внешней политике, проектируемой Сокольниковым. Эти тенденции надо открыто назвать термидорианскими... и сказать-открыто, что они находят в ЦК полное выражение в правом его крыле (Рыков, Калинин176, Ворошилов, Сокольников) и отчасти в центре (Сталин). Надо открыто сказать, что термидорианские тенденции растут". Эта цитата важна в двух отношениях:

она показывает, во-первых, что Сталин уже в 1927 г. про
возгласил бюрократию ("кадры") несменяемой и всякую оппо
зицию против нее заранее приравнивал к гражданской войне
(Радек вместе со всей оппозицией квалифицировал это заяв
ление как манифест бонапартизма);
она недвусмысленно характеризует Сокольникова не как
единомышленника, а как представителя правого, термидориан
ского крыла. Между тем в последнем процессе Сокольников
фигурирует как член "троцкистского" центра.

В конце 1927 г. Радек вместе с сотнями других оппозиционеров исключается из партии и высылается в Сибирь. Зиновьев, Каменев, а затем Пятаков делают покаянные заявления. Уже весною 1928 г. Радек начинает колебаться, но еще около года пытается держаться на ногах. Так, 10 мая Радек пишет Преображенскому177 из Тобольска: "Я отклоняю зиновьевщину и пятаковщину, как достоевщину. Они, вопреки убеждению, каются. Нельзя помочь рабочему классу враньем. Оставшиеся должны говорить правду".

24 июня Радек пишет мне, защищаясь от моих опасений: "Никто не предполагает отказа от наших взглядов. Такой отказ был бы тем более смешным, что проверка истории доказала блестяще их правильность". Для Радека нет, следовательно, ни малейшего сомнения в том, что оппозиционеры могут каяться лишь с целью вернуть себе благоволенье бюрократии Ему и в голову не приходит, что за покаяниями может открываться какой-то адский замысел.

3 июля Радек пишет капитулянту Вардину178: "Зиновьев и Каменев покаялись, якобы

для того, чтобы нести помощь партии, а на деле посмели лишь одно: писать статьи против оппозиции. Это есть логика положения, ибо покаявшийся должен показать свое покаяние". Эти строки бросают убийственный свет на будущие процессы, где не только Зиновьеву и Каменеву, но и Радеку придется "показывать" искренность всех своих предшествовавших покаяний.

Летом 1928 г. Радек совместно со Смилгой179 вырабатывают политические тезисы, в которых, между прочим, говорится: "Глубоко ошибаются те, которые, подобно Пятакову и др., спешат путем предательства хоронить свое прошлое". Так отзывается Радек о своем будущем сотруднике по мифическому '"параллельному центру". Сам Радек в это время уже колебался. Но он психологически еще не мог оценивать капитуляцию Пятакова иначе, как предательство.

Однако стремления Радека примириться с бюрократией уже настолько сквозят в его письмах, что Ф. Дингельштедт, один из наиболее видных ссыльных более молодого поколения, открыто клеймит "капитулянтские" тенденции Радека. 8 августа Радек отвечает Дингельштедту: "Рассылка писем о капитуляции есть легкомыслие, сеяние паники, недостойное старого революционера... Когда подумаете и нервы Ваши придут в равновесие (а нам крепкие нервы необходимы, ибо ссылка -- чепуха по сравнению с тем, что нам еще придется увидеть впереди), то вам, старому члену партии, стыдно станет так терять голову. С комприветом, К. Р."

В этом письме особенно замечательны слова: ссылка в Сибирь-- пустяки по сравнению с предстоящими репрессиями. Радек как бы предвидит будущие процессы.

16 сентября Радек пишет ссыльным в селе Колпашеве: "Когда Сталин требует от нас признания наших "ошибок" и забы-тия его ошибок, это есть формула требования нашей капитуляции как особого течения и подчинения нас центру. На этом условии он готов нас помиловать. Мы этого условия принять не можем". (Бюллетень оппозиции, No 3--4, сентябрь 1929). В тот же день Радек пишет Врачеву180 по поводу сыплющихся на него ударов со стороны более стойких оппозиционеров: "Окрики меня не удержат от исполнения долга. А кто на основе этой критики (т. е. критики Радека) будет в дальнейшем болтать о подготовке пятаковщины, выставит себе свидетельство умственного убожества". Пятаков еще остается для Радека мерилом крайнего политического падения. Уже одни эти цитаты, рисующие действительный процесс расслоения оппозиции и перехода ее неустойчивого и оппортунистического крыла в лагерь бюрократии, совершенно разрушают полицейскую версию обвинения о рассчитанных капитуляциях как методе заговора против партии.

В октябре 1928 года Радек делает попытку призвать Центральный комитет прекратить или по крайней мере смягчить преследования оппозиции. "Не считаясь с тем, что старшие среди нас четверть века боролись за коммунизм... -- пишет он из Сибири в Москву, -- вы исключили нас из партии и сослали как контрреволюционеров... на основании обвинения, которое составляет не наше бесчестье, а бесчестье тех, которые его вы

двигают" (58-я ст. Уголовного уложения). Радек перечисляет ряд случаев жестокого обращения со ссыльными -- Сибиряко-вым181, Альским182, Хоречко183, -- и продолжает: "Но история с болезнью Троцкого полагает конец терпению. Мы не можем молчать и оставаться безучастными, когда малярия пожирает силы борца, который всю свою жизнь служил рабочему классу и который был мечом Октябрьской революции".

Таково одно из последних заявлений Радека-оппозиционера и последнее его положительное суждение обо мне. С начала 1929 г. он уже отказывается скрывать свои

колебания, а в середине июня, после переговоров с органами партии и ГПУ, Ра-дек-капитулянт возвращается в Москву, правда, еще под конвоем. На одной из сибирских железнодорожных станций у него происходит объяснение со ссыльными, которое один из участников беседы изложил в корреспонденции за границу (Бюллетень оппозиции, No 6, октябрь 1929).

"Вопрос: А каково ваше отношение к Л. Д. (Троцкому)?

Радек: С Л. Д. окончательно порвал. Отныне мы с ним политические враги... С сотрудником лорда Бивербрука184 мы ничего общего не имеем.

Вопрос: Будете ли вы требовать отмены 58-й ст.?

Радек: Ни в коем случае! Те, кто пойдут с нами, с них она будет снята сама собой. Но мы 58-й ст. не снимаем с тех, кто будет вести подрывную работу в партии, кто будет организовывать недовольство масс.

Нам не дали договорить агенты ОГПУ. Они загнали Карла (Радека) в вагон, обвинив его в агитации против высылки Троцкого. Радек из вагона кричал: "Я агитирую против высылки Троцкого? Ха, ха..! Я агитирую товарищей идти в партию!" Агенты ОГПУ молча слушали и все дальше оттесняли Карла в вагон. Курьерский поезд тронулся..."

По поведу этого яркого рассказа, который рисует Радека как живого, я писал в заметке от редакции: "Наш корреспон-дент говорит, что в основе (капитуляций) лежит "трусость". Эта формулировка может показаться упрощенной. Но по сути она верна. Разумеется, дело идет о политической трусости, -- личная при этом не обязательна, хотя нередко они довольно счастливо совпадают одна с другой".

Эта характеристика вполне отвечает моей оценке Радека. Еще ранее, 14 июня, едва телеграф принес весть об "искреннем раскаянии" Радека, я писал: "Капитулировав, Радек просто вычеркнет себя из состава живых. Он попадет в возглавляемую Зиновьевым категорию полуповешенных, полупрощенных. Эти люди боятся сказать вслух свое слово, боятся иметь свое мнение и живут тем, что озираются на свою тень" (Бюллетень Оппозиции, No 1--2, июль 1929).

Менее чем через месяц (7 июля) в новой статье по поводу капитуляций я пишу: "Говоря вообще, в настойчивости и последовательности Радека никто еще не обвинял" (Бюллетень оппозиции, No 1--2, июль 1929). Эти слова похожи на политическую реплику, направленную против прокурора Вышинского,, который через семь лет впервые обвинит Радека в "настойчивости и последовательности".

В конце июля я снова возвращаюсь к той же теме, на этот раз в более широкой перспективе: "Капитуляция Радека, Смил-ги, Преображенского есть в своем роде крупный политический факт. Она показывает, прежде всего, как сильно износилось большое и героическое поколение революционеров, которому выпало на долю пройти через войну и Октябрьскую революцию. Три старых и заслуженных революционера вычеркнули себя из книги живых. Они лишили себя самого главного: права на доверие. Этого им никто не вернет".

С середины 1929 г. имя Радека становится в рядах оппозиции символом унизительных форм капитуляции и вероломных ударов в спину вчерашних друзей. Упомянутый уже выше Дин-гельштедт, чтобы ярче обрисовать затруднения Сталина, пишет иронически: "Сумеет ему в этом помочь ренегат Радек?" Чтобы подчеркнуть свое презрение к документу нового капитулянта, Дингельштедт прибавляет: "Это открывает тебе дорогу к Радеку" (22 сентября 1929 г.).

Другой ссыльный оппозиционер пишет 27 октября из Сибири в "Бюллетень оппозиции" (No 7, ноябрь--декабрь 1929): "Особенно гнусный характер -- иного слова не подберешь,-- приняла работа Радека. Он живет кляузой, сплетней и ожесточенно оплевывает свой вчерашний день".

Осенью 1929 года Раковский185 описывает, как Преображенский и Радек вступили на путь капитуляции: "Первый -- с известной последовательностью, второй -- по обыкновению виляя и делая прыжки от самой левой позиции на самую правую и обратно" (Бюллетень оппозиции, No 7, ноябрь--декабрь 1929). Раковский саркастически отмечает, что каждый капитулянт, уходя из оппозиции, обязан "лягнуть Троцкого своим копытцем", подкованным "радековскими гвоздями". Все эти цитаты говорят сами за себя. Нет, капитулянтство не было военной хитростью "троцкизма"!

Летом 1929 года меня посетил в Константинополе бывший член моего военного секретариата Блюмкин, находившийся в то время в Турции. По приезде в Москву Блюмкин рассказал о свидании Радеку. Радек немедленно выдал его. В то время ГПУ еще не дошло до обвинений в "терроризме". Тем не менее Блюмкин был расстрелян без суда и огласки. Вот что я опубликовал тогда же в "Бюллетене" на основании писем из Москвы от 25 декабря 1929 г.: "Нервная болтливость Радека хоро

шо известна. Сейчас он совершенно деморализован, как и большинство капитулянтов... Потеряв последние остатки нравственного равновесия, Радек не останавливается ни перед какой гнусностью". Дальше Радек называется "опустошенным истериком". - Корреспонденция подробно рассказывает, как "после беседы с Радеком Блюмкин увидел себя преданным". В рядах троцкистов Радек становится отныне самой одиозной фигурой: он не только капитулянт, но и предатель.

Через семь лет -- я вынужден здесь забежать вперед -- Радек в статье, требующей смерти для Зиновьева и других, сообщил (Известия, 21 августа 1936 г.), будто я в 1929 году поручил Блюмкину "организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых (мне) для антисоветской работы". Не буду останавливаться на бессмысленности этого "поручения": торгпредства, надо думать, держат деньги не в своем помещении, а в банке! Нас интересует другое: в августе 1936 г. Радек был еще, по его словам, членом "троцкистского" центра. В течение четырех месяцев после ареста он отрицал, по собственным словам на суде, какое бы то ни была свое участие в заговоре, т. е., по характеристике прокурора, проявлял себя как упорный и закоренелый "троцкист". Зачем же 21 августа 1936 года он -- без малейшей нужды -- взваливал на меня, "вождя" заговора, чудовищные и нелепые преступления? Пусть кто-нибудь придумает объяснение, которое могло бы уложиться в схему Вышинского. Я лично отказываюсь от такой попытки.

Ожесточенную вражду между Радеком и оппозицией можно проследить дальше из года в год. Я вынужден ограничивать себя в выборе иллюстраций. 13 ссыльных оппозиционеров в Камске (Сибирь), обращаясь с протестом в президиум XVI съезда ВКП (июнь 1930 г.) пишут, между прочим: "Коллегия ГПУ СССР, основываясь на предательском сообщении ренегата Карла Радека, приговорила к высшей мере наказания тов. Блюмкина, члена ВКП до последних дней".

Ссыльный оппозиционер, характеризуя в "Бюллетене оппозиции" (No 19, март 1931) политическое и моральное разложение капитулянтов, не забывает прибавить "Наиболее быстрым темпом гниет Радек. Не только рядовые, но и руководящие капитулянты других групп стараются дать понять, что не только политически, но лично они с ним не имеют

ничего общего. Более откровенные говорят прямо: "Радек взял на себя грязную, предательскую роль"... Сообщу лишь, -- прибавляет корреспондент,-- небольшой, но характерный факт радековского цинизма. В ответ на просьбу помочь тяжелобольному ссыльному большевику Радек отказался, прибавив: "скорее вернется". Мериг на свой грязный, короткий аршин!"

Из Москвы пишут "Бюллетеню" от 15 ноября 1931 г.: "На капитулянтском "фронте" -- без перемен. Зиновьев пописывает книгу о Втором Интернационале. Политически же ни он, ни Каменев не существуют. Об остальных и сказать нечего. Исключение-- Радек. Этот начинает играть "роль". Фактически Радек заправляет "Известиями". Прославился же он на новом амплуа "личного друга Сталина". Шутка ли? При всяком разговоре Радек изо всех сил старается дать понять, что он на самой что ни есть короткой ноге со Сталиным: "Вчера, когда я пил чай у Сталина" и пр. и пр." (Бюллетень оппозиции No 25-- 26, ноябрь--декабрь 1931).

Если Радек, в отличие от других капитулянтов, начал играть известную "роль", то только потому, что всем поведением своим он вернул себе доверие верхов. Отмечу, что приведенная только что корреспонденция опубликована как раз в тот момент, когда согласно обвинению я принимал необходимые меры к тому, чтобы привлечь Радека на путь террора. Очевидно, я старался левой рукой подрывать то, что делал правой.

Дискуссия вокруг Радека приняла международный характер. Так, германская оппозиционная организация Ленинбунд186 опубликовала заявления Радека, Смилги и Преображенского и предложила мне "на тех же правах" напечатать мое заявление. В октябре 1929 года я ответил правлению Ленинбунда: "Не чудовищно ли это? Я в своей брошюре защищаю точку зрения русской оппозиции. Радек, Смилга и Преображенский являются ренегатами, ожесточенными врагами русской оппозиции, причем Радек не останавливается ни перед какой клеветой". За те годы можно в изданиях левой оппозиции на всех языках найти немало негодующих или презрительных статей и заметок по адресу Радека.

Американский журналист Макс Шахтман, один из моих единомышленников, хорошо посвященный во внутренние отношения русской оппозиции, послал мне из Нью-Йорка 13 марта 1932 года несколько старых отзывов Радека обо мне с таким примечанием: "Ввиду сталинского хора, в котором ныне поет и Радек, не поучительно ли снова напомнить коммунистическим рабочим, что около двенадцати лет тому назад, прежде чем борьба против "троцкизма" стала прибыльным занятием, Радек пел другие песни?"

"В феврале 1932 года, -- показал Радек на суде, -- я получил письмо от Троцкого... Троцкий писал, что, зная меня как активного человека, он был убежден, что я вернусь к борьбе". Через три месяца после этого мнимого письма я 24 мая 1932 г. писал в Нью-Йорк Вайсборду187: "...Идейное и моральное разложение Радека свидетельствует не только о том, что Радек сделан не из первоклассного материала, но также и о том, что сталинский режим может опираться либо

на безличных чиновников, либо на людей морально разложившихся". Такова моя действительная оценка "активного чело-века"!

В мае 1932 г. немецкая либеральная газета "Берлинер Та-геблат" в особом номере, посвященном хозяйственному строительству СССР, поместила статью Радека, который в сто первый раз обличал мое неверие в возможность построения социализма в отдельной стране. "Это положение не только отвергается открытыми врагами Советского Союза, -- писал Радек, -- но оно оспаривается также и Львом Троцким". Я ответил ему в "Бюллетене" (No

28, июль 1932 г.) заметкой: "Несерьезный человек о серьезном вопросе". Напомню, что как раз весною того года Радек прибыл в Женеву, где получил будто бы через Ромма письмо от меня с рекомендацией как можно быстрее истребить советских вождей. Выходит, что я "несерьезному человеку" давал весьма "серьезные" поручения!

В течение 1933--1936 гг. моя связь с Радеком получает, если верить его показаниям, нерасторжимый характер. Это не мешает ему со всей страстью переделывать историю революции в личных интересах Сталина. 21 ноября 1935 года, за три недели до полета Пятакова в Осло, Радек излагал в "Правде" свою беседу с каким-то иностранцем: "Я рассказал ему как ближайший соратник Ленина -- Сталин -- руководил организацией фронтов и выработкой стратегических планов, на основе которых мы побеждали". Из истории гражданской войны я оказался, таким образом, совершенно исключенным. Между тем тот же Радек умел писать и иначе. Я упоминал уже о его статье "Лев Троцкий -- организатор победы" (Правда, 14 марта 1923 г.). Я вынужден ныне процитировать ее: "Нужен был человек, который был бы воплощенным призывом к борьбе, который, вполне подчинив себя необходимости этой борьбы, стал бы колоколом, зовущим к оружию, волей, требующей от- всех безусловного подчинения великой кровавой необходимости. Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, так не щадивший себя, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий, -- только такой человек мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа. Он был всем в одном лице". В 1923 г. я был "всем". В 1935 г. я стал для Радека "ничем". В обширной статье 1923 г. Сталин ни разу не назван. В 1935 г. он оказывается "организатором победы".

У Радека имеются, таким образом, в распоряжении две совершенно различные истории гражданской войны: одна -- для 1923 года, другая -- для 1935 года. Оба эти варианта, независимо от того, какой из них верен, безошибочно характеризуют как степень правдивости Радека, так и его отношение ко мне и к Сталину в разные периоды. Связав будто бы со мной

свою судьбу узами заговора, Радек неутомимо поносил и чер
нил меня Наоборот, решив убить Сталина, он в течение семи
лет восторженно чистил ему сапоги. >

Но и это еще не все. В январе 1935 г. Зиновьев, Каменев и др. осуждены в связи с убийством Кирова на годы тюрьмы. На суде они покаялись в своем стремлении "восстановить капитализм". В "Бюллетене оппозиции" я квалифицировал это обвинение как грубый и бессмысленный подлог. Кто выступил на защиту Вышинского? Радек! "Дело не в том, -- писал он в "Правде", -является ли капитализм идеалом господ Троцких и Зиновьевых, а дело в том, что если построение социализма невозможно в нашей стране..." и т. д. Я ответил в "Бюллетене" (No 43, апрель 1935 г.): "Радек выбалтывает, что Зиновьев и Каменев никаких заговоров с целью восстановления капитализма не учиняли -- вопреки тому, что бесстыдно утверждало официальное сообщение, -а всего-навсего отвергали теорию социализма в отдельной стране".

Статья Радека в январе 1935 года, являясь естественным звеном в цепи его клевет против оппозиции, подготовляла его статью в августе 1936 г.: "Зиновьевско-троцкистская банда и ее гетман Троцкий". Эта последняя статья являлась в свою очередь прямым введением к судебным показаниям Радека в январе 1937 г. Каждый следующий этап логически вытекал из предыдущего. Но именно поэтому, если б Радек фигурировал на процессе только в качестве свидетеля обвинения, ему никто решительно не поверил бы. Радека нужно было

превратить в обвиняемого, повесив над ним самим дамоклов меч смертного приговора, чтоб его свидетельские показания против меня получили вес. Каким образом достигнуто было превращение Радека в обвиняемые, вопрос особый, относящийся по существу к области инквизиционной техники. Сейчас для нас достаточно того, что Радек занял место на скамье подсудимых не как мой вчерашний единомышленник, сотрудник и друг, а как старый капитулянт, предатель Блюмкина, деморализованный агент Сталина и ГПУ, как наиболее вероломный из моих врагов.

* * *

Здесь следует ждать вопроса: каким же образом ввиду всех этих документов и фактов правительство могло решиться представить Радека как вождя "троцкистского" заговора? Этот вопрос относится, однако, не столько к Радеку, сколько к процессу в целом. Радек превращен в "троцкиста" теми же методами, какими я превращен в союзника микадо и по тем же политическим мотивам.

Кратко на поставленный вопрос можно ответить так: 1) для системы "признаний" были пригодны только капитулянты, прошедшие долгую школу покаянии, унижений и клеветы на самих себя; 2) у организаторов процесса не было и не могло быть более подходящего кандидата для той роли, какая была отведена Радеку; 3) весь расчет организаторов построен на суммарном эффекте публичных покаяний и расстрелов, которые должны заглушить голос критики.

Таков метод Сталина. Такова нынешняя политическая система СССР. Пример Радека есть только яркая иллюстрация.

"СВИДЕТЕЛЬ" ВЛАДИМИР РОММ

При чтении официального отчета о московском процессе впечатление резюмируется словами: "какой грубый подлог1" Подлость отступает моментами назад перед нелепостью. Если б какая-нибудь иностранная держава поручила вредителям из ГПУ втоптать в грязь советское правосудие, скомпрометировать правительство, подорвать доверие к режиму -- эти господа не могли бы сделать ничего сверх того, что они сделали.

Вся ткань процесса гнила. Мы увидим это сейчас на показаниях В. Ромма, чрезвычайно важного свидетеля, которого к тому же доставили на суд из тюрьмы под конвоем. Если оставить в стороне полет Пятакова в Осло на мифическом аэроплане, то Ромм -- по замыслу обвинения -- главное связующее звено между мной и "параллельным центром" (Пятаков -- Радек -- Сокольников -Серебряков). Через Ромма шли письма от меня к Радеку и от Радека ко мне. Ромм встречался лично не только с Львом Седовым, моим сыном, но и со мной. Кто же такой этот свидетель? Что он делал и видел? Каковы мотивы его участия в заговоре? Прислушаемся к нему внимательнее.

Ромм, конечно, "троцкист": без "троцкистов" по назначению ГПУ не было бы и "троцкистского" заговора. Мы хотели бы, однако, знать, когда именно Ромм примкнул к "троцкистам", если он вообще когда-либо примыкал к ним. Однако уже на этот первый и, казалось бы, немаловажный вопрос мы слышим крайне подозрительный ответ.

Вышинский: Что вас связывало с Радеком в прошлом?

Ромм: Сначала я был знаком с ним по литературным делам, затем в 1926--27 гг. меня с ним связывала совместная троцкистская антипартийная работа.

И это весь ответ на наводящий вопрос Вышинского! Обращает на себя внимание прежде всего способ выражения: сви

детель говорит не о своей оппозиционной работе; он ни словом не характеризует ее

содержания; нет, он сразу дает ей уголовную квалификацию: "троцкистская антипартийная работа" -- и только. Ромм попросту преподносит суду в готовом виде ту формулу, которая нужна для судебного отчета Так поступает на процессах Сталина -- Вышинского всякий дисциплинированный обвиняемый и свидетель (недисциплинированные расстреливаются до суда). В благодарность за услугу прокурор совершенно не утруждает свидетеля вопросами о том, при каких обстоятельствах тот примкнул к оппозиции и в чем выражалась его "антипартийная работа". Основное правило Вышинского: не ставить свидетелей и подсудимых в затруднительное положение. Но и без помощи прокурора нетрудно понять, что уже в этом первом заявлении Ромм говорит неправду.

1926--1927 гг. были периодом наиболее широкого размаха оппозиционной деятельности: выработана и отпечатана была обширная платформа оппозиции188, в партии шла горячая дискуссия, проходили многолюдные оппозиционные собрания, на которых лишь в Москве и Ленинграде перебывали десятки тысяч рабочих, наконец, в ноябрьской манифестации [1927 года] оппозиция участвовала со своими собственными плакатами. Если б Ромм действительно принадлежал в тот период к оппозиции, он должен был бы быть связан с многими лицами. Но нет, он осторожно называет только Радека. Правда, г. Трояновский заверял всех в Нью-Йорке, что Ромм действительно был "троцкистом". Но стенографический отчет о процессе окончательно опроверг лжесвидетельство дипломата. Радек говорит о Ромме: "Я знаю Ромма с 1925 года... Он не был деятелем в общем смысле... но он примыкал к нам по китайскому вопросу". Это значит, другими словами, что Ромм расходился с оппозицией по всем остальным вопросам. И вот этот человек, который даже по показанию Радека лишь эпизодически сходился с ним в "китайском вопросе" (1927 г.), извлечен на свет в качестве... террориста!

Почему именно на Ромма пал жребий выдавать себя за агента связи? Потому что в качестве заграничного корреспондента он бывал в Женеве, в Париже, в Соединенных Штатах и, следовательно, имел техническую возможность выполнять то поручение, которое задним числом возложено на него ГПУ. А так как после десятикратных чисток, которым подвергались с конца 1927 года все заграничные представительства и учреждения СССР, сыскать за границей "троцкиста", хотя бы и капитулянта, нельзя было даже с фонарем, то Ежову пришлось назначить в "троцкисты" Ромма, а Вышинскому пришлось молча удовлетвориться его ответом об "антипартийной" связи с Радеком в 1926--1927 гг.

Что же делал, однако, Ромм после 1927 года? Порвал он с оппозицией или сохранял ей верность? Каялся он или ему не в чем было каяться? Об этом ни слова. Прокурор интересуется не политической психологией, а географией.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве и в Париже. В Женеве с 1930 года по 1934 год.

Читал ли Ромм за годы своего пребывания за границей "Бюллетень оппозиции"? Делал ли взносы в его кассу? Пытался ли хоть раз связаться со мной лично? Обо всем этом ни слова. Между тем написать мне письмо из Женевы или Парижа не представляло большого труда. Для этого нужно было только интересоваться оппозицией и, в частности, моей деятельностью. О таком своем интересе Ромм совершенно не упоминает, и, разумеется, прокурор его об этом не спрашивает. Выходит, что свою "антипартийную работу", известную только одному Радеку, Ромм закончил в 1927 году, если допустить на минуту, что вообще когда-либо начинал ее.

Нужно не забывать, что в качестве корреспондента ТАСС в Женеву и Париж не посылают первого встречного. ГПУ тщательно отбирает людей и заручается заодно их полной готовностью оказывать содействие. Немудрено, таким образом, если, проживая за границей, Ромм никакого "оппозиционного" интереса ко мне и моей деятельности не проявил.

Но Вышинскому нужен агент связи между Радеком и мной. Более подходящего кандидата нет. Вот почему неожиданно оказывается, что летом 1931 года при проезде через Берлин Ромм встретился с Путной189, который предложил "свести" его с Седовым. Кто такой Путна? Видный офицер генерального штаба, участник гражданской войны, затем военный атташе в Лондоне. В течение известного времени Путна, как я слышал еще до своей ссылки в Центральную Азию (1928 г.), действительно сочувствовал оппозиции, а может быть, и принимал в ней участие. Я лично встречался с ним очень мало, только по военным делам, и на оппозиционные темы никогда не разговаривал. Пришлось ли ему позже официально каяться или нет, не знаю. Во всяком случае, когда я прочел на Принкипо о назначении Путны на ответственный пост военного атташе в Лондоне, я решил, что он полностью восстановил к себе доверие властей. При таком положении никаких связей за границей ни у меня, ни у моего сына с Путной быть не могло. Из судебного отчета я узнаю, однако, в числе других неожиданностей, что именно Путна предложил "свести" Ромма с Седовым С какой целью? Ромм об этом даже не спрашивал. Он просто принял предложение Путны, с которым у него в прошлом не было никаких политических связей: по крайней мере, он о них не упоминает. Так, после четырехлетнего перерыва

Ромм неизвестно почему соглашается возобновить "троцкистскую антипартийную работу". Верный своей системе, он ни словом не упоминает на суде о своих политических мотивах: собирался ли он захватить власть, стремился ли восстановить капитализм, горел ли ненавистью к Сталину, привлекала ли его связь с фашизмом, или им руководила попросту старая дружба к Радеку, который, впрочем, уже свыше двух лет как успел покаяться и проклинал оппозицию на всех перекрестках? Прокурор, конечно, не тревожит свидетеля неудобными вопросами. Ромм не обязан иметь политическую психологию. Его задача: осуществить связь между Радеком и Троцким и попутно скомпрометировать Путну, который тем временем в тюрьме ГПУ воспитывается для будущих "признаний".

"Я с Седовым встретился, -- продолжает Ромм, -- и на его вопрос, готовили я, если понадобится (!) взять на себя поручение по связи с Радеком, ответил согласием"... Ромм всегда отвечает согласием, без объяснения мотивов. Между тем Ромм не мог не знать, что за встречу со мной в 1929 году в Стамбуле и за попытку передать от меня письмо друзьям в России Блюмкин был расстрелян190. Письмо это, кстати сказать, и сейчас находится в архивах ГПУ. Но оно до такой степени мало подходит для целей Вышинского и Сталина, что они не подумали опубликовать его. Во всяком случае, чтоб решиться после расстрела Блюмкина взять на себя миссию агента связи, Ромм должен был быть исключительно самоотверженным и героическим оппозиционером. Почему же он молчал четыре года? Почему дожидался случайной встречи с Путной и "свидания" с Седовым? И почему, с другой стороны, этого единственного свидания оказалось достаточно, чтобы Ромм тут же, без возражений, взял на себя крайне опасную задачу?

Человеческой психологии в этом процессе не существует. Свидетели, как и обвиняемые, рассказывают лишь о тех "действиях", которые нужны прокурору Вышинскому. Связью между мнимыми "действиями" являются не мысли и чувства живых людей, а априорная

схема обвинительного акта.

Весной следующего года, когда Радек приехал в Женеву, Ромм "передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже". Итак, весною 1931 года Седов ставил гипотетический вопрос о связи с Радеком: "если понадобится". Предвидел ли Седов приезд Радека в Женеву? Очевидно, нет, ибо летом 1931 года Радек и сам еще не предвидел будущей поездки. Так или иначе, через три четверти года после берлинской беседы Седов получил возможность использовать обещание, данное ему Роммом.

Что же происходило, однако, в голове Ромма между летом 1931 г., когда он принципиально вступил на путь "заговора", и весной 1932 г., когда он сделал первый практический

шаг? Попытался ли он хоть теперь войти в связь со мной? Заинтересовался ли моими книгами, изданиями, друзьями? Вел ли политические беседы с Седовым? Ничего подобного. Ромм просто взял на себя маленькое поручение, которое могло ему стоить головы. А до всего остального ему не было никакого дела. Похож ли Ромм на убежденного троцкиста? Сомнительно. Зато он был бы как две капли воды похож на агента-провокатора ГПУ, если бы... если бы он действительно совершал те действия, о которых он рассказывает. На самом деле все эти действия придуманы задним числом. Мы будем иметь полную возможность убедиться в этом.

При каких обстоятельствах Седов передал Ромму весною 1932 года письмо для Радека? Ответ на этот вопрос поистине замечателен: "За несколько дней перед моим отъездом в Женеву, -- говорит Ромм, -- будучи в Париже, я получил по городской почте письмо, в котором была короткая записка от Седова с просьбой передать вложенное в конверт письмо Ра-деку". Итак, через 9--10 месяцев после одной - единственной встречи с Роммом -- сколько за эти месяцы было покаяний, измен и провокаций! -- Седов без всякой предварительной проверки посылает Ромму конспиративное письмо. Чтоб прибавить к одному легкомыслию другое, он прибегает к услугам "городской почты". Почему не с рук на руки?

Вышинский, разумеется, не поднимает этого щекотливого вопроса. Но мы, со своей стороны, предложим объяснение. Ни ГПУ, ни Вышинский, ни, следовательно, Ромм не знают твердо, где именно находился Седов весною 1932 года: в Берлине или в Париже. Устроить ли свидание в Тиргартене? Избрать ли местом встречи Монпарнасс? Нет, лучше обойти подводные рифы. Правда, письмо по городской почте как бы намекает на то, что Седов находился в Париже. Но, "если понадобится", можно всегда сказать, что Седов из Берлина переслал письмо своему французскому агенту, а тот уже воспользовался парижской городской почтой. Какие неосторожные, какие беспомощные эти троцкистские заговорщики! Но, может быть, Троцкий зашифровал свое письмо и написал его невидимыми чернилами? Послушаем на этот счет свидетеля.

Ромм: Я это письмо взял с собой в Женеву и передал Ра-деку при встрече с ним.

Вышинский: Радек прочел письмо при вас или без вас?

Ромм: Он при мне его быстро прочел и положил в карман.

Какая неповторимая подробность: Радек не проглотил письмо, не бросил его на тротуар и не передал в секретариат Лиги Наций, а просто-напросто... "положил в карман". Все признания изобилуют такого рода "конкретными" общими местами, которых постыдился бы самый бездарный автор полицейских романов. Во всяком случае, мы узнаем, что Радек

"быстро прочел" письмо в присутствии Ромма. Зашифрованное письмо, тем более написанное химическими чернилами, "быстро прочитать" тут же на глазах у посредника нельзя. Следовательно, письмо, пришедшее по городской почте, было написано тем же способом, каким пишутся поздравления ко дню рождения. Но, может быть, это первое письмо не заключало в себе, по крайней мере, никаких особенных тайн? Послушаем дальше.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании это-то письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с зи-новьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП (б), в первую очередь -- против Сталина и Ворошилова.

Мы видим, что послание вовсе не так уж безобидно по содержанию. Оно заключает в себе "директиву" убить для начала Сталина и Ворошилова, а затем и всех остальных. Именно это письмецо Седов послал по городской почте едва известному ему Ромму через десять месяцев после первого и единственного свидания с ним! Однако на этом наши недоумения не кончаются. Вышинский, как мы только что слышали, прямо спрашивает свидетеля: "Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?" Как будто Радек должен был сообщать содержание архисекретного письма простому агенту связи! Элементарнейшее правило конспирации гласит, что всякий участник нелегальной организации должен знать только то, что относится к его личным обязанностям. Так как Ромм оставался за границей и, очевидно, не собирался убивать ни Сталина, ни Ворошилова, ни всех остальных (по крайней мере, сам он о таких намерениях ничего не сообщает), то у Радека, если он находился в здравом уме, не было ни малейшего основания сообщать Ромму содержание письма. Не было основания -- с точки зрения оппозиционера, заговорщика, террориста. Но вопрос представляется совершенно иначе под углом зрения ГПУ. Если б Радек ничего не сказал Ромму о содержании письма, то тот не мог бы разоблачить террористическую директиву Троцкого, и все его показание в этой части потеряло бы интерес.

Мы уже знаем: свидетели, как и обвиняемые, показывают ее то, что вытекает из характера конспиративной деятельности и из их личной психологии, а то, что нужно господину прокурору, которого природа наделила очень ленивыми мозгами. (Сверх того, обвиняемым и свидетелям поручено заботиться об убедительности судебного отчета.

Что же случилось, спросит читатель, с корреспондентом ТАСС, когда он внезапно услышал о директиве Троцкого: истребить как можно скорее всех "вождей" Советского Союза?

Ужаснулся он? Упал в обморок? Выразил возмущение? Или,, наоборот, пришел в состояние энтузиазма? Об этом ни слова. От свидетелей как и от подсудимых не требуется психологии. Ромм "между прочим" передал письмо Радеку. Радек "между прочим" сообщил ему о террористической директиве. "Затем Радек уехал в Москву, и я не видел его до осени 1932 года". Вот и все! Простой переход к очередным делам.

Но тут Радек, озабоченный живостью диалога, неосторожно поправляет Ромма: "В первом письме Троцкого, -- говорит он, -- имена Сталина и Ворошилова не фигурировали, потому что в наших письмах мы никогда не называли имен". Для переписки со мною у Радека в это время, оказывается, не было еще шифра. "Троцкий ни в каком случае, -- настаивает он, -- не мог называть имена Сталина и Ворошилова". Спрашивается: откуда же взял их Ромм? А если он выдумал такую "мелочь", как имена Сталина и Ворошилова в качестве ближайших жертв террора, то, может быть, он выдумал и все письмо? Прокурору до этого дела нет.

Осенью 1932 года Ромм приехал в Москву в командировку и встретился с Радеком, который не преминул тут же сообщить ему, что "во исполнение директивы Троцкого, троцкист-ско-зиновьевский блок организовался, но что он и Пятаков не вошли в этот центр". Мы опять видим, что Радек только и ждет случая, как бы раскрыть Ромму какую-нибудь важнейшую тайну, отнюдь не по легкомыслию и свойственной ему, вообще говоря, бескорыстной болтливости, а ради высшей цели: необходимо помочь прокурору Вышинскому заштопать будущие прорехи в признаниях Зиновьева, Каменева и др.

В самом деле, никто не мог понять до сих пор, как и почему Радек и Пятаков, уже изобличенные как "сообщники" обвиняемых по делу 16-ти на предварительном следствии, не были своевременно привлечены. Никто не мог понять, каким образом Зиновьев, Каменев, Смирнов и Мрачковский ничего не знали о международных планах Радека и Пятакова (ускорить войну, расчленить СССР и пр.) Люди, не лишенные проницательности, считали, что эти грандиозные планы, как и самая идея "параллельного центра", возникли у ГПУ уже после расстрела 16-ти, чтоб подкрепить одной фальсификацией другую. Оказывается, что нет. Радек заблаговременно, еще осенью 1932 года, сообщил Ромму, что троцкистско-зиновьевский центр уже возник, но что он, Радек, и Пятаков в этот центр не вошли, а сохраняют себя для "параллельного центра с преобладанием троцкистов". Общительность Радека является, таким образом, провиденциальной. Этого не надо, однако, понимать в том смысле, будто Радек осенью 1932 г. действительно говорил Ромму о параллельном центре, как бы предвидя грядущие заботы Вышинского в 1937 году. Нет, дело обстоит проще:

Радек и Ромм под руководством ГПУ строили ретроспективно в 1937 году схему событий 1932 года. И надо сказать правду: плохо строили.

Рассказав Ромму об основном и параллельном центрах, Радек тут же не упустил прибавить, что "хочет по этому вопросу запросить директиву Троцкого". Без этого показания Ромма не имели бы подлинной цены. "Во исполнение директивы Троцкого" образовался террористический центр. Теперь требуется директива Троцкого для создания параллельного центра. Без Троцкого эти люди не могут ступить шагу. Или, вернее сказать, они стараются по всем каналам оповестить вселенную о том, что все злодеяния совершаются по директивам Троцкого.

Воспользовавшись поездкой Ромма, Радек написал, разумеется, Троцкому письмо.

Вышинский: Что же в этом письме было написано? Вам было это известно?

Ромм: Да, потому что мне было письмо вручено, затем (!) вложено в корешок немецкой книги перед моим отъездом в Женеву...

Прокурор заранее не сомневается в том, что Ромму известно содержание письма: ведь для этого злосчастный корреспондент ТАСС и превращен в свидетеля. Но в ответе Ромма все же больше покорности, чем смысла: письмо ему сперва было "вручено", затем вложено в корешок немецкой книги. Что значит в таком случае "вручено"? И кем оно было вложено в корешок книги? Если б Радек просто заделал письмо в переплет и поручил Ромму передать книгу по назначению, -- так всегда поступали революционеры, знающие азбуку конспирации, -- Ромм ничего не мог бы сообщить суду, кроме того, что передал по такому-то адресу "немецкую книгу". Вышинскому этого, разумеется, мало. Поэтому письмо было раньше "вручено" Ромму -- для прочтения? -- а затем вложено в корешок, дабы в будущем прокурору не пришлось слишком напрягать свои умственные способности. Человечество без больших хлопот узнало, таким образом, что Радек писал Троцкому не о спектральном анализе, а все о том же террористическом центре.

Проездом через Берлин Ромм с вокзала послал книгу бандеролью на адрес, который дал ему Седов -- "до востребования, в один из берлинских почтамтов". Эти господа обожгли себе на процессе 16-ти пальцы и поэтому действуют с осторожностью. Ромм не посетил лично Седова или какое-либо другое лицо по указанию Седова, ибо в этом случае надо было бы назвать адрес и лицо, а это очень рискованно. Ромм не послал также книгу на адрес какого-либо немца, связанного с Седовым: такой образ действий, правда, полностью отвечал бы

конспиративной традиции, но для этого, увы, нужно было знать имя немца и его адрес. Поэтому гораздо осторожнее (не с точки зрения конспирации, а с точки зрения фальсификации) отправить книгу "до востребования, в один из берлинских почтамтов".

Следующая встреча Ромма с Седовым произошла "в июле 1933 года". Заметим себе эту дату. Мы подходим к центральному пункту показания. Здесь и мне предстоит выступить на сцену.

Вышинский: По какому поводу, где и как встретились вы снова?

Ромм: В Париже. Я приехал из Женевы и через несколько дней мне позвонил по телефону Седов.

Неизвестно, каким образом Седов узнал о приезде Ромма. На поверхностный взгляд это замечание может показаться придиркой. На самом деле оно снова обнаруживает перед нами систему трусливых умолчаний. Чтоб известить Седова о своем приезде, Ромм должен был бы знать его адрес или телефон. Ромм не знал ни того, ни другого. Лучше предоставить инициативу Седову: свой собственный адрес Ромм, во всяком случае, знает. Седов назначил свиданье в кафе на бульваре Монпарнасс и сказал, что "хочет устроить мне (Ромму) встречу с Троцким". Мы знаем, что Ромм, беззаветно рисковавший головой в качестве агента связи, не проявлял до сих пор ни малейшего желания встретиться со мной или вступить в переписку. Но на предложение Седова он ответил немедленным согласием. Так же точно он два года тому назад по предложению Путны отправился на свидание с Седовым. Так же он с первых слов Седова согласился передавать письма Раде-ку. Функция Ромма: на все соглашаться, но ни в чем не проявлять инициативы. Он сговорился, очевидно, с ГПУ на этом "минимуме" преступной деятельности в надежде спасти таким путем свою голову. Спасет ли, вопрос особый...

Через несколько дней после телефонного звонка Седов встретился с Роммом "в том же кафе". Из осторожности кафе не названо: а вдруг окажется, что оно сгорело накануне свидания! История с копенгагенским отелем "Бристоль" усвоена этими людьми прочно. "Оттуда (из неизвестного кафе) мы отправились в Булонский лес, где встретились с Троцким".

Вышинский: Это было когда?

Ромм: В конце июля 1933 года.

Поистине Вышинский не мог задать более неуместного вопроса! Правда, Ромм уже раньше отметил, что эпизод относится к июлю 1933 года. Но он мог ошибиться или оговориться. Его можно было бы расстрелять и затем поручить одному из Приттов поправить ошибку. Но по настоянию прокурора Ромм повторяет и уточняет, что свидание произошло "в конце

июля 1933 года". Здесь осторожность окончательно покинула Вышинского! Ромм назвал поистине фатальную дату, которая одна хоронит не только показания Ромма, но и весь процесс. Мы попросим, однако, у читателя немного терпения. О фатальной хронологической ошибке и об ее источниках мы скажем в своем месте. А пока проследим

дальше судебный диалог или, вернее, дуэт.

Встреча Ромма со мной в Булонском лесу -- его первая вообще встреча со мною, как вытекает из его собственного рассказа -- должна была, казалось бы, запечатлеться в его %памяти. Но мы не слышим от него ничего -- ни о первом моменте знакомства, ни о внешнем впечатлении, ни о ходе беседы -прогуливались ли мы по аллее? сидели ли на скамье? курил ли я папиросу, сигару или трубку? как я выглядел? -- "и одной живой черточки, ни одного субъективного переживания, ни одного зрительного впечатления! Троцкий в аллее Бу-лонского леса остается для Ромма призраком, абстракцией, фигурой из папок ГПУ. Ромм отмечает лишь, что беседа длилась "минут 20--25".

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Как я понял (!), для того чтоб подтвердить устно то указание, которое я в письме вез в Москву.

Замечательны слова: "как я понял". Цель встречи была, оказывается, настолько неопределенна, что Ромм мог о ней только догадываться, да и то задним числом. И действительно, после того, как я написал Радеку письмо, заключавшее в себе ритуальные инструкции наедет истребления вождей, вредительства и пр., у меня не могло быть оснований для беседы с неизвестным мне агентом связи. Бывает, что письменно подтверждают устные директивы, данные менее ответственному лицу. Но никак нельзя понять, зачем мне нужно было через ни для кого не авторитетного Ромма подтверждать устно те директивы, которые я письменно сообщил Радеку.

Однако, если такой образ действий непонятен с точки зрения заговорщика, то положение сразу меняется, если принять в расчет интересы прокурора. Без свидания со мной Ромм мог бы лишь показать, что отвез Радеку письмо, заделанное в переплет книги. Письма этого, конечно, ни у Радека, ни у Ромма, ни у прокурора нет. Прочитать письмо, заделанное в переплет, Ромм не мог. Может быть, письмо было вовсе не от меня? Может быть, и письма никакого не было? Чтоб вывести Ромма из затруднительного положения я, вместо того чтобы через какого-нибудь неуязвимого посредника, скажем француза, передать агенту связи книгу для Радека, -- так поступил бы всякий конспиратор, переступивший пятнадцатилетний возраст, -- я, переступивший пятидесятилетний возраст, поступил как раз наоборот, именно: не только впутал в эту операцию

своего сына, что само по себе было грубейшей ошибкой, но явился в довершение еще и сам, чтобы в течение 20--25 минут вдолбить Ромму в голову его будущие показания на процессе. Методология подлога не отличается изысканностью!

В беседе я заявил, конечно, что "с идеей параллельного центра согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и, далее, при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры". Какие глубокие и плодотворные мысли!.. Я не мог, конечно, не требовать "сохранения блока с зиновьевцами", иначе Сталин не имел бы случая расстрелять Зиновьева, Каменева, Смирнова и других. Но я одобрил также создание параллельного центра, чтоб дать Сталину возможность расстрелять Пятакова, Серебрякова и Муралова. Перейдя к вопросу о необходимости применять не только террор, но и экономическое вредительство, я рекомендовал не считаться с человеческими жертвами. В ответ Ромм выразил мне свое удивление: ведь это означало бы "подкапываться под обороноспособность страны"! Таким образом, я в Булонском лесу раскрывал свою душу неизвестному моло-дому человеку, который не разделял даже моих "пораженческих"

установок! И все это на том основании, что в 1927 году Ромм сходился будто бы с Радеком "по китайскому вопросу".

Исполнительный Ромм передал, разумеется, никогда не написанное письмо по назначению и рассказал при этом Радеку о своем вымышленном разговоре со мной, -- чтоб дать Вышинскому возможность опираться, по крайней мере, на два свидетельства. В конце сентября 1933 года Радек вручил Ромму свой ответ. О содержании письма Ромм на этот раз ничего не сообщает. Надобности в этом, впрочем, и нет, так как письма в этом процессе похожи одно на другое как заклинания шаманов. Книгу с письмом Ромм передал Седову "в Париже, в ноябре 1933 года". Следующая встреча произошла в апреле 1934 года, опять в Булонском лесу. Ромм пришел с вестью, что в скором времени будет назначен в Америку. Седов "об этом пожалел", но просил доставить от Радека "подробный доклад о положении дел".

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил.

Как же Ромм мог не выполнить? В мае 1934 года он передал Седову в Париже англо-русский технический словарь (какая точность!), заключавший в себе "подробные отчеты как действующего, так и параллельного центров". Отметим это драгоценное обстоятельство! Ни один из 16-ти обвиняемых, начиная с Зиновьева и кончая Рейнгольдом, который знал все и доносил на всех, ничего решительно не знал в августе 1936 г. о существовании параллельного центра. Зато Ромм уже с осени 1932 года был вполне в курсе идеи параллельного центра и.

дальнейшей ее реализации. Не менее замечательно и то, что Радек, который не принадлежал к основному центру, посылал тем не менее "подробные отчеты как действующего, так и параллельного центров". О содержании этих отчетов Ромм ничего не говорит, и Вышинский его, разумеется, не тревожит. Ибо, что мог бы сказать Ромм? В мае 1934 года Киров еще не был убит Николаевым при ближайшем участии ГПУ и его агента латышского консула Биссинекса. Ромму пришлось бы сказать, что деятельность "действующего, и параллельного центров" состояла в испрашивании и получении от меня "директив". Но это мы знаем уже и без того. Оставим поэтому "подробные отчеты" Радека в недрах технического словаря.

Вышинский интересуется далее, к чему сводился разговор с Седовым относительно назначения Ромма в Америку. Ромм немедленно сообщает о переданной через Седова просьбе Троцкого: "Если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, информировать его". Сама по себе просьба звучит, на первый взгляд, невинно: в качестве политика и писателя я, конечно, не мог не интересоваться советско-американскими отношениями, тем более что мне в предшествующие годы не раз приходилось выступать в американской печати со статьями и интервью в пользу признания Советов Соединенными Штатами. Но Ромм, который не удивлялся, когда через него передавались инструкции о терроре, на этот раз счел долгом удивиться:

-- Когда я спросил, почему это так интересно(1), Седов сказал: "Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР".

Вот еще одна точка над i! В своих статьях я выступал, правда, неизменно в защиту СССР. Я рвал публично с теми своими мнимыми единомышленниками, которые сомневались в долге каждого революционера защищать СССР, несмотря на сталинский режим. Не остается ничего другого, как допустить, что мое "пораженчество", находившееся в полном

противоречии с моей публицистической деятельностью, составляло строжайший секрет для немногих посвященных. Не стоит говорить, насколько такая гипотеза политически и психологически нелепа. Во всяком случае, обвинение держится на ней целиком, на ней стоит и с нее падает. Но Вышинский, "осторожный" в деталях (даты, адреса), совершенно туп в отношении основных проблем процесса. Когда Ромм спрашивает Седова, почему меня "интересуют" советско-американские отношения (вопрос сам по себе нелепый!), Седов вместо того, чтобы сослаться на мою литературную деятельность, с торопливой готовностью сообщает: "Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР". Но тогда оказывается, что я из своего "пораженчества" вовсе не делал секрета. К чему же в таком случае вся моя

напряженная теоретическая и публицистическая работа? Об этом господа обвинители не думают. Они не способны об этом думать. Их подлог развертывается в гораздо более низменной плоскости. Они обходятся без психологии. С них достаточно инквизиционного аппарата.

На дальнейший вопрос Вышинского Ромм отвечает: "Да, я согласился присылать интересующую Троцкого информацию". Но в мае 1934 года Ромм выполнил "последнее поручение". После убийства Кирова он решил "прекратить активную работу". Именно поэтому он не посылал мне информации из Соединенных Штатов. Каюсь, я этого совершенно _не заметил... Среди моих американских друзей имеются люди высокой научной и политической квалификации, которые в любое время готовы меня информировать обо всех вопросах, входящих в круг моих интересов. Обращаться за информацией к Ромму у меня не было, следовательно, оснований... если не считать, конечно, потребности сообщить ему о моей "пораженческой" программе.

Весь этот эпизод включен, по-видимому, в показания Ромма -- а может быть, и весь Ромм включен в процесс -- уже после того, как выяснилось, что я переселяюсь в Америку. Воображение ГПУ стремилось обогнать тот танкер, который перевозил меня из Осло в Тампико. Правительство Соединенных Штатов сразу получило таким путем предупреждение: в самом Вашингтоне орудовал "троцкистский" агент Ромм, который "согласился" посылать мне информацию. Какую? Совершенно ясно: угрожающую жизненным интересам Соединенных Штатов. Радек углубил предупреждение: в мою программу входило, по его словам, "обеспечить Японию нефтью на случай войны с Соединенными Штатами" (Заседание 23 января). Поэтому я, очевидно, и выбрал в качестве средства передвижения из Осло в Тампико танкер -- как необходимый инструмент в дальнейших операциях с нефтью. На ближайшем процессе Ромм, вероятно, вспомнит, что я поручал ему закупорить Панамский канал и направить Ниагару на затопление Нью-Йорка -- все это в часы, свободные от его занятий как корреспондента "Известий"... Неужели же все эти люди так глупы? Нет, конечно, вовсе не глупы, но их мысль деморализована вконец режимом тоталитарной безответственности.

При сколько-нибудь внимательном чтении каждый вопрос Вышинского заранее компрометирует ответ Ромма. Каждый ответ Ромма является уликой против Вышинского. Весь диалог в целом пятнает процесс. Серия этих процессов непоправимо порочит систему Сталина. А между тем мы не сказали еще самого главного. Что показания Ромма ложны, очевидно для каждого не слепого и не глухого человека из них самих. Но в нашем распоряжении имеются доказательства, пригодные да

же для слепых и глухих. Я не был в Буа де Булонь в конце июля 1933 г. Я не мог там быть.

Я находился в это время за 500 километров от Парижа, на берегу Атлантического океана в качестве больного. Об этом я сообщал уже кратко через "Нью-Йорк Таймс" (17 февраля 1937 г.). Здесь я хочу изложить весь этот эпизод с большей подробностью: он этого заслуживает!

24 июля 1933 года итальянский пароход "Болгария", везший меня, мою жену и четырех сотрудников (два американца: Сара Вебер191 и Макс Шахтман, француз Ван Ейженорт, немецкий эмигрант Адольф192), должен был пристать к марсельской пристани. После более чем четырехлетнего проживания в Турции мы переселялись в Западную Европу. Нашему въезду во Францию предшествовали длительные хлопоты. Главное место в них занимала ссылка на мое здоровье. Давая разрешение на въезд, правительство Даладье проявляло, однако, осторожность: оно опасалось покушений, манифестаций и других инцидентов, особенно в столице. 29 июня 1933 года министр внутренних дел Шотан193 сообщил письменно депутату Анри Герню, что мне "по соображениям здоровья предоставлено право жить в одном из южных департаментов, а затем обосноваться на Корсике". (Корсику я сам условно назвал ранее в одном из моих писем). Таким образом, с самого начала речь шла не о столице, а об одном из отдаленных департаментов. У меня не могло быть ни малейшего побуждения нарушать это условие, так как сам я был достаточно заинтересован в "том, чтоб избегнуть во время моего пребывания во Франции каких бы то ни было осложнений. Самую мысль о том, что я сейчас же по вступлении на французскую почву мог в нарушение соглашения скрыться с глаз полиции и тайно направиться в Париж -- для ненужного свидания с Роммом! -приходится поэтому заранее отвергнуть как фантастическую. Нет,. дело происходило совсем иначе...

Ободренная победой Гитлера в Германии реакция во Франции поднимала голову. Против моего въезда в страну велась бешеная кампания такими газетами, как "Матен", "Журналь", "Либерте", "Эко де Пари" и пр. Наиболее пронзительно звучал в этом хоре голос "Юманите". Французские сталинцы еще не получили приказа признать социалистов и радикалов своими "братьями". О, нет! Даладье третировался тогда Коминтерном как радикал-фашист. Леон Блюм, оказавший Даладье поддержку, клеймился как социал-фашист. Что касается меня, то я, по назначению из Москвы, выполнял функции агента американского, британского и французского империализма. Как коротка человеческая память!.. Инкогнито, под которым мы заняли наши места на пароходе, оказалось, разумеется, в пути раскрыто. Можно было опасаться манифестаций на мар-сельской пристани со стороны фашистов и, еще скорее, со сто

роны сталинцев. У наших друзей во Франции были все основания заботиться о том, чтоб мой въезд не сопровождался никакими инцидентами, которые могли бы затруднить дальнейшее проживание в стране. Чтоб обмануть бдительность врагов, нашими друзьями, в том числе и сыном, успевшим перебраться из гитлеровской Германии в Париж, разработана была сложная стратагема, которая, как показывает последний московский процесс, блестяще удалась.

Пароход "Болгария" был остановлен радиограммой из Франции за несколько километров от марсельской гавани при встрече с моторной лодкой, в которой находились мой сын, француз Раймонд Молинье194, комиссар "Сюрте женераль"195 и два лодочника. За остановку парохода на три минуты уплачена была, насколько помню, сумма в тысячу франков. В пароходном журнале этот эпизод, конечно, записан, кроме того, он был тогда же отмечен всей мировой прессой. Сын поднялся на борт и вручил одному из моих сотрудников, французу Ван Эйженорту готовую письменную инструкцию. В моторную

лодку сошли только мы с женой. В то время как четыре наши спутника продолжали путь на Марсель со всем багажом, наша лодка пристала в укромном месте Кассис, где нас ждали два автомобиля и двое французских друзей: Лепренс и Ласте. Не задерживаясь ни на минуту, мы сразу же отправились из Марселя на запад с уклоном к северу, к устью Жиронды, в деревню Сент-Пале, под Руйаном, где для нас заранее была снята дача на имя Молинье. По дороге мы ночевали в отеле. Записи в отеле установлены и предъявлены мною Комиссии.

Отмечу, что весь наш багаж сдан был в Турции ради соблюдения инкогнито на имя Макса Шахтмана. И сейчас еще на деревянных ящиках, в которых доставлены мои книги и бумаги в Мексику, сохранились инициалы М. Ш. Но ввиду раскрытия нашего инкогнито для агентов ГПУ в Марселе не могло уже быть тайной, что багаж принадлежит мне, и т. к. мои сотрудники вместе с багажом взяли направление на Париж, агенты ГПУ сделали вывод, что мы с женой в автомобиле или в аэроплане также направились в столицу Франции. Не надо забывать, что в тот период отношения между советским правительством и французским оставались еще крайне натянуты. Печать Коминтерна утверждала даже, будто я прибыл во Францию со специальной миссией: помогать тогдашнему премьеру Даладье, нынешнему военному министру, в подготовке... военного вторжения в СССР. Как коротка человеческая память!.. Между ГПУ и французской полицией не могло быть, следовательно, близких отношений. ГПУ знало обо мне только то, что печаталось в газетах. Ромм мог знать только то, что знало ГПУ. Между тем печать сейчас же после нашей высадки утратила наш след.

На основании розысков в телеграммах собственных корреспондентов того периода редакция "Нью-Йорк таймс" писала 17 февраля текущего года: "Судно, которое доставило г. Троцкого из Турции в Марсель в 1933 году, причалило после того, как он секретно сошел на берег согласно телеграмме из Марселя в "Нью-Йорк таймс" от 25 июля 1933 года. Он перешел на моторную лодку в трех милях от пристани и высадился в Кассисе, где дожидался автомобиль... В то время получались противоречивые сообщения, что г. Троцкий отправился в Корсику, на целебные воды Руйана, в центре Франции, подле Виши, или, наконец, в это последнее место". Эта справка, делающая честь точности корреспондента газеты, полностью подтверждает предшествующее изложение. Уже 24 июля печать терялась в догадках насчет нашей дальнейшей судьбы. Положение ГПУ, приходится признать, было чрезвычайно затруднительно.

Организаторы подлога рассуждали примерно так: Троцкий не мог не провести в Париже хоть несколько дней, чтоб урегулировать свое положение и найти для себя место жительства в провинции. ГПУ не знало, что все вопросы были урегулированы заранее и что дача для нас была снята еще до нашего приезда. С другой стороны, Сталин, Ежов, Вышинский боялись откладывать свидание с Роммом на август или на более поздний месяц: нужно было ковать железо, пока горячо. Таким путем эти осторожные и предусмотрительные люди выбрали для свидания конец июля, когда я, по всем их соображениям, не мог не быть в Париже. Но здесь-то они как раз и просчитались. В Париже мы не были. В сопровождении сына и трех французских друзей мы, как уже сказано, 25 июля прибыли в Сент-Пале подле Руйана. Как бы для того, чтоб еще более затруднить положение ГПУ, день нашего прибытия ознаменовался пожаром на нашей даче: сгорели беседка, часть деревянной изгороди, обгорела часть деревьев. Причина: искра из трубы паровоза. В местных газетах от 26 июля можно найти сообщение об этом инциденте. Племянница хозяина дачи прибыла через несколько часов, чтоб проверить последствия пожара. Показания обоих лиц, служивших нам в пути шоферами, Лепренса и Р. Молинье, как и показания сопровождавшего нас Ласте,

описывают путешествие со всеми деталями. Свидетельство, выданное пожарной командой, удостоверяет дату пожара. Репортер Albert Bar don, давший в печать сообщение о пожаре, видел меня в автомобиле и дал об этом свидетельское показание. Показание дала также упомянутая выше племянница хозяина дома. На даче нас ждали Вера Ланис, взявшая на себя обязанности хозяйки, и Сегаль, помогавший нашему устройству. Все эти лица провели с нами последние дни июля и были свидетелями того, что, едва доехав до Сент

Паде с лумбаго и с повышенной температурой, я почти не вставал с постели.

О нашем прибытии префект департамента Шарент Инфе-риер был немедленно извещен из Парижа секретной телеграммой. Мы жили под Руйаном, как и вообще во Франции, инкогнито. Наши бумаги свидетельствовались только старшими чиновниками "Сюрте женераль" в Париже. Там можно, несомненно, найти следы нашего маршрута.

Я провел в Сент-Пале свыше двух месяцев на положении больного под наблюдением врача. В "Таймс" я писал, что меня посетили в Сент-Пале не менее 30 друзей. Дальнейшие розыски в памяти и в бумагах показывают, что у меня посетителей было около 50: свыше тридцати французов, главным образом парижан, семь голландцев, два бельгийца, два немца, два итальянца, три англичанина, один швейцарец и т. д. Среди посетителей были люди с именами, как французский писатель Андре Мальро196, писатель и переводчик моих книг Парижанин197, голландский депутат Снефлит198, голландские журналисты Шмидт199 и Декадт, бывший секретарь британской Независимой рабочей партии Пэтон200, немецкий эмигрант В., немецкий писатель Г., и пр. (я не называю эмигрантов по именам, чтоб не причинить им каких-либо затруднений, но все они, конечно, смогут дать свои показания перед Комиссией). Если б я провел в Париже конец июля, большинству из посетителей не было бы никакой нужды совершать путешествие в Руйан. Все они знали, что я в Париже не был и не мог быть... Из сопровождающих нас в пути четырех моих сотрудников трое прибыли из Парижа в Руйан. Только Макс Шахтман отправился через Гавр в Нью-Йорк, не успев со мной проститься. Я предъявил Комиссии его письмо от 8 августа 1933 года, где он выражает свое огорчение по поводу того, что оторвался от нас в пути и не успел даже проститься. Нет, в доказательствах недостатка нет...

К началу октября мое физическое состояние улучшилось, и друзья перевезли меня в автомобиле в Баньер в Пиренеях, еще дальше от Парижа, где мы провели с женой октябрь. Только благодаря тому, что наше пребывание под Руйаном, как и в Пиренеях, протекло без всяких осложнений, правительство согласилось разрешить нам приблизиться к столице, но все же рекомендовало поселиться за пределами Сенского департамента. В начале ноября мы прибыли в Барбизон, где для нас снята была дача. Из Барбизона я действительно несколько раз наезжал в столицу, всегда в сопровождении двух-трех друзей, причем порядок моего дня строго определялся заранее, и те немногие квартиры, которые я посещал, могут быть с точностью установлены, как и список моих посетителей. Все это относится, однако, уже к зиме 1933 года. Между тем ГПУ устроило Ромму свидание со мною в июле 1933 г.

Этого свидания не было. Его не могло быть. Если вообще ·существует на свете понятие алиби, то в данном случае оно находит свое наиболее полное и законченное выражение. Несчастный Ромм солгал. ГПУ заставило его солгать. Вышинский покрыл его ложь. Именно для этой лжи Ромм был арестован и включен в число свидетелей.

Показание Ромма не исключение. Все показания построены по тому же типу. Свидетели и подсудимые разыгрывают роли по тексту, который в основных чертах написан Сталиным, а в деталях разработан Ягодой, Ежовым, Вышинским и Аграновым201. Такова методология

московских процессов.

ПОЛЕТ ПЯТАКОВА В НОРВЕГИЮ

Уже 24 января, на следующий день после открытия последнего процесса и первого показания Пятакова, когда приходилось опираться на краткие телеграммы агентств, я писал в коммюнике для мировой печати:

"Если Пятаков приезжал (в Осло) под собственной фамилией, то об этом оповестила бы вся норвежская пресса. Следовательно, он приехал под чужим именем. Под каким? Все советские сановники за границей находятся в постоянной телеграфной и телефонной связи со своими посольствами, торгпредствами и ни на час не выходят из-под наблюдения ГПУ. Каким образом Пятаков мог совершить свою поездку неведомо для советских представительств в Германии и Норвегии? Пусть опишет внутреннюю обстановку моей квартиры. Видел ли он мою жену? Носил я бороду или нет? Как я был одет? Вход в мою рабочую комнату шел через квартиру Кнудсена, и все наши посетители, без исключения, знакомились с семьей наших хозяев. Видел ли их Пятаков? Видели ли они Пятакова? Вот часть тех точных вопросов, при помощи которых на сколько-нибудь честном суде было бы легко доказать, что Пятаков лишь повторяет вымысел ГПУ".

27 января 1937 г., накануне произнесения прокурором его обвинительной речи, я обратился через телеграфные агентства к московскому суду с 13 вопросами по поводу мнимого свидания Пятакова со мною в Норвегии. Значение этих вопросов я мотивировал следующими словами: "Дело идет о показаниях Пятакова. Он сообщил, будто посетил меня в Норвегии в декабре 1935 г. для конспиративных переговоров. Пятаков прилетел будто бы из Берлина в Осло на самолете. Огромное значение этого показания очевидно. Я не раз заявлял и заявляю снова, что Пятаков, как и Радек, были за последние 9 лет не моими друзьями, а моими злейшими и вероломными врагами и что о переговорах и свиданиях между нами не могло быть и речи. Если будет доказано, что Пятаков действительно посе

тил меня, моя позиция окажется безнадежно скомпрометированной. Наоборот, если я докажу, что рассказ о посещении ложен с начала и до конца, то скомпрометированною окажется система "добровольных признаний". Если даже допустить, что московский суд выше подозрений, то под подозрением остается подсудимый Пятаков. Его показания необходимо проверить. Это нетрудно. Немедленно, пока Пятаков не расстрелян, надо предъявить ему ряд следующих точных вопросов. Отмечу снова, что вопросы, предъявленные мною Комиссии, основаны на первых телеграфных сообщениях и потому в некоторых второстепенных деталях неточны. Но в основном они сохраняют всю свою силу и сейчас.

Мои первые вопросы о Пятакове были в распоряжении суда уже 25 января. Не позже 28 января, т. е. того дня, когда прокурор произносил свою обвинительную речь, суд имел мои 13 вопросов. Не позже 26 января прокурор получил телеграфное сообщение о том, что норвежская пресса категорически отвергает показание о полете Пятакова. В речи прокурора есть косвенный намек на это опровержение. Однако ни один из формулированных мною тринадцати конкретных вопросов не был предъявлен подсудимому, для которого прокурор требовал расстрела. Прокурор не сделал обязательной для него попытки проверить главное показание главного обвиняемого и тем бесповоротно, на глазах всего мира, подкрепить обвинение против меня и всех других. Если б не было телеграмм из Осло и моих телеграфных вопросов, можно было бы еще говорить о невнимании, об упущении, об умственной неспособности прокурора и судей. При изложенных выше обстоятельствах о

судебной ошибке не может быть и речи. Прокурор, как и председатель суда, сознательно уклонились от постановки вопросов, неотразимо вытекавших из самого существа показаний Пятакова. Они воспротивились проверке не потому, что она была невозможна, -наоборот, она была крайне проста! -- а потому, что по всей своей роли они не могли допустить проверки. Они поспешили, наоборот, расстрелять Пятакова. Проверка была, однако, произведена помимо них. Она полностью и неопровержимо доказала ложность показания главного подсудимого по главному вопросу и тем нисповергла весь обвинительный акт.

Сейчас в нашем распоряжении имеется так называемый "стенографический" отчет о суде над Пятаковым и другими. Внимательное изучение допроса Пятакова и свидетеля обвинения Бухарцева само по себе показывает, что задачей прокурора в этом насквозь условном, фальшивом и лживом судебном диалоге являлось помочь Пятакову изложить без слишком явных несообразностей ту фантастическую версию, которую навязало ему ГПУ. Мы проследуем поэтому в нашем анализе

двояким путем: сперва покажем на основании самого официального отчета внутреннюю фальшь допроса Пятакова Вышинским; затем приведем объективные доказательства материальной невозможности полета Пятакова и его свиданья со мною. Таким образом мы обнаружим не только ложность главного свидетельства главного подсудимого, но и соучастие в подлоге прокурора Вышинского и судей.

* * *

"В первой половине декабря" 1935 года Пятаков совершил свою мифическую поездку в Осло через Берлин. Чем-то вроде посредника при организации поездки явился Бухарцев, корреспондент "Известий" в Берлине, подобно тому, как В. Ромм, корреспондент "Известий" в Вашингтоне, служил посредником между мной и Радеком. Правительственная газета странным образом назначала своими корреспондентами в наиболее важные пункты "троцкистских" агентов связи. Не вернее ли предположить: агентов ГПУ? Заявление Пятакова, будто "Бухарцев находился в связи с Троцким", представляет чистейший вымысел. О Бухарцеве, как и о Ромме, я не имею ни малейшего представления, не только личного, но даже литературного. "Известий" я почти никогда не вижу, а иностранных корреспонденции я не читаю в советской печати вообще.

Нет оснований сомневаться, что Пятаков действительно прибыл 10 декабря 1935 г. в Берлин по делам своего ведомства. Факт этот легко проверить по немецкой и советской печати, которая не могла не отметить как день приезда Пятакова в германскую столицу, так и день его возвращения в Москву*. Мнимую поездку Пятакова в Осло ГПУ вынуждено было задним числом приурочить к его действительной поездке в Берлин: отсюда выбор такого злосчастного месяца, как декабрь.

В Берлине Пятаков немедленно ("в тот же день или на другой", т. е. 11-го или 12-го) встретился, по его словам, с Бу-харцевым. Тот уже заранее предупредил меня будто бы о предстоящем прибытии Пятакова. Письмом? Условной телеграммой? Какого текста? На какой адрес? Никто не смущает Бухарце-ва этими вопросами. Адресов и дат в этом судебном" зале вообще избегают как заразы. Получив извещение от Бухарцева, я, со своей стороны, якобы немедленно направил в Берлин доверенное лицо с запиской: "Ю. Л. [Пятаков], подателю этой записки можно вполне доверять". Слово "вполне" было подчеркнуто... Эта не очень оригинальная подробность должна,

- "Берлииер Тагеблат" от 21 декабря 1935 г. сообщает: "В настоящее время в Берлине находится первый заместитель народного комиссара тяжелой промышленности СССР г.

Пятаков, а также руководитель Импортного управления комиссариата внешней торговли СССР г. Смоленский, который ведет переговоры о заказах с рядом немецких фирм".

как увидим, вознаградить нас за отсутствие других, более существенных сведений. Посланное мною лицо, по имени "не то Генрих, не то Густав" (показание Пятакова) взяло на себя организовать поездку в Осло. Встреча Генриха-Густава с Пятаковым произошла в Тиргартене (11-го или 12-го) и длилась всего "полторы -- две минуты". Вторая драгоценная подробность!.. Пятаков согласился отправиться в Осло, хотя, как он повторяет дважды, "это могло повлечь для меня величайший риск -- быть обнаруженным и разоблаченным".

В русском отчете эти слова выпущены, и не случайно. Надзор за советскими сановниками за границей чрезвычайно строг. Пятаков не имел никакой возможности скрыться на двое суток из Берлина, не указав советским органам, куда он уезжает и по какому адресу с ним сноситься: как член ЦК и правительства, Пятаков в любую минуту мог получить запрос или поручение из Москвы. Существующие на этот счет порядки прекрасно известны прокурору и судьям.

К тому же уже 24 января я спрашивал по телеграфу: "Каким образом Пятаков мог совершить свою поездку неведомо для советских представительств в Германии и Норвегии?" 27 января я повторил снова: "Как удалось Пятакову скрыться от советских учреждений в Берлине и Осло? Как он объяснил свое исчезновение после возвращения?" Никто, конечно, не потревожил подсудимого такими вопросами.

Пятаков условился с Генрихом-Густавом встретиться "на следующий день" (12-го или 13-го) утром на аэродроме Тем-пельгоф. Прокурор, который в вопросах, не имеющих значения и не поддающихся проверке, требует иногда показной точности, совершенно не интересуется уточнением даты исключительной важности. Между тем по дневнику торгпредства в Берлине можно было бы без труда установить деловой календарь Пятакова. Но этого-то как раз и нужно избежать...

"На следующий день, рано утром, я явился прямо к входу на аэродром". Рано утром? Мы хотели бы знать час. В такого рода случаях час фиксируется заранее. Но вдохновители Пятакова боятся, очевидно, сделать ошибку против метеорологического календаря. На аэродроме Пятаков встретил Генриха-Густава: "Он стоял перед входом и повел меня. Предварительно он показал паспорт, который был для меня приготовлен. Паспорт был немецкий. Все таможенные формальности он сам выполнял, так что мне приходилось только расписываться. Сели в самолет и полетели..."

Никто даже и здесь не прерывает подсудимого. Прокурор, как это ни невероятно, совершенно не интересуется вопросом о паспорте. С него достаточно того, что паспорт был "немецкий". Однако немецкие паспорта, как и все другие, выписываются на определенное имя. На какое именно? Nomina sunt odiosa202. Прокурор озабочен тем, чтоб дать возможность Пя

такову как можно скорее проскользнуть мимо этого щекотливого пункта. "Таможенные формальности?" Их уладил Генрих-Густав. Пятакову "приходилось только расписываться". Казалось бы, здесь прокурор никак уж не мог не спросить, каким же именем расписывался Пятаков? Очевидно, тем самым, которое значилось в немецком паспорте. Но прокурору до этого дела нет. Молчит также и председатель суда. Молчат судьи.

Коллективная забывчивость в результате переутомления? Но я своевременно принял меры к тому, чтоб освежить память этих господ. Уже 24 января я спрашивал суд, под каким именем прибыл Пятаков в Осло. Через три дня я снова вернулся к этому пункту. Четвертый

из поставленных мною тринадцати вопросов гласил: "По какому паспорту вылетел Пятаков из Берлина? Получил ли он норвежскую визу?" Мои вопросы были перепечатаны газетами всего мира. Если, несмотря на это, Вышинский не задал Пятакову вопросов о паспорте и визе, значит он знал, что об этом нужно молчать. Одного этого молчания вполне достаточно, чтобы сказать: перед нами подлог!

Последуем, однако, дальше за Пятаковым: "Сели в самолет и полетели, нигде не садились и в 3 часа дня примерно спустились на аэродром в Осло. Там был автомобиль. Сели мы в этот автомобиль и поехали. Ехали мы, вероятно, минут 30 и приехали в дачную местность. Вышли, зашли в домик, неплохо обставленный, и там я увидел Троцкого, которого не видел с 1928 г.". Разве этот рассказ не выдает полностью человека, которому, нечего рассказывать? Ни одного живого штриха! "Сели в самолет и полетели"... "Сели в автомобиль и поехали"... Пятаков ничего не видел, ни с кем не говорил. Он не способен хоть что-нибудь сообщить о "Генрихе-Густаве", который сопровождал его из Берлина до моих дверей.

Как произошел спуск на аэродроме? Иностранным самолетом не могли не заинтересоваться норвежские власти. Они не могли не проверить паспорт Пятакова и его спутников. Однако и об этом мы не слышим ни слова. Путешествие как бы происходит в царстве снов, где люди бесшумно скользят, не тревожимые полицейскими и таможенными чинами.

В "неплохо обставленном" домике Пятаков увидел Троцкого, "которого не видел с 1928 г." (на самом деле с конца 1927 г.). Непосредственно после этих штампованных общих мест следует столь же штампованное изложение беседы, как бы специально предназначенной для полицейского протокола. Разве это похоже на жизнь и живых людей? Ведь по смыслу амальгамы Пятаков явился ко мне как единомышленник, как друг, после долгой разлуки.

В течение нескольких лет, примерно с 1923 до 1928 года, он действительно стоял довольно близко ко мне, знал мою семью, встречал со стороны моей жены всегда теплый прием. Он дол

жен был, очевидно, сохранить совершенно исключительное доверие ко мне, если по одному моему письму превратился в террориста, саботажника и пораженца и по первому сигналу, рискуя головой, прилетел ко мне на свидание. Казалось бы, при таких условиях Пятаков не мог после восьмилетней разлуки проявить элементарного интереса к условиям моего существования. Но на это нет и намека. Где произошла встреча: на моей квартире или в чужом доме? Неизвестно. Где была моя жена? Неизвестно. На вопрос прокурора Пятаков отвечает, что при свидании никто не присутствовал: даже Генрих-Густав остался за дверью. И это все!

Между тем уже во внешней обстановке по наличию или отсутствию русских книг и газет, по виду письменного стола Пятаков не мог не определить сразу, находится ли он в моей рабочей комнате или в чужом помещении. У меня не могло быть, с другой стороны, ни малейшего основания скрывать такие невинные сведения от гостя, которому я доверил самые свои сокровенные замыслы и планы. Пятаков не мог не спросить меня о моей жене. 24 января я спрашивал: "Видел ли он мою жену?" 27 января я повторил свой вопрос снова: "Виделся ли Пятаков с моей женой? Была ли она в тот день дома? (Поездки жены в Осло к врачам легко проверить)". Но именно для того, чтоб не допустить проверки, руководители Пятакова научили его эластичным формулам и ничего не говорящим оборотам речи: так осторожнее. Однако этот избыток осторожности выдает подлог с другого конца.

Аэроплан спустился в три часа дня, 12 или 13 декабря. Пятаков прибыл ко мне приблизительно в половине четвертого. Разговор длился около двух часов. Мой гость не мог не проголодаться. Накормил ли я его? Казалось, этого требовал элементарный долг гостеприимства. Но я не мог этого сделать без помощи жены или хозяйки "неплохо обставленного" домика. Об этом на суде ни слова.

Пятаков покинул меня в половине шестого вечера. Куда он направился из дачной местности с немецким паспортом в кармане? Прокурор не спрашивает его об этом. Где он провел декабрьскую ночь? Вряд ли под открытым небом. Еще меньше можно допустить, что он переночевал в советском посольстве. Вряд ли и в немецком. Значит, в отеле? В каком именно? В числе тринадцати вопросов, заданных мною суду, есть и такой: "Пятаков неминуемо должен был переночевать в Норвегии. Где? В каком отеле?" Прокурор не спросил об этом подсудимого. Председатель промолчал.

Если б ко мне приехал старый друг, к тому же соучастник по заговору, я, как и всякий на моем месте, должен был бы сделать все, чтоб оградить гостя от неприятных неожиданностей и излишнего риска. После двухчасовой беседы я должен

был бы накормить его и устроить на ночлег. Такие мелкие заботы не могли, очевидно, представить для меня ни малейшего затруднения, раз я имел возможность направить "доверенное лицо" в Берлин и выслать на аэродром специальный автомобиль к моменту спуска специального аэроплана. Чтоб не показываться в отеле или на улицах Осло, Пятаков, естественно, был заинтересован в том, чтобы переночевать у меня. К тому же после долгой разлуки у нас было о чем переговорить! Но ГПУ боялось этого варианта, ибо Пятакову пришлось бы пуститься в подробности относительно условий моего существования. Лучше проскользнуть мимо житейской прозы... На самом деле я жил, как известно, не в дачной местности под Осло, а в глухой деревне; не в тридцати минутах езды от аэродрома, а по меньшей мере в двух часах, особенно зимою, когда на колеса приходится надевать цепи. Нет, лучше забыть о пище, о декабрьской ночи, об опасности встречи е людьми из советского посольства. Лучше помолчать. Как раньше в пути, так теперь в Норвегии, Пятаков похож на бесплотную тень из сновидения. Пусть глупцы принимают эту тень за реальность!

Из допроса свидетеля Бухарцева, корреспондента "Известий", мы узнаем о поездке Пятакова немаловажные дополнительные подробности. "Генриха-Густава" звали, оказывается, Густав Штирнер. Это имя решительно ничего не говорит мне, хотя, по словам Бухарцева, Штирнер был моим доверенным лицом. Во всяком случае, мой таинственный посланец счел нужным точно отрекомендоваться свидетелю прокурора. Встретим ли мы Штирнера во плоти и крови в одном из будущих процессов? Или он есть чистый продукт воображения? Не знаю. Немецкое имя наводит, во всяком случае, на размышления.

Пятаков пытался моментами изобразить свидание со мной почти как печальную необходимость: инстинкт самосохранения робко пробивается все же через признания подсудимых. По словам Бухарцева, наоборот, узнав о моем приглашении, "Пятаков сказал, что он очень рад этому, что это вполне соответствует его намерениям и что он охотно пойдет на это свидание". Какая немотивированная экспансивность со стороны конспиратора! Но она нужна обвинителю. Задача свидетеля состоит в том, чтоб отягчать вину подсудимого, тогда как задача подсудимого состоит в том, чтоб переносить главную тяжесть вины на меня. Наконец, задача прокурора состоит в том, чтоб эксплуатировать ложь обоих.

С точки зрения заговора и даже одного только воздушного путешествия в Осло Бухарцев

является совершенно лишним лицом: даже Вышинский, как увидим, вынужден это признать. Но Густав Штирнер, если он существует в природе, по-видимому, недостижим для прокурора. А если нет Штирнера, то

нет и свидетеля. Рассказ о том, как Пятаков входил и выходил из аэроплана, должен был бы опираться в таком случае на одного Пятакова. Этого мало. Если вызванный прокурором Бухарцев не участвует в ходе действия, то он выполняет зато функции "вестника" в классической трагедии: он возвещает о совершающихся за сценой событиях. Так, накануне своего возвращения из Берлина в Москву (какого числа?) Пятаков не преминул сообщить вестнику, что "он там был и что он его видел". Бухарцеву до всего этого не было, в сущности, никакого дела. Сообщая без нужды такие сведения постороннему лицу, Пятаков совершал акт преступного легкомыслия. Но он не мог действовать иначе, не лишая Бухарцева возможности быть полезным свидетелем обвинения.

В этом месте прокурор вдруг вспоминает о некотором своем упущении. "Давали ли вы свою фотографию?" -- спрашивает он неожиданно Пятакова, прерывая допрос Бухарцева. Вышинский похож на ученика, пропустившего одну строчку в стихотворении. Пятаков отвечает лаконически: "Да". Речь идет, очевидно, о фотографии для паспорта. Фотография полагается на каждом паспорте, в том числе и немецком. Обнаруживая, таким путем, свою бдительность, прокурор ничем не рискует. Об имени и визе он молчит, конечно, и на этот раз. После этого страж закона снова принимается за Бухарцева. "Вам известно, откуда Штирнер достал паспорт? Откуда он . достал самолет? Как это так легко сделать в Германии?" Бухарцев отвечает в том смысле, что Штирнер не вдавался в подробности и просил его, Бухарцева, ни о чем не беспокоиться, -- один из немногих ответов, который звучит естественно и разумно. Однако прокурор не унимается.

Вышинский: А вы не интересовались этим?

Бухарцев: Он мне ничего не сказал; он не хотел входить в детали.

Вышинский: И все-таки, это вас не интересовало?

Бухарцев: Но ведь он мне не отвечал.

Вышинский: Но вы пытались его спрашивать?

Бухарцев: Я пытался, но он не отвечал.

И так далее, в том же роде. Но мы прерываем здесь этот поучительный диалог, чтоб подвергнуть допросу самого прокурора. "Вы спрашивали только что, г. обвинитель, насчет карточки для паспорта? Но самый паспорт вас не интересовал? Следователь об этом не допрашивал Пятакова? Вы также забыли выполнить ваш долг. Дважды: 24 и 27 января я напомнил вам о нем по телеграфу. Вы не обратили внимания на мой вопрос? Вы не поинтересовались также моим адресом, моей квартирой, условиями моей жизни? Вы не спрашивали, где Пятаков провел ночь? Кто рекомендовал ему отель? Как он там прописался? Неужели все эти обстоятельства не заслу

живают вашего внимания? Бухарцев мог, по крайней мере, оправдаться тем, что Густав Штирнер отказывался посвящать его в свои секреты. Вы, г. представитель правосудия, лишены такого оправдания, ибо у Пятакова нет тайн от прокурора. Пятаков молчит только о том, о чем ему приказано молчать. Но и вы, г. прокурор, не случайно уклонились от вашей прямой обязанности: спустить Пятакова из сферы четвертого измерения на грешную землю, с ее таможенными чиновниками, ресторанами, отелями и прочими обременительными подробностями. Вы молчали обо всем этом, потому что вы -- один из главных организаторов подлога!"

Вышинский не унимается: А аэроплан?

Бухарцев: Я спрашивал его (Штирнера), каким образом Пятаков сможет выехать; он мне сказал, что специальный аэроплан отвезет Пятакова в Осло и привезет его оттуда.

Штирнер, как оказывается, вовсе не так уж неразговорчив. Ведь он мог бы просто ответить назойливому Бухарцеву: "Это не ваше дело, Пятаков сам знает, что ему делать". Но Штнр-нер помнил, очевидно, что перед ним -- вестник трагедии, поэтому он сообщил ему, что Пятаков будет отправлен в "специальном" аэроплане, другими словами, дал понять, что аэроплан будет предоставлен немецким правительством. Вышинский сейчас же пользуется этой заранее подготовленной нескромностью Штирнера-Бухарцева:

-- Однако ведь не Троцкий организовал путешествие на

аэроплане через границу?

Бухарцев отвечает с многозначительной скромностью

-- Этого я не знаю.

Вышинский: А самолет? Вы -- опытный журналист, вы знаете, что летать через границу из одного государства в другое -- дело не простое.

(Увы, увы! Сам прокурор об этом совершенно забывает, когда дело идет о спуске на аэродроме, о паспорте, о визе, о ночлеге в отеле и пр.).

Бухарцев делает новый шаг навстречу прокурору:

-- Я понял это так, что он -- Штирнер -- может сделать

это через германских официальных лиц.

Что и требовалось доказать!

Но тут Вышинский как бы неожиданно спохватывается

-- А без вас нельзя было обойтись в этом деле? Ради чего

вы участвовали в этой операции?

Рискованный вопрос задан для того, чтобы дать возможность Бухарцеву рассказать суду, как Радек "в свое время" (когда именно?) предупредил его, "троцкиста", что ему придется выполнять различные поручения, и заодно уж сообщил ему, "что Пятаков является членом центра". Как видим, Ра

дек все предусмотрел и во всяком случае вооружил будущего свидетеля самыми необходимыми сведениями.

Так или иначе, но благодаря Бухарцеву мы узнаем, наконец, что Пятаков не только прилетел в Осло на "специальном аэроплане", но и вернулся тем же путем в Берлин. Это исключительно важное сообщение означает, что аэроплан не просто спустился на несколько минут, но провел остаток дня и всю ночь, т. е. не менее 15 часов, на аэродроме в Осло. Очевидно, здесь он возобновил и свой запас бензина. Как сейчас видно будет, сообщение Бухарцева окажет нам гораздо большую услугу, чем господину прокурору. Мы вплотную подходим к узловому пункту в показаниях Пятакова и во всем процессе.

Консервативная норвежская газета "Афтенпостен" немедленно после первого показания Пятакова произвела анкету на аэродроме и уже в вечернем издании 25 января опубликовала, что в декабре 1935 г. в Осло не прилетало ни одного иностранного самолета. Это сообщение сейчас же обошло, разумеется, весь мир. Вышинский оказался вынужден реагировать на неприятную весть из Осло. Он это сделал на свой манер. В заседании 27 января прокурор спрашивает Пятакова, действительно ли тот спустился на норвежском аэродроме и на каком именно? Пятаков отвечает: "Возле Осло". Имени он не знает. Не было ли затруднений при спуске? Пятаков, оказывается, был слишком взволнован и ничего особенного не заметил.

Вышинский: Вы подтверждаете, что спустились на аэродроме подле Осло?

Пятаков: Подле Осло. Я хорошо помню.

Еще бы не помнить такой вещи!

После этого прокурор оглашает документ, который многие газеты мягко назвали "неожиданным", именно сообщение советского полпредства в Норвегии о том, "что... аэродром Hel-lere Kjeller (Кьеллер), подле Осло, принимает весь год, в соответствии с интернациональными правилами, самолеты других стран и что прибытие и отбытие самолетов возможны также и в зимние месяцы". Только и всего! Прокурор просит приобщить свой драгоценный документ к судебным материалам. Вопрос исчерпан!

Нет, вопрос только открывается. Норвежские источники вовсе не утверждали, что аэроплановое движение в Норвегии невозможно в зимние месяцы. Но разве в задачи московского суда входит составление метеорологического справочника для летчиков? Вопрос стоит гораздо конкретнее: прилетал или не прилетал в Осло в течение декабря 1935 г. иностранный аэроплан? Конрад Кнудсен, член стортинга, послал в Москву 29 января 1937 г. следующую телеграмму: "Прокурору Вышинскому. Высшая Военная Коллегия. Москва. Сообщаю вам, что сегодня официально подтверждается, что в декабре 1935 года

никакой иностранный или частный самолет не спускался на аэродроме в Осло. Как домохозяин Льва Троцкого, я подтверждаю также и то, что в декабре 1935 года в Норвегии не могло быть никакой беседы между Троцким и Пятаковым. Конрад Кнудсен, член парламента".

В тот же день, 29 января, "Арбайтербладет" -- газета правительственной партии -- произвела новое расследование о "специальном аэроплане". Будет, может быть, не лишним сказать, что эта газета не только одобряла интернирование меня норвежским правительством, но и печатала обо мне во время моего заключения чрезвычайно враждебные статьи. Привожу сообщение "Арбайтербладет" дословно.

Чудодейственная поездка Пятакова в Кьеллер

Пятаков поддерживает свое признание в том, что он в декабре 1935 года прибыл на самолете в Норвегию и спустился на аэродроме Кьеллер. Русским комиссариатом иностранных дел предпринято расследование, которое должно послужить тому, чтоб подтвердить это показание.

Аэродром Кьеллер уже ранее категорически опроверг сообщение, будто в декабре 1935 года там спустился иностранный самолет, а член парламента Конрад Кнудсен, квартирохозяин Троцкого, сообщил, со своей стороны, что Троцкий в этот период вообще не имел посещений.

"Арбайтербладет" все же сегодня снова обратилась на аэродром Кьеллер, и директор Гулликсен, с которым мы беседовали, подтвердил, что в декабре 1935 года ни один иностранный самолет не спустился на Кьеллер. В этом месяце приземлился только один самолет на аэродроме, именно норвежский самолет, прибывший из Линчепинга. Но на этом самолете не было пассажиров.

Директор Гулликсен обследовал ежедневно ведущуюся книгу таможенных протоколов, прежде чем он сделал нам это сообщение, и в ответ на соответственный вопрос с нашей стороны он прибавил, что совершенно исключено, чтобы какой-нибудь самолет мог спуститься, не будучи обнаруженным. Там в течение всей ночи имеются военные патрули.

Когда приземлился перед декабрем 1935 года в послед

ний раз иностранный самолет на Кьеллере? -- спрашивает наш

сотрудник директора Гулликсена.

19 сентября. Это был английский самолет, прибывший

из Копенгагена. Его пилотировал английский летчик г. Роберт

сон, которого я очень хорошо знаю.

А после декабря 1935 года, когда снова прибыл в пер

вый раз иностранный самолет в Кьеллер?

1 мая 1936 года.

-- Другими словами, из книг аэродрома вытекает, что меж

ду 19 сентября 1935 года и 1 мая 1936 года ни один иностран

ный самолет не снизился в Кьеллер?

- Да.

Чтоб не оставлять места никаким сомнениям, приведем официальное подтверждение газетного интервью. В ответ на запрос моего норвежского адвоката тот же директор единственного аэродрома в Осло г. Гулликсен, ответил 12 февраля:

Кьеллер 14 февраля 1937.

Аэродром Кьеллер.

Дирекция.

Господину присяжному поверенному Андреасу Стейлену.

Е. Слотгате 8.

Осло.

В ответ на Ваше письмо от 10 текущего месяца я сообщаю Вам, что мое заявление передано в "Арбайтербладет" правильно...

С преданностью

Гулликсен.

Другими словами: если мы откроем ГПУ кредит для полета Пятакова не на 31 день (декабрь), а на 224 дня (19 сентября -- 1 мая), и тогда Сталину не спасти положения. Вопрос о полете Пятакова в Осло можно считать после этого, надеемся, исчерпанным на веки веков.

29 января приговор еще не был вынесен. Сообщения Кнуд-сена и "Арбайтербладет" являлись обстоятельством столь исключительной важности, что требовали дополнительного расследования. Но московская Фемида не такова, чтоб позволить фактам приостановить свое движение. Весьма возможно -- почти наверное -- что в предварительных переговорах Пятакову, как и Радеку, было обещано сохранение жизни. Выполнение этого обещания в отношении Пятакова, мнимого "организатора" мнимого "саботажа", было вообще нелегко. Но если у Сталина оставались еще какие-либо колебания на этот счет, то сообщения из Осло должны были положить им конец.

29 января я заявил в печати в своем очередном сообщении: "Первые шаги расследования в Норвегии позволили депутату К. Кнудсену установить, что в декабре в Осло вообще не прилетало ни одного иностранного самолета... Чрезвычайно опасаюсь, что ГПУ торопится расстрелять Пятакова, чтоб предупредить дальнейшие неудобные вопросы и лишить возможности будущую международную следственную комиссию потребовать от Пятакова точных объяснений".

На другой день, 30 января, Пятаков был приговорен к смертной казни, а 1 февраля -- расстрелян.

* * *

Через посредство желтой норвежской газеты "Тиденс-Тайн", родственной американским

изданиям Херста203, друзья ГПУ сделали попытку найти новую версию для полета Пятакова. Может быть, немецкий аэроплан спустился не на аэродроме, а на замерзшем фиорде? Может быть, Пятаков посетил Троцкого не в дачной местности под Осло, а в лесу? Не в "недурно обставленном домике", а в лесной хижине? Не в тридцати минутах, а в трех часах езды от Осло? Может быть, Пятаков приехал не в автомобиле, а в санях или пришел на лыжах? Может быть, свидание произошло не 12--13-го, а 21--22 декабря? Это творчество не выше и не ниже попыток выдать копенгагенскую кондитерскую за отель "Бристоль". Гипотезы "Тиденс-Тайн" имеют тот недочет, что не оставляют решительно ничего от показаний Пятакова и в то же время разбиваются о факты. Опровержение этих фантазий уже дано норвежской печатью, в частности либеральной газетой "Дагблат", на основании проверки основных данных, т. е. условий места и времени. Депутат Конрад Кнудсен подверг запоздалые вымыслы не менее уничтожающей критике на столбцах самой желтой газеты, успевшей тем временем стать оракулом Коминтерна. Если бы Комиссия сочла, со своей стороны, нужным подвергнуть рассмотрению не только данные официального отчета, но и беллетристические версии, выдвинутые друзьями ГПУ после расстрела Пятакова, я предоставил бы в ее распоряжение весь необходимый материал.

Прибавлю здесь же, что в начале марта приезжал в Осло для специального доклада датский писатель Андерсен Нек-се204, который, по счастливой случайности (как Притт, как Дуранти, как некоторые другие!) оказался в Москве во время процесса и "собственными ушами" слышал признания Пятакова. Знает ли Нексе по-русски или нет, не имеет значения, достаточно того, что скандинавский рыцарь истины "не сомневается" в правдивости показаний Пятакова. Если Ромен Рол-лан205 берет на себя унизительные миссии, свидетельствующие о полной утрате морального и психологического чутья, то почему не делать этого господину Нексе? Разврат, который ГПУ вносит в среду известной части радикальных писателей и политиков всего мира, принял поистине угрожающие размеры. Какие приемы применяет ГПУ в каждом индивидуальном случае, я здесь рассматривать не стану. Достаточно хорошо известно, что эти приемы не всегда имеют "идеологический" характер (об этом давно уже рассказал со свойственным ему цинизмом, ирландский писатель О'Флайерти). Одной из причин моего разрыва со Сталиным и его соратниками явилось, кстати сказать, применение ими, начиная с 1924 г., подкупа по отношению к деятелям европейского рабочего движения.

Косвенным, но крайне важным результатом работы Комиссии явится, как я надеюсь, очищение радикальных рядов от "левых" сикофантов, от политических паразитов, от "революционных" царедворцев, от тех господ, которые остаются друзьями СССР, поскольку являются друзьями Госиздата или просто пенсионерами ГПУ.

ЧТО ОПРОВЕРГНУТО В ПОСЛЕДНЕМ ПРОЦЕССЕ?

Агенты Москвы прибегли в самое последнее время к такому доводу: "За время своего пребывания в Мексике Троцкий. никаких доказательств не представил. Нет основания думать, что он предоставит их в будущем. Тем самым Комиссия заранее осуждается на бесплодие".

Как можно, спрошу я, без расследования фактов и документов ниспровергнуть подлог, который подготовлялся и строился в течение ряда лет? "Добровольных признаний" Сталина, Ягоды, Ежова и Вышинского у меня действительно нет, в этом я признаюсь заранее. Но если я не представил до сих пор магической формулы, исчерпывающей все доказательства, то неправда, будто я не представил никаких доказательств. Во время последнего процесса я делал ежедневные заявления в печати с точными опровержениями. Я предъявляю Комиссии точный текст всех моих заявлений. Одновременно я подготовляю книгу, которая должна дать ключ к важнейшим политическим и психологическим "загадкам" московских процессов.

Стенографический отчет" второго процесса получен мною всего две недели тому назад. О законченном опровержении при этих обстоятельствах говорить, конечно, не приходится. Однако, несмотря на отсутствие в моем распоряжении ежедневной или хотя бы еженедельной газеты, где я мог бы высказываться с полной свободой, я полностью опроверг те данные последнего процесса, которые направлены против меня лично, и тем самым подорвал всю судебную амальгаму в целом.

Защищаясь в своем последнем слове от ругательств прокурора, который характеризовал обвиняемых исключительно как мошенников и бандитов (прокурор Вышинский -- циничный карьерист из бывших правых меньшевиков, -- какое воплощение режима!), Радек явно перешел условленные заранее пределы защиты и сказал больше, чем нужно было и чем хотел он сам. Такова вообще отличительная черта Радека! На этот раз он сказал, однако, вещи исключительной ценности. Я прошу каждого члена Комиссии особенно внимательно прочесть последнее слово этого обвиняемого. Террористическая деятель

ность и связь "троцкистов" с контрреволюционными и вредительскими организациями доказаны, по словам Радека, вполне.

"...Но, -- продолжает он, -- процесс -- двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны, и он показал, что "троцкистская" организация стала агентурой тех сил, которые подготовляют мировую войну. Для этого факта какие есть доказательства? Для этого факта есть показания двух людей -- мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег), и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых--они покоятся на наших показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, шпиками, то на чем можете вы базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незыблемая правда?"

Не веришь своим глазам, читая эти цинично откровенные строки в отчете. Ни прокурор, ни председатель даже не попытались опровергнуть или поправить Радека: слишком рискованно! Между тем его поразительные слова убивают весь процесс. Да, все обвинение против меня опирается только на показания Радека и Пятакова. Вещественных улик нет и следа. Письма, которые Радек будто бы получал от меня, он, "к сожалению", сжег (в русском отчете обвинительный акт напечатан, однако, так, как если бы он цитировал мои подлинные письма). Прокурор третирует Радека и Пятакова как беспринципных лгунов, преследующих только одну задачу: обмануть власти. Радек отвечает: если наши показания ложны (и Радек, и прокурор знают, что показания ложны!), что же у вас остается для доказательства того, что Троцкий заключил союз с Германией и Японией с целью ускорения войны и расчленения СССР? У вас ничего не остается. Документов нет. Показания других обвиняемых опираются на "наши показания". Прокурор молчит. Председатель молчит. Молчат заграничные "друзья". Томительное молчание! Таково подлинное лицо процесса. Скандальное лицо!

Напомним еще раз фактическую сторону показаний Радека и Пятакова. Радек сносился со мною будто бы через Владимира Ромма, Владимир Ромм видел меня один-единственный раз, именно: в конце июля 1933 года в Буа де Булонь под Парижем. Точными ссылками на даты, факты, свидетелей, в том числе и французскую полицию, я доказал, что в конце июля 1933 года я не был и не мог быть в Буа де Булонь, так как в качестве больного я непосредственно из Марселя прибыл в Сент-Пале под Руйаном, за несколько сот километров от Парижа.

Пятаков показал, что прилетал ко мне в Осло в декабре 1935 года на немецком аэроплане. Однако официальные норвежские власти опубликовали во всеобщее сведение, что с

19 сентября 1935 г. по 1 мая 1936 г. ни один иностранный аэроплан вообще не прилетал в Осло. Против этих свидетельств апеллировать некуда. Пятаков не прилетал ко мне в Осло, как Ромм не видел меня в Буа де Булонь.

Между тем связь Радека со мною шла исключительно через Ромма. Крушение показаний Ромма не оставляет ничего от показаний Радека. Не более того остается от показаний Пятакова. Между тем, по признанию Радека, молчаливо подтвержденному судом, обвинение против меня держится исключительно на показаниях Радека и Пятакова. Все другие показания имеют подспорный, вспомогательный характер. Они должны дать опору Радеку и Пятакову -- главным обвиняемым, вернее, главным свидетелям Сталина против меня. Назначение Радека и Пятакова -- доказать прямую связь преступников со мной. "Все остальные показания покоятся на наших", -- признает Радек. Другими словами, они не

покоятся ни на чем. Основное обвинение ниспровергнуто. Оно рассыпалось прахом. Незачем разбирать здание по кирпичам, раз обрушены две основные колонны, на которые оно опиралось. Господа обвинители! Ползайте в мусоре на брюхе и собирайте осколки ваших кирпичей...

Если агенты Москвы хотят оспорить меня, пусть явятся в Комиссию. Расследование, естественно, начнется с таких фактов, которые произошли за границей. Здесь проверка вполне возможна. Но именно этой возможности и боятся фальсификаторы. Им не остается ничего другого как кричать, будто я "ничего не доказал". В приложении я даю справку о моем въезде во Францию 24 июля 1933 года и о поселении под Руй-аном и заявление норвежских властей насчет иностранных самолетов в декабре 1935 года206.

ПРОКУРОР-ФАЛЬСИФИКАТОР

Моя "террористическая" и "пораженческая" деятельность представляла, как известно, строжайшую тайну, в которую я посвящал только наиболее доверенных людей. Наоборот, моя публичная деятельность, враждебная террору и пораженчеству, представляла только "маскировку". Не удерживаясь, однако, на этой позиции, прокурор несколько раз впадает в искушение открыть и в моей публичной деятельности пропаганду террора и пораженчества. Мы сейчас покажем на нескольких капитальных примерах, что литературные подлоги Вышинского представляют только вспомогательное средство его Судебных подлогов.

* * *

20 февраля 1932 года Центральный исполнительный комитет СССР особым декретом лишил меня и находившихся за границей членов моей семьи советского гражданства. Самый текст декрета, отмечу мимоходом, представлял амальгаму. Я был назван не только как Троцкий, но и по фамилии моего отца -- Бронштейн, хотя эта фамилия никогда раньше не называлась ни в одном из советских документов. Наряду с этим были разысканы меньшевики с фамилией Бронштейн и также включены в акт о лишении гражданства207. Таков политический стиль Сталина!

Я ответил Открытым письмом Президиуму ЦИКа СССР or 1 марта 1932 года (Бюллетень оппозиции, No 27). Письмо напоминает о ряде подлогов, совершенных советской печатью по поручению верхов, с целью скомпрометировать меня в глазах трудящихся масс СССР. Перечисляя важнейшие ошибки Сталина в вопросах внутренней и внешней политики, письмо клеймит его бонапартистские тенденции. "...Под кнутом сталинской клики, -- говорит далее письмо, -- несчастный, запутанный, запуганный, задерганный ЦК германской коммунистической партии изо всех сил помогает -- не может не помогать -- вождям германской социал-демократии выдать немецкий рабочий" класс на распятие Гитлеру".

Менее чем через год это предсказание подтвердилось, к несчастью, целиком! Открытое письмо заключало в себе далее следующее предложение: "...Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо довериться рабочему классу, надо дать пролетарскому авангарду возможность пересмотреть всю советскую систему, беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить настойчивый совет Ленина: убрать Сталина".

Предложение "убрать Сталина" я мотивировал следующими словами: "Вы знаете Сталина не хуже моего... Сила Сталина всегда была не в нем, а в аппарате, или -- в нем, поскольку он являлся наиболее законченным воплощением бюрократического автоматизма. Отделенный от аппарата, противопоставленный аппарату, Сталин -- ничто, пустое место... Пора расставаться со сталинским мифом". Ясно, что дело идет не о физическом

уничтожении Сталина, а лишь о ликвидации его аппаратного могущества.

Именно этот документ: Открытое письмо ЦИКу, как это ни невероятно, лег в основу судебных подлогов Сталина -- Вышинского.

В судебном заседании 20 августа 1936 года подсудимый Ольберг показал: "...Впервые о моей поездке (в СССР) Седов заговорил со мной после обращения Троцкого, связанного с

лишением Троцкого гражданства СССР. В этом обращении Троцкий развил мысль о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: "Необходимо убрать Сталина". Седов, показав мне написанный на пишущей машинке текст этого обращения, заявил: "Ну вот, теперь вы видите, яснее сказать нельзя. Это дипломатическая формулировка". Тогда же Седов сделал мне предложение отправиться в СССР".

Открытое письмо называется у Ольберга из осторожности "обращением". Полной цитаты Ольберг не дает. Прокурор не требует никаких уточнений. Слова "убрать Сталина" истолковываются так, что нужно убить Сталина.

21 августа, согласно отчету, подсудимый Гольцман показывает, что в дальнейшей беседе с ним Троцкий высказался за то, что "нужно убрать Сталина"...

Вышинский: Что значит убрать Сталина? Разъясните.

Гольцман, разумеется, разъясняет так, как нужно Вышинскому.

Как бы для того, чтоб рассеять все сомнения об источниках собственного подлога, прокурор Вышинский 22 августа 1936 года заявил в своей обвинительной речи: "...Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился Открытым письмом с призывом "убрать Сталина" (письмо это было изъято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства)".

Прокурор прямо говорит об Открытом письме, написанном в марте 1932 года по поводу лишения меня гражданства, с призывом "убрать Сталина". Это и есть мое Открытое письмо Центральному исполнительному комитету! По словам прокурора, оно было "изъято из потайной стенки гольцмановского чемодана". Возможно, что, возвращаясь из-за границы, Гольцман заделал в чемодан номер "Бюллетеня" с моим Открытым письмом: такова старая традиция русских революционеров. Во всяком случае точные признаки, данные прокурором: а) название (Открытое письмо); б) дата (март 1932 г.); в) тема: декрет о лишении прав; наконец, г) лозунг ("убрать Сталина") с абсолютной несомненностью указывают на то, что дело идет о моем Открытом письме Центральному исполнительному комитету и что именно вокруг этого документа вращались показания Ольберга и Гольцмана, как и обвинительная речь по делу Зиновьева -- Каменева.

В обвинительной речи по делу Пятакова -- Радека (28 января 1937 года) Вышинский снова возвращается к Открытому письму как к основной террористической директиве. "...В наших руках, -- говорит он, -- имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и при

том в достаточно откровенной, незавуалированной форме дал установку на террор -- документы, которые оглашены их автором orbi et urbi (всему миру), Я имею в виду, во-первых, та письмо 1932 года, в котором Троцкий бросил свой предательский позорный клич -- "убрать Сталина" *.

Оборвем здесь на минуту цитату, из которой мы снова узнаем, что террористическая директива была дана мною открыто, или, как говорит прокурор, "оглашена orbi et urbi",

словом, дело идет о том самом Открытом письме, в котором я, ссылаясь на Завещание Ленина, рекомендовал снять Сталина с поста генерального секретаря.

Положение ясно, уважаемые члены Комиссии! В двух главных процессах против зиновьевцев и троцкистов исходной точкой обвинения в вопросе о терроре является заведомо подложное истолкование статьи, опубликованной мною на разных языках и доступной проверке каждого грамотного человека. Таковы методы Вышинского! Таковы методы Сталина!

* * *

В той же обвинительной речи (28 января 1937 г.) прокурор продолжает: "...Во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, -- троцкистский "Бюллетень оппозиции", No 36--37, октябрь 1934 г. (1933 г.!), где мы находим ряд прямых указаний на террор как метод борьбы с советской властью". Далее следует цитата из "Бюллетеня": "Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных конституционных путей... Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой" (Бюллетень оппозиции, No 36--37, октябрь 1933). "Как это назвать, -- заключает прокурор, -- как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу". Чтоб подготовить этот вывод, Вышинский заявляет ранее: "Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно (преобразовать государство) мирным путем, скажем, на основе конституции". Вот именно: "скажем, на основе конституции"!..

Все рассуждение покоится на отождествлении революционного насилия и индивидуального террора. Даже царские прокуроры редко падали до таких приемов! Я никогда не выдавал себя за пацифиста, за толстовца, за гандиста. Серьезные революционеры не играют с насилием. Но они никогда не отказываются прибегать к революционному насилию, если исто

* В английском издании сказано: "remove Stalin", т. е. сместить Сталина, во французском сказано "уничтожить Сталина". В большой подлог вкраплены сотни маленьких подлогов, вплоть до подлогов в переводе.

рия отказывает в других путях. С 1923 до 1933 года я отстаивал идею "реформы" в отношении советского государственного аппарата. Именно поэтому я еще в марте 1932 г. рекомендовал Центральному исполнительному комитету "снять Сталина". Только постепенно и под напором неотразимых фактов я пришел к выводу, что свергнуть бюрократию народные массы смогут не иначе, как путем революционного насилия. Согласно с основным принципом своей деятельности я немедленно же высказал свой вывод открыто. Да, господа члены Комиссии, я считаю, что ликвидировать систему сталинского бонапартизма можно только путем новой политической революции. Однако же революции не делаются на заказ. Революции вырастают из развития общества. Их нельзя вызвать искусственно. Еще меньше можно заменить революцию авантюризмом террористических покушений. Когда Вышинский вместо противопоставления этих двух методов -- индивидуального террора и восстания масс -- отождествляет их, он вычеркивает всю историю русской революции и всю философию марксизма. Что ставит он на их место? Подлог.

* * *

Так же точно поступил вслед за Вышинским и посол Трояновский, который в течение

последнего процесса открыл, как известно, что я в одном из своих сообщений сам признал будто бы свои террористические взгляды. Открытие Трояновского печаталось, о нем рассуждали, его приходилось опровергать. Не унизительно ли это для человеческого разума? Выходит так, что, с одной стороны, я в своих книгах, статьях и заявлениях по поводу последних процессов категорически опровергал обвинение в терроризме, обосновывая свои опровержения теоретическими, политическими и фактическими доводами. С другой стороны, я дал будто бы в газете Херста сообщение, в котором я, опровергая все остальные свои заявления, открыто признавался перед советским послом в своих террористических преступлениях. Где границы бессмыслицы? Если Трояновский допускает на глазах всего цивилизованного мира такие неслыханные по грубости и цинизму подлоги, то нетрудно себе представить, что делает в своих застенках ГПУ!

* * *

Не лучше обстоит у Вышинского дело и с моим пораженчеством. Иностранные адвокаты ГПУ еще продолжают ломать свои головы над вопросом о том, каким образом бывший глава Красной армии стал "пораженцем". Для Вышинского и других московских фальсификаторов этого вопроса давно уже

не существует: Троцкий всегда был пораженцем, говорят они, в том числе и во время гражданской войны. На этот счет существует уже целая литература. Воспитанный на ней прокурор говорит в своей обвинительной речи: "...Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию к СССР, ссылаясь на известный тезис (?) Клемансо208. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно (!!), против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа...* Троцкий и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо не случайно. Они вновь вернулись к этому тезису, но уже теперь не столько в порядке теоретической, сколько практической подготовки, подготовки на деле, в союзе с иностранными разведками, военного поражения СССР".

Трудно поверить, что текст этой речи напечатан на иностранных языках, в том числе и на французском. Надо думать, французы не без удивления узнали, что Клемансо во время войны "восстал против французского правительства". Французы никогда не подозревали, что Клемансо был пораженцем и союзником "иностранных разведок". Наоборот, они называют его "отцом победы". Что же, собственно, означает вся эта галиматья господина прокурора? Дело в том, что сталинская бюрократия для оправдания насилий над Советами и партией уже с 1926 г. стала апеллировать к военной опасности: классический прием бонапартизма!

В противовес этому я высказывался неизменно в том смысле, что свобода критики необходима нам не только в мирное время, но и в случае войны. Я ссылался на то, что даже в буржуазных странах, в частности во Франции, правящий класс не решался во время войны, несмотря на весь свой страх перед массами, подавить критику до конца. В связи с этим я приводил пример Клемансо, который, несмотря на близость фронта от Парижа -- вернее, именно по этой причине -- обличал в своей газете несостоятельность военной политики французского правительства. В конце концов Клемансо, как известно, убедил парламент, возглавил правительство и обеспечил победу.

Где же тут "восстание"? Где пораженчество? Где связь с иностранными разведками? Напомню еще раз: ссылка на Клемансо сделана была мною в тот период, когда я считал еще возможным достигнуть мирным путем преобразования правительственной системы СССР. Сегодня я не мог бы уже сослаться на Клемансо именно потому, что бонапартизм Сталина

отрезал пути легальной реформы. Но и сегодня я стою полностью

* В английском издании эти слова взяты в кавычки, что дало повод членам Комиссии принять их за цитату. На самом деле фраза целиком выдумана прокурором. Судебные "цитаты" Вышинского имеют ту же достоверность, что литературные "цитаты" Сталина у этой школы есть единство стиля.

за оборону СССР, т. е. за защиту его социальных основ -- как против империализма извне, так и против бонапартизма изнутри.

В вопросе о "пораженчестве" прокурор опирался сперва на Зиновьева, затем на Радека как на главных свидетелей против меня. Я сошлюсь здесь на Зиновьева и Радека как на свидетелей против прокурора. Я приведу их свободные и неподдельные мнения.

Говоря об отвратительной травле против оппозиции, Зиновьев писал в ЦК 6 сентября 1927 г.: "Достаточно указать на статью небезызвестного Н. Кузьмина209 в "Комсомольской правде", в которой этот "учитель" нашей военной молодежи... толкует упоминание т. Троцкого о Клемансо как требование расстрела крестьян на фронте в случае войны. Что это как не явно термидорианская, чтобы не сказать черносотенная, агитация?.."

Одновременно с письмом Зиновьева (сентябрь 1927 г.) Радек в своих программных тезисах писал: "...В вопросе о войне надо повторить в платформе вещи, сказанные в разных наших выступлениях, и свести их воедино, а именно: государство наше есть государство рабочее, хотя сильные тенденции работают над изменением этого его характера. Защита этого государства есть защита пролетарской диктатуры... От вопроса, который сталинская группа поднимает, искажая упоминание т. Троцким о Клемансо, не надо отмахиваться, а надо на него ясно ответить: мы будем защищать диктатуру пролетариата и при неправильном руководстве нынешнего большинства, как мы это заявили; но залог победы--в исправлении ошибок этого руководства и в принятии партией нашей платформы".

Свидетельства Зиновьева и Радека ценны вдвойне: с одной стороны, они совершенно правильно устанавливают отношение оппозиции к обороне СССР; с другой стороны, они показывают, что уже в 1927 году сталинская группа на разные лады искажала мое упоминание о Клемансо в целях подсовывания оппозиции пораженческих тенденций. Замечательно, что тот же Зиновьев в своих позднейших покаянных заявлениях покорно включил в свой арсенал и официальную фальсификацию насчет Клемансо. "...Вся партия как один человек, -- писал Зиновьев в "Правде" 8 мая 1933 г., -- будет биться под знаменем Ленина и Сталина... Только презренные ренегаты попытаются тут, может быть, вспомнить о пресловутом тезисе Клемансо". Подобные же цитаты можно было бы, несомненно, найти и у Радека. Таким образом, прокурор и на этот раз ничего не выдумал. Он только придал уголовную обработку традиционной термидорианской травле против оппозиции. И на таких низменных приемах построено все обвинение. Ложь и подлог! Подлог и ложь! А в итоге - расстрелы.

ТЕОРИЯ "МАСКИРОВКИ"

Некоторые "юристы" из породы тех, которые сцеживают комаров и проглатывают верблюдов, склонны возражать, что моя переписка не может иметь "юридически" доказанной силы, так как остается всегда место для допущения, что она велась с предвзятой целью замаскировать мой действительный образ мыслей и действий. Такой довод, почерпнутый из банальной уголовной практики, совершенно не подходит к политическому процессу грандиозного масштаба. В целях маскировки можно написать пять, десять, сто писем. Но невозможно в течение ряда лет развивать напряженную переписку, по самым

различным вопросам, с самыми различными людьми, близкими и далекими, с единственной целью: обмануть всех и каждого. К письмам надо прибавить статьи и книги. На "маскировку" можно расходовать те силы и то время, которые остаются от главной работы. Но вести непрерывно огромную корреспонденцию можно только при условии глубокой заинтересованности в ее содержании и в ее результатах. Именно поэтому бесчисленные письма, проникнутые насквозь духом прозелитизма, неминуемо должны отражать подлинное лицо автора, отнюдь не временно одетую маску. Комиссия оценит, надеюсь, письма, статьи и книги в их взаимной связи.

Возьмем пример из области искусства. Допустим, кто-нибудь заявит, что Диего Ривера является тайным агентом католической церкви. Если бы я участвовал в расследовании этой клеветы, я прежде всего предложил бы всем заинтересованным посмотреть фрески Риверы: вряд ли можно вообще найти более страстное и напряженное выражение ненависти к церкви. Пусть какой-нибудь юрист попробует возразить: может быть, Ривера писал свои фрески с целью маскировки своей подлинной роли? Над этим доводом серьезные люди только презрительно посмеются и перейдут к порядку дня.

Для маскировки преступлений (я говорю на этот раз о преступлениях ГПУ) можно при помощи наемного аппарата сфабриковать обвинительный акт, вынудить ряд монотонных показаний и напечатать на государственный счет "стенографический" отчет. Внутренняя противоречивость и грубость этой стряпни сама по себе достаточно разоблачает бюрократическое "творчество" на заказ. Но нельзя без убеждения и интеллектуальной страсти писать гигантские фрески, бичующие на языке искусства угнетение человека человеком, или развивать в течение ряда лет под бесчисленными ударами врагов идеи международной революции. Нельзя в целях "маскировки" вливать в научные, артистические или политические работы "кровь сердца и сок нервов" (Берне)210. Люди, которые знают, что такое творчество, да и все вообще разумные и чуткие люди, поеме

ются презрительно над бюрократическими и "юридическими" казуистами и перешагнут через них к порядку дня.

Привлечем, наконец, к делу беспристрастную арифметику. Содержание моей преступной работы, как оно выступает из показаний в обоих процессах, таково: три свидания в Копенгагене, два письма Мрачковскому и другим, три письма Радеку, одно письмо Пятакову, одно -- Муралову, свидание с Роммом в течение 20--25 минут, свидание с Пятаковым в течение двух часов. Все!

В совокупности переговоры и переписка с заговорщиками, по их собственным показаниям, отняли у меня никак не более 12--13 часов. Я не знаю, сколько времени заняли мои свидания с Гессом211 и с японскими дипломатами. Прибавим еще 12 часов. Вместе это составит максимум три рабочих дня. Между тем за восемь лет последнего изгнания я насчитываю примерно 2920 рабочих дней. Что я не терял этого времени даром, показывают изданные мною за эти годы книги, многочисленные статьи и еще более многочисленные письма, которые по размерам и характеру нередко приближаются к статьям. Мы приходим таким образом к довольно парадоксальному выводу: в течение 2917 рабочих дней я писал книги, статьи и письма и проводил беседы, посвященные защите социализма, пролетарской революции и борьбе против фашистской и всякой иной реакции. За то три дня -- целых три дня -- я посвятил заговору в интере-сах фашизма. Моим книгам и статьям, написанным в духе коммунистической революции, даже противники не отказывали в известных достоинствах. Наоборот, мои письма и директивные беседы, внушенные интересами

фашизма, отличаются, судя по московским отчетам, чрезвычайной глупостью. В двух отраслях моей, деятельности, открытой и тайной, наблюдается, таким образом, чрезвычайная диспропорция. Открытая, т. е. лицемерная деятельность, служащая лишь для маскировки, превосходила мою сокровенную, т. е. "настоящую" деятельность почти в тысячу раз по количеству и, смею думать, во столько же раз по качеству. Получается такое впечатление, как если бы я построил небоскреб для того, чтоб "замаскировать" дохлую крысу. Нет, это не убедительно!

* * *

То же самое относится к свидетельским показаниям. Разумеется, я жил в кругу политических друзей и сносился главным образом, хотя далеко не исключительно, со своими единомышленниками. Нетрудно, таким образом, сделать попытку отвести показания моих свидетелей, как связанных с заинтересованной стороной (ex parte). Такая попытка должна быть, однако, с самого начала признана несостоятельной. Приблизительно в

тридцати странах существуют сейчас большие или меньшие организации, которые возникли и развивались, особенно за последние восемь лет, в тесной связи с моими теоретическими работами и политическими статьями. Сотни членов этих организаций вступали со мной в личную переписку, дискутировали со мной и при первой возможности посещали меня. Каждый из них делился после этого своими впечатлениями с десятками, иногда с сотнями других. Дело идет здесь, следовательно, не о какой-либо замкнутой группе, связанной семейным эгоизмом или общностью материальных интересов, а о широком международном движении, которое питается исключительно идеологическими источниками. К этому надо прибавить, что во всех тридцати организациях шла все эти годы напряженная идейная борьба, приводившая нередко к расколам или исключениям. Внутренняя жизнь каждой из организаций отражалась в свою очередь в бюллетенях, циркулярных письмах и политических статьях. Во всей этой работе я принимал активное участие. Спрашивается: знала ли международная организация "троцкистов" о моих "подлинных" планах и намерениях (терроризм, война, поражение СССР, фашизм)? Если "да", то совершенно непонятно, каким образом эта тайна, по неосторожности или злому умыслу, особенно при многочисленных конфликтах и расколах, не вышла наружу? Если "нет", то, значит, мне удалось вызвать к жизни растущее международное движение на основе идей, которые на самом деле были не моими идеями, а лишь служили мне для маскировки прямо противоположных идей. Но такое предположение слишком уж нелепо! Прибавлю еще, что в качестве свидетелей я предлагаю привлечь десятки лиц, которые порвали с троцкистской организацией или были исключены из нее и стали моими политическими противниками, иногда весьма ожесточенными. Применять к этим широким масштабам -- количество и здесь переходит в качество -- узкое понятие ex parte, значит во имя тени упускать реальность.

ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ ЭТИ ПРОЦЕССЫ?

Один американский писатель жаловался мне в беседе: "Мне трудно поверить, -- говорил он, -- что вы вступили в союз с фашизмом; но мне трудно также поверить, что Сталин совершил столь ужасный подлог". Я мог только пожалеть моего собеседника. Трудно найти в самом деле решение, если подходить к вопросу исключительно с индивидуально-психологической, а не с политической стороны. Я не хочу этим отрицать значение индивидуального элемента в истории. И Сталин и я не случайно находимся на нынешних наших постах. Но эти посты созданы не нами. Каждый из нас вовлечен в эту драму как

представитель известных идей и принципов. В свою очередь, идеи и прин

ципы не висят в воздухе, а имеют глубокие социальные корни. Нужно брать поэтому не психологическую абстракцию Сталина как "человека", а его конкретную историческую фигуру как вождя советской бюрократии. Действия Сталина можно понять, только исходя из условий существования нового привилегированного слоя, жадного к власти, жадного к благам жизни, боящегося за свои позиции, боящегося масс и смертельно ненавидящего всякую оппозицию.

Положение привилегированной бюрократии в обществе, которое она сама называет социалистическим, не только противоречиво, но и фальшиво. Чем резче скачок от Октябрьского переворота, который обнаружил социальную ложь до дна, к нынешнему положению, когда каста выскочек вынуждена маскировать социальные язвы, тем грубее термидорианская ложь. Дело идет, следовательно, не просто об индивидуальной порочности того или другого лица, а о порочности положения целой социальной группы, для которой ложь стала жизненной политической функцией. В борьбе за свои новые позиции эта каста сама перевоспитывала себя, и параллельно с этим она перевоспитывала, точнее деморализовала, своих вождей. Она подняла на своих плечах того, кто лучше всего, решительнее и беспощаднее выражает ее интересы. Так, Сталин, который был некогда революционером, оказался вождем термидорианской касты.

Формулы марксизма, выражающие интересы масс, все больше стесняли бюрократию, поскольку неизбежно направлялись против ее интересов. С того времени как я встал в оппозицию к бюрократии, ее придворные теоретики стали называть революционную' сущность марксизма -- троцкизмом. Одновременно официальное понятие ленинизма менялось из года в год, все более приспособляясь к потребностям правящей касты. Книги, посвященные истории партии, Октябрьской революции или теории ленинизма, переделывались ежегодно. Я приводил пример из литературной деятельности самого Сталина. В 1918 году он писал, что победа Октябрьского восстания была "прежде всего и больше всего" обеспечена руководством Троцкого. В 1924 году Сталин писал, что Троцкий не мог играть в Октябрьском перевороте никакой особенной роли.

По этому камертону настраивалась вся историография. Практически это значит, что сотни молодых ученых, тысячи журналистов систематически воспитывались в духе фальсификации. Кто сопротивлялся, того душили. Еще в большей мере это относится к пропагандистам, чиновникам, судьям, не говоря уже о следователях ГПУ. Непрерывные чистки партии были прежде всего направлены на искоренение "троцкизма", причем "троцкистами" назывались не только недовольные рабочие, но и все те писатели, которые добросовестно приводили исторические

факты или цитаты, противоречащие последнему официальному стандарту. Беллетристы и художники подчинялись тому же режиму. Духовная атмосфера страны насквозь пропиталась отравой условности, фальши и прямого подлога.

Все возможности на этом пути были, однако, скоро исчерпаны. Теоретические и исторические фальсификации не достигали больше цели: к ним слишком привыкли. Необходимо было дать более массивное обоснование бюрократическим репрессиям. На подмогу литературным фальсификациям пришли обвинения уголовного характера.

Моя высылка из СССР официально мотивировалась тем, что я подготовлял будто бы "вооруженное восстание". Однако предъявленное мне обвинение даже не было воспроизведено в печати. Сейчас может показаться невероятным, но уже в 1929 году мы

встречаем в советской печати обвинения против "троцкистов" в "саботаже", "шпионаже", "подготовке железнодорожных крушений" и пр. Ни одного процесса по этим обвинениям, однако, не было. Дело ограничилось литературной клеветой, которая представляла, однако, важное звено в подготовке будущих судебных подлогов. Чтоб оправдать репрессии, нужны были фальшивые обвинения. Чтоб придать ложным обвинениям вес, нужно было подкрепить их еще более суровыми репрессиями. Так логика борьбы толкала Сталина на путь кровавых судебных амальгам.

Они сделались для него необходимостью и по международ ным причинам. Если советская бюрократия не хочет революций и боится их, то она не может в то же время открыто отказаться от революционных традиций, не подрывая окончательно своей репутации внутри СССР. Между тем явное банкротство Коминтерна открывает место для нового Интернационала. Начиная с 1933 года, идея новых революционных партий под знаменем Четвертого Интернационала сделала крупные успехи в Старом и Новом Свете. Постороннему наблюдателю трудно оценить действительные размеры этих успехов. Их нельзя измерить одною лишь статистикой членских карточек. Гораздо большее значение имеет общая тенденция развития. Через две секции Коминтерна проходят глубокие внутренние трещины, которые при первом историческом толчке приведут к расколам и крушениям. Если Сталин страшится маленького "Бюллетеня оппозиции" и карает расстрелом за его доставку в СССР, то нетрудно понять, каким страхом бюрократия боится того, что в СССР проникнут вести о самоотверженной работе Четвертого Интернационала на службе рабочего класса.

Моральный авторитет вождей бюрократии и прежде всего Сталина держится в значительной мере на Вавилонской башне клевет и фальсификаций, воздвигнутой в течение тринадцати лет. Моральный авторитет Коминтерна держится полностью и целиком на моральном авторитете московской бюрократии. В

свою очередь, авторитет Коминтерна и его поддержка необходимы Сталину перед лицом русских рабочих. Эта Вавилонская башня, которая страшит самих строителей, держится внутри СССР при помощи все более страшных репрессий, а вне СССР -- при помощи гигантского аппарата, который на средства советских рабочих и крестьян отравляет мировое общественное мнение микробами лжи, фальсификаций и шантажа. Миллионы людей во всем мире отождествляют Октябрьскую революцию с термидорианской бюрократией, Советский Союз -- с кликой Сталина, революционных рабочих -- с деморализованным насквозь аппаратом Коминтерна.

Первая крупная брешь в Вавилонской башне заставит ее обрушиться целиком и похоронить под своими обломками авторитеты термидорианских вождей. Вот почему для Сталина вопросом жизни и смерти является: убить Четвертый Интернационал в зародыше! Сейчас, когда мы разбираем здесь московские процессы, в Москве, по сообщению газет, заседает Исполнительный комитет Коминтерна. Его порядком дня является: "борьба против мирового "троцкизма".

Сессия Исполнительного комитета Коминтерна является не только звеном в длинной цепи московских подлогов, но и их проекций на мировой арене. Мы услышим завтра о новых злодеяниях "троцкистов" в Испании, об их прямой или косвенной поддержке фашистов. Отголоски этой низменной клеветы мы уже слышали, впрочем, в этом зале. Мы услышим завтра, как "троцкисты" в Соединенных Штатах подготовляют железнодорожные катастрофы и закупорку Панамского канала в интересах Японии. Мы услышим послезавтра,

как "троцкисты" в Мексике принимают меры к реставрации Порфирия Диаса. Вы скажите, что Диас давно умер? Московские творцы амальгам не останавливаются перед такими пустяками. Они вообще ни перед чем не останавливаются. Политически и морально вопрос идет для них о жизни и смерти. Эмиссары ГПУ рыщут во всех странах Старого и Нового Света. Недостатка в деньгах у них нет. Что значит для правящей клики израсходовать лишних 20--50 миллионов долларов, чтоб поддержать свой авторитет и свою власть? Человеческие совести покупаются этими господами так, как картофель. Мы увидим немало таких примеров.

К счастью, не все продажны. Иначе человечество давно бы загнило. Здесь, в лице Комиссии, мы имеем драгоценную клеточку неподкупной общественной совести. Все, кто жаждут освещения общественной атмосферы, будут инстинктивно тянуться к Комиссии. Несмотря на интриги, подкуп, клеветы, она быстро покроется броней сочувствия широких народных масс.

Господа члены Комиссии! Вот уже пять лет -- я повторяю: пять лет -- как я непрестанно требую создания международной следственной комиссии. День, когда я получил телеграмму о создании вашей предкомиссии, был великим праздником в мо

ей жизни. Друзья спрашивали меня не без тревоги: не проникнут ли в Комиссию сталинцы, как они проникли сперва в Комитет защиты Троцкого? Я отвечал: при свете дня сталинцы не страшны. Наоборот, я буду приветствовать самые отравленные вопросы со стороны сталинцев: чтоб сокрушить их, мне нужно только рассказать то, что было в действительности. Мировая пресса даст моим ответам необходимую огласку. Я знал заранее, что ГПУ будет подкупать отдельных журналистов и целые газеты. Но я не сомневался ни минуты в том, что мировую совесть подкупить нельзя и что она и в этом случае одержит одну из самых блестящих своих побед.

Уважаемые члены Комиссии! Опыт моей жизни, в которой не было недостатка ни в успехах, ни в неудачах, не только не разрушил моей веры в светлое будущее человечества, но, наоборот, придал ей несокрушимый закал. Та вера в разум, в истину, в человеческую солидарность, которую я на 18-м году жизни нес в рабочие кварталы провинциального русского города Николаева, эту веру я сохранил полностью и целиком. Она стала более зрелой, но не менее пламенной. В самом факте образования вашей Комиссии, в том, что во главе ее стало лицо с несокрушимым моральным авторитетом, лицо, которое по своему возрасту имело бы право оставаться в стороне от стычек на политической площади, -- в этом факте я вижу новое и поистине великолепное подкрепление оптимизма, составляющего основной элемент моей жизни.

Господа члены Комиссии! Господин адвокат Финнерти!212 И вы, мой защитник и друг Гольдман!213 Позвольте вам всем выразить мою горячую признательность, которая в данном случае имеет не личный характер. И позвольте мне в заключение выразить свое глубокое уважение педагогу, философу, воплощению подлинного американского идеализма, мудрецу, который возглавляет работы вашей Комиссии214.

СТАЛИН О СВОИХ ПОДЛОГАХ215

Со свойственным ему хвастливым цинизмом Гитлер выдает секрет своей политической стратегии: "Гениальность великого вождя, -- пишет он, -заключается также и в том, чтобы даже далеко расходящихся противников изображать всегда принадлежащими к одной категории, ибо понимание различия врагов слишком легко становится у слабых и неустойчивых характеров началом сомнений в собственной правоте" ("Майн Кампф")

Этот принцип прямо противоположен принципу марксистской политики, как и научного познания вообще, ибо последнее начинается с расчленения, противопоставления, вскрытия не только основных различий, но и переходных оттенков. Марк

сизм, в частности, всегда противился тому, чтобы третировать всех политических противников как "одну реакционную массу".

Разница между марксистской и фашистской агитацией есть разница между научным воспитанием и демагогическим гипнотизированием. Метод сталинской политики, нашедший наибол?е законченное выражение в судебных подлогах, полностью совпадает с рецептом Гитлера, а по своему размаху далеко оставляет его позади. Все, кто не склоняются перед правящей московской кликой, представляют отныне "единую фашистскую массу".

Во время московских процессов Сталин демонстративно держался в стороне. Писали даже, что он уехал на Кавказ. Это вполне в его стиле. Вышинский и "Правда" получили инструкции за кулисами. Однако провал процессов в глазах мирового общественного мнения, рост тревоги и сомнений в СССР заставили Сталина открыто выступить на арену. 3 марта он произнес на пленуме ЦК речь, опубликованную -- после тщательных выправок -- в "Правде". Говорить о теоретическом уровне этой речи нет возможности: она не только вне теории, но и вне практики в серьезном смысле слова. Это не более как инструкция по использованию совершенных подлогов и по подготовке новых.

Сталин начинает с определения "троцкизма": "Из политического течения в рабочем классе, каким он был 7--8 лет тому назад, "троцкизм" превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц..." Автор этого определения забыл, однако, что "7--8 лет тому назад" он выдвигал против "троцкизма" те же самые обвинения, что ныне, только в более осторожной форме. Уже начиная со второй половины 1927 года ГПУ связывало "троцкистов", правда, менее известных, с белогвардейцами и иностранными агентами. Высылка моя за границу официально мотивирована была тем, будто я подготовлял вооруженное восстание: правда, Сталин не решился опубликовать фантастическое постановление ГПУ. Для оправдания расстрела Блюмкина, Силова и Рабиновича216 "Правда" уже в 1929 г. сообщала об организации "троцкистами" железнодорожных крушений. В 1930 году ряд ссыльных оппозиционеров были обвинены в шпионаже за переписку со мной. В 1930--1932 гг. ГПУ сделало ряд попыток вынудить у оппозиционеров, опять-таки малоизвестных, "добровольные признания" в подготовке террористических покушений. Документы по поводу этих первых, черновых набросков будущих амальгам представлены мною нью-йоркской Следственной комиссии.

Дело, однако, в том, что 7--8 лет тому назад Сталин не сломил еще сопротивления партии и даже верхов бюрократии, и потому вынужден был ограничиваться интригами, отравленной клеветой, арестами, высылками и отдельными "пробными" расстрелами. Он постепенно воспитывал таким образом своих

агентов и -- самого себя Ибо неправильно было бы думать, что этот человек родился законченным Каином.

"Основным методом троцкистской работы, -- продолжает Сталин, -является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов... фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов".

Уже десять лет тому назад посвященные старались не глядеть друг на друга, когда Сталин обличал своих противников в недостатке искренности и честности! В те дни

высокие принципы морали насаждал Ягода... Сталин не объясняет, однако, как вести "открытую" пропаганду в стране, где критика "вождя" карается неизмеримо более свирепо, чем в фашистской Германии. Необходимость скрываться от ГПУ и вести пропаганду тайно компрометирует не революционеров, а бонапартистский режим.

Сталин не объясняет, с другой стороны, как можно "втаптывать в грязь собственные взгляды" и в то же время побуждать тысячи людей жертвовать во имя этих взглядов своей жизнью. Речь и ее автор полностью стоят на уровне той реакционной печати, которая всегда утверждала, что борьба Сталина против "троцкизма" имеет фиктивный характер, что на самом деле нас соединяет тайный заговор против капиталистического порядка и что моя высылка за границу являлась только маскированием нашего сотрудничества. Не для того ли, в самом деле, Сталин истребляет "троцкистов" и пытается "втоптать в грязь" их взгляды, чтоб лучше скрыть свою солидарность с ними?

Грубее всего оратор разоблачает себя на вопросе о программе оппозиции. "На судебном процессе 1936 года, -- говорит он, -- если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы... Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы: на самом деле у них была платформа "реставрации капитализма".

Слово "цинизм" слишком невинно и патриархально по отношению к этому моралисту, который навязал своим жертвам заведомо фальшивые покаяния, убил их по заведомо ложному обвинению и затем объявляет лжецами -- не себя, Ягоду и Вышинского, нет, а расстрелянных ими Зиновьева и Каменева. Но как раз тут мастер подлога дает поймать себя с поличным!

Дело в том, что в январе 1935 года, на первом процессе, Зиновьев и все другие обвиняемые признали, согласно официальному отчету, что руководствовались в своей деятельности "тайным замыслом восстановления капиталистического режима". Так формулированы были цели мнимых "троцкистов" и в обвинительном акте. Значит, обвиняемые говорили тогда правду? Но беда в том, что этой официально установленной "правде" никто не хотел верить. Вот почему при подготовке второго про

цесса Зиновьева--Каменева (август 1936 г.) решено было отбросить программу реставрации капитализма как слишком абсурдную и свести все дело к "жажде власти": этому филистер легче может поверить.

"С несомненностью установлено, -- гласил новый обвинительный акт, -что единственным мотивом организации троц-кистско-зиновьевского блока явилось стремление во что бы тони стало захватить власть..." Наличие какой бы то ни было особой "платформы" у "троцкистов" отрицал теперь сам прокурор: в этом и состояла их особая порочность! Лгали или не лгал" несчастные подсудимые, значения не имеет: самой сталинской юстицией было "с несомненностью установлено", что "единственным мотивом" "троцкистов" было "стремление... захватить власть". Во имя этой цели они и прибегали будто бы к террору.

Однако эта новая версия, на основании которой расстреляны были Зиновьев, Каменев и др., не дала ожидавшихся результатов. Ни у рабочих, ни у крестьян не могло бы особого основания негодовать на мнимых "троцкистов", желающих захватить власть: хуже правящей клики они во всяком случае не будут. Для устрашения народа пришлось прибавить, что "троцкисты" хотят землю отдать помещикам, а заводы -- капиталистам. К тому же одно лишь обвинение в терроре, при отсутствии террористических актов, слишком ограничивало

дальнейшие возможности в деле истребления противников. Для расширения круга обвиняемых надо было ввести в дело саботаж, вредительство и шпионаж. Но придать подобие смысла саботажу и шпионажу можно было лишь посредством установления связи "троцкистов" с врагами СССР. Однако ни Германия, ни Япония не стали бы поддерживать "троцкистов" только ради их "жажды власти". Не оставалось поэтому ничего другого, как приказать новой группе обвиняемых вернуться к программе "восстановления капитализма".

Этот дополнительный подлог так поучителен, что на нем следует остановиться. Каждый грамотный человек, вооружившись комплектом любой из газет Коминтерна, может без труда проследить три этапа в развитии обвинения, своего рода гегелевскую триаду подлога: тезис, антитезис, синтез. После января 1935 г. наемники Москвы во всех частях света приписывали расстрелянному председателю Коминтерна217 на основании его собственных "признаний" программу восстановления капитализма. Тон задавала "Правда", личный орган Сталина. Но по ее же команде пресса Коминтерна от тезиса перескочила к антитезису и во время процесса 16-ти, в августе 1936 года, клеймила "троцкистов" как убийц, лишенных какой бы то ни было программы. Однако на этой новой версии "Правда" и Коминтерн удержались всего около месяца: до 12 сентября. Зигзаги Коминтерна лишь отражали повороты Вышинского, который, в свою очередь, равнялся по очередным инструкциям Сталина.

Схему последнего "синтетического" обвинения, не предвидя того, подсказал Радек. 21 августа 1936 года появилась его статья против "троцкистско-зиновьевской фашистской банды". Задача несчастного автора состояла в том, чтоб вырыть между собою и подсудимыми как можно более глубокий ров. Стараясь вывести из мнимых преступлений самые страшные внутренние и международные последствия, Радек писал о подсудимых и, прежде всего, обо мне: "Они знают, что... подрыв доверия к сталинскому руководству... означает только воду на мельницу немецкого, японского, польского и всех других фашизмов. Тем более они знают, что убийство гениального вождя советских народов Сталина означает прямую работу на пользу войне..." Радек делает далее еще шаг по тому же пути. "Дело идет не об уничтожении честолюбцев, которые дошли до величайшего преступления; дело идет, -- пишет он, -- об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизма, чтобы из его рук получить хоть призрак власти". Эти строки представляют не юридическое обвинение, а политическую риторику. Нагромождая ужасы на ужасы, Радек не предвидел, конечно, что ему придется за них расплачиваться. В таком же духе и с теми же последствиями писали Пятаков и Раковский.

За публицистику смертельно перепуганных капитулянтов ухватился Сталин при подготовке нового процесса. 12 сентября, т. е. через три недели после статьи Радека, передовая "Правды" неожиданно провозгласила, что подсудимые "...пытались скрыть истинную цель своей борьбы. Они пустили версию о том, что у них нет никакой программы. На самом деле программа у них существовала. Это -- программа разгрома социализма и восстановления капитализма". Ни малейших данных в подтверждение этих слов "Правда", конечно, не представила. Да и какие тут могут быть данные!

Новая программа подсудимых не была, таким образом, установлена на основании документов, фактов или признаний подсудимых, или хотя бы логических заключений прокуратуры; нет, она была попросту провозглашена Сталиным через голову Вышинского, после расстрела обвиняемых.

Доказательства? Их должно было задним числом доставить ГПУ в той единственной

форме, какая ему доступна: в форме "добровольных признаний". Вышинский немедленно принял к исполнению новое поручение: превратить конструкцию Радека из истерической в юридическую, из патетической в уголовную. Но новая схема -- вот чего не предвидел Радек! -- была отнесена Вышинским не к 16-ти подсудимым (Зиновьев и др.) -- их уже не было в живых, -- а к 17-ти, причем автор схемы, Радек, оказался одной из ее первых жертв.

Кошмар? Нет, реальность. Главные подсудимые нового процесса походили на благочестивых сотрудников инквизиции, ко

торые усердно копали могилы, делали гробы и заготовляли отлучительные эпитафии для других и которым инквизитор предложил затем вписать в текст эпитафий собственные имена и смерить, по росту ли им приходятся гробы. После того как эта процедура была закончена, Сталин вышел из тени и в качестве непогрешимого судьи заявил о Зиновьеве и Каменеве: "Оба они лгали". Ничего более зловещего не выдумывала еще человеческая фантазия!

Разъяснения Сталина насчет саботажа стоят на том же уровне, что и вся его речь. "Почему наши люди не заметили всего этого? -- ставит он вопрос, которого никак нельзя обойти. Ответ гласит: "Наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой и... забыли обо всем другом". Эта мысль, как всегда у Сталина, варьируется без доказательств на десять ладов. Увлеченные хозяйственными успехами, руководители "не стали просто обращать внимания" на саботаж. Не замечали. Не интересовались. Какой же хозяйственной работой были "поглощены" эти люди, если они умудрились проглядеть разрушение хозяйства? И кто, собственно, должен был "обращать внимание" на саботаж, раз организаторами его являлись сами организаторы хозяйства? Сталин даже не пытается свести концы с концами. На самом деле его мысль такова: слишком увлеченные практической работой, хозяйственники "забыли" о более высоких интересах правящей клики, которая нуждается в подложных обвинениях, хотя бы и в ущерб хозяйству.

В прежние годы, продолжает Сталин, вредительством занимались буржуазные техники. Но "мы воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров" (сотни тысяч "кадров"?). Организаторами саботажа являются теперь не беспартийные техники, а вредители, случайно заполучившие партийный билет". Все опрокинуто на голову! Чтоб объяснить, почему хорошо оплачиваемые инженеры охотно мирятся с "социализмом", а большевики становятся в оппозицию к нему, Сталин не находит ничего лучшего, как объявить всю старую гвардию партии "вредителями, случайно заполучившими партийный билет" -- и, очевидно, застрявшими в партии на несколько десятилетий. Как могли, однако, "десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров" проглядеть саботаж, подкапывавший промышленность в течение ряда лет? Остроумное объяснение мы уже слышали: они слишком были заняты хозяйством, чтоб замечать его разрушение.

Для успеха саботажа нужна, однако, благоприятная социальная среда. Откуда ей было взяться в обществе торжествующего социализма? Ответ Сталина: "Чем больше будем продвигаться вперед... тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов". Но, во-первых, бессиль

ного "озлобления" (каких-то "остатков", изолированных от народа, недостаточно, чтоб потрясать советское хозяйство. Во-вторых, с какого это времени Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, Томский, Смирнов, Евдокимов218, Пятаков, Радек, Раковский, Мрачковский,

Сокольников, Серебряков, Муралов, Сосновский219, Белобородов220, Эльцин221, Мдивани222, Окуджава223, Гамарник, Тухачевский, Якир и сотни других, менее известных -- весь старый руководящий слой партии, государства и армии -превратились в "остатки разбитых эксплуататорских классов"? Нагромождением подлогов Сталин загнал себя в такой тупик, что в его объяснениях трудно найти хотя бы тень смысла. Но цель ясна: оклеветать и разгромить все, что стоит на пути бонапартистской диктатуры.

"Ошибочно было бы думать, -- продолжает оратор, -- что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств"*. Оказывается, что по мере упрочения социализма в отдельной стране классовая борьба не затухает, а обостряется и что важнейшей причиной этого противоестественного факта является параллельное существова-вание буржуазных государств. Мимоходом и незаметно для себя Сталин приходит к признанию невозможности построения бесклассового общества в отдельной стране. Но научные обобщения мало занимают его. Все рассуждение имеет не теоретический, а полицейский характер. Сталину надо попросту протянуть "конец" подлога за границу.

"Взять, например, -- продолжает он, -- троцкистский контрреволюционный Четвертый интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов... Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?" Сталинский силлогизм есть обычно простая тавтология: шпионский Интернационал будет выделять шпионов. "Разве не ясно?" Не совсем! Даже наоборот: совсем не ясно.

Чтоб убедиться в этом, достаточно вернуться к известному уже нам утверждению Сталина: "троцкизм" перестал быть "течением в рабочем классе", а стал "узкой группой заговорщиков". Платформа "троцкистов" такова, что ее никому нельзя показывать: "троцкисты" излагают ее только на ухо Ягоде и Ежову. Послушаем снова самого Сталина:

"Понятно, что такую платформу не могли не спрятать "троцкисты" от народа, от рабочего класса... от троцкистской массы,

* Таким стилем отличается вся речь. "Сотни тысяч кадров". У классовой борьбы есть "конец". Этот "конец... имеет свое действие". Почтительные редакторы не смеют указать вождю на его безграмотность. Стиль не только человек, но и режим.

и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30--40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения (I) на созыв маленькой конференции троцкистов в 30--40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил (!) им это".

Оставим в стороне поразительное изображение отношений внутри оппозиции: старые революционеры не смеют будто бы собраться в СССР без особого "разрешения" далекого эмигранта Троцкого! Но не эта тоталитарно-полицейская карикатура, отражающая дух сталинского режима, интересует нас сейчас. Важнее другое: как связать общую характеристику троцкизма с характеристикой Четвертого Интернационала? Троцкий "запретил" сообщить о шпионаже и саботаже даже 30--40 испытанным троцкистам в СССР. С другой стороны, Четвертый Интернационал, насчитывающий многие тысячи молодых членов, состоит "на две трети из шпионов и диверсантов". Значит, скрывая "программу" от десятков, Троцкий сообщил ее тысячам?

Поистине злобе и хитрости не хватает ума. Однако за тя-желовесной глупостью клеветы

скрывается вполне определенный практический план, направленный на физическое истребление международного революционного авангарда.

Прежде еще, чем этот план начал выполняться в Испании, он был с полным бесстыдством раскрыт в еженедельнике Коминтерна (и ГПУ) "Ла Кореспонданс Интернасиональ" почти одновременно с опубликованием речи Сталина: 20 марта 1937 г. В статье, направленной против австрийского социал-демократа Отто Бауэра, который при всем своем тяготении к советской бюрократии не может заставить себя верить Вышинскому, говорится, между прочим, следующее:

"Если кто-нибудь имеет в настоящее время возможность получить очень аутентичную информацию о переговорах Троцкого с Гессом, то это Бауэр: французский и английский штабы очень хорошо осведомлены об этом деле. Благодаря хорошим отношениям, которые Бауэр поддерживает с Леоном Блюмом и Ситри-ным224 (который является в свою очередь другом как Болдуина225, так и сэра Самюэля Хора226), ему достаточно было бы обратиться к ним. Они не отказали бы ему в кое-каких конфиденциальных сообщениях для его личного употребления".

Чья рука руководила этим пером? Откуда анонимный публицист Коминтерна знает о тайнах английского и французского генеральных штабов? Одно из двух: либо капиталистические штабы показали свои досье коммунистическому журналисту, либо, наоборот, этот журналист пополнил досье двух штабов продуктами своего творчества. Первая гипотеза слишком невероятна: британскому или французскому штабу незачем прибегать к помощи журналистов Коминтерна для разоблачения

"троцкизма". Остается вторая версия: ГПУ сфабриковало какие-то документы для иностранных штабов.

В процессе Пятакова--Радека о моем "свидании" с немецким министром Гессом говорилось лишь вскользь и мимоходом. Пятаков, несмотря на свою (мнимую) близость ко мне, не сделал попытки при (мнимом) свидании со мною узнать какие бы то ни было подробности и о моем (мнимом) свидании с Гессом. Вышинский, как всегда, прошел молча мимо этой явной несообразности. В дальнейшем решено было, однако, разработать эту тему. Французский и британский генеральные штабы, видимо, получили какие-то "документы". Об этом твердо известно в штабе Коминтерна. Но ни в Париже, ни в Лондоне не сделали из драгоценного материала никакого употребления. Почему? Может быть, из недоверия к источнику. Может быть, потому,. что Леон Блюм и Даладье не хотели оказаться партнерами московских палачей. Может быть, наконец, потому, что господа генералы сохраняют "документы" для более горячего момента. Так или иначе, Сталину не терпится. Ему необходимо хоть косвенное подтверждение его подлогов из какого-нибудь "беспристрастного" источника. А так как штабы хранят молчание, то журналисту ГПУ поручено потянуть их за язык. Таково несомненное происхождение статьи, внушенной Сталиным и дополняющей его речь. Может быть, господин Даладье даст на этот счет более компетентную справку?

Резолюция по докладу Сталина гласит: "Разоблачали троцкистов обычно органы НКВД (т.' е. ГПУ) и отдельные члены партии -- добровольцы. Сами же органы промышленности и в некоторой степени также транспорта не проявляли при этом ни активности, ни тем более инициативы. Более того, некоторые органы промышленности даже тормозили это дело" (Правда, 21 апреля 1937 г.). Другими словами, руководители хозяйства и транспорта, несмотря на прижигания сверху каленым железом, не могли открыть у себя актов

"саботажа". Член Политбюро Орджоникидзе так и не раскусил своего помощника Пятакова. Член Политбюро Каганович проглядел вредительскую деятельность своего заместителя Лившица. На высоте оказались лишь агенты Ягоды и так называемые "добровольцы", т. е. провокаторы. Правда, сам Ягода был разоблачен вскоре после этого как "враг народа, гангстер и предатель". Но это случайное открытие не воскресило тех, кого он расстрелял.

Как бы для того, чтоб еще более подчеркнуть значение этих скандальных саморазоблачений, председатель Совета народных комиссаров Молотов227 публично рассказал о провале правительственной попытки установить факты саботажа не через провокаторов ГПУ, а через гласный хозяйственный контроль. "В феврале этого (1937) года, -- мы цитируем Молотова, -- по поручению наркомтяжпрома для проверки вредительских дел на "Уралвагонстрое" выезжала специальная авторитетная ко

миссия. Во главе этой комиссии были поставлены такие товарищи, как начальник Главстройпрома тов. Гинзбург и кандидат в члены ЦК ВКП тов. Павлуновский...228 Комиссия так сформулировала общие свои выводы по "Уралвагонстрою": "Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьяси-на229 на стройке не получила большого развития..."

Молотов возмущен. "Политическая близорукость комиссии, -- говорит он, -- совершенно очевидна... Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. Получается, что матерый вредитель Марьясин вместе с другим вредителем Окуджавой сами на себя наклеветали". (Правда, 21 апреля 1937 г., -- курсивы наши). Читая, не веришь глазам! Эти люди утратили не только стыд, но и осторожность.

Для чего, однако, вообще понадобилось посылать проверочную комиссию после того, как "подсудимые были расстреляны? Посмертное доследование "фактов вредительства" понадобилось, очевидно, потому, что общественное мнение не верило ни обвинениям, выдвинутым ГПУ, ни исторгнутым им показаниям. Однако комиссия под руководством Павлуновского, бывшего долголетнего работника ГПУ, не обнаружила ни одного факта саботажа. Явная "политическая близорукость"! Саботаж надо уметь раскрыть и под маской хозяйственных успехов. "Даже химический главк НКТП, во главе которого стоял Ратайчак, -- продолжает Молотов, -- перевыполнил свой план и за 1935 год, и за 1936 год. Значит ли это, -- весело шутит глава правительства, -- что Ратайчак не Ратайчак, вредитель не вредитель, троцкист не троцкист?"

Саботаж Ратайчака, расстрелянного по процессу Пятакова-- Радека, состоял, как оказывается, в перевыполнении планов. Немудрено, если самая суровая комиссия останавливается в бессилии перед фактами и цифрами, которые не хотят совпасть с "добровольными признаниями" Ратайчака и других. В результате "получается", по словам Молотова, что вредители "сами на себя наклеветали". И даже хуже того: получается, что инквизиция вынудила многих честных работников покрыть самих себя гнусной клеветой, чтоб облегчить Сталину борьбу с "троцкизмом". Вот что "получается" из доклада Сталина, дополненного докладом Молотова. А это две наиболее авторитетные фигуры СССР!230

приложения термидор и антисемитизм

Во время последнего московского процесса я отметил в одном из своих заявлений, что в борьбе с оппозицией Сталин эксплуатировал антисемитские тенденции в стране. По этому поводу я получил ряд писем и запросов, в большинстве своем -- незачем таить правду -- очень наивных. "Как можно обвинять Советский Союз в антисемитизме?", "Если СССР антисемитская страна, то что же вообще остается?" Такова доминирующая нота этих писем.

Возражения и недоумения исходят от людей, которые привыкли фашистскому антисемитизму противопоставлять эмансипацию евреев, совершенную Октябрьской революцией, и которым теперь кажется, что у них вырывают из рук спасательный круг. Такой метод рассуждения типичен для людей, привыкших к вульгарному, недиалектическому мышлению. Они живут в мире неизменных абстракций. Они признают только то, что для них удобно. Германия Гитлера--абсолютное царство антисемитизма. Наоборот, СССР -- царство национальной гармонии. Живые противоречия, изменения, переходы из одного состояния в другое, словом, реальные исторические процессы ускользают от их ленивого внимания.

Люди, надеюсь, не забыли еще, что в царской России антисемитизм был достаточно широко распространен среди крестьян, мелкой буржуазии городов, интеллигенции и наиболее отсталых слоев рабочего класса. "Матушка" Россия славилась не только периодическими еврейскими погромами, но и существованием значительного числа антисемитских изданий, имевших крупный по тому времени тираж. Октябрьская революция радикально ликвидировала бесправие евреев. Это вовсе не значит, однако, что она одним ударом смела антисемитизм. Длительная и настойчивая борьба с религией не мешает тому, что и сегодня тысячи и тысячи церквей, мечетей и синагог заполняются молящимися. Так и в области национальных предрассудков. Одни лишь законодательные акты еще не меняют людей. Их мысли, чувства, взгляды зависят от традиций, материальных условий жизни, культурного уровня и пр. Советскому режиму нет еще и двадцати лет. Старшая половина населения воспиталась при царизме. Младшая половина очень многое восприняла от старшей. Уже одни эти общие исторические условия должны заставить мыслящего человека понять, что, несмотря на образцовое законодательство Октябрьской революции, в отста

лых массах могут сохранять еще большую силу националистические и шовинистические предрассудки, в частности антисемитизм.

Но этого мало. Советский режим, как он есть, вызвал к жизни ряд новых явлений, которые при бедности и мало культурности населения способны заново порождать и действительно порождают антисемитские настроения. Евреи -типично городское население. На Украине, в Белоруссии, даже в Великорос-сии они составляют значительный процент городского населения. Советский режим нуждается в таком количестве чиновников, как никакой другой режим в мире. Чиновники вербуются из более культурного городского населения. Естественно, если евреи занимают в среде бюрократии, особенно в ее нижних и средних слоях, непропорционально большое место. Можно, конечно, на этот факт закрывать глаза и ограничиваться общими фразами о равенстве и братстве всех наций. Но политика страуса ни на шаг не продвинет нас вперед. Ненависть крестьян и рабочих к бюрократии есть основной факт советской жизни. Деспотический режим, преследование всякой критики, удушение живой мысли, наконец, судебные подлоги представляют собой лишь отражение этого основного факта. Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере там, где чиновники -- евреи составляют значительный процент населения и выделяются на фоне основной массы крестьянского населения.

В 1923 году я на партийной конференции большевистской партии Украины выставил требование: чиновник должен уметь говорить и писать на языке окружающего населения. Сколько По этому поводу было иронических замечаний, исходивших в значительной мере от еврейской интеллигенции, которая говорила и писала по-русски и не хотела учиться

украинскому языку! Надо признать, что в этом отношении положение значительно изменилось к лучшему. Но мало изменился национальный состав бюрократии и, что неизмеримо важнее, антагонизм между населением и бюрократией чудовищно возрос за последние 10--12 лет. О наличии антисемитизма, притом не только старого, но и нового, "советского", свидетельствуют решительно все серьезные и честные наблюдатели, особенно те, которым приходилось длительное время жить среди трудящихся масс.

Советский чиновник чувствует себя морально в осажденном лагере. Он стремится всеми силами выскочить из своей изолированности. Политика Сталина по крайней мере на 50 % продиктована этим стремлением. Сюда относятся: 1) лжесоциалистическая демагогия ("социализм уже осуществлен", "Сталин даст, дает, дал народу счастливую жизнь" и пр. и пр.); 2) политические и экономические меры, которые вокруг бюрократии должны создать широкий слой новой аристократии (непропорционально высокий заработок стахановцев, чины,, ордена, новая

"знать" и пр.); и 3) подлаживание к националистическим чувствам и предрассудкам отсталых слоев населения. Украинский чиновник, если сам он коренной украинец, неминуемо постарается в критическую минуту подчеркнуть, что он мужику и крестьянину свой брат, не какой-нибудь инородец и, во всяком слу-чае, не еврей. В такого рода приемах нет, конечно -- увы! -- ни крупицы "социализма", ни даже элементарного демократизма, но в том-то и дело, что привилегированная, боящаяся своих привилегий и потому насквозь деморализованная бюрократия представляет ныне самый антисоциалистический и самый антидемократический слой в советском обществе. В борьбе за свое самосохранение она эксплуатирует наиболее заскорузлые предрассудки и наиболее темные инстинкты. Если Сталин в Москве организует процессы об отравлении "троцкистами" рабочих, то нетрудно себе представить, на какие гнусности способна бюрократия в каком-нибудь украинском или центрально-азиатском захолустье.

Кто следит внимательно за советской жизнью, хотя бы только по официальным изданиям, тот знает, что время от времени в разных частях страны вскрываются ужасающие бюрократические гнойники: взяточничество, подкуп, растраты, убийства неудобных людей, изнасилование и т. п. Каждый такой гнойник показывает нам бюрократический слой в зеркальном разрезе. Иногда Москва вынуждена прибегать к показательным процессам. Во всех таких процессах евреи неизменно составляют значительный процент. Отчасти потому, что они, как уже сказано, составляют изрядную часть бюрократии и отмечены ее клеймом; отчасти потому, что, движимое инстинктом самосохранения, руководящее ядро бюрократии в центре и на местах стремится отвести негодование трудящихся от себя на евреев. Факт этот был известен в СССР каждому критическому наблюдателю еще 10 лет тому назад, когда сталинский режим едва успел раскрыть свои основные черты.

Борьба с оппозицией была для правящей верхушки вопросом жизни и смерти. Программа, принципы, связь с массами -- все было оттеснено назад и отброшено заботой о самосохранении но вого правящего строя. Эти люди не останавливаются ни перед чем, чтоб оградить свои привилегии и свою власть. Весь свет обошло недавно сообщение о том, что мой младший сын Сергей Седов обвиняется в подготовке массового отравления рабочих. Каждый нормальный человек скажет: люди, способные выдвигать такие обвинения, дошли до последней степени нравственного падения. Можно ли в таком случае хоть на минуту сомневаться в том, что эти самые обвинители способны играть на антисемитских предрассудках массы? Как раз на примере моего сына обе гнусности соединяются воедино и

на этом стоит остановиться.

Мои сыновья со дня рождения носят фамилию своей матери

(Седова). Никогда никакой другой фамилии у них не было -- ни в школе, ни в университете, ни в дальнейшей деятельности. Что касается меня, то я в течение 34 лет - ношу фамилию Троцкого. За советский период никто и никогда не называл меня фамилией моего отца (Бронштейн), как Сталина никто не называл Джугашвили. Чтоб не заставлять сыновей менять фамилию, я для "гражданских" надобностей принял фамилию жены (что по советским законам вполне допускается). После того, однако, как мой сын Сергей Седов был привлечен по совершенно невероятному обвинению в подготовке истребления рабочих, ГПУ сообщило советской и иностранной печати, что "настоящая" (!) фамилия моего сына не Седов, а Бронштейн. Если б эти фальшивомонетчики хотели подчеркнуть связь обвиняемого со мной, они назвали бы фамилию Троцкого, ибо политически фамилия Бронштейн никому ничего не говорит. Но им нужно было другое, именно: подчеркнуть мое еврейское происхождение и полуеврейское происхождение моего сына. Я остановился на этом эпизоде только потому, что он имеет животрепещущий и отнюдь не исключительный характер. Вся борьба против оппозиции полна таких эпизодов.

Между 1923 и 1Э26 годом, когда Сталин входил еще в "тройку" с Зиновьевым и Каменевым, игра на струнах антисемитизма носила очень осторожный и замаскированный характер. Особо вышколенные агитаторы (Сталин и тогда уже вел подспудную борьбу против своих союзников) говорили, что последователями Троцкого являются мелкие буржуа из "местечек", не определяя национальности. На самом деле это было неверно. Процент еврейской интеллигенции в оппозиции был во всяком случае не выше, чем в партии и в бюрократии. Достаточно назвать штаб оппозиции 23--25 годов: И. Н. Смирнов, Серебряков, Раковский, Пятаков, Преображенский, Крестинский, Муралов, Белобородов, Мрачковский, В. Яковлева231, Сапронов232, В. М. Смирнов233, Ищенко234 -- сплошь коренные русские люди235. Радек в тот период был только полусочувствующим. Но, как и в судебных процессах взяточников и других негодяев, так и при исключении оппозиционеров из партии, бюрократия охотно выдвигала случайные и второстепенные еврейские имена на первый план. Об этом совершенно открыто говорилось в партии, и в этом обстоятельстве оппозиция уже в 1925 году видела безошибочный симптом загнивания правящего слоя.

После перехода Зиновьева и Каменева в оппозицию положение резко изменилось к худшему. Теперь открылась полная возможность говорить рабочим, что во главе оппозиции стоят три "недовольных еврейских интеллигента". По директиве Сталина Угланов236 в Москве и Киров в Ленинграде проводили эту линию систематически и почти совершенно открыто. Чтоб легче демонстрировать перед рабочими различие между "старым" курсом и "новым", евреи, хотя бы и беззаветно преданные гене

ральной линии, снимались с ответственных партийных и советских постов. Не только в деревне, но даже на московских заводах травля оппозиции уже в 1926 году принимала нередко совершенно явный антисемитский характер. Многие агитаторы прямо говорили: "Бунтуют жиды". У меня были сотни писем, клеймившие антисемитские приемы в борьбе с оппозицией237.

На одном из заседаний Политбюро я написал Бухарину записку: "Вы не можете не знать, что даже в Москве в борьбе против оппозиции применяются методы черносотенной демагогии (антисемитизма и пр.)". Бухарин уклончиво ответил мне на той же бумажке: "Отдельные случаи, конечно, возможны". Я снова написал ему: "Я имею в виду не

отдельные случаи, а систематическую агитацию партийных секретарей на больших московских предприятиях. Согласны ли вы отправиться со мной для расследования, например, на фабрику "Скороход" (я знаю ряд других предприятий)". Бухарин ответил: "Что ж, можно отправиться"... Тщетно, однако, я пробовал заставить его выполнить обещание: Сталин строго-настрого запретил ему эта.

В месяцы подготовки исключения оппозиции из партии, арестов и высылок (вторая половина 1927 года), антисемитская агитация приняла совершенно разнузданный характер. Лозунг "бей оппозицию" окрашивался нередко старым лозунгом: "бей жидов, спасай Россию". Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и пр.". Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против "эксцессов" антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. "Не забывайте, что вожди оппозиции -- евреи", таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Когда оппозиция в ответ на репрессии перешла к более открытой и решительной борьбе, Сталин в виде многозначительной "шутки" сказал Пятакову и Преображенскому: "Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу "православную" работу; Троцкий действует потихоньку, а не с топором". Пятаков и Преображенский рассказали мне об этом разговоре с горячим возмущением. Попытки противопоставить мне "православное" ядро оппозиции делались Сталиным десятки раз.

Известный немецкий радикальный журналист, бывший издатель "Акциона" Франц Пфемферт, ныне находящийся в эмиграции, писал мне 25 августа 1936 года: "Может быть, вам памятно, что я в "Акционе" уже несколько лет тому назад заявил, что многие действия Сталина могут быть объяснены также и его антисемитскими тенденциями. Тот факт, что в этом странном процессе он через агентство ТАСС распорядился исправить даже имена Зиновьева и Каменева, представляет со

бой настоящую выходку в духе Штрайхера. Сталин подкинул этим мяч всем антисемитским громилам". Действительно, имена Зиновьева и Каменева известны, казалось бы, гораздо больше, чем имена: Радомысльский и Розенфельд238. Какой другой мотив мог быть у Сталина приводить "настоящие" имена своих жертв, кроме игры на антисемитских настроениях? Такая же операция, но даже без тени юридического основания, была проделана, как мы только что видели, над фамилией моего сына. Но самым поразительным является, несомненно, тот факт, что все четыре посланных мною будто бы из-за границы "террориста" оказались евреями и в то же время... агентами антисемитского гестапо. Так как ни одного из этих несчастных я никогда не видел в глаза, то ясно, что ГПУ сознательно подбирало их по национальному признаку. А ГПУ не действует по собственному вдохновению!

Еще раз: если такие приемы применяются на самых верхах, где личная ответственность Сталина совершенно несомненна, то нетрудно представить себе, что делается на низах, на заводах и особенно в колхозах. Да и может ли быть иначе? Физическое истребление старого поколения большевиков есть для всякого, кто способен думать, неоспоримое выражение термидорианской реакции, притом в ее наиболее законченной стадии. А в истории не было еще примера, когда ,бы реакция после революционного подъема не сопровождалась разнуздыванием шовинистических страстей, в том числе и антисемитизма.

По мнению некоторых "друзей СССР" ссылки на эксплуатацию антисемитских тенденций значительной частью нынешней бюрократии представляют собой лишь злостный вымысел в целях борьбы со Сталиным. С профессиональными "друзьями" бюрократии спорить трудно. Эти люди отрицают и термидорианскую реакцию. Они принимают на веру и московские процессы. Есть "друзья", которых посылают в СССР со специальной целью не видеть пятен на солнце. Немало таких, которые получают особую плату за свою готовность видеть лишь то, что им показывает пальцем бюрократия. Но горе тем рабочим, революционерам, социалистам, демократам, которые, говоря словами Пушкина, предпочитают горькой истине "нас возвышающий обман". Здоровый революционный оптимизм не нуждается в иллюзиях. Действительность нужно брать такой, как она есть. Надо в ней самой находить силы для преодоления ее реакционных и варварских сторон. Этому нас учит марксизм.

Некоторые мудрецы поставили мне в вину даже тот факт, что я внезапно будто бы открыл "еврейский вопрос" и собираюсь создавать для евреев... какое-то особое гетто. Я могу только с соболезнованием пожать плечами. Всю свою жизнь я про жил вне еврейской среды. Я работал всегда в русском рабочем движении. Моим родным языком является русский. Я, к сожалению, не научился даже читать по-еврейски. Еврейский вопрос:

никогда не стоял, таким образом, в центре моего внимания. Но это не значит, что я имею право быть слепым по отношению к еврейскому вопросу, который существует и требует разрешения. "Друзья СССР" очень довольны организацией области Биробиджан. Я не буду здесь останавливаться на том, построена ли она на здоровых началах, и каков в ней режим (Биробиджан не может не отражать на себе все пороки бюрократического деспотизма). Но ни один прогрессивно мыслящий человек не выскажется против того, что СССР отводит специальную территорию тем своим гражданам, которые чувствуют себя евреями, пользуются еврейским языком, преимущественно перед всяким другим, и хотят жить компактной массой. Гетто это или не гетто? При режиме советской демократии, при полной добровольности переселения о гетто не может быть и речи. Но еврейский вопрос по самим условиям расселения евреев имеет интер-национальный характер. Не вправе ли мы сказать, что мировая социалистическая федерация должна будет найти возможность создать "Биробиджан" для тех евреев, которые захотят иметь свою собственную автономную республику как арену своей собственной культуры? Социалистическая демократия не будет, надо надеяться, применять методов насильственной ассимиляции. Очень может быть, что уже через два-три поколения границы самостоятельной еврейской республики, как и многих других национальных областей, сотрутся. Размышлять об этом у меня . лет ни времени, ни желания. Наши потомки будут лучше знать, что им делать. Я имею в виду переходный исторический период, когда еврейский вопрос как таковой еще сохранит всю свою ·остроту и будет требовать соответственных мер со стороны мировой федерации рабочих государств. Те методы разрешения еврейского вопроса, которые в условиях загнивающего капитализма имеют утопический и реакционный характер (сионизм), при режиме социалистической федерации могут получить нор мальное и здоровое применение. Только это я и хотел сказать. Неужели же найдется марксист или даже просто последовательный демократ, который станет возражать против этого?

22 февраля 1937 г.

ПРЕЗИДЕНТУ КОМИССИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ФРОНТА АДВОКАТОВ239

Я с большим интересом принимаю к сведению сообщение о создании Комиссии для

"юридического изучения недавних московских процессов". Самый факт создания такого рода комиссии является ярким свидетельством того недоверия, которое московские процессы вызвали в широких кругах мирового общественного мнения.

Вам, вероятно, известно, что специальный Комитет в Нью-Йорке, очень авторитетный по составу, взял на себя инициати

ву организации Интернациональной комиссии расследования московских процессов. Нью-йоркский Комитет опирается на доверие и содействие аналогичных комитетов во Франции, Англии, Чехословакии, Швейцарии и других странах, причем эти организации, быстро расширяющие свою базу, насчитывают в своих рядах уже сейчас выдающихся представителей политики, науки, искусства, юриспруденции и рабочего движения.

Через посредство нью-йоркского Комитета и прессы я заявил уже, что готов предоставить в распоряжение Международной следственной комиссии все свои архивы, включающие несколько тысяч документов. Более того, несколько десятков исключительно важных свидетельских показаний из Франции, Чехословакии, Дании, Норвегии, Бельгии, Швейцарии, Соединенных. Штатов и других стран уже находятся в руках Комитета. Наиболее важные свидетели прибудут, несомненно, из Европы, чтоб дать устные объяснения под перекрестным допросом. Главная задача Комитета, как видно из всех его заявлений и действий, состоит в том, чтоб обеспечить следственной комиссии такой состав, который пользовался бы всеобщим авторитетом. От вас не может ускользнуть, разумеется, важность этой стороны дела. Я ни на минуту не позволю себе усомниться в беспристрастности Вашей Комиссии. Но каковы бы ни были ее намерения, рядом с нею и в противовес ей могут возникнуть в разных странах десятки и даже сотни корпоративных, синдикальных, партийных и других комиссий, порожденных не бескорыстной заботой об истине, а политическим пристрастием, закулисными интригами" и даже прямым подкупом. Не надо забывать, что для организаторов московских судебных подлогов дело идет обо всей их политической судьбе, т. е. о власти и привилегиях, и что они не остановятся ни перед какими средствами для внесения отравы и деморализации в мировое общественное мнение Интересы дела требуют поэтому сосредоточения расследования в руках такой международной организации, которая для всего мира стояла бы выше подозрений. Единственный правильный путь состоит, по моему мнению, в том чтобы Ваша Комиссия вступила в соглашение с Интернациональной комиссией о наиболее целесообразных формах сотрудничества и разделения труда. Во всяком случае, с моей стороны было бы прямой нелояльностью участвовать в расследовании Национальной корпоративной комиссии без согласия и одобрения Интернациональной комиссии, которой я заранее обещал свое полное содействие Я не сомневаюсь ни на минуту, что Вы полностью оцените значение и вес этих соображений и введете Вашу инициативу в те каналы, которые оградят ее от всяких нареканий и подозрений. С своей стороны, я не могу желать ничего большего, как участия в международном расследовании авторитетных представителей той страны, которая оказала мне столь великодушное гостеприимство. 16 марта 1937 г.

В КОМИССИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ. ГОСПОДИН БИЛЬС КАК СВИДЕТЕЛЬ

В майском номере мексиканского журнала "Футуро" г. Карлтон Бильс240 опубликовал статью о сессии следственной Комиссии в Койоакане. Ни журнал, ни автор статьи сами по себе не могли бы побудить меня к возражению. Но тот факт, что г. Бильс был членом Комиссии, бросает на его статью отблеск заимственного авторитета и не позволяет мне оставить ее без внимания, как бесчисленное количество других статей того же типа.

Я не имею, однако, в виду останавливаться на всех ложных утверждениях, из которых состоит статья бывшего корреспондента ТАСС, а меня интересуют, главным образом, те случаи, где г. Бильс "цитирует" мои показания, выступая в качестве своеобразного "свидетеля". Если г. Бильс вышел в отставку из Комиссии, то это не освобождает его от элементарных моральных обязательств. Комиссия может, думается мне, вызвать г. Бильса в качестве свидетеля и потребовать от него подтверждения тех заявлений, при помощи которых он вводит в заблуждение общественное мнение.

1. "Можете вы доказать это (?) обстоятельство, -- кричу я неожиданно для Троцкого... -- Троцкий явно не может доказать этого (?). Его архивы, относящиеся к этому (?) пункту, были украдены норвежскими фашистами, но он сделал нотариальное заявление и различные журналисты подтвердили его. Эти журналисты оказались, однако, сторонниками Троцкого..." и т. д.

Во всем этом намеренно бесформенном рассказе нет ни одного слова правды. Норвежские фашисты действительно сделали 5 августа 1936 года попытку захватить мои архивы. Но им удалось украсть только одно-единственное письмо, которое фигурировало впоследствии на норвежском суде и было воспроизведено всей печатью. Я не мог, следовательно, ссылаться на "похищение" моих архивов норвежскими фашистами.

Чтоб затруднить опровержение, г. Бильс уклоняется назвать вопрос, который он мне задал. Методом исключения можно, однако, прийти к выводу, что дело идет о моей ссылке на применяемый ГПУ прием: карать ближайших родных для вынуж-дения у арестованных ложных показаний.

Не только г. Бильс, но и председатель Комиссии доктор Дьюи потребовали от меня доказательств. Я назвал свой собственный опыт, привел ряд фактов, оглашенных мировой печатью, и предложил Комиссии допросить ряд названных мною свидетелей. На следующий день я представил, кроме того, справку о советском декрете 1934 года, узаконивающем в известных случаях арест родственников преступника. О каком "нотариальном заявлении" и о каких "журналистах" говорит г. Бильс? Может быть, он даст на этот счет свои разъяснения Комиссии?

2. "Я спрашиваю только относительно архивов Троцкого. Он мнется, отказываясь сообщить, где они находятся... Во всяком случае, архивы не в Мексике; почти все документы, которые ой имеет, являются незаверенными копиями". И в этом сообщении все ложно.

а) Я с самого начала заявил, что предоставляю все свои ар хивы в распоряжение Комиссии. Не дожидаясь вопросов г. Бильса, я просил у Комиссии разрешения не называть в пуб личном заседании местонахождение моих архивов. Я сослался при этом на тот факт, что 7 ноября 1936 г. агенты ГПУ украли в Париже 85 килограммов моих бумаг. Официальные докумен ты, относящиеся к этой краже, представлены мною в распоря жение Комиссии. (Замечательно, что г. Бильс, который несколь ко раз с иронией говорит о моей "ненависти" к ГПУ, воздер живается от упоминания о драже моих архивов). Я сослался перед Комиссией на то, что через услужливых журналистов ГПУ пытается выведать, где именно находятся мои архивы. Комис

сия единогласно признала ненужным называть местонахожде
ние архивов в публичном заседании. Чего же хочет ныне
г. Бильс?

б) Совершенно ложным является утверждение, будто "поч
ти все документы", имеющиеся в моем распоряжении, являются
"незаверенными копиями". В основной своей массе мои архи
вы состоят из полученных мною писем и копий моих ответов.
Полученные мною письма являются, разумеется, оригиналами.
Копии моих ответов -- их тысячи, -- конечно, незаверены. Я
никогда не слышал, чтобы кто-либо заверял копии своих собст
венных писем. Проверить подлинность этих копий, однако, не
трудно, т. к. большинство адресатов сохранило оригиналы. Кро
ме того, самая последовательность переписки, ее внутренняя
логика являются важным критерием подлинности или ложности.
Проверка документов и есть ведь одна из задач Комиссии.

Представленные мною многие десятки свидетельских показаний нотариально заверены. Кроме того, они будут проверены прямым допросом свидетелей следственной комиссией в Нью-Йорке или соответственными органами в Европе.

Те документы, которые я до сих пор представил в распоряжение Комиссии, являются либо оригиналами, либо фотокопиями. Я не заверял только те документы, в подлинности которых (вообще не может быть сомнения, т. к. они неоднократно печатались и никем никогда не опровергались. Прибавлю, что г. Бильс ни разу не выражал своих сомнений по поводу представленных мною документов. Может быть, он теперь потрудится точно указать Комиссии, подлинность каких именно документов он оспаривает?

3. По поводу европейских Следственных комиссий, работа
ющих по директивам из Нью-Йорка, г. Бильс пишет: "Я не мог
выяснить, как эти комиссии в Европе были созданы, ни того,
кто является их членами. Я предполагаю (!), что они являются членами троцкистских групп"-.

В состав парижской Комиссии входят следующие лица: Делепин, председатель организации социалистических адвокатов и член центрального комитета французской социалистической партии (II Интернационал); Модильяни, адвокат, член центрального комитета итальянской социалистической партии и член исполнительного комитета II Интернационала; г-жа Сезар Шабрен, председательница комитета помощи политическим заключенным; Матэ, бывший секретарь национального профессионального союза почтовых служащих; Галтье-Буасьер, писатель, директор известного радикального журнала "Крапуйо". Члены этой комиссии, поскольку они являются политическими фигурами, всегда были и остаются моими непримиримыми противниками. Ни с одним из них у меня не было и нет никаких личных связей. Таким образом, "предположение" г. Бильса, что члены европейских комиссий являются "троцкистами", отвечает не фактам, а той специфической миссии, которую выполняет сам г. Бильс.

4. "Троцкий неистово (!) рассказывает о преследованиях своей семьи, все члены которой, по-видимому, (?) занимались секретной политической деятельностью, а сестра его совершила самоубийство в Париже, т. к. ее лишили советского гражданства".

И здесь нет ни слова правды. На самом деле покончила с собой не моя сестра, а моя

дочь, не в Париже, а в Берлине. На чем основывает г. Бильс свое утверждение, что она занималась "тайной политической деятельностью"? На самом деле советские власти отпустили ее лечиться в январе 1931 г. как тяжело больную: она прибыла за границу с пневмотораксами на обоих легких. В течение нескольких месяцев она почти не вставала с постели. Несмотря на это, она одновременно со мною лишена была прав гражданства и оторвана, таким образом, от мужа и детей, оставшихся в СССР. Даже в этом простом и ярком факте г. Бильс умудрился, как видим, все перепутать и исказить. Но он не позабыл обелить ГПУ ложной ссылкой на "секретную-политическую деятельность". Мало того, эту огульную инсинуацию Бильс распространяет на всех членов моей семьи, в том числе, следовательно, и на моего младшего сына Сергея Седова, арестованного по обвинению в "подготовке массового отравления рабочих". Я категорически заявил на заседании Комиссии, что мой младший сын всегда стоял вне политики. Благодаря тому положению, которое я занимал в Советском Союзам факт этот был широко известен в кругах самой бюрократии На, чем основано противоположное утверждение Бильса? Только на одном: на его стремлении подменить серьезное расследование-помощью московским палачам.

5. "Я решил, -- пишет г. Бильс, -- снова выступить на сцену "с серией вопросов, имеющих целью демонстрировать секретные (!) сношения Троцкого с IV Интернационалом и конспиративные связи с различными группами в Италии, Германии и Советском Союзе".

На московском процессе я обвинялся в секретных сношениях с германским правительством. Между тем г. Бильс вменяет мне в вину секретные сношения с секциями IV Интернационала, в том числе в Германии.

Надо выбрать что-нибудь одно. Моя связь с IV Интернационалом вовсе не является "секретной". Я говорю о ней открыто в своих книгах и статьях Может быть, г. Бильс разъяснит Комиссии, в каком собственно преступлении он собирался меня разоблачить: в союзе ли с фашизмом или в союзе с революционными рабочими -- против фашизма?

6 "Чтобы создать опору (!?) для этих вопросов, -- говорит т. Бильс, -я увидел самого себя вынужденным вскрыть прежние тайные сношения Троцкого с иностранными революционными группами, когда он сам составлял часть советского правительства. Я спрашивал его о секретной деятельности Бородина241 в Мексике в 1919--1920 гг. Результатом явился бурный взрыв. Троцкий заклеймил моих информаторов лжецами и потерял свое спокойствие. Моим информатором, в числе других, -- сказал я Троцкому, -- был сам Бородин".

В этом эпизоде г. Бильс выступил не как член следственной Комиссии, а как свидетель обвинения. В качестве неожиданно-то свидетеля он заявил, будто я лично послал Бородина в Мексику в 1919--1920 гг. и будто я лично, в противовес другим членам правительства, желавшим заниматься "экономическим строительством", стремился разжигать революцию в других странах. Я ответил г. Бильсу, что я с Бородиным никогда не имел никакого дела, что я знал его лишь по его позднейшей злосчастной деятельности в Китае; что я публично, в статьях, клеймил политику Бородина. Никогда ранее я не слышал о том, что Бородин был в Мексике в 1919--1920 гг. Я никогда не занимался мексиканскими делами. Посылка агентов в другие страны находилась целиком в руках Коминтерна. Не могло быть и речи о том, чтоб я посылал агентов куда бы то ни было для проведения моей личной линии. Я также мало мог послать Бородина в Мексику, как и Зиновьев, тогдашний председатель Коминтерна, -- назначить командующего армией Всякий, кто как Бородин хоть сколько-нибудь знал внутренний режим большевистской партии, не мог сказать ничего подобного г. Бильсу.

Наконец, в 1919--1920 гг. в партии не было еще и намека на разногласия по вопросу о международной революции и "социа-лизме в отдельной стране". Бородин не мог в 1919 г предвосхитить те прения, которые впервые возникли лишь осенью

1924 года, т. е. пять лет спустя. Бородин не мог, следовательно, сказать г. Бильсу того, что свидетель Бильс сообщил на заседании Комиссии.

Таков этот страж объективной истины! На протяжении нескольких страниц он приписал мне ссылку на похищение моих архивов норвежскими фашистами, хотя это похищение не удалось. Он замолчал похищение части моих архивов агентами ГПУ в Париже, хотя это похищение имело место. Он заменил мою дочь сестрой и спутал Париж с Берлином. Без малейшего основания он приписал моей больной дочери, как и моему младшему сыну, "секретную политическую деятельность". Он свалил в одну кучу приписываемую мне связь с германским фашизмом и мою деятельную связь с германской секцией IV Интернационала.

Если г. Бильс оказался способен в течение нескольких недель перепутать и исказить все, что происходило при его участии на апрельском расследовании, то можно ли хоть в малейшей степени полагаться на передачу г. Бильсом тех разговоров, которые он вел или будто бы вел 17 лет тому назад с Бородиным и другими, не названными им свидетелями? Когда я сказал, что информатор г. Бильса лжец, то это было лишь вежливое выражение той мысли, что сам г. Бильс расходится с истиной. Или, может быть, он согласится подтвердить свое свидетельское показание перед Комиссией?

7. С целью доказать свою независимость от Москвы г. Бильс пишет: "Я телеграфировал президенту Карденасу несколько месяцев тому назад, прося его предоставить Троцкому убежище в Мексике".

Только что мы слышали от Бильса, будто я уже в 1919 г. занимался в Мексике секретной деятельностью, которую г. Бильс считает настолько преступной, что спешит разоблачить ее через 17 лет. Спрашивается: на каком же основании г. Бильс тревожил президента Карденаса своей телеграммой? Выходит, что г. Бильс скрывал от мексиканского правительства те сведения, которые он имел будто бы от Бородина, и вводил мексиканское правительство в заблуждение, ходатайствуя о предоставлении мне права убежища. Г-н Бильс самого себя превращает в сознательного соучастника моей преступной деятельности. Может быть, однако, он в качестве свидетеля разъяснит и эти свои действия перед Комиссией? Это его прямой долг перед общественным мнением Мексики!

* * *

Я обрываю на этом перечень ложных утверждений, ошибок и искажений г. Бильса. Когда появятся в свет протоколы, они покажут, с какой злонамеренной тщательностью г. Бильс обошел в своей статье все те вопросы, которые имеют решающее

значение для оценки московских процессов (в частности и в осо-бенности, документальное ниспровержение показаний Ольбер-га, Гольцмана, Владимира Ромма и Пятакова).

Уже из этого ясно, чьим интересам г. Бильс служит. Но, может быть, еще более разоблачает г. Бильса отмеченная выше двойственность его метода: с одной стороны, он пытается (косвенно, трусливо, путем инсинуаций) поддержать московское обвинение относительно моего "союза" с фашизмом для борьбы против революции, социализма и демократии. С другой стороны, он, как и мексиканский корреспондент "Нью-Йорк Таймс" Клюкгон, хочет внушить известным сферам мысль, что я вмешиваюсь во внутреннюю жизнь Мексики и Соединенных Штатов с целью вызвать в них революции. Эти противоречивые

обвинения питаются одними и теми же интересами -- именно, интересами московской бюрократии. Обвинение в связи с фашизмом имеет своей задачей скомпрометировать меня в глазах рабочих масс. Но чтоб эта операция удалась, нужно помешать мне защищаться, нужно зажать мне рот, лишить меня права убежища, добиться моего заключения, как это удалось сделать в Норвегии. Для этой цели необходимо запугивать заинтересованные правительства моей "секретной революционной деятельностью". Я не говорю, что г. Бильс, бывший корреспондент ТАСС, является и ныне наемным агентом Москвы. Я могу допустить, что он является полусознательным орудием в руках ГПУ. Но это дела не меняет. Он пускает в оборот те же методы, что и профессиональные агенты ГПУ. От себя он прибавляет лишь некоторое количество бескорыстной путаницы.

* * *

Может быть, Комиссия расследования сочтет возможным:

а) пригласить г. Бильса в качестве свидетеля;

б) предложить ему теперь же ясно и точно формулировать
те вопросы, которые ему будто бы помешала поставить Комис
сия или на которые я не дал ответа или дал "неудовлетвори
тельный" ответ;

в) предложить ему поставить любые дополнительные воп
росы.

Со своей стороны я с полной готовностью отвечу на все и всякие вопросы, из какого бы лагеря они ни исходили и кем бы они ни задавались, не исключая, конечно, и г. Бильса, при одном единственном условии: если эти вопросы будут мне предъявлены через посредство Комиссии расследования.

Койоакан, 18 мая 1937 г.

В КОМИССИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ

Копия адвокату Гольдману

Препровождаю при сем документ исключительной важности -- именно: письмо сыну, написанное 3 декабря 1932 года, в каюте парохода, на пути из Дании во Францию. Одного этого письма достаточно для опровержения показания Гольцмана о его мнимом визите ко мне в Копенгаген. Привожу в переводе первую часть письма, относящуюся непосредственно к вопросу о том, был или не был Лев Седов в Копенгагене в конце ноября 1932 года.

"Милый Левусятка, видимо, так и не удастся нам повидаться: между приходом парохода в Дюнкирхен и отходом парохода из Марселя остается ровно столько времени, сколько нужно на пересечение Франции. Задержаться до следующего парохода (целую неделю!) нам, разумеется, не разрешат... Мама очень-очень огорчена тем, что свидания не вышло, да и я тоже... Ничего не поделаешь..."

Дальше следуют советы политического характера, которые я через сына передавал третьим лицам. Заканчивается письмо следующим образом:

"Надеемся, что Жанна242 благополучно доехала домой.

Крепко-крепко обнимаю и целую тебя. Твой

3.XII.1932. Каюта парохода.

Мама целует тебя (она еще в постели, 7 ч. утра), сегодня, вероятно, напишет".

Письмо это требует некоторых пояснений.

В отличие от подавляющего большинства других писем,
оно написано не на машинке, а от руки, на двух листках, вы

рванных из записной книжки. Объясняется это тем, что на па
роходе не было ни русского сотрудника, ни русской машинки.
Именно потому, что письмо написано от руки, в моем ар
хиве не сохранилось копии, вследствие чего я не мог своевре
менно представить письмо Комиссии. Что касается бумаг моего
сына, то они хранятся им не в классифицированном и упорядо
ченном виде, как у меня, притом не у него на квартире, т. к. он
всегда может опасаться налета агентов ГПУ. Этим объясняется,
что сын только в самые последние дни, при разборе старых бу
маг наткнулся на этот исключительно ценный документ.
Из текста письма совершенно ясно вытекает, что сын не
был в Копенгагене и что там была его жена Жанна.
Так как может возникнуть подозрение, что письмо напи
сано недавно, в интересах защиты, то я прошу подвергнуть пись
мо химическому анализу, который с несомненностью установит,
что письмо написано несколько лет тому назад.
Л. Троцкий Койоакан, 29 мая 1937 г.

РАССТРЕЛ ПОЛКОВОДЦЕВ

После того как Сталин обезглавил партию и советский аппарат, он обезглавил армию, Ворошилов -- только орудие Сталина: не политик, не стратег, не администратор. Во главе армии стояли фактически: Тухачевский, в котором все видели будущего верховного главнокомандующего в случае войны, и Гамарник, политический воспитатель армии. Гамарник застрелился, Тухачевский расстрелян. Во главе двух важнейших военных округов стояли Якир и Уборевич, талантливые стратеги гражданской войны, годами готовившиеся к своей будущей роли в случае войны с Польшей или Германией. К ним надо прибавить Корка и более молодого Путну -- выдающихся офицеров генерального штаба, а также Примакова243, блестящего кавалерийского генерала. Я не знаю в Красной армии ни одного офицера (кроме разве Буденного244), который мог бы по популярности, не говоря уж о знаниях и талантах, равняться с расстрелянными полководцами. Обвинение в том, что эти люди могли быть агентами Германии настолько глупо и постыдно, что не заслуживает опровержения. Сталин и не надеялся на то, что Европа и Америка поверят этому обвинению. Но ему нужно оправдать сильнодействующими доводами истребление всех даровитых, выдающихся и самостоятельных людей перед лицом русских рабочих и крестьян.

Каковы действительные причины истребления лучших советских генералов? Я могу высказаться об этом лишь гипотетически, на основании ряда симптомов. Ввиду приближения военной опасности наиболее ответственные командиры не могли не относиться с тревогой к тому факту, что во главе вооруженных сил стоит Ворошилов. Весьма возможно, что в этих кругах выдвигали на место Ворошилова кандидатуру Тухачевского. Были ли у некоторых казненных особые взгляды на внешнюю политику СССР, в частности на вопрос о взаимоотношениях с Германией? Это не исключено. Но разногласия с официальной политикой, если они были, не могли выходить из рамок советского патриотизма. За это ручается все прошлое обвиняемых. Не дошло ли дело до "заговора" против Сталина? Я не верю в это. Об этом не говорит и обвинение. Но весьма вероятно, что командный состав пытался или готовился оказать нажим на Политбюро с целью смещения Ворошилова. Нужно сказать, что сам Сталин не делал себе никаких иллюзий насчет

Ворошилова и нередко поддерживал против него Тухачевского как более выдающуюся фигуру. Но когда Сталину пришлось выбирать, он оказался на стороне Ворошилова, который может быть только его орудием, и выдал Тухачевского, который мог бы стать опасным противником.

Самая возможность такого конфликта выросла из эволюции советского режима: где бюрократия в целом совершенно неза

висима от народа, там военная бюрократия стремится стать независимой от штатской. Конфликт между двумя частями бюрократии или конкретнее, между Политбюро, включая Ворошилова, с одной стороны, и между цветом советского офицерства, с другой стороны, лежит в основе последнего процесса.

Сталин нанес армии самый страшный удар, какой вообще можно себе представить. Армия стала ниже на несколько голов. Она потрясена морально до самых своих основ. Интересы обороны страны принесены в жертву интересам самосохранения правящей клики. После процесса Зиновьева и Каменева, Радека и Пятакова процесс Тухачевского, Якира и др. знаменует начало конца сталинской диктатуры.

12 июня 1937 г.

В КОМИССИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Фактические поправки к моим показаниям

Мои показания, данные подкомиссии в Койоакане, заключают в себе несколько фактических неточностей. Правда, ни одна из них не имеет прямого отношения к предмету расследования Комиссии и не может оказать влияния на ее выводы. Тем не менее в интересах точности я считаю необходимым исправить здесь допущенные мною погрешности.

По вопросу о Гольцмане я ответил, что после выезда моего из России я не имел с ним "ни прямых ни косвенных связей". На самом деле Гольцман встретился с моим сыном Седовым в 1932 году в Берлине и сообщил ему, как я узнал позднее, фак тические сведения о положении в СССР. Эти сведения были опубликованы в русском "Бюллетене оппозиции". Этот факт можно истолковать как "косвенную" связь между Гольцманом и мною.

На вопрос моего защитника Гольдмана, капитулировал ли Блюмкин, я ответил: "В очень скромной форме". По-видимому, это утверждение ошибочно. По крайней мере, я не нашел ника ких следов капитуляции Блюмкина. Он работал за границей в контрразведке ГПУ. Работа его имела строго индивидуальный характер. Его начальники, Менжинский245 и Трилиссер246, счи тали его незаменимым работником и потому, несмотря на оппо зиционные убеждения Блюмкина, сохраняли его на крайне от ветственном посту.

По вопросу возвращения жены моего сына Жанны из Ко пенгагена в Париж в отчете сказано, будто она совершила путь из Дании во Францию на том же пароходе, что и мы с женой. Это ошибка. Более короткий и дешевый путь из Копенгагена в Париж вел через Гамбург. Этим маршрутом воспользовались

некоторые из наших друзей, для которых вопрос о немецкой визе не представлял затруднений. Жанна в качестве французской гражданки выехала в Париж через Гамбург. Я представляю Комиссии открытку, посланную Жанной из Гамбурга ее матери. Так как Жанна выехала из Копенгагена одновременно с нами; так как на пароходе нас сопровождало много друзей; так как мы с женой провели путь безвыходно в нашей каюте; так как Жанна встретила нас в Париже, то у меня сохранилось ложное впечатление, будто она ехала на одном пароходе с нами.

В Париж мы прибыли из Копенгагена не 5 декабря
1932 года (как ошибочно указано в отчете), а 6 декабря. Имен
но в этот день мы встретились с нашим сыном Львом Седовым,
успевшим прибыть из Германии.
На вопрос о времени прибытия Радека в Россию я указал
конец 1918 года. Это явная ошибка. Радек принимал участие в
Брест-Литовских переговорах в начале 1918 г. Он прибыл из
Стокгольма в Петроград, по-видимому, в конце 1917 года, во
всяком случае после Октябрьского переворота,
По поводу жены Виктора Сержа247 в отчете сказано,
будто она была арестована. На самом деле она была пригово
рена к месяцу принудительных работ с правом ночевать дома.
Сообщение о том, что она стала жертвой помешательства в
результате репрессий, обрушившихся на семью, совершенно
правильно. Она и сейчас остается душевнобольной в Париже.

Как уже сказано, ни одна из этих поправок не влияет на существо моих показаний и на вытекающие из них выводы. Я сохраняю за собой право исправить и дальнейшие неточности по мере их обнаружения.

29 июня 1937 г.

ПИСЬМО С. ЛАФОЛЕТ248

Дорогая мисс Лафолет!

1. Во время "слушания" в Койоакане доктор Дьюи выразил желание, чтоб я представил Комиссии свою переписку, относящуюся ко времени мнимого визита ко мне Пятакова. Эта работа выполнена, и член Комиссии Отто Рюле имел возможность ознакомиться с моей перепиской за декабрь 1935 года. Я позволю себе здесь обратить Ваше и Комиссии внимание на следующие обстоятельства.

Согласно показаниям Пятакова его свидание со мной состоялось 12 либо 13 декабря. Письма, написанные в этот день, имеют, поэтому, особенное значение.

12 декабря я написал два письма. Первое, на немецком языке, норвежскому политическому деятелю Олаву Шефло, прибывшему в те дни из далекого Кристиансанда в близкое Осло.

У меня с Шефло были очень дружественные отношения, и мы оба хотели повидаться друг с другом. Я заранее обещал ему навестить его в Осло при ближайшем его приезде. Вот что я писал Шефло 12 декабря; "Дорогой г. Шефло! Мне очень жаль, что состояние моего здоровья, как и здоровья моей жены, делают для нас трудным совершить в течение этих дней поездку в Осло". О моем болезненном состоянии в течение декабря дали в свое время показания мой бывший секретарь Эрвин Браун249 и члены семьи Кнудсена.

Второе письмо на французском языке адресовано редакции парижского журнала

"Революсион". Письмо очень обширно и заключает в себе ряд советов по поводу ведения газеты.

13 декабря я написал два французских письма: одно -- Политбюро организации большевиков-ленинцев во Франции; другое, большое письмо -Билину250, члену той же организации. Оба эти письма, как и упомянутое выше письмо редакции "Революсион", как и ряд писем в предшествующие и последующие дни, показывают, в какой степени я был поглощен в то время внутренними делами французской организации троцкистов.

Мнимое свидание произошло, по словам Пятакова, в получасе езды от аэродрома, значит, в двух часах езды от моего места жительства. На свидание должен был уйти, следовательно, целый день. Можно ли допустить, что в день столь исключительного свидания я нашел время и внимание, чтоб писать обширные письма, посвященные текущим делам французской организации.

Я готов признать, что изолированно взятые эти данные не имеют абсолютной убедительной силы. Но их нельзя брать изолированно. Инициатива представления этих документов принадлежит не мне, а Комиссии. И вот оказывается, что каждый новый документ, введенный в дело, дает фактическое или психологическое, прямое или косвенное опровержение подлогов ГПУ. Таково, позволю себе заметить, содержание всех моих архивов. Достаточно взять с закрытыми глазами любое из сотен моих досье, чтобы открыть в нем ряд документов, опровергающих или, по крайней мере, подрывающих московские подлоги.

2. Вам, вероятно, известно, что Издательство пионеров выпустило несколько недель тому назад впервые на английском языке мою книгу "Сталинская школа фальсификаций"251. Я позволю себе самым настойчивым образом рекомендовать эту книгу всем членам Комиссии. Она избавит Комиссию от необходимости требовать проверки целого ряда документов и цитат, приведенных мною в Койоакане для характеристики моих действительных отношений с Лениным. В моей переписке с Лениным за годы советского режима нет почти ничего такого, чего Ленин не сказал бы обо мне и моей деятельности в своих публичных речах и статьях. В названной книге приведены цитаты не только из писем, но и из печатных произведений Ленина, доступных всем. Наиболее важные факты и цитаты, характери

зующие отношения между Лениным и мною, опубликованы мною в моей автобиографии, а также во французском и русском изданиях "Сталинской школы фальсификаций", вышедших около шести лет тому назад. Никто и никогда в сталинской печати не оспаривал точности моих фактических ссылок и цитат, несмотря на то, что мои книги подвергались самой разнузданной критике со стороны Коминтерна. Не только потому, что, как знали сталинцы, я всегда имел возможность доказать подлинность большинства писем и других документов фотоснимками или заверенными копиями, но и прежде всего потому, что те же самые взгляды и оценки Ленин выражал неоднократно в печати. В Нью-Йорке имеются, вероятно, комплекты "Правды" за первый период революции, и, во всяком случае, имеется полное собрание сочинений Ленина (издание, вышедшее при жизни Ленина!). Проверка точности моих цитат не представит, поэтому, для Комиссии ни малейшего труда. Эти проверенные цитаты бросят, в свою очередь, достаточный свет на те ссылки, которые труднее поддаются проверке.

Важнейшей частью книги "Сталинская школа фальсификаций" является мое Письмо в бюро по истории партии, написанное в Москве 21 октября 1927 года, т. е. незадолго до моего исключения из партии и высылки в Центральную Азию. Письмо это в течение последних восьми лет переиздавалось на всех языках цивилизованного человечества и,

повторяю, ни одна из цитат никогда не была опровергнута или опорочена.

3. Посылаемые вам резюме по отдельным вопросам московских процессов составлены не мною, а моими сотрудниками: Ж. Ваном [Ейженортом], Я. Франкелем252 и Б. Вольфом 253. Я сохраняю за собой право после более внимательного ознакомления с этими документами послать Вам, в случае надобности, свои дополнительные замечания.

29 августа 1937 г.

БЕРТРАМ ВОЛЬФ О МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССАХ254

Бертрам Вольф255 пишет в "Нью Репаблик" (24 ноября) по поводу стенографического отчета о сессии в Койоакане: "Автор признает, что его прежняя позиция побуждала его к большему доверию Сталину, чем Троцкому, но что, перечитав московские признания вместе с этим изданием (отчет о койоаканской сессии -- Л. Т.) пли, вернее, заключительную речь, он вынес буквально непреодолимое убеждение, что Троцкий не мог совершать тех действий, в которых его обвиняют по процессам Зиновьева--Каменева и Радека--Пятакова".

Такое признание свидетельствует о наличии у Бертрама Вольфа элементарной добросовестности. Если бы Вольф был

буржуазным юристом или чистым психологом, можно было бы этим удовлетвориться. Но Вольф считает себя марксистом и является, насколько знаю, членом политической группы. Марксист должен был бы прежде всего опросить себя: каким образом мог он в течение ряда лет так жестоко ошибаться в вопросах огромной важности -- ибо дело идет вовсе не об индивидуальных обвинениях Сталина против Троцкого, а о борьбе двух исторических тенденций: бюрократической и пролетарской. Московские процессы явились неожиданностью только для буржуазных и мелкобуржуазных филистеров. На самом деле процессы открыто подготовлялись в течение не менее тринадцати лет на глазах всего мира. Об этом свидетельствуют, в частности, документы, собранные в моей книге "Сталинская школа фальсификаций". Нельзя умолчать и о том факте, что группа Брандлера--Лов-стона256, к которой принадлежит Бертрам Вольф, в течение ряда лет воспитывалась в этой школе фальсификаций, и сам Лов-стон, отнюдь не образец добросовестности, внес свою лепту в дело подготовки будущих московских процессов.

Небывалый в человеческой истории судебный подлог явился результатом небывалой в истории реакции против первой пролетарской революции. Фальсификация -- философская, историческая, биографическая, политическая, литературная, судебная -- является неизбежной идеологической надстройкой над материальным фундаментом узурпации новой аристократией государственной власти и эксплуатацией ею завоеваний революции. Марксист, который открыто провозглашает, что московские процессы были для него загадкой до появления койоа-канского отчета, признается тем самым в том, что он не понял важнейших событий и процессов современной истории.

Мы не стали бы задним числом укорять в этом Вольфа, если бы он сделал из своего запоздалого откровения необходимые политические выводы, т. е. пересмотрел бы свою позицию за последние тринадцать лет. Но Бертрам Вольф поступает как раз наоборот. Придя к заключению, что московские обвинения представляют подлог и тем самым подтверждают прогноз левой оппозиции о перерождении и загнивании термидорианской бюрократии, Вольф требует от нас, чтобы... мы пересмотрели свои взгляды. Как это ни невероятно, но это так. Московские процессы и последующее развитие ставят меня, видите ли, перед "новой дилеммой". Я доказывал перед Комиссией и в печати, что Сталин сознательно довел до моральной прострации и до физической гибели несколько десятков

бывших революционеров с единственной целью: ударить их трупами по Четвертому Интернационалу и по мне в частности. "Теперь стало ясно, -- пишет Б. Вольф, -- что он (Троцкий) был превращен в дьявола в значительной мере для того, чтобы создать дело против других -- вождей новой оппозиции, которая выросла против Сталина и его методов среди его ближайших сторонников". Это со

вершенно правильно. Эта "диалектика подлога" не была для нас тайной и раньше. Сталину нужно было пожертвовать десятками бывших своих товарищей, чтобы создать фантастическую фигуру контрреволюционного сверхзаговорщика Троцкого. А затем он воспользовался этой фигурой для расправы со всеми своими противниками. Их оказалось гораздо больше, чем ду мал Сталин. Число их растет. Как раз холодно подготовленная кровавая расправа над заведомо невиновными людьми, строителями большевистской партии, не могла не вызвать содрогания в рядах самой бюрократии. Во всем этом нет ничего неожиданного. С 1931 г. мы, левая оппозиция, не раз предсказывали, что термидорианская бюрократия будет, чем дальше, тем боль ше приходить в противоречие с потребностями развития страны, и что это противоречие будет разлагать ее собственные ряды. Организованный контроль масс, как и демократическая дисциплина партии, давно не существуют. Преодолевать центробежные силы внутри бюрократии можно только завершением бонапартистского режима. Новая конституция подготовляет это завершение. После выборов последует в том или другом виде "коронование" Сталина. Филистеры будут все сводить к личному властолюбию. На самом деле у термидорианского режима нет другой перспективы, кроме бонапартистского коронования. Но как раз теперь, когда наш прогноз получает наиболее неопровержимое подтверждение, Бертрам Вольф выступает с совершенно неожиданным требованием -- пересмотреть наши взгляды.

"Что же в таком случае произойдет, -- пишет он, -- с ос новной теорией Троцкого, по которой весь военный, полицейский, партийный и государственный аппарат так перерождены, что никакой оппозиции (?) внутри партии не может больше зозник-нуть, и что новая революция необходима как единственный путь возрождения?" Мы никогда не говорили, что "никакая оппозиция" не может более возникнуть внутри партии. Наоборот, мы утверждали, что так называемая "партия", т. е. политическая организация бюрократии, будет все больше разъединяться центробежными силами. Правые, не рыков-бухаринские, а настоящие реставраторские тенденции -- в ней неизмеримо сильнее левых. Под видом "троцкистов" Сталин расстреливает сейчас не только остатки революционного поколения, но и слишком нетерпеливых сторонников буржуазного режима. В массах, не-сомненно, живы традиции Октябрьской революции. Вражда к бюрократии растет. Но рабочие и крестьяне, даже формально принадлежащие к так называемой партии, не имеют никаких каналов и рычагов для воздействия на политику страны. Ны-нешние процессы, аресты, изгнания, судебные и несудебные расстрелы представляют собою форму превентивной гражданской войны, которую бюрократия в целом ведет против трудящихся и которую наиболее последовательное бонапартистское крыло

бюрократии ведет против остальных менее твердых или менее надежных ее групп. Если правящая клика явно идет к законченному бонапартизму, то совершенно очевидно, что каждое серьезное левооппозиционное движение не может не становиться на путь новой революции. У Вольфа же выходит, что, так как Сталин расстреливает очень много народа, то это доказывает возможность... мирного преобразования режима.

Бертрам Вольф увидел, наконец, кусочек правды, но, как уже сказано, под формально-юридическим и индивидуально-психологическим углом зрения. Это показывает, что он принадлежит к тому поколению марксистов, которое искушено в организационных маневрах и шахматных ходах, но совершенно не научилось по-марксистски подходить к большим проблемам. Мы ценим искренность признания Вольфа и говорим об этом без малейшей иронии. Но именно поэтому мы советуем Вольфу отбросить мелкие соображения кружковщины и кумовства, подойти к делу без того цинизма, который характеризует Брандлера-- Ловстона, изучить проблему советской революции заново и пересмотреть свою позицию с начала и до конца. Иначе Вольфу придется с запозданием на ряд лет делать новые открытия. А. время, между тем, не ждет. Задачи велики. Работы много.

23 ноября, Койоакан

ВЕЛИКИЙ ВЕРДИКТ

Кошмарные события, развертывавшиеся в СССР в течение последних 18 месяцев, посеяли во всем мире недоумение, тревогу и ужас. Не было, правда, недостатка в циниках, которые пытались заставить цивилизованное человечество поверить официальным сообщениям советского телеграфного агентства. Однако мировое общественное мнение упорно не хотело понять, каким образом все вожди большевистской партии, Красной армии, советского государства, двадцати пяти национальных республик, входящих в состав Союза, наиболее выдающиеся дипломаты, администраторы, инженеры, писатели, композиторы оказались предателями и агентами фашизма. Международная Комиссия в Нью-Йорке открыто и мужественно сказала, что есть московские процессы -- величайший в истории подлог, организованный правящей кликой для морального и физического истребления всякой политической оппозиции в стране. Прибавлю: для подготовки предстоящей вскоре "коронации" Сталина. Заключение Комиссии не воскрешает, конечно, убитых; но оно восстанавливает их политическую честь. Оно затрудняет дальнейшие убийства. Оно очищает политическую атмосферу. Оно.

компрометирует заранее предстоящее коронование Сталина. Оно побудит рабочих всего мира отшатнуться от вождей, которые живут обманом и подлогом. Не будет, поэтому, преувеличением сказать, что голос Комиссии войдет в историю как один самый важный из вердиктов, когда-либо выносившихся каким-либо судом.

Койоакан, 13 декабря 1937 г.

НОВЫЙ ПРОЦЕСС257

В феврале прошлого года, во время второго московского процесса (Пятакова--Радека), который должен был исправить плохое впечатление первого процесса (Зиновьева--Каменева), я говорил в печати: "Сталин похож на человека, который пытается удовлетворить жажду соленой водой. Он вынужден будет инсценировать дальнейшие судебные подлоги, один за другим".

Третий московский процесс подготовлялся более длительно и, надо думать, более тщательно, чем предыдущие. Международная подготовка происходила в течение последних недель на глазах всего мира. Пресловутая статья Сталина о международ-ной революции (17 февраля), поразившая многих своей неожиданностью, имела задачей создать в рядах рабочего класса более благоприятную атмосферу для будущего процесса. Сталин хотел сказать рабочим, что, если он истребляет все революционное поколение, то исключительно в интересах международной революции. Никакого другого назначения его статья не имеет. Смерть моего сына Льва Седова, которая продолжает оставаться окутана тайной, должна, до

доказательства обратного, рассматриваться как второй акт подготовки процесса: надо было во что бы то ни стало заставить замолчать осведомленного и мужественного обличителя. Третьим актом подготовки была попытка г. Ломбардо Толедано, Лаборде258 и других мексикан-,ских агентов Сталина заставить меня замолчать накануне третьего процесса, как норвежское правительство заставляло меня замолчать после первого процесса (август 1936 г.). Таковы главные элементы подготовки.

Обвинение против 21 подсудимого опять публикуется всего за четыре дня до суда, чтоб застигнуть общественное мнение врасплох и помешать своевременной доставке опровержений из-за границы.

По значению обвиняемых нынешний процесс далеко превосходит процесс Радека--Пятакова и приближается к процессу Зиновьева--Каменева. В списке обвиняемых не менее семи бывших членов ЦК партии, в том числе Крестинский, Бухарин, Ры ков, бывшие члены Политбюро, т. е. учреждения, составляюще-го фактически верховную власть советского государства.

После смерти Ленина Рыков в течение свыше пяти лет был официальным главой правительства. Бухарин с 1918 г. был редактором центрального органа партии -- "Правда", а с 1926 г.-- официальным вождем Коминтерна, затем, после падения, редактором "Известий". Раковский был главой украинского правительства, затем -- послом в Лондоне и Париже. Крестинский, предшественник Сталина в качестве секретаря ЦК партии, был затем несколько лет послом в Берлине. Ягода в течение почти десяти лет стоял во главе ГПУ как наиболее доверенное лица Сталина и полностью подготовил процесс Зиновьева--Каменева. В составе обвиняемых не менее шести бывших членов центрального правительства.

Из девяти человек, которые в эпоху Ленина были членами Политбюро, т. е. фактическими вершителями судеб СССР, необ-виненным остается ныне один Сталин. Все остальные объявлены агентами иностранных государств, причем обвинения восходят к 1921 и даже 1918 году. Русская белая эмиграция не раз обвиняла Ленина, меня и всех других большевистских вождей в том, что они совершили октябрьскую революцию по поручению германского генерального штаба. Сейчас Сталин пытается полностью подтвердить это обвинение.

По своим политическим тенденциям те из обвиняемых, которые мне известны, распадаются на три группы: А) Бухарин и Рыков, бывшие вожди правой оппозиции; третий из вождей этой группы, Томский, бывший председатель советских профессиональных союзов, был в прошлом году доведен травлей до самоубийства. Правая оппозиция находилась с 1923 г. в непримиримой борьбе с левой оппозицией, так называемыми троцкистами. Рыков, Бухарин и Томский рука об руку со Сталиным провели всю кампанию разгрома левой оппозиции. Б) Вторую группу составляют обвиняемые, которые в течение известного времени действительно принадлежали к левой оппозиции. Таковы Крестинский и Розенгольц259, которые, однако, открыто перешли на сторону Сталина еще в 1927 г., и Раковский, который вернулся в правительственный лагерь четыре года тому назад. В) Третью группу, поскольку она мне известна, составляют либо активные сталинцы, либо аполитические специалисты.

Особенный свет на весь процесс бросает имя профессора Плетнева260. В прошлом году он был арестован по обвинению в сексуальном преступлении. Об этом открыто писала вся советская печать. Сейчас Плетнев привлекается по процессу... политической оппозиции. Одно из двух: либо сексуальные обвинения выдвинуты были против него только для того,

чтобы вымогать у него необходимые признания; либо же Плетнев действительно повинен в садизме, но надеется заслужить милость "признаниями", направленными против оппозиции. Эту гипотезу мы будем, может быть, иметь возможность проверить во время процесса.

Как мог Сталин бросить этот новый вызов мировому общественному мнению? Ответ на этот естественный вопрос слагается из четырех элементов: 1) Сталин презирает общественное мнение. 2) Он не читает иностранной печати. 3) Агенты Коминтерна доносят ему из всех стран о своих "победах" над общественным мнением. 4) Осведомленные люди не смеют раскрыть Сталину правду. Так он стал, незаметно для себя, жертвой собственной политики. Он вынужден пить соленую воду для утоления жажды.

16:30, 28 февраля 1938 г.

Койоакан

ВОСЕМЬ МИНИСТРОВ261

Вчера я писал, что на скамье подсудимых сидят не менее семи бывших членов центрального советского правительства. Сегодня, после уточнения фамилий, я вижу, что в числе подсудимых, не считая автора этих строк, состоят восемь бывших советских министров, в том числе бывший глава правительства Рыков. Бухарин, лишенный качеств администратора, никогда не входил в состав правительства, но как член Политбюро и как глава Коминтерна со времени падения Зиновьева (1926 г.) занимал положение более высокое, чем положение министра. Все эти люди, оказывается, не стремились ни к чему другому, как к унижению и расчленению СССР!

Помимо прочих преступлений, о которых будет еще речь впереди, новые подсудимые обвиняются в убийстве Кирова. Напомню, что Киров, ленинградский агент Сталина, был убит 1 декабря 1934 г. никому не известным молодым коммунистом Николаевым, по-видимому, на личной почве и, во всяком случае, как видно даже из советских отчетов, при прямом участии агентов ГПУ. Немедленно после убийства Кирова расстреляны были без суда 104 "белогвардейца", будто бы прибывших из-за границы для террористических актов. Хотя имена 104-х никогда не были опубликованы, но известно, что в числе их были болгарские, венгерские и польские оппозиционные члены Коминтерна. Затем в убийстве Кирова обвинен был ленинградский "центр" группы Зиновьева, причем расстреляют 13 человек. После этого в том же преступлении обвинен был "зиновьевско--троцкистский центр", причем 16 человек были расстреляны, не считая расстрелянных во время судебного следствия. В январе прошлого года в убийстве Кирова обвинен был "параллельный троцкистский центр" (Радек, Пятаков и другие), причем 13 обвиняемых были расстреляны. Наконец, сейчас мы узнаем, что подготовкой убийства все того же Кирова занята была также права" оппозиция (Рыков--Бухарин). Таким образом, все вожди боль

шевистской партии, люди с большим политическим и революционным опытом, люди с именами, известными всему миру, строили в течение ряда лет "основные", "объединенные" и "параллельные" террористические центры, причем каждый из этих центров подготовлял убийство одного и того же второстепенного сталинского агента Кирова, имя которого стало известно только благодаря судебным процессам.

Согласно новому обвинительному акту террористические планы Бухарина и Троцкого начались в 1918 г. С 1921 г. Троцкий был уже в тайном заговоре с иностранной державой (Германией?). Главные обвиняемые были членами ЦК партии и правительства и встречались с намеченными ими "жертвами" ежедневно. В руках Троцкого были, к тому же,

неограниченные средства военного аппарата. И что же? Жертвой этой адской заговорщической деятельности, начавшейся с 1918 г., оказывается все тот же Киров, убивавшийся по очереди белогвардейцами, ленинградскими зиновьевцами, объединенным центром, троцкистами и, наконец, бухаринцами.

Освободившись от всякой ответственности, тоталитарные вожди освободились от элементарных законов здравого смысла. Московский процесс поражает как грандиозный абсурд, как бред помешанного, вооруженного всей полнотой власти. Не будет преувеличением сказать, что в этой своей части обвинение проникнуто духом тоталитарного идиотизма. Мы покажем дальше, что оно нисколько не лучше и во всех остальных своих частях.

19.00, 1 марта, 1938 г. Койоакан

КАК ВЕЛОСЬ СЛЕДСТВИЕ ПЕРЕД ТРЕТЬИМ ПРОЦЕССОМ262

Следствие велось, разумеется, в непроницаемой тайне. Однако очень важные эпизоды следствия стали известны отчасти из советской печати, отчасти из разоблачений советских представителей, порвавших с Кремлем (Рейсе263, Бармин264, Кривиц-кий265 и другие), отчасти из других источников.

Бухарин в качестве "заговорщика" назван был в показаниях Радека (заседание суда 24 января 1937 г.). С того времени Бухарин сидел в тюрьме. ГПУ устроило Радеку, который играл роль агента прокурора Вышинского, свидание с Бухариным. Радек сказал Бухарину, с которым раньше был дружен: "Признай все, чего от тебя требуют, и ты останешься жив. Я живу спокойно на даче, имею свою библиотеку, не могу только встречаться с посторонними". На Бухарина эти доводы не подействовали.

На заседание пленума ЦК в феврале 1937 г Бухарин, бывший глава Коминтерна, и Рыков, бывший глава правительства, были вызваны из тюрьмы: факт небывалый в истории партии! От них потребовали, чтобы они сделали "добровольное признание" и помогли этим разгромить врагов партии (Троцкого и его единомышленников). Рыков плакал на заседании ЦК. Мягкий Бухарин держал себя, наоборот, агрессивно, обвиняя Сталина в судебных подлогах. Оба отказались брать на себя постыдную роль. Сталин крикнул: "Назад в тюрьму, пусть оттуда защищаются!" Бухарин и Рыков были уведены в тюрьму агентами ГПУ, дожидавшимися у двери. Благодаря многочисленности членов пленума, сцена эта стала в тот же день известна в бюрократических кругах.

Обвиняемый Раковский, бывший глава правительства Украины, затем посол в Лондоне и Париже, был арестован в феврале 1937 г. Первый допрос на его квартире продолжался 18 часов без перерыва. Менялись следователи ГПУ, но 64-летний Раковский оставался в течение 18 часов без пищи и питья. Жена Раковского хотела дать ему стакан чая, но ей запретили сделать это под тем предлогом, что она может отравить (!) мужа. Непрерывные допросы в течение Десятков часов, под гипнотизирующим светом особых прожекторов, составляют обычную систему ГПУ с целью ослабить сопротивление нервов. Мрачков ского, расстрелянного по процессу Зиновьева--Каменева, допрашивали 90 часов подряд, с самыми короткими перерывами. Это кажется невероятным; но методы ГПУ вообще "невероятны". В числе других этот факт сообщен Игнатием Рейссом со ссылкой на Слуцкого266, одну из центральных фигур ГРУ. Факт хорошо известен также некоторым американским журналистам.

Тем временем продолжалась так называемая "чистка", главной задачей которой за последний год была подготовка третьего процесса. Арестовывались десятками и сотнями

родственники, друзья, сотрудники, коллеги обвиняемых. Цель арестов состояла в том, чтобы каждого из обвиняемых окружить кольцом ложных доносов со стороны близких ему людей.

Те из кандидатов в подсудимые, которые не дают себя сломить ни непрерывными допросами, ни ослепляющими прожекторами, ни десятками фальшивых показаний, расстреливаются в ходе самого следствия, без всякого суда, по простому постановлению ГПУ, т. е. по личному распоряжению Сталина. 19 декабря прошлого года газеты сообщили о расстреле выдающегося советского дипломата Карахана267 и бывшего секретаря Центрального исполнительного комитета Советов Енукидзе268 как "шпионов". По всей своей работе Карахан и Енукидзе были тесно связаны с подсудимыми нового процесса. Обвинялись они в тех же преступлениях. Почему же они не оказались на скамье подсудимых? Только потому, что их не удалось сломить в процессе следствия. Их расстреляли для того, чтобы дать послед

нее предостережение другим упорствующим. Нужно прибавить, что заключенные не только не имеют адвокатов, но лишены свидания с близкими -кроме тех, которые, как Радек, склоняют заключенного дать требуемые показания. Так "воспитывались" обвиняемые в течение года, после ряда лет предварительных преследований и репрессий.

19 января этого года печать сообщила, что январский пленум ЦК в Москве постановил ослабить массовую чистку. Мировое общественное мнение поспешило сделать вывод о начале нового, более мягкого курса. На самом деле массовая "чистка" была приостановлена только потому, что ближайшая цель уже была достигнута, т. е. воля намеченных подсудимых сломлена, и возможность процесса обеспечена. Таков был ход следствия.

Иностранные агенты Москвы поспешили назвать новое судебное издевательство "гласным" судом. Как будто судопроизводство становится "гласным" от того, что инквизиция приподнимает в избранный ею момент занавес над маленькой частью своей работы!

Суд начнется 3 марта. Между тем "Правда" уже 28 февраля заявила, что подсудимым не избежать расстрела. "Правда" есть личный орган Сталина. Какое же значение имеет суд, если Сталин через свой орган диктует приговор до начала судебного следствия? Называть этот суд "гласным" могут только те наемники, которые объявляли не так давно сталинскую конституцию "самой демократической в мире".

* * *

В новом процессе можно ждать некоторых усовершенствований по сравнению с предшествовавшими. Монотонность покаяний подсудимых на первых двух процессах производила удручающее впечатление даже на патентованных "друзей СССР". Возможно, поэтому, что на этот раз мы увидим и таких подсудимых, которые, в порядке своей роли, будут отрицать свою виновность, чтобы затем, под перекрестным допросом, признать себя побежденными. Можно, однако, предсказать заранее, что ни один из подсудимых не причинит никаких затруднений прокурору Вышинскому.

Возможно и другое нововведение. В предшествующих процессах поражало полное отсутствие вещественных доказательств: документов, писем, конспиративных адресов, револьверов, бомб. Все упоминавшиеся в процессе письма оказывались неизменно "сожженными". Весьма вероятно, что на этот раз ГПУ решилось сфабриковать какие-либо подложные документы, чтоб дать хоть подобие опоры дружественным иностранным адвокатам и журналистам. Риск не велик: кто в Москве может проверить работу ГПУ?

Нельзя ли, несмотря на все это, ждать со стороны подсуди мых какого-либо неприятного сюрприза по адресу Сталина и П1У во время предстоящего процесса. Не окажется ли на

этот раз поток покаяний прерываем чьим-либо негодующим возгласом: "Все это ложь с начала до конца!" Такой сюрприз не исключен. Но он все же маловероятен. Зал будет битком набит хорошо дрессированными агентами ГПУ, способными создать надлежащую атмосферу как для подсудимых, уже нравственно сломленных, так и для журналистов, тщательно подобранных.

Кроме того, каждому подсудимому в отдельности обещано по секрету спасение жизни. Образ Радека и его дачи будет все время мелькать пред взорами этих замученных людей. Еще большим тормозом явится мысль о семье, о близких, которые неизбежно погибнут в случае открытого протеста. Но как бы гладко ни прошел судебный процесс с внешней стороны, он сам взорвет себя на воздух политической, моральной и психологи ческой бессмыслицей подлога. Об этом будет сказано в свое время.

18.00, 1 марта, 1938 г. Койоакан

НОВЫЙ МОСКОВСКИЙ ПРОЦЕСС269

Обвиняемые

Главными фигурами нынешнего процесса являются Бухарин, Рыков и Раковский. Ими можно измерить глубину реакции в СССР. Рыкова я первый раз встретил в Париже в 1910 г. Большевик Дубровинский 270, давно умерший, сказал мне шепотом, указывая на Рыкова: "Во всякой другой стране Алексей был бы министром-президентом". 14 лет спустя Рыков был по моему предложению избран на освободившийся после смерти Ленина пост председателя Совета народных комиссаров. Лишенный чис-то теоретических интересов, Рыков обладает ясным политиче-ским умом и выдающимися способностями администратора. Несмотря на сильное заикание, Рыков оратор большой силы. Всю свою сознательную жизнь он отдал служению одной и той же идее.

В противовес Рыкову Бухарин -- чистый теоретик, лектор, писатель, один из немногих большевиков, лишенных организаторских способностей. Именно поэтому он никогда не входил в состав правительства. Зато он был редактором центрального органа "Правда" -- пост исключительного значения, а после па-дения Зиновьева -- руководителем Коминтерна (1926--27 гг.). В характере Бухарина всегда было что-то детское, что делало

его, по выражению Ленина, "любимцем партии". Теоретическая мысль Бухарина отличается капризностью и склонностью к парадоксам Он нередко и весьма задорно полемизировал против Ленина, который отвечал ему сурово, но в педагогическом тоне. Острота полемики никогда не нарушала, однако, дружеских отношений. Бухарин был влюблен в Ленина и привязан к нему как ребенок к матери. Если бы в те годы кто-нибудь сказал, что Бухарин будет обвинен в подготовке покушения на жизнь Ле-нина (через 20 лет!), каждый из нас предложил бы посадить этого пророка в сумасшедший дом.

Раковского я знаю с 1903 г. Наша тесная дружба длилась до 1934 г., когда Раковский покаялся в своих оппозиционных грехах и вернулся в правительственный лагерь. В полном смысле слова международный революционер, Раковский кроме родного болгарского языка владеет русским, французским, румынским, английским, немецким, читает на итальянском и других языках. Изгнанный из девяти европейских стран, Раковский связал свою судьбу с Октябрьской революцией, которой он служил на самых ответственных постах. Врач по образованию, блестящий оратор и писатель, он привлекал всех открытым ха-рактером, отзывчивостью, психологической находчивостью.

У Бухарина за плечами 30 лет революционной работы, у Рыкова -- скоро 40 лет, у Раковского -- почти 50. Эти три лица обвиняются в том, что внезапно стали агентами

иностранных держав и "шпионами" с целью разгрома и расчленения СССР я восстановления капитализма. И все три после соответственной обработки в тюрьме ГПУ признают себя виновными.

Следующим по значению надо поставить Крестинского, адвоката по образованию, старого большевика, который был предшественником Сталина на посту секретаря Центрального комитета партии, прежде чем стать народным комиссаром финансов, а затем послом в Берлине. Телеграммы сообщают, что нервный и порывистый Крестинский на первом же заседании суда опроверг все свои показания, данные на предварительном следствии. Заразит ли он своим примером других, или же после короткой вспышки мужества снова впадет в прострацию, покажут ближайшие дни.

Особое место на скамье подсудимых занимает Ягода, который в качестве вдохновителя, затем начальника ГПУ был в течение десяти лет самым доверенным лицом Сталина по борьбе с оппозицией. Человек по существу ничтожный, без особых примет, он стал воплощением духа секретной полиции. После под готовки процесса Зиновьева--Каменева (август 1936 г.) Ягода испугался перспективы дальнейшего истребления старых большевиков, среди которых было немало его личных друзей. Это решило его судьбу. Вчера только возведенный в сан полицейского "маршала", он был низвергнут, арестован, объявлен предателем и врагом народа. Новый начальник ГПУ, Ежов, приме

нил к Ягоде те методы следствия, изобретателем которых надо признать по справедливости Ягоду, и добился тех же резуль-татов.

Из остальных обвиняемых политический интерес представляют Розенгольц и Зеленский271, старые большевики, бывшие члены Центрального комитета. Розенгольц, организатор по преимуществу, играл крупную роль в гражданской войне, в значительной мере под моим непосредственным руководством. Зеленский в течение нескольких лет руководил важнейшей в партии московской организацией. Бывшие народные комиссары Иванов272, Гринько273 и Чернов274 являются чисто администра-тивными фигурами новой формации. Три из обвиняемых (Ик-рамов275, Ходжаев276 и Шарангович277) известны мне как крупные фигуры провинциального масштаба. Пять имен (Крюч-ков278, Бессонов279, Зубарев280, Максимов281 и Буланов282) не вызывают в моей памяти никаких ассоциаций. Во всяком случае, это персонажи третьего и четвертого порядка. Особого внимания заслуживают четыре врача кремлевской больницы. Медицинскими услугами двух из них, Левина283 и Плетнева, мне не раз приходилось пользоваться. Двух других, Казакова284 и Виноградова285, помню по имени. Врачи обвиняются не более и не менее, как в том, что отравили народного комиссара тяже лой промышленности Куйбышева286, начальника ГПУ Менжинского и писателя Горького287. Только этого непостижимого обвинения и не хватало!288

Напомним вкратце, как выглядит большевистская партия и советская власть в результате серии судебных подлогов. Из девяти человек, которые при жизни Ленина входили в Политбюро, т. е. в верховное учреждение партии и государства, все, за исключением Сталина и своевременно умершего Ленина, оказались агентами иностранных государств. Самого Ленина от обвинения спасла только смерть. Во главе Красной армии и флота стояли сплошь изменники: Троцкий, Тухачевский, Якир, Уборевич и пр. Все советские послы: Сокольников, Раковский, Крестинский, Карахан, Юренев289 и пр. оказались врагами народа. Во главе промышленности и железных дорог стояли организаторы сабо-тажа: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц и другие. Во главе Коминтерна стояли случайно

агенты фашизма: Зиновьев и Бухарин, как и во главе советской печати: Бухарин и Радек. Главы тридцати национальных советских республик оказались агентами империализма. Наконец, заведование жизнью и здоровьем вождей партии и правительства было поручено отравителям. Под этой картиной остается только дать подпись мастера: Иосиф Сталин.

* * *

Политически обвиняемые нынешнего процесса, как и прошлых, принадлежат к разным, притом враждебным группировкам. Бухарин и Рыков вместе с председателем профессиональных союзов Томским, которого довели травлей до самоубийства, стояли во главе правого крыла партии. Их борьба против троцкизма носила наиболее последовательный и принципиальный характер. Рука об руку с ними Сталин, игравший роль центра, подготовил полицейский разгром левой оппозиции в 1928 г. О существовании правотроцкистского "блока" я узнал только из газет. Реальный блок, в котором правые участвовали в течение нескольких лет, был их блок со Сталиным против меня и моих Друзей.

Раковский, Крестинский и Розенгольц действительно были в свое время моими единомышленниками. Активную роль в левой оппозиции играл один Раковский. Его перу принадлежит блестящий очерк политического и нравственного разложения советской бюрократии290. Розенгольц и Крестинский скорее могли быть отнесены к числу сочувствующих оппозиции, чем к ее активным членам. В 1927 г. оба перешли в лагерь Сталина, превратившись в исполнительных чиновников. Раковский держался дольше других. До меня дошли сведения, к сожалению, не проверенные, что Раковский сделал в 1934 г. попытку бежать из Барнаула (Алтай) за границу, был ранен, арестован и поме щен в кремлевскую больницу. Только после этого больной и измученный борец капитулировал перед правящей кликой.

Бывшие правые, бывшие левые, чиновники сталинской шко-лы, аполитичные врачи и таинственные незнакомцы не могли участвовать в политическом заговоре: они связаны воедино только злой волей прокурора.

Нынешний большой процесс, как и первые два, вращается точно вокруг незримой оси, вокруг автора этих строк. Все преступления совершались неизменно по моему поручению. Люди, которые были моими непримиримыми противниками и изо дня в день вели против меня кампанию в печати и на собраниях, как Бухарин и Рыков, оказались почему то готовы по одному моему сигналу из-за границы совершить любое преступление. Члены советского правительства становились по моей команде агентами иностранных держав, "провоцировали" войну, подготовляли разгром СССР, разрушали промышленность, совершали крушения поездов, отравляли рабочих ядовитыми газами (в этом преступлении обвинен, в частности, мой младший сын, Сергей Седов, профессор инженерного училища). Мало того, даже кремлевские врачи в угоду мне отравляли больных!

Я близко знаю обстоятельства и людей, в том числе органи-затора процессов, Сталина. Я внимательно слежу за внутренней эволюцией Советов. Я прилежно изучал в свое время историю

революций и контрреволюций в других странах, где тоже не обходилось без подлогов и амальгам. Последние полтора года я живу почти непрерывно в атмосфере московских процессов. И тем не менее каждая новая телеграмма, рассказывающая о подготовке Бухариным покушения на Ленина, о связи Раковского с японским штабом или об отравлении старика Горького врачами Кремля кажется мне бредом. Я должен сделать над собой почти

физическое усилие, чтобы оторвать собственную мысль от кошмарных комбинаций ГПУ и направить ее на вопрос: как л почему все это возможно?

Обвинители

Всякий, кто пытается составить себе суждение о разверты-вающихея в России событиях, оказывается перед альтернативой: либо все те старые революционеры, которые вели борьбу против царизма, создавали большевистскую партию, совершили октябрьскую революцию, руководили трехлетней гражданской войной, строили советское государство, создавали Коммунис-тический Интернационал -- все они, почти поголовно, являлись уже во время этой работы или в ближайшие годы агентами капиталистических государств; либо же нынешнее советское правительство, (возглавляемое Сталиным, является виновником величайших в мировой истории преступлений. Многие пытаются решить вопрос в чисто психологической плоскости. Кто заслуживает большего "доверия", спрашивают они себя: Сталин или Троцкий? Гадания на этот счет остаются в большинстве случаев мало продуктивными. Люди золотой середины склоняются к компромиссу: вероятно, говорят они, у Троцкого были все же какие-то конспирации, а Сталин их преувеличил. Я предлагаю читателю поставить вопрос не в плоскости субъективных психологических и моральных гаданий, а в плоскости объективного исторического анализа. Этот метод надежнее. Вопрос о личной психологии сохраняет при этом все свое значение. Но личность перестает быть или казаться вершительницей судеб страны. Она сама превращается в продукт известных исторических обстоя-теяьств, в агента известных социальных сил. Программу самой могущественной личности, в том числе и программу ее подлогов, надо искать в тех исторических интересах, которые она представляет.

Сталин принадлежит, несомненно, к категории старых революционеров. Со времени революции 1905 г. Сталин вступил в партию большевиков. Но большевиков нельзя красить в один цвет. Сталин представлял тип, прямо противоположный типу Ленина или, чтобы взять величины более сомнительные, Зино-вьева--Каменева, которые долго работали в эмиграции под непосредственным руководством Ленина. Сталин бывал за гра

ницей лишь урывками, по партийным делам. Он не знает ни одного иностранного языка. В области теоретической он отли-чается всеми чертами самоучки. В его знаниях на каждом шагу встречаются зияющие пробелы. В то же время это сильный практический ум, осторожный и подозрительный. Его характер, несомненно, возвышается над умом. Сталин -- человек бесспорного личного мужества и большой выдержки. Лишенное опоры в каких либо ярких дарованиях -- полета мысли, творческого воображения, ораторского или писательского таланта, -- его честолюбие всегда было окрашено завистью, подозрительностью и мстительностью. Однако все эти качества, и положительные, и отрицательные, долгие годы оставались замкнутыми, неразвернутыми и, тем более, напряженными. Сталин производил впечатление выдающейся посредственности, не более. Понадо-бились совершенно особые исторические обстоятельства, чтоб дать подспудным чертам его характера исключительное развитие.

1917 год застал Сталина в политическом смысле глубоким провинциалом. Он и думать не смел о диктатуре пролетариата и о социалистической перестройке общества. Его программа ог-раничивалась буржуазной республикой. После февральской революции он проповедовал объединение с меньшевиками и поддержку первого Временного правительства, председателем которого был князь Львов291, министром иностранных дел -- либеральный профессор Милюков, военным министром -- промышленник Гучков292. Все

эти факты запечатлены в статьях и протоколах. Социалистическая программа Ленина застала Сталина врасплох. В массовом движении 1917 г. он не играл никакой роли. Склонившись перед Лениным, он отошел в тень, сидел в редакции "Правды" и писал серые статьи.

Ленин ценил Сталина за выдержку, твердость характера и осторожность. Насчет его теоретической подготовки и политического кругозора он не делал себе никаких иллюзий. В то же время он лучше, чем кто бы то ни было, отдавал себе отчет в нравственной физиономии "чудесного грузина", как он его назвал в одном письме 1913 г. Ленин не доверял Сталину. В начале 1921 г., когда Зиновьев проводил Сталина на, должность генерального секретаря, Ленин предупредил: "Не советую. Этот повар будет готовить только острые блюда". В своем завещании (январь 1923 г.), Ленин прямо рекомендовал партии снять Сталина с поста генерального секретаря, ссылаясь на его грубость, нелояльность и склонность злоупотреблять властью. Запомним твердо эти черты!

В обсуждении проблем Коминтерна Сталин при жизни Ленина не принимал никакого участия. Как раньше в вопросе социалистической революции в России, так позже в вопросе о международной революции, он всегда был скептиком. Ограни-ченность его исторического кругозора и консервативные со

циальные истины, вынесенные им из мелкобуржуазной грузинской среды, внушали ему чрезвычайное недоверие к массам. Зато он высоко ценил комитет, аппарат, "кадры". Эта сфера вполне отвечала его качествам закулисного комбинатора. В первый период революции, примерно до 1923 г., когда натиск и импро-визация масс играли еще решающую роль, Сталин оставался второстепенной фигурой. Имя его никому ничего не говорило. Массы его не знали совершенно. Он был только полуавторитетом для партийных чиновников, которые от него зависели. Но чем больше под гнетом исторических трудностей остывали и уставали массы, тем выше поднимался над ними бюрократический аппарат. Одновременно он совершенно менял свой внутренний характер. Революция по самому существу своему означает применение насилия масс. Бюрократия, которая благодаря революции пришла к власти, решила, что насилие является единственным фактором истории. Уже в 1923--1924 гг. я натыкался в Кремле на подобный афоризм: "Если политические режимы до сих пор падали, то только потому, что правящие не решались применять необходимое насилие". В то же время бюрократия все больше приходила к убеждению, что, вручив ей власть, массы выполнили, тем самым, свою миссию. Так и марксистская философия истории подменялась полицейской философией. Наиболее полное и последовательное выражение новым тенденциям бюрократии дал Сталин. Скрытые импульсы его сильной натуры нашли, наконец, надлежащее применение. В течение нескольких лет Сталин стал в полном смысле слова царем новой бюрократии, касты жадных выскочек.

Муссолини, Пилсудский, Гитлер, каждый по своему, были инициатором массового движения и поднялись вместе с этим реакционным движением к власти. Сталин никогда не был инициатором и по характеру своему не мог им быть. Он выжидал и комбинировал в тени. Когда бюрократия увенчала собою революцию в изолированонй и отсталой стране, она почти автоматически подняла на своих плечах Сталина, который вполне отвечал ее полицейской философии и лучше, т. е. беспощаднее всех других, способен был защищать ее власть и привилегии. "Социализм", "пролетариат", "народ", "международная революция" стали отныне только псевдонимами бюрократической касты. Она употребляет их тем более

крикливо, чем острее ее внутренняя неуверенность. Все ее положение в революционном обществе основано на маскировке, фальши и лжи. Она не может допустить ни малейшей оппозиции, ибо не способна защитить свою корыстную политику ни одним убедительным доводом. Она вынуждена душить в зародыше всякую критику, направленную против ее деспотизма и привилегий, объявлять всякое подобие несогласия изменой и предательством. Сперва эти оценки имели характер газетной клеветы, фальсификации цитат и статистики (бюрократия тщательно прячет свои доходы). Но чем больше

новая каста поднималась над советским обществом, тем более сильные средства нужны ей были для разгрома противников и устрашения масс. Именно здесь Сталин полностью развернул те опасные качества, о которых предупреждал Ленин: грубость, нелояльность, склонность к злоупотреблению (С)ласти. Кремлевский повар стал готовить самые острые блюда. Еще живые традиции революции заставляют Сталина чувствовать свою власть как узурпацию. Поклонение революции, униженное и раздавленное, продолжает оставаться в его глазах угрозой. Боясь масс больше, чем когда либо, он противоставляет им бюрократический аппарат. Но самый аппарат этот никогда не достигает необходимой "монолитности". Старые традиции и новые запросы общества порождают в аппарате трения и критику. Отсюда постоянная необходимость "чистки". А так как нельзя сказать народу, что арестам, ссылкам и расстрелам подвергаются люди, которые требуют урезки привилегий бюрократии и улучшения положения масс, то газетную клевету и травлю против оппозиции пришлось постепенно заменить судебными подлогами. Тоталитарный режим, в котором следователи, судьи, подсудимые и пресса одинаково в руках секретной полиции, вполне допускает такие эксперименты в Берлине как и в Москве. А так как для касты выскочек опаснее всего те представители революционного поколения, которые хоть отчасти сохранили верность старому знамени, то ГПУ доказывает, что старые большевики -- сплошь шпионы, изменники и предатели

Метод ГПУ есть метод импровизированной инквизиции: абсолютная изоляция, арест родных, детей, друзей, расстрел "непокорных" обвиняемых во время следствия (Карахан, Енукидзе, многие другие), угроза расстрела близких, монотонный вой тоталитарной печати -- в совокупности этого достаточно, чтобы разрушить нервы и сломить волю. Так без каленого железа и кипятку можно добыть необходимые "добровольные признания".

Еще до недавнего времени Сталин был несокрушимо убежден во всемогуществе этой системы. Вряд ли, однако, он сохраняет это убеждение сегодня. Каждый судебный процесс порождает недоумения и тревогу не только в народе, но и в самой бюрократии. Чтобы подавить недовольство, приходится ставить новый процесс. Под этой дьявольской игрой чувствуется еще подавленный, но возрастающий напор нового общества, которое предъявляет спрос на более свободные, культурные и достойные условия существования. Борьба между бюрократией и обществом становится все более ожесточенной. В этой борьбе победа остается неизменно за народом. Московские процессы -только эпизоды бюрократической агонии. Режим Сталина будет сметен историей.

1 марта 1938 г. Койоакан

ЧЕТЫРЕ ВРАЧА И ТРИ ЖЕРТВЫ293

Четыре врача на скамье подсудимых обвиняются в убийстве двух советских сановников, Куйбышева и Менжинского, и писателя Максима Горького. До сих пор считалось, что эти три лица умерли от болезней, которые, по крайней мере у Менжинского и Горького, тянулись много лет. Акты о смерти были подписаны полудюжиной светил советской

медицины и народным комиссаром здравоохранения. Трупы были сожжены. О новой медицинской экспертизе не может быть и речи. На чем же основывается обвинение? Очевидно, на "добровольных признаниях".

Двух из медиков -- "террористов" Левина и Плетнева -- я хорошо помню лично. Они были официальными врачами правительства с первых лет революции. Двух других, Казакова и Виноградова, помню только по фимилиям. В качестве врачей они не могли мечтать о более высоких постах, чем те, которые они занимали. В политической жизни они не принимали участия. Каковы же могли быть мотивы совершения ими самого ужасно го из всех преступлений: убийства больного врачом?

Это обвинение становится еще необъяснимее, если присмотреться к трем предполагаемым жертвам террора.

Куйбышев, хотя и принадлежал к советскому Олимпу, но никто не считал его самостоятельной фигурой. Его передвигали с поста на пост как бюрократическую полезность. Авторитетом в партии он не пользовался, политических идей не имел. Кому и зачем понадобилось убивать его?

Менжинский, уже тяжело больной, стал во главе ГПУ после смерти Дзержинского, в 1927 г. Доверенным лицом Сталина в ГПУ для выполнения наиболее секретных поручений был на самом деле Ягода. Но так как Ягода, один из нынешних обвиняемых, пользовался заслуженным презрением, то больной Менжинский назначен был в качестве прикрытия. На официальных заседаниях Менжинский обычно полулежал с перекошенным лицом. Его смерть наступила не раньше, а позже, чем ждали. Зачем нужно было его отравлять?

Самым поразительным является, однако, включение в список "убитых" Максима Горького. Как писатель и человек, он пользовался широкими симпатиями. Политиком не был никогда. В октябре 1917 г. и позже он был идейным противником большевиков, но сохранял с ними всеми прекрасные личные отношения. С молодых лет болел туберкулезом и жил в Крыму, затем в фашистской Италии, где, ввиду чисто литературного характера своей деятельности, не встречал никаких затруднений со стороны полиции Муссолини. В последние годы Горький снова поселился в Крыму. Так как он был очень жалостным и поддавался всяким влияниям, то ГПУ окружало его под видом сек-ретарей и машинисток кольцом своих агентов. Их задачей было

-не допускать к Горькому нежелательных посетителей. Какой

"смысл был в убийстве 67-летнего больного писателя?

Невероятный выбор исполнителей и жертв со стороны ГПУ

объясняется тем, что даже самый фантастический подлог приходится все же строить из элементов действительности. Положение ГПУ оказалось очень затруднительным: несмотря на то, что "заговор", как теперь выяснилось, начался уже с 1918 г.; несмотря на многочисленность террористических "центров", во главе которых стояли традиционные вожди большевистской пар-тии, члены ЦК и правительства; несмотря, наконец, на участие в заговоре наиболее выдающихся генералов Красной армии (Тухачевский, Якир и др.), реально, т. е. в области трех измерений, мир наблюдал не перевороты, восстания и террористические акты, а лишь аресты, высылки и расстрелы. Правда, ГПУ могло ссылаться на один единственный террористический акт, убийство Кирова в декабре 1934 г. молодым коммунистом Николаевым по неизвестным, скорее всего личным, причинам и во всяком случае при прямом участии высоких агентов ГПУ (Сталин оказался вынужден 23 января двенадцать из них приговорить к тяжелым тюремным карам). Труп Кирова неизменно

фигурировал во всех политических процессах за последние три с лишним года. Все убивали Кирова по очереди: белогвардейцы, зиновьевцы, троцкисты, правые. Этот ресурс оказался исчерпан.

Чтобы поддержать обвинительную конструкцию заговора, понадобились новые жертвы "террора". Искать их пришлось в числе недавно умерших сановников. А так как сановники умирали в Кремле, т. е. в условиях, исключавших доступ посторонних "террористов", то пришлось прибегнуть к обвинению кремлевских врачей в отравлении собственных пациентов, конечно, по инструкциям Бухарина, Рыкова или, еще хуже, Троцкого.

Поражает, на первый взгляд, тот факт, что в число "жертв" не включен Орджоникидзе, покойный глава тяжелой промыш

ленности, игравший, в отличие от трех названных, крупную политическую роль как один из наиболее видных членов Политбюро. Здесь мы подходим к самому зловещему узлу судебной "амальгамы".

Покончил с собой секретарь Зиновьева Богдан. ГПУ эти смерти пыталось вменить в вину оппозиции. Так, обвиняемые показывали, будто Богдан покончил с собой не под гнетом преследований, а по постановлению оппозиционного центра, в наказание за отказ совершить террористический акт. Таких примеров много, многие говорят за то, что обвинение в отравлении построено по тому же типу, т. е. действительные или только предполагаемые преступления бюрократии приписывают оппозиции.

В книжке "Письмо старого большевика", вышедшей на разных языках в течение последних двух лет294, высказано было предположение, что Горький был отравлен ГПУ ввиду его воз-раставшего сопротивления сталинскому террору. Что Горький

скорбел, жаловался и плакал -- сомнения нет. Но отравление Горького ГПУ я считал и считаю невероятным. Факт, однако, таков, что слух об этом отравлении очень широко распростра-нился как в СССР, так и за границей и встречал доверие.

Смерть Орджоникидзе вызвала такие же слухи и подозрения. Сведения из Москвы говорили, что Орджоникидзе яростно противился истреблению старых большевиков. Это вполне в характере Орджоникидзе, который больше, чем кто-либо в окружении Сталина, сохранил чувство моральной ответственности и личного достоинства. Оппозиция Орджоникидзе в столь остром вопросе представляла для Сталина огромную опасность. Горький мог только плакать. Орджоникидзе способен был действовать. Отсюда слухи об отравлении Орджоникидзе. Верны они были или нет, но они носили крайне упорный характер.

Немедленно же после ареста доктора Левина, начальника кремлевской больницы, в заграничную печать проникло сообщение о том, будто именно Левин объяснил смерть Орджоникидзе отравлением. Факт крайне знаменательный. Доктор Левин заподозрил ГПУ в отравлении Орджоникидзе за несколько месяцев до того, как ГПУ обвинило доктора Левина в отравлении Куйбышева, Менжинского, Горького.

Имена остальных трех врачей не назывались раньше в этой связи. Но весьма вероятно, что разговоры о причинах смерти Орджоникидзе велись именно в среде кремлевских врачей. Этого было слишком достаточно для ареста. Арест стал точкой отправления для "амальгамы". Реплика ГПУ проста: "Вы подозреваете, что Орджоникидзе отравлен? Мы подозреваем, что вы. отравили Куйбышева, Менжинского и Горького. Вы не хотите признаний?! Мы вас расстреляем немедленно. Если же вы при знаетесь, что совершили отравление по инструкциям Бухарина, Рыкова или Троцкого, то можете надеяться на

снисхождение".

Все это кажется невероятным. Но невероятность составляет самую суть московских процессов. Они возможны только в отравленной насквозь атмосфере, скопившейся под свинцовок крышкой тоталитарного режима.

2 марта 1938 г. Койоакан

ЗАЯВЛЕНИЕ

Среди кучи фантастических "признаний" московских подсудимых я нахожу указание на два "конкретных" факта, которые легко могут быть подвергнуты проверке. Дело идет о моем мни-мом свидании с обвиняемым Крестинским в Меране в октябре 1933 года и с обвиняемым Бессоновым в Париже в 1934 году.

Заявляю:

Я никогда не состоял с Крестинским ни в каких отноше
ниях с 1927 г., не встречался и не переписывался с ним ни пря
мо, ни через третьих лиц. После капитуляции Крестинского я
видел в нем политического врага.

Я никогда в жизни не был в Меране. Самое имя Мерана
выпало из моей памяти. Только что я поручил своему секретарю
разыскать в энциклопедическом словаре, где именно находится
Меран: в Австрии или Швейцарии. Выяснилось, что город был
австрийским до 1919 года, стал итальянским после этого года.

Я не мог, следовательно, встретиться в Меране ни с Крес
тинским, ни с каким-либо другим лицом.

Во время моего пребывания во Франции я ни разу не по
кидал этой страны. Так как мы с женой жили в деревне, во
французской семье, на глазах у всех обитателей дома, то факт
этот легко проверить, даже если французская полиция откажет
ся по дипломатическим соображениям от заявления.

Так как мы с женой с ведома высших французских властей
жили инкогнито, то мне пришлось во время пребывания во
Франции изменить свою внешность. Может быть, г. Вышинский
или его свидетели скажут, как именно я выглядел во время мни
мого визита в Меран?

Обвиняемый Бессонов показал, что я прибыл в Меран по
чужому паспорту. По какому именно? На чье имя? В каком оте
ле остановился? Сопровождал ли меня кто-либо из Франции в
Италию? Кто именно?

В телеграммах мексиканских газет я не нахожу даты, сви
дания в Меране. Может быть, Вышинский установил ее? Но
пусть будет на этот раз осторожен: пусть помнит о трех зло
счастных датах: 1) мнимой поездки Льва Седова в Копенгаген;
моего мнимого свидания с Владимиром Роммом в Париже;
мнимого полета Пятакова в Осло.

* * *

Упомянутый Бессонов утверждает, что виделся со мной в Париже в 1934 году.

Заявляю:

Лицо с фамилией Бессонова никогда не посещало меня во Франции и не могло, следовательно, получать от меня никаких "инструкций", в том числе бессмысленной и отвратительной инструкции об убийстве Максима Горького, старого больного писателя.

Требую от прокурора Вышинского точного установления следующих обстоятельств:

1) Какого числа состоялось мое мнимое свидание с неизвестным мне Бессоновым? Где именно? При каких обстоятельствах? 2) Как я выглядел? Как был одет? Явился ли один или в сопро

вождении других лиц? 3) Как Бессонов нашел доступ ко мне? Через кого?

Если мои вопросы не полны, то это объясняется неполнотой полученных в Мексике телеграфных сообщений. Оставляю за собой право уточнить и дополнить эти вопросы. Вполне допускаю, что на этот раз ГПУ, наученное горьким опытом, подготовилось к процессу лучше, т. е. запаслось кое-какими "документами" и не будет называть несуществующего отеля "Бристоль". Но считают уместным напомнить господину Вышинскому и его суфлеру, что я нахожусь сейчас не в Норвегии, а в Мексике, т. е. стране, где право убежища понимается не как тюремное заключение, а как предоставление политическому изгнаннику всех законных прав, и прежде всего права самозащиты против ложного обвинения. Правда будет вскрыта до конца.

3 марта 1938 г., 8 часов утра

ТАЙНЫЙ СОЮЗ С ГЕРМАНИЕЙ295

Когда молодой советский дипломат Бутенко296 бежал из Румынии в Италию и сделал там заявление в полуфашистском духе, народный комиссар по иностранным делам г. Литвинов немедленно провозгласил на весь мир, что такого рода слова могли исходить не от советского дипломата, а лишь от самозванца из рядов белогвардейцев. Если, однако, заявление действительно исходит от Бутенко, прибавил Литвинов, то он, народный комиссар, не сомневается ни на минуту в том, что подобное чудовищное заявление могло быть исторгнуто только посредством пыток.

Попробуем со всем необходимым спокойствием приложить это авторитетное суждение в качестве мерила к нынешнему московскому процессу. Дело идет на этот раз не о никому неизвестном Бутенко, а о бывшем главе правительства Рыкове, бывшем главе Коминтерна Бухарине, советских министрах и послах, имена которых неразрывно слились с историей СССР. Они не просто бежали в минуту личной опасности в фашистскую Италию, а коллективно поступили на службу к иностранным государствам с целью расчленения Советского Союза и восстановления капитализма. Если г. Литвинов считал невероятным полуфашистскую декларацию со стороны отдельного молодого дипломата, не в праве ли мы сказать, что в тысячу раз труднее поверить переходу на сторону фашизма всего старшего поколения большевистской партии. Правда, обвиняемые признают свою вину. Но эти признания способны убедить нас еще менее, чем г. Литвинова убедила декларация Бутенко. Мы имеем право, притом с удесятеренной силой, повторить слова мое

ковского дипломата: "Подобные признания могли быть исторгнуты у обвиняемых только посредством пыток".

Один человек, даже несколько человек могут совершить ряд ужасных преступлений, если эти преступления имеют смысл с точки зрения преступников. Отдельное лицо может совершить бессмысленное преступление. Но чего нельзя допустить, это того, чтоб огромное число людей, не только психически нормаль ных, но незаурядных, в течение ряда лет совершало ряд преступлений, столь же чудовищных, сколь и бессмысленных. Отличительная

черта настоящего процесса состоит в том, что, усугубляя старые обвинения, он доводит их до полного и окончательного абсурда.

Обвинительная формула по делу Зиновьева--Каменева и других (август 1936 г.) гласила, что заговорщики из голой "жажды власти" решились прибегнуть к террористическим ак-там и даже к союзу с гестапо. В процессе Радека--Пятакова обвинение гласило уже, что заговорщики стремились к власти, чтобы установить в СССР фашизм. Примем обе эти версии на веру. Однако обвинительный акт по нынешнему процессу ут-верждает, что автор этих строк стал агентом Германии уже в 1921 г., когда он сам находился у власти и когда Германия еще не была фашистской. Мы вступаем здесь в область психопаталогии.

В 1921 г. мы только что закончили гражданскую войну, и закончили победоносно. Международное положение советской республики упрочилось. Введение новой экономической политики (нэп) дало толчок хозяйству. Мы имели право смотреть на будущее с полным оптимизмом. Свидетельством этого оптимизма является, в частности, мой доклад на Третьем конгрессе Ко минтерна (июнь 1921 г.). С другой стороны, Германия нахо-дилась в версальском тупике. Ее экономическая мощь была подорвана, военная сила почти не существовала. Тысячи германских офицеров превратились в ландскнехтеров, которые предлагали свои услуги правительствам всех периферических стран. Если допустить даже -в интересах полноты анализа я готов идти на всякое допущение, -- что я стремился не просто к власти, а к единоличной власти, хотя бы ценою измены и тайного соглашения с капиталистическими правительствами, то я никак не мог остановить свой выбор на разоруженной и унижен ной Германии, которая сама нуждалась в помощи, но не способна была оказать ее другим.

В московских телеграммах мое имя приводится в какую-то связь с именем генерала фон Секта297, который в тот период стоял во главе Рейхсвера. Это дает точку опоры для гипотезы, которая, полагаю, будет косвенно подтверждена в ходе процесса. Известно, что даже бред слагается из элементов действительности. С другой стороны, ложь только тогда может иметь видимость убедительности, если в нее вкраплены частицы прав

ды. Попытаемся, исходя из этого, открыть материальный базис, на котором прокурор возвел свою постройку.

С момента низвержения Гогенцоллернов298 правительство стремилось к оборонительному соглашению с Германией -- против Антанты и версальского мира. Однако социал-демократия, игравшая в тот период в Германии первую скрипку, боялась союза с Москвой, возлагая свои надежды на Лондон и, особенно, Вашингтон. Наоборот, офицерство Рейхсвера, несмотря на по литическую ненависть к коммунизму, считало необходимым дипломатическое и военное сотрудничество с советской респуб-ликой. Так как страны Антанты не спешили навстречу надеждам социал-демократии, то "московская" ориентация Рейхсвера стала оказывать влияние и на правительственные сферы. Высшей точкой этого периода было заключение Раппальского до говора об установлении дружественных отношений между Со ветской Россией и Германией (17 апреля 1922 г.).

Военное ведомство, во главе которого я стоял, приступило в 1921 г. к реорганизации и перевооружению Красной армии, которая с военного положения переходила в мирное. Крайне заинтересованные в повышении военной техники, мы могли в тог период ждать содействия только со стороны Германии. С другой стороны, Рейхсвер, лишенный Версальским договором воз можностей развития, особенно в области тяжелой артиллерии, авиации и химии, естественно стремился использовать совет скую военную

промышленность как опытное поле для военной техники. Полоса немецких концессий в Советской России открылась еще в тот период, когда я был полностью поглощен гражданской войной. Важнейшей из них, по своим возможностям или, вернее, надеждам, являлась концессия авиационной компании "Юнкерс". Вокруг этих концессий вращалось известное число немецких офицеров. В свою очередь отдельные представители Красной армии посещали Германию, где знакомя лись с организацией Рейхсвера и с той частью немецких военных "секретов", которые им показывали. Вся эта работа велась, разумеется, под покровом тайны, так как над головой Германии висел дамоклов меч версальских обязательств. Официально берлинское правительство не принимало в этом деле никакого участий и даже как бы не знало о нем: формальная ответственность лежала на Рейхсвере, с одной стороны, и Красной армии, с другой. Все переговоры и практические шаги совершались в строгой тайне. Но это была тайна, главным образом, от французского правительства как наиболее непосредственного противника. Тайна, разумеется, долго не продержалась. Агентура Антанты, прежде всего Франции, без труда установи-ла, что под Москвой имеются авиационный завод "Юнкерса" и кое-какие другие предприятия. В Париже придавали нашему сотрудничеству с Германией, несомненно, преувеличенное значение. Серьезного развития оно не получило, так как ни у нем

цев, ни у нас не было капиталов. К тому же взаимное недоверие было слишком велико. Однако полудружественные связи с Рейхсвером сохранились и позже, после 1923 г., когда нынешний обвиняемый Крестинский стал послом в Берлине.

Со стороны Москвы эта акция проводилась не мной единолично, разумеется, а советским правительством в целом, вернее сказать, его руководящим центром, т. е. Политбюро. Сталин был все это время членом Политбюро и, как показало все его дальнейшее поведение, вплоть до 1934 г., когда Гитлер отверг протянутую из Москвы руку, Сталин являлся наиболее упорным сторонником сотрудничества с Рейхсвером и с Германией вообще.

Наблюдение за немецкими военными концессиями велось через нынешнего подсудимого Розенгольца как представителя главы военного ведомства. Ввиду опасности внедрения военного шпионажа Дзержинский, начальник ГПУ, в сотрудничестве с тем же Розенгольцем вел за концессиями наблюдение со своей стороны.

В секретных архивах военного ведомства и ГПУ должны были, несомненно, сохраняться документы, в которых о сотрудничестве с Рейхсвером говорится в очень осторожных и конспиративных терминах. За исключением Сталина, Молотова, Бухарина, Рыкова, Раковского, Розенгольца, Ягоды и еще десятка лиц содержание этих документов может показаться "загадочным" не только прокурору Вышинскому, который в тот период находился в лагере белых, но и некоторым членам нынешнего Политбюро. Не положит ли обвинитель кое-какие из этих документов на стол вещественных доказательств, чтобы потрясти воображение дружественных иностранных журналистов? Весь ма возможно, что наша гипотеза подвергнется открытой проверке прежде, чем эти строки дойдут до читателя.

3 марта 1938 г., 8 часов вечера, Койоакан

ВНИМАНИЮ МЫСЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ299

Три дня тому назад я через телеграфное агентство предупреждал общественное мнение Соединенных Штатов в следующих словах: "В новом процессе можно ждать некоторых усовершенствований по сравнению с предшествовавшими. Моно-тонность покаяний подсудимых на первых двух процессах производила удручающее впечатление даже на

патентованных "друзей СССР". Возможно, поэтому, что на этот раз мы увидим и таких подсудимых, которые, в порядке своей роли, будут отрицать свою виновность, чтобы затем перед перекрестным доп

росом признать себя побежденными. Можно, однако, предсказать заранее, что ни один из подсудимых не причинит никаких затруднений прокурору Вышинскому".

На первом заседании суда подсудимый Крестинский кате горически отвергал показания, данные им на предварительном следствии и отрицал свою виновность. Он казался столь взволнованным, что принимал успокоительные пилюли. Я заявил по этому поводу в мексиканской печати: "Нужно быть очень осторожным в прогнозе... Что скажет Крестинский завтра, если узнает, что его жена и дочь могут стать первыми жертвами его смелости". Последние телеграммы говорят, что на следующем заседании Крестинский поспешил признать свою "виновность". Вчера я условно допускал возможность того, что возмущение Крестинского было неподдельным. До доказательства противного я не считал себя в праве утверждать о несчастном пленни-ке ГПУ, что он ломает комедию по заказу. Сегодня в этом не может быть никакого сомнения. Крестинский принадлежит к числу именно тех подсудимых, о которых я писал за три дня до суда: "в порядке свой роли они будут отрицать свою виновность, чтоб затем под перекрестным допросом признать себя побежденными Можно, однако, предсказать заранее, что ни один из подсудимых не причинит никаких трудностей прокурору Вышинскому". Позволю себе прибавить, что и успокоительные пилюли были приготовлены ГПУ заранее.

Господин прокурор утверждает, что я нахожусь в тайных сношениях с разными штабами империалистических стран. Никто, однако, не скажет, что я нахожусь в тайных сношениях с самим Вышинским. Откуда же я знаю его секреты? Хотя мыс лящие люди найдут разгадку и сами, но я все же поясню: механика московского подлога так груба, творческое воображение Сталина, Вышинского и Ежова так скудно, что при самом слабом усилии мысли можно почти всегда предвидеть, к какой фальсификации они прибегнут завтра.

3 марта 1938 г , 3 часа дня.

ЗАЯВЛЕНИЕ В "ГЕРАЛЬД ТРИБЮН"

Заявление, которое я дал вчера для "Геральд Трибюн" по поводу моего мнимого свидания с обвиняемым Крестинским, бывшим послом в Берлине, нуждается, как я и предполагал, в очень важном дополнении. В телеграммах мексиканских газет назван был только год моего мнимого свидания с Крестинским: 1933; не назван был месяц: октябрь. Между тем эта последняя дата, которую друзья сообщают мне из Нью-Йорка по телеграфу, имеет решающее значение. Природа всяких фальсификаций

такова, что точность убивает их. Октябрь 1933 г. есть один из тех месяцев жизни во Франции, которые уже освещены с исчерпывающей полнотой в связи с предшествующими процессами. С 25 июля по 9 октября 1933 г. я прожил в Сан-Ралай, возле курорта Ройан, на берегу Атлантического океана, под наблюдением врачей, друзей и полиции. 9 октября мои друзья, опять таки с ведома французской полиции, перевезли меня в качестве больного в Баньер-де-Бигор, в Пиренейских горах, где я оставался до 1 ноября. Высшие чиновники Сюрте Насиональ, т. е. французской секретной полиции, как и префекты соответственных департаментов, были совершенно точно осведомлены о моих передвижениях как и о месте моего пребывания. Если, французские власти по дипломатическим соображениям не сочтут возможным опубликовать свои сведения, то они не откажут, разумеется, дать необходимую официальную оправку советскому правительству. Можно, однако, не сомневаться, что г.

Вышинский не обратится за такой справкой; так как она оказалась бы фатальной для показаний Бессонова и Крестин ского.

Можно спросить, почему ГПУ и на этот раз, как в прошлых процессах, выбрало такую злосчастную дату? Ответ не представляет затруднений. ГПУ вынуждено было приспособляться к условиям жизни Крестинского. Выбор столь злосчастной даты объясняется, по-видимому, тем, что в октябре 1933 г. Крестин-ский действительно находился в Меране, а так как передвижения посла совершались на глазах полиции заинтересованных стран, то ГПУ оказалось вынуждено мой календарь приспособить к календарю Крестинакого. Точно так же обстояло дело с пресловутым полетом Пятакова из Берлина в Осло в декабре 1935 года!

Подсудимый Розенгольц показал, будто в 1933 г. он встретился в Карлсбаде с моим недавно умершим сыном, Львом Седовым, и получил через него от меня всякого рода преступные инструкции. Показание г. Розенгольца ложно по существу и по форме. Начиная с 1926 г. Розенгольц был моим ожесточенным врагом. Лев Седов никогда не бывал в Карлсбаде и никогда не встречался с Розенгольцем. Наша переписка с Седовым имела такой интенсивный характер, что его путешествия и образ жизни могут быть установлены со всей необходимой точностью. Разумеется, он сам лучше и точнее опроверг бы новое ложное обвинение, если б ГПУ не довело его до гибели как раз накануне нового процесса. Но ложное показание Розенгольца будет все же разоблачено.

5 часов дня, 4 марта 1938 г. Койоакан

ЗАЯВЛЕНИЕ АГЕНТСТВУ "ГАВАС"300

Нынешний процесс построен по методу усиления всех сенсаций предшествующих процессов. Этот грубый прием доводит обвинения до полного абсурда во всех направлениях. Оказывается, что старая гвардия большевизма сплошь состояла на службе иностранных государств. Во главе правительства и Коминтерна стояли фашисты. В 1921 г. я, член Политбюро и глава Красной армии, стал агентом Германии, находившейся тогда на низшей точке упадка. Кто этому поверит?

По поводу антисоветских заявлений Бутенко в Риме Литвинов провозгласил: либо это самозванец, либо заявление исторгнуто пыткой. С неизмеримо большим правом можно сказать: на скамье подсудимых сидят несчастные тени бывших большевиков, все их показания исторгнуты методами инквизиции. Мнимые международные комбинации мнимых заговорщиков ретроспективно приспособлены к сегодняшней конъюнктуре. Я и мои мнимые агенты конспирировали с Германией, Японией, Польшей и Англией. Франция, которая до 1934 г. считалась главным врагом СССР, не включена в этот список, как и Соединенные Штаты: Кремль щадит "друзей". Можно с уверенностью сказать, что имя Англии было присоединено в самый последний период, в соответствии с новой ориентацией Чемберле-на301. Грубость фальсификации, столь характерная для тоталитарного режима, бросается в глаза!

Одна из важных задач процесса -- оправдать задним числом расстрел девяти генералов, потрясший мировое общественное мнение. Лживые насквозь показания Крестинского, Розен-гольца и других о моих связях с маршалом Тухачевским лишь ярче обнаруживают преступный характер обезглавления Красной армии.

Французская "Surete National" отлично знает, что я не мог встречаться с Крестинским в октябре 1933 г., ибо 9 октября с ведома полиции я в качестве больного был перевезен из St. Prats, где находился с 25 июля, в Royan, где оставался безотлучно до 1 ноября, когда переехал

в Барбизон. Бесспорные документальные доказательства находятся в руках нью-йоркской комиссии Dewey.

Инсценировка новых и новых судебных подлогов показывает силу сопротивления, какую тоталитарная диктатура встречает в рядах самой бюрократии. Режим Сталина стал главной опасностью для СССР в экономическом, моральном и военном отношении.

4 марта 1938 г.

"МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ"302

Подсудимый Розенгольц, бывший народный комиссар внешней торговли, показал, будто через посредство его комиссариата "Троцкий получил за последние годы около миллиона долларов на свою деятельность по ниспровержению советской власти". Дальше, по словам телеграммы, Розенгольц описал те махинации, которые производились в комиссариате внешней торговли с целью сокрытия денежных сумм государства. Я вполне допускаю, что такие махинации производились и производятся в комиссариате внешней торговли, как и в других комиссариатах. Весьма вероятно, что Розенгольц был первоначально смещен именно в связи с раскрытием каких-либо крупных денежных злоупотреблений, надеюсь, без его личного участия. Бесконтрольность режима есть питательный бульон для воров и воровства. Об этом мне десятки раз приходилось писать за последние годы в русском "Бюллетене", который издавался Ливом Седовым в Париже, и в других изданиях. В этой части своих показаний Розенгольц говорил, вероятно, правду. Совсем иначе обстоит дело со второй частью его показаний, касающейся передачи мне "миллиона долларов".

Чтоб внести ясность с самого начала, заявляю: единственная сумма, которую я получил после высылки из СССР из советской казны, это 2500 (две тысячи пятьсот) долларов, врученных мне агентом ГПУ в Константинополе на дальнейшее существование. Эта сумма была выдана, конечно, совершенно легально, под мою расписку. Никаких других сумм из советской казны за годы моей нынешней эмиграции (1929--1938) я не получал ни легально, ни нелегально, ни прямо, ни косвенно, ни в долларах, ни в стерлингах, ни в марках, ни в каких-либо других денежных единицах.

Розенгольц уточнил в дальнейшем свое показание в том смысле, что в каждый из последних трех лет Троцкий получал "более или менее регулярно" около 110.000 долларов в год". 10.000 сверх ста названы здесь, конечно, в интересах бухгалтерской точности. Точность рекомендуется также и во лжи. Заявляю: ни ста тысяч, ни 10.000, ни единого доллара я не получал из советских источников за последние 3 года, как и за предыдущие 6 лет.

Из телеграмм не видно, рассказал ли г. Розенгольц, каким образом передавались мне столь крупные суммы: через банки? Через какие именно банки? На чье имя открывался текущий счет? В этой области возможна и обязательна немедленная проверка.

Я нахожусь в Мексике свыше года. Значит, последние 110.000 долларов, должны были быть вручены мне уже во время моего пребывания в Мексике. Повторяю свои вопросы: через какой банк? когда? на чье имя?

Или, может быть, деньги вручались мне в руки в виде банкнот, или в виде мешков с золотом? Кто доставлял мне эти суммы? Когда и куда он являлся ко мне? Получал ли он от меня какую ни-будь расписку? Где эти расписки?

В одной из телеграмм говорится, что часть сумм мне пере водилась через какую-то "немецкую фирму". Таким путем ГПУ хочет, очевидно, избегнуть расследования: советская юстиция не может надеяться на помощь фашистской юстиции. Со своей стороны, я доверяю фашистской юстиции так же мало, как и юстиции Сталина. Ясно, однако, что ссылка на

"немецкую фирму" представляет лишь грубую и жалкую уловку. Розенгольц не мог предоставлять деньги на произвол фирмы. Он не мог не обеспечить персональную связь фирмы со мною. Он не мог не удостоверяться каждый раз, действительно ли фирма переслала мне указанные суммы. Розенгольц не мог, следовательно, не знать, каким именно образом эта финансовая операция совершилась, и он обязан сказать все, что он по этому поводу знает.. если он знает что-нибудь.

Из некоторых новых телеграмм вытекает, будто Розенгольц показал, что 630.000 долларов из миллиона вручены были моему сыну Седову. Все поставленные выше вопросы сохраняют полностью свою силу и в этом случае: кто? когда? через какой банк? Мировая печать, в сущности, уже опровергла эту ложь прежде, чем она была опубликована. После смерти Седова все иностранные корреспонденты в Париже не без удивленья отметили более чем скромную обстановку, в которой жил мой сын. Те же корреспонденты указали, что Седов жил на более чем скромные литературные гонорары, которые его отец получил во Франции.

В моих руках все письма Седова за годы эмиграции. Он был издателем русского "Бюллетеня оппозиции". Из этих писем видно, какие усилия ему приходилось затрачивать, чтобы собрать необходимую сумму на выпуск каждого очередного номера, раз в месяц или раз в два месяца. Дело шло при этом не о сотнях тысяч долларов, а каких-иибудь 2000 франков, т. е. о сотне долларов. Лично Седов жил и умер как пролетарий.

Расследование всех этих обстоятельств не представило бы никакого труда, равно как и расследование всех моих расходов, хотя бы за 14 месяцев моего пребывания в Мексике. Правда, между СССР и Мексикой нет дипломатических отношений. Но через посредство Лиги Наций или через третью державу советская юстиция может легко найти путь к мексиканской юстиции. Не может быть сомнения в том, что власти этой великодушной страны не откажут в необходимом расследовании. Кроме того, вопрос не ограничивается Мексикой. После Турции я жил во Франции и в Норвегии. С обеими странами у СССР не только нормальные, но и тесные отношения. Лица, которые меня окружали, политические организации, с которыми я находился в свя

зи, известны всему миру. Их приход и расход могут быть легко проверены. Миллион долларов в моем скромном бюджете не мог остаться незамеченным Он должен был оставить какие-нибудь вещественные следы Мои мнимые соучастники, бывшие "заговорщики", нынешние подсудимые, и первый из них -- Розен-гольц, не могут не знать: а) как я получал деньги; б) как я расходовал их. Пусть дадут конкретные указания, которые могут быть подвергнуты объективной проверке в тех странах, где я жил и действовал. Эта проверка неминуемо обнаружит, что под диктовку ГПУ Розенгольц клевещет не только на меня, но и на себя.

Уже в первый день процесса я напомнил г. Вышинскому через печать Соединенных Штатов, что я нахожусь сейчас не в Норвегии, а в Мексике, где право убежища понимается не как право на интернирование и где политический изгнанник пользуется всеми законными правами и, прежде всего, правом защиты против клеветы, ложных обвинений и бесчестных интриг.

Я делаю вызов т. Трояновскому, советскому послу в Вашингтоне и через его посредство советскому правительству: немедленно, пока Розенгольц не убит или не объявлен убитым, начать гласное расследование о мифическом миллионе. Я обещаю, со своей стороны, представить все свои письма, документы и счета, как я представил их нью-йоркской

Комиссии с доктором Дьюи во главе.

Не сомневаюсь, однако, заранее, что мой вызов не будет принят. Подсудимые будут расстреляны или объявлены расстрелянными А затем, через несколько месяцев, будет, может быть, поставлен новый процесс, где новые кающиеся "заговорщики" будут доказывать виновность Розенгольца, как Розенгольц доказывает ныне виновность расстрелянного маршала Тухачевского. Такова позорная и отвратительная механика сталинского правосудия!

9 часов утра, 5 марта 1938 г. Койоакан

ПОЧЕМУ ТАК МНОГО ЦЕНТРОВ?

ПОЧЕМУ ВСЕ ЦЕНТРЫ ПОДЧИНЯЮТСЯ ТРОЦКОМУ?303

В августе 1936 г. мир узнал о существовании "объединенного центра" зиновьевцев и троцкистов, который руководил всеми возможными и невозможными преступлениями. В январе 1937 г. на сцену выступил "параллельный", или чисто "троцкистский центр" (Пятаков--Радек). В оправдание появления этого нового центра Радек, главный вестник прокурора Вышинского, объяснял, что Троцкий недостаточно доверял зиновьевцам и по

этому хотел иметь свой "собственный" центр. Это объяснение было шито белыми нитками. Во-первых, в зиновьевско-каменев-ский центр входили бывшие троцкисты более крупного масшта-ба, чем Радек и Пятаков. Во-вторых, в так называемый "троцкистский" центр входил Сокольников, бывший посол в Англии, который к троцкистам никогда не имел никакого отношения Не будем, однако, придираться к таким "мелочам". Допустим, что параллельный "троцкистский" центр был действительно создан для наиболее важных конспиративных дел и что Сокольников попал в этот центр по чистой случайности. Но в марте 1938 г. мир узнает о существовании третьего "троцкистского правого центра", причем неожиданно оказывается, что именно этот центр, о котором ничего не знали два предшествующих центра, являлся наиболее могущественной и конспиративной организацией. Надо к тому же прибавить, что члены этих трех независимых центров знали друг друга 20--30 лет, жили все в той же Москве и выполняли в общем одну и ту же работу: терроризм, шпионаж, саботаж, пораженчество и расчленение России. Все три центра убивали, в частности, по очереди Кирова.

Но здесь возникает затруднение. Если я создал троцкистский центр (Радек--Пятаков), потому что недостаточно доверял Зиновьеву--Каменеву, то каким образом мог я доверять Рыкову и Бухарину, которые до самого дня моей высылки из СССР находились в тесном союзе со Сталиным и руководили всей борьбой против троцкизма, включая мой арест и изгнание? Выходит, что в тот период, когда я жил в Москве и входил в состав Политбюро и правительства, я оказался бессилен убедить Бухарина--Рыкова в правильности моих взглядов. Они голосовали против меня, произносили против меня враждебные речи на массовых собраниях. Бухарин написал против меня несколько сот неистовых статей. Оба правых вождя голосовали за мое исключение из партии, за мою высылку в Азию, а затем за мое изгнание из СССР. Но когда я попал в Турцию, затем во Францию, в Норвегию и Мексику и оказался отделен от Москвы тысячами километров, тогда Рыков и Бухарин, подобно всем вообще обвиняемым всех последних процессов, не только начали решительно во всем соглашаться со мной, но и решили безоговорочно выполнять все мои "инструкции". Члены правительства, послы, генералы Красной армии становились иностранными шпионами по "инструкции Троцкого". Так же точно поступили Рыков, бывший глава правительства, и Бухарин, бывший глава Коминтерна. Никаких других объяснений своим чудовищным и абсурдным "преступлениям" обвиняемые не дают!

Рыков и Бухарин пытались на суде отклонить свою прямую
ответственность за убийство Кирова, которого, как уже сказано,
убивали по очереди все оппозиционные группировки СССР. Но
Генрих Ягода, бывший начальник ГПУ, который, прежде чем
сесть на скамью подсудимых, расстрелял несколько сот человек

за убийство Кирова, немедленно заявил, что Рыков и Бухарин лгут. "Они, как и я, -- говорил Ягода, -- действительно противились вначале убийству Кирова. Но пришли инструкции от Троцкого, и мы подчинились". Буквально немеешь от удивления, читая эти слова вчерашнего инквизитора. Заявления о всемогуществе моих "инструкций" звучали уже достаточно нелепо в устах Пятакова и Радека. Но те по крайней мере 11 лет тому назад были моими единомышленниками. Правда, они отреклись от меня и превратились в моих ожесточенных врагов. Но прокурор Вышинский утверждает, что эта вражда была "фиктивной", что на самом деле бывшими троцкистами руководила горячая личная преданность Троцкому. Правда, не понятно, как и почему эта горячая преданность так быстро остыла в тюрьме и позволила Пятакову и Радеку живописать меня на суде са-мыми мрачными красками, какие имеются на палитре природы. Но оставим все это в стороне. Допустим, что старые связи действительно обеспечивали мне гипнотическое действие на моих бывших единомышленников через моря и океаны. Но как быть с Рыковым и Бухариным? Как и чем объяснить тот факт, что они превратились в послушных учеников Троцкого после того, как выслали меня из СССР?

Особенно таинственным остается, однако, вопрос о Ягоде. Этот господин был, видите ли, против убийства Кирова, но немедленно капитулировал перед моей "инструкцией". С какого это времени Ягода приучился выполнять мои инструкции? В качестве начальника ГПУ он непосредственно заведовал всеми репрессиями против оппозиции: разгромил мой секретариат, довел двух моих секретарей до самоубийства, расстрелял моих учеников и молодых друзей: Блюмкина, Силова, Рабиновича, довел до безвременной смерти нескольких членов моей семьи, арестовал и выслал меня, подготовил процесс Зиновьева--Каменева, руководил всеми подлогами и преступлениями против оппозиции. Теперь оказывается, что все эти подвиги он совершал просто для "маскировки". На самом деле он был тайным троцкистом и просто выполнял мои "инструкции". Нет, это слишком много. Этого не проглотят даже всеядные "друзья СССР". Они проглотят дело Зиновьева--Каменева, они проглотили дело Пятакова--Радека, но я очень опасаюсь, что они подавятся делом Ягоды.

6 марта 1938 г., 5 часов вечера Койоакан

НОВЫЙ ХОД СОБЫТИЙ304

28 февраля я высказал предположение, что после предшествующих опытов процесс окажется лучше подготовленным и ере

петированным. Это предположение не оправдалось. Уже короткие газетные телеграммы свидетельствуют, что нынешний процесс обилует не меньшим числом противоречий и бессмыслиц, чем предшествующие. Объясняется это в значительной мере тем, что организаторы подлога не могли начать свое творчество с чистой страницы, а вынуждены были заделывать бреши прошлых процессов, штопать прорехи, примирять противоречия и в то же время заботиться об усилении сенсаций, об увеличении числа жертв и размера преступлений:

Крестинский показывает, будто получил от меня письмо
от 18 декабря 1936 г., т. е. десять лет после того, как я порвал

с ним всякие отношения, и что в этом письме я рекомендовал создать "широкую военную организацию". Это мнимое письмо, услужливо подчеркивающее "широкий" масштаб заговора, имела очевидной целью оправдать истребление лучшей части офицерства, начавшееся сегодня. Крестинский, конечно, "сжег" мое письмо по примеру Радека и ничего не представил суду, кроме своих путанных воспоминаний. Между тем в декабре 1936 г. я был вместе с женой интернирован норвежским правительством по требованию Москвы, и вся моя переписка проходила через руки норвежской полиции. Если допустить, что я писал свои инструкции невидимыми чернилами, то все же остается вопрос об официальном письме, заключавшем в себе тайный текст, о конверте и адресе этого письма. Все почтовые отправления и получения регистрировались в так называемой "паспортной конторе" в Осло, судебная проверка не представила бы, следовательно, затруднений. Прибавлю, что тогда же письменно предлагал своему норвежскому адвокату Пюнтервольду соблюдать величайшую осторожность с незнакомыми посетителями, которые могут в дальнейшем фигурировать на новом процессе как посредники между мной, моим адвокатом и московскими "террористами". Все необходимые документы по этому поводу имеются в руках мисс Сюзан Лафолет, секретаря нью-йоркской Следственной комиссии.

Тот же Крестинский показал, будто я уже из Мексики написал ему письмо, в котором выразил свое "негодование" по поводу откровенных показаний Пятакова на суде. Цель этого моего мнимого письма явная: подкрепить своим "негодованием" показания Пятакова, безнадежно скомпрометированные его знаменитым полетом из Берлина в Осло, в декабре 1935 г., когда в Осло, по свидетельству официальных властей, не прилетало ни одного иностранного самолета. Если такое мое письмо нужно было Вышинскому, то зачем оно нужно было мне? Процесс Пятакова уже закончился, и Пятаков был расстрелян. Выражать чисто платоническое негодование в конспиративном письме, которому предстояло пройти через ряд границ, было бы крайним легкомыслием, особенно, если принимать во внимание личность адресата. Поведение Крестинского на суде характеризует его как законченного истерика. Если меня "предал" мнимый друг Пятаков, то можно было с гораздо большей вероятностью предполагать, что предаст и Крестинский. Какой же смысл имело посылать Крестинскому бесцельное для меня письмо, которое в руках ГПУ оказалось бы более могущественным орудием против меня, чем все покаяния подсудимых вместе взятые? Но письмо никуда не попало. Оно было, конечно, сожжено, насколько может быть сожжено ненаписанное письмо.

Обвинение приписывает Бухарину план убийства Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 г., когда Бухарин и его группа

противились подписанию Брест-Литовского мира. Кто знает людей и отношения, тот без труда поймет всю бессмыслицу этого обвинения. Бухарин относился к Ленину с привязанностью ребенка к матери. Что касается Сталина, то он был в 1918 г. настолько второстепенной фигурой, что самому заклятому террористу не пришло бы в голову выбрать его в жертвы. В этой своей части процесс имеет задачей проекцировать нынешнее бюрократическое "величие" Сталина в прошлое.

В связи с тем же обвинением против Бухарина на суде фигурируют в качестве свидетелей завтрашних обвиняемых некоторые участники группы Бухарина 1918 г. -- Осинский305, Яковлева, Манцев306 и другие. Но мы не находим имен двух лиц, которые играли важную роль в группе противников Брест Литовского мира, именно, Куйбышева и Ярославского. Правда, Куйбышев, бывший председатель Госплана, объявлен ныне отравленным врачами Кремля. Но это не меняет дела. В 1918 г. сам Куйбышев собирался, очевидно, отравить Ленина, Сталина и Свердлова. Что касается Ярославского, то он не только жив и здоров, но и активно участвует во всех чистках оппозиции. Именно поэтому, очевидно, Ярославский, этот бухаринец 1918 г., получил амнистию. Надолго ли? Если сам Ягода, вчерашний шеф ГПУ, сидит на скамье подсудимых в качестве троцкиста, то никто не поручится за судьбу Ярославского. Сколько в этой страшной трагедии неизменно шутовства!

1938 г., 7 марта, 5 часов вечера Койоакан

АНАХРОНИЗМЫ307

Московские судебные подлоги полны анахронизмов. В процессе Зиновьева--Каменева (август 1936 г.) троцкисты вступили в связь с гестапо в 1932 г., когда гестапо еще не существовало. Лев Седов встретился в ноябре 1932 г. с подсудимым Гольцманом в отеле "Бристоль", который был разрушен в 1917 г. Таких примеров много, но наиболее вопиющие анахронизмы составляют отличительную черту нынешнего процесса.

Свидетель Манцев, приведенный из тюрьмы, показал, будто в 1920 г. на харьковском вокзале произведено было покушение на вагон Сталина через несколько дней после того, как я проехал через Харьков; и что я рекомендовал позже Манцеву не заниматься этим делом, так как "наши товарищи" могли бы из-за этого пострадать. Чтобы распутать хотя бы часть бессмыслиц, заключающихся в этом показании, необходимо их перенумеровать:

"Наши товарищи" должно, очевидно, означать "троцкисты". Но в 1920 г. не существовало никаких троцкистов. Левая оппозиция возникла только в 1923 г. Слово "троцкисты" появилось на год позже.

Манцев, близкий сотрудник Дзержинского, начальник ЧК, никогда вообще не принадлежал к троцкистам и меньше всего в тот период, когда троцкизм не существовал.

Военная политика, которую я проводил, встречала полную поддержку Ленина и большинства Политбюро. Сталин

вел против этой политики интриги за кулисами, поддерживая Ворошилова, нынешнего народного комиссара обороны, Щаденко[308], нынешнего заместителя Ворошилова, и других, которые противились созданию централизованной армии, отстаивая чисто партизанские отряды. Ворошилов командовал на Волге одной из двадцати четырех армий. Сталин был в этой армии членом Военного совета. Я сместил Ворошилова и отозвал Сталина. В дальнейшем Сталин был назначен на Южный фронт и снова смещен. Прибегать к террору у меня не было ни малейшего основания. Достаточно было простого приказа.

Человек, наделенный самым скромным воображением, легко поймет, что если в 1920 г. я, в руках которого сосредоточивалась фактически неограниченная власть, хотел физически покончить со Сталиным на фронте, то вряд ли дело ограничилось бы безрезультатным покушением, о котором мир узнает ныне, 18 лет спустя.

В годы гражданской войны мне не раз приходилось прибегать к суровым мерам. Я делал это всегда открыто и за своей подписью. Сталин интриговал за кулисами. Ленин в июле 1920 г. выдал мне по собственной инициативе бланк, внизу которого стояли следующие строки:

"Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)."

Это была моральная carte blanche. Ленин заранее подписывался под каждым моим распоряжением или действием на фронте. Я никогда не пользовался этим бланком; но он остался в моих архивах как свидетельство незыблемого морального доверия со стороны Ленина, который вообще говоря не относился к числу доверчивых людей.

При таких взаимоотношениях заинтересованных лиц можно еще представить себе в 1920 г. покушение Сталина на меня, но ни в каком случае не мое покушение на Сталина. Нужно, однако, не забывать, что одной из задач нынешнего процесса является пересмотреть историю последних 20 лет и отвести Сталину в прошлом такое положение, которого он никогда не занимал.

8 марта 1938 г., 9 часов утра Койоакан

ЮРИДИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ СЕКРЕТАРИАТА ЛИГИ НАЦИЙ[309]

22 октября 1936 г. я через посредство своего норвежского адвоката покойного Михаила Пюнтервольда имел честь обратиться к вам с письмом, получение которого вы любезно подтвердили за No 3A/15105/15085. Я не осведомлен о том, в какой стадии находится сейчас дело создания при Лиге Наций трибунала против террористов, существует ли он уже и можно ли ждать, что он в ближайшее время приступит к работе. Во всяком случае я считаю своим долгом не только повторить те соображения, которые я имел честь довести до сведения вашей Секции около полутора года назад, но и дополнить их новым вполне

конкретным предложением.

Инициатором создания трибунала при Лиге Наций явилось советское правительство. Народный комиссар по иностранным делам СССР г. М. Литвинов проявлял на заседании Лиги Наций особенно острый и, как тогда могло показаться, трудно объяснимый интерес к этому вопросу. Однако для людей посвященных дело было ясно уже и тогда. Подготовляя в течение ряда лет процесс против "троцкистов-террористов", ГПУ было полностью уверено в том, что сплошные "покаяния" подсудимых убедят весь мир, и в том числе будущий трибунал при Лиге Наций, в правильности обвинений и дадут возможность добиться легальной выдачи меня и моего сына Льва Седова в руки ГПУ... Такова была ближайшая и непосредственная цель московской инициативы в вопросе о международном трибунале.

В своем письме от 22 октября 1936 г. я высказывал ту мысль, что трибунал, который ставит себе задачей ограждать правительства разных стран от террористов, не может, с другой сто-роны, отказать в защите частным лицам, если они по чисто политическим мотивам ложно обвинены в терроризме каким-либо злонамеренным правительством. Я считал и считаю, поэтому, что имею право ходатайствовать о рассмотрении будущим трибуналом при Лиге Наций моего дела, несмотря на то, что совет

ское правительство, видимо, окончательно отказалось от мысли искать в Женеве помощи против моих мнимых "заговоров".

Беспристрастная Международная комиссия под руководством известного американского философа и педагога Джона Дьюи вынесла после почти 9-месячной работы окончательное заключение по поводу московских процессов, объявив их злонамеренными подлогами. Вооруженный многочисленными и неопровержимыми доказательствами, которые имеются в распоряжении названной Комиссии, я готов в любую минуту предстать пред трибуналом Лиги Наций для того, чтобы еще раз окончательно превратить моих обвинителей в обвиняемых.

Но я смею думать, что сейчас уже нельзя было бы оста-навливаться на этом первом шаге. В течение последнего полугодия мир был свидетелем ряда действительных террористических актов, совершенных в разных странах по общему плану и при несомненном единстве цели. Я имею в виду не судебные и внесудебные убийства в СССР, где дело идет, так или иначе, о легализованных действиях государственного аппарата, а об актах открытого бандитизма на международной арене. Убийство Игнатия Рейсса, бывшего агента ГПУ, 4 сентября 1937 г. в Швейцарии, под Лозанной, никак не может быть отнесено к числу легализованных актов. Швейцарские и французские влас ти имеют совершенно исчерпывающие данные, обличающие действительного организатора этого убийства: это -- ГПУ, секретная полиция СССР. Во время судебного следствия по делу об убийстве И. Рейсса раскрылось попутно, что та же шайка, ведшая систематическое наблюдение над моим сыном, Львом Седовым, покушалась убить его в Мульгаузене в январе 1937 г. Какое отношение имело ГПУ к внезапной смерти моего сына 16 февраля этого года, подлежит еще особому расследованию. В бумагах главного убийцы И. Рейсса, так называемого "Рос си", успевшего вовремя бежать, найдены доказательства его попыток проникнуть в Мексику с целями, которые нетрудно отгадать на основании всех остальных обстоятельств. Действительное имя этого профессионального убийцы на службе ГПУ: Ролан Аббиат.

В высшей степени авторитетные свидетели могут рассказать трибуналу о подготовке агентами ГПУ террористических актов против меня во время моего пребывания в Европе и в Мексике. Я могу далее сослаться на похищение в Испании моего бывшего сотрудника

Эрвина Вольфа, чехословацкого гражданина, исчез-нувшего без следа. Мировую известность получили террористические акты в Испании против каталонского революционера Андре Нина310, австрийского эмигранта Курта Ландау311, сына русского эмигранта Марка Рейна312 и ряда других лиц. Даже та часть судебных и внесудебных расследований, которая стала до сих пор доступна общественному мнению, вполне достаточна для вмешательства Международного трибунала против цент

рализованной мафии террористов, действующих на территории разных государств.

При помощи документов, свидетельских показаний и неопровержимых политических доводов я берусь доказать то, в чем общественное мнение не сомневается давно, именно, что главой этой преступной банды является Иосиф Сталин, генеральный секретарь Всесоюзной Коммунистической партии СССР. Так как народный комиссар по иностранным делам СССР г. Литвинов очень красноречиво настаивал на необходимости взаимного обязательства правительств о выдаче террористов, то он, надо надеяться, не откажет приложить свое влияние к тому, чтобы вышеназванный Иосиф Сталин как глава международной террористической банды был доставлен в распоряжение Трибунала при Лиге Наций. Со своей стороны, я готов предоставить все свои силы, сведения, документы и личные связи в распоряжение Трибунала для полного раскрытия истины.

31 марта 1938 г. Койоакан

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. В. Сталин (1879--1953), в партии с 1898 г. В 1912--1913 -- член Русского бюро ЦК. В 1917--1922 -- нарком по делам национальностей, одновременно в 1919--1922 -- нарком государственного контроля, РКИ. Член РВСР. С 1922 г. -- генеральный секретарь партии. После смерти Ленина" остается у власти вопреки ленинскому "Завещанию". В формируемых затем против Троцкого блоках находится всегда в тени, подставляя Зиновьева, Каменева и Бухарина. Устранив Троцкого, оттесняет затем помогавших ему Зиновьева и Каменева (обвинив их в левой оппозиции, а себя причислив к правым); затем отстраняет Бухарина, обвиненного в правом оппортунизме (с позиции центра, которую провозглашает Сталин). В действительности проводит в это время экстремально левую политику индустриализации и коллективизации. Выйдя к 1929 г. единоличным победителем из внутрипартийной борьбы, Сталин подготавливает убийство Кирова и, со ссылками на поднявших в СССР голову террористов, проводит партийные чистки 1935--1939 гг. Освободившись от старого партийного актива, могущего помешать осуществлению нового политического курса, заключает соглашение с Гитлером о разделе сфер влияния в Европе. В l939--1940 гг. присоединяет к Советскому Союзу территории ряда европейских государств (полностью: Прибалтийских, частично: Финляндии, Румынии и Польши). После второй мировой войны Сталин получает под свой контроль территории, называемые Восточной Европой. После Берлинского кризиса 1948 г., в результате которого Сталин добивается признания Западными правительствами разделения Германии на Восточную и Западную, рвет установившиеся было добрососедские отношения с демократическими странами, в пику Англии поддерживает образование Израиля, предает анафеме независимого коммуниста Тито и ведет умеренно-изоляционистскую политику. Обстоятельства смерти Сталина нельзя считать выясненными. Не исключено, что он был убит заговорщиками, среди которых были Маленков, Берия и Хрущев.

2. Лев Давидович Троцкий (Бронштейн, 1879--1940). Виднейший русский и международный революционер, один из идеологов первой русской революции, в 1905--1907

гг. -- председатель петербургского Совета, После поражения революции -- в эмиграции. После возвращения в Россию в 1917 г. -- один из руководителей русской революции, фактический организатор октябрьского переворота в Петрограде, сторонник и теоретик мировой революции, один из наиболее радикальных элементов в советском руководстве; противник создания многопартийного социалистического правительства, сторонник террора против непролетарских слоев населения, прежде всего крестьянства. Со смертью Ленина постепенно оттесняется от власти Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным. В 1926 г. формирует так называемую левую оппозицию, однако проигрывает борьбу и оттесняется правыми (Сталиным и Бухариным). В январе 1928 г. ссылается в Алма-Ату, через год высылается из СССР в Турцию. В эмиграции продолжает заниматься политической деятельностью, издает журнал "Бюллетень оппозиции", формирует так называемый Четвертый Интернационал, резко выступает против Сталина, защищая в то же время советский строй как таковой. В августе 1940 г. убит агентом НКВД Р. Меркадером, мексиканским коммунистом, получившим за убийство звание героя Советского Союза.

3. Уинстон Черчилль (1874--1965). Один из лидеров консервативной партии Великобритании. С 1908 г. -- на различных министерских постах. В

1919--1921--военный министр, в 1924--1929-- министр финансов. Нобелевский лауреат по литературе (1953).

Троцкий намекает на официально выдвинутые Временным правитель
ством в июле 1917 г. обвинения большевиков в том, что они занимаются
"германским шпионажем", получают за это значительные субсидии от гер
манского правительства (немецкие марки) и виновны в измене родине. Со
временем эти обвинения с достаточной полнотой подтвердились.
Юзеф Пилсудский (1867--1935), в 1887 г. осужден в связи с поку
шением на Александра III (одноделец Александра Ульянова). В 1888-
1892 гг. -- в ссылке. С 1892 г.--в рядах ППС. В 1904 г., после начала рус
ско-японской войны, посетил Токио с целью установления контактов с япон
ской разведкой. В 1905--1907 гг. создавал террористические "боевые груп
пы". Делал ставку на восстановление независимой Польши в результате во
енной победы Австро-Венгрии и Германии над Россией. Установил связь с
австро-венгерским генштабом, при поддержке которого организовал разве
дывательную деятельность и создал в Галиции диверсионно-террористическую
организацию "Стрелец". Во время первой мировой войны командовал поль
ским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В 1917 г. -- на
чальник военного департамента в правительстве "независимого" польского
государства, созданного оккупационными властями Германии и Австро-Венг
рии. После февральской революции в России порвал с оккупационными вла
стями и в июле был посажен немцами в тюрьму. После ноябрьского мятежа
1918 г. в Германии освобожден, прибыл в Варшаву, был провозглашен "на
чальником" польского государства и оставался им до 1922 г. В 1926 г. был
генерал-инспектором вооружений, в 1926--1928 и 1930 гг. -- премьер-мини
стром.
Версальский мирный договор знаменовал собою окончание первой ми
ровой войны, подписан в Версале 28 июня державами-победительницами с
Германией. Для Германии условия договора были настолько тяжелы и уни

зительны, что практическая целесообразность подписания именно такого до говора была подвергнута сомнению многими политическими деятелями, пре жде всего в США. В результате Конгресс Соединенных Штатов отказался ратифицировать Версальский договор (и это было первой ступенью к вос хождению Соединенных Штатов на путь изоляционизма). Без преувеличе ния можно утверждать, что нелепые условия Версальского мира помешали -стабилизации политической ситуации Германии и обрекли на поражение Веймарскую республику, облегчив и победу в Германии нацизма. Следует указать, что на жестких условиях мирного договора с Германией настаивала прежде всего Франция, стремившаяся навечно обезопасить себя от герман ской угрозы.

Леон Блюм (1872--1950), после первой мировой войны вступил во французскую социалистическую партию. В 1936 г. стал премьер-министром правительства Народного фронта.

8. Жозеф Поль-Бонкур (1873--1972), французский дипломат, неоднократно-министр во французском правительстве, в том числе и министр иностранных дел. В 1932--1934 годах -- постоянный представитель Франции в Лиге Наций

9. Адольф Гитлер (Шикльгрубер, 1889--1945), с 1921 г. -- вождь нацио-яал-социалистической рабочей партии Германии. В 1933 году стал рейхсканцлером Германии В 1934-м объединил этот пост с постом президента республики До начала второй мировой войны проводит крайне успешную и популярную внешнюю политику, основной целью которой является уничтожение последствий Версальского мира. В сентябре 1939 г развязывает

большую европейскую войну, целью которой является разгром Франции и Англии. Будучи не в состоянии высадить на британский материк войска и принудить Англию к капитуляции, решается на разгром Советского Союза. В 1945 г, перед самым поражением Германии в войне, покончил с собой.

Эдуард Даладье (1884--1970), лидер французской партии радикалов, неоднократный министр французского правительства, в 1933--1934 и 1938-1940 гг.. -- премьер-министр. Первоначально был сторонником Народного фронта, затем -- его противником. Подписал Мювхенокое соглашение 1938 г.

К. Б. Радек (Собельсон, 1885--1939), клички "Крадек", "Парабел лум". Польско-немецко-руеокий революционер. До революции подозревался Дзержинским и Розой Люксембург в мошенничестве (присвоении общест венных денег) и провокации (сотрудничестве с германским и австро-вен герским правительством). По настоянию Дзержинского исключен сначала из польской, а затем и из германской социал-демократической партии. Взят под защиту Лениным. В годы первой мировой войны сотрудничал е Парвусом в Георгом Скларцем, а через них -- с германским правительством. Видимо, имел отношение к организации убийства Карла Либкнехта и Розы Люксем бург в январе 1919 г. В 1919--1924 гг.-- член ЦК РКП(б), член президиу ма Исполкома Коминтерна. С марта 1920 г. -- секретарь Коминтерна, ответ ственный за подрывную деятельность, прежде всего в Германии и Китае. В 1923 г. стал на путь оппозиции, в частности, по вопросу германской ре волюций, которую, как считала оппозиция, Сталин "провалил". Примерно

с этого времени Радек начинает терять власть, его снимают со всех постой, а в декабре 1927 г. постановлением XV съезда партии исключают из ВКП (б) в числе других 75 оппозиционеров и высылают в Ишим, затем в Томск. Ле том 1929 г. Радек в письме на имя ЦК раскаивается в своей оппозиционной деятельности, после чего восстанавливается в партии, работает в "Извести ях". В 1935 г. входит в состав конституционной комиссии ЦИК СССР. В 1936 г. арестован и выставлен обвиняемым на процессе 1937 г. (вместе с Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым и др.). Приговорен, как и Се ребряков, к десяти годам. Убит в заключении. Реабилитирован в июне 1988 г.

12. Ю. Л. Пятаков (1890--1937), в революцию и гражданскую войну занимал ряд высоких партийных и государственных должностей. Был пер вым председателем советского правительства на Украине. В декабре 1927 года исключен из партии за оппозиционные взгляды. Раскаялся и вскоре был восстановлен, получил ответственный пост в промышленности. Выставлен обвиняемым на втором московском показательном процессе (1937 г.) и рас стрелян.

13 В. Ромм, корреспондент "Известий" в Женеве (1930--1937), затем в Вашингтоне. Выставлен на втором московском процессе В качестве Провокатора. После процесса расстрелян.

Микадо --титул императора Японии. С 1926 г. императором Японии был Хирохито (1901--1989).

"Юманите" -- газета французской компартии.

16 Марсель Кашен (1869--1958), с 1905 по 1920 гг. -- один из руководителей французской социалистической партии. В годы первой мировой войны-- лидер правого крыла французских социалистов. В 1920 г. переметнулся к коммунистам и стал одним из основателей французской компартии, членом ЦК и Политбюро ФКП. В 1924--1943 гг.--член Президиума ИККИ. Депутат французского парламента от компартии.

Морис Торез (1900--1964), по профессии шахтер, член французской компартии с 1920 г., член ЦК с 1924 г, член Политбюро с 1925 г. С 1935 по 1943 гг. (год роспуска Коминтерна) -- член Президиума ИККИ С 1932 г. -- бессменный депутат парламента. С 1930 г. и до своей смерти - генеральный секретарь французской компартии

А. Я. Вышинский (1883--1954), с 1903 по 1920 гг. -- меньшевик, за тем большевик. Ректор МГУ, затем главный обвинитель на всех открытых показательных московских процессах. С 1940 г. на дипломатической работе. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1940--1946 гг. -первый заместитель наркома иностранных дел, в 1946--1949 гг.--замминистра ино странных дел СССР по общим вопросам. В 1953--1954 гг. -- первый заме ститель министра иностранных дел и постоянный представитель СССР в ООН.

В. И. Ленин (1870--1924) Лидер большевизма, экстремистского крыла русского социал-демократического движения Неудавшийся юрист, слабый экономист, банальный философ. Блестящий тактик партийной борь бы, гениальный организатор раскола. В апреле 1917 г. возвращается в Пет

роград. В июле из-за проезда через Германию и раскрывшихся связей с нем цами, в частности и из-за проникшей в печать информации о получении большевиками от германского правительства денег, обвиняется Временным правительством в измене, скрывается от ареста Безупречный авторитет Ленина в партии -- одна из не соответствующих истине легенд советской историографии. Ленин неоднократно был близок к тому, что потеряет власть над партией: в ноябре 1917 г., когда вопреки воле большинства ЦК настаи вал на создании однопартийного правительства; весной 1918 г., когда на стоял на подписании Брестского мира; в последние перед смертью месяцы, когда физически не был уже в состоянии вести борьбу против Сталина.

Яков Лифшиц (1896--1938), занимал второстепенные государствен ные посты в советском правительстве. Выставлен обвиняемым на третьем московском открытом процессе и расстрелян.

Г. Г. Ягода (1891--1938), большевик с дореволюционным стажем. Был близок к семье Свердлова и впоследствии женат на племяннице Я. М. Свердлова. Один из руководящих работников, позже глава НКВД (его заместителем был Н. И. Ежов). Впал в немилость во время подготовки процесса Зиновьева и Каменева за "мягкость". В 1938 г. сам был выставлен на процессе Бухарина Расстрелян.

Г. Я. Сокольников (Бриллиант, 1888--1939), большевик с 1905 г., член ЦК с 1917 г. В 1921--1926 гг. -- нарком финансов. С 1929 г.-посол в Англии, с 1934-го--заместитель наркома иностранных дел. Выставлен об виняемым на процессе "антисоветского троцкистского центра (параллель ного)". Погиб в заключении. Реабилитирован в 1988 г.

М. Н. Тухачевский (1893--1937), большевик с 1918 г. В годы граж данской войны командующий рядом армий. В 1925--1928 гг -- начальник штаба РККА. С 1931 г. заместитель председателя РВС СССР. С 1934 г.- заместитель, а с 1936-го--1-й заместитель наркома обороны. Маршал Со ветского Союза (1935). Расстрелян в июне 1937 г по обвинению в военном заговоре

Я. Б. Гамарник (1894--1937), большевик с 1916 г., ветеран граж данской войны, один из организаторов установления советской власти в Киеве. С 1920 г.--председатель Одесского, Киевского губкомов КП(б) Ук раины. С 1923 г. -- председатель Дальревкома С 1928 г --секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С 1929 г. -- начальник политуправления РККА, с 1930 г. -- заместитель наркома обороны и председателя РВС СССР.

И. Э. Якир (1896--1937), большевик с 1917 г. Ветеран гражданской войны. В 1925--1937 гг. командовал войсками ряда округов. Расстрелян

И. П. Уборевич (1896--1937), большевик с 1917 г. В гражданскую войну -- командующий армиями ряда фронтов. В 1922 г. -- военный министр и главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. С 1925 г. -- командующий войсками ряда военных округов. В 1930--1931 гг.- заместитель председателя РВС. С 1934 г.--член военного совета НКО. Ко мандарм 1-го ранга (1935). Расстрелян в июне 1937 г. по обвинению в во енном заговоре.

Р. П. Эйдеман (1895--1937), большевик с 1917 г. Ветеран граждан
ской войны. В 1920--1930-х гг.--командующий войсками военного округа,
начальник Академии генерального штаба им. Фрунзе, председатель централь
ного совета Осоавиахима. Расстрелян.

А. И. Корк (1887--1937), советский военачальник, командарм 2-го
ранга, коммунист с 1927 г. В 1920--1930 гг. командовал войсками ряда во
енных округов, в том числе МВО. Расстрелян.

29 К. Е. Ворошилов (1881--1969), с 1903 -- социал-демократ. Ветеран гражданской войны. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР. С 1934 г. -- нарком обороны СССР С 1940 г. -- заместитель председателя СНК.

Г. Е. Зиновьев (Радомысльский, 1883--1936), в период 1905-
1917 гг.--правая рука Ленина, большевик, в 1917 г. Временным правитель
ством обвинялся в шпионаже в пользу Германии. После октябрьского пере
ворота-- на высоких правительственных должностях. С 1919 г.--глава Ком
мунистического Интернационала. С 1923 г. -- в блоке со Сталиным и Каме
невым против Троцкого с целью не дать Троцкому захватить власть Поз
же -- в блоке с Каменевым и Троцким против Сталина. Обвинен в оппози
ционной деятельности. В 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. раскаялся и
был восстановлен. В 1935 г. арестован по делу об убийстве Кирова, приго
ворен к тюремному заключению. В 1936 г. выставлен в качестве одного из
главных подсудимых на первом московском процессе. За сотрудничество со
следствием (т. е признание своей вины в несовершенных преступлениях) ему
была обещана жизнь. Но Сталин слова своего не сдержал. Зиновьев был
расстрелян.

Л. Б. Каменев (Розенфельд, 1883--1936), с 1914 г. большевик. Член
ЦК, один из организаторов октябрьского переворота. До 1925 г. в блоке со
Сталиным борется в Политбюро против Троцкого; с 1926 г. -- вместе с Зи
новьевым и Троцким составляет блок против Сталина. В январе 1927 г. на
значен на дипломатическую работу в Рим (т. е. отправлен в почетную ссыл
ку). В декабре 1927-го исключен из партии. Раскаялся в своей деятельности
и был восстановлен в 1928-м. Арестован по делу об убийстве Кирова и при
говорен, как и Зиновьев, к тюремному заключению. Выставлен затем обви
няемым на первом московском процессе. За сотрудничество со следствием и
признание вины ему была обещана жизнь. После процесса, однако, Камене
ва расстреляли.

Так называемая Комиссия Джона Дьюи по расследованию обвине
ний, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. Дьюи (1859-
1952), председатель Комиссии, был американским философом и педагогом. Комиссия провела слушания в Мексике (10--17 апреля 1937 г.) и опубликовала результаты своих расследований в книге "Not Guilty" ("Не виновен"). Стенограммы слушаний были опубликованы кроме того в книге "The Case of Leon Trotsky" ("Дело Льва Троцкого").

33. Генрик Ибсен (1928--1906), норвежский драматург.

Мартин Лютер (1483--1546), родоначальник реформаторского дви
жения в Германии. Основатель лютеранства. Перевел на немецкий язык
Библию.

Мартин Транмель, лидер норвежских лейбористов и редактор цент
ральной газеты лейбористской партии Норвегии. В течение некоторого вре
мени был коммунистом (норвежские лейбористы в этот период входили в
Коминтерн), затем перешел на социалистические позиции, способствовал раз
рыву с Коминтерном и вступлению рабочей партии в Социалистический Ин
тернационал.

Трюгве Ли (1896--1968), один из лидеров норвежской рабочей пар
тии, неоднократный министр норвежского правительства. В 1935--1939 гг. -
министр юстиции. В 1941--1946 гг.--министр иностранных дел. В 1946-
1953 гг -- генеральный секретарь ООН.

Сборник статей "Преданная революция" впервые был опубликован
на английском языке в 1937 г. нью-йоркским троцкистским издательством.
Книга была переведена на некоторые иностранные языки. На русском изда
на не была и как таковая в архиве отсутствует. Ряд статей этой книги Троц
кий включил в другие свои публикации.

Д. Нигордсвольд (1879--1952), в 1935 г. был министром в лейборист
ском правительстве Норвегии.

Эрвин Вольф (Николь Браун, 1902--1937), чешский троцкист, член
троцкистского Международного Секретариата. Был секретарем Троцкого в
Норвегии. Написал брошюру. "L'Organe de masse", к которой Троцкий сде
лал предисловие. В 1937 г. был похищен и убит, видимо, сотрудниками со
ветской разведки в Испании.

40. Жан Ван Ейженорт (Heijenoort, 1912--1986), с 1932 по 1939 гг. был секретарем и телохранителем Троцкого в Турции, Франции, Норвегии и Мексике. Француз по происхождению. В ноябре 1939 г. покинул Троцкого и уехал в Нью-Йорк. С троцкизмом порвал в 1948 г. В 1950-е был преподавателем математики в Нью-Йоркском университете, а с 1965 по 1977 гг. преподавал историю и философию логики в Брандайском университете (Бостон). В течение 30 лет был консультантом архива Троцкого Гарвардского университета. Автор книги "With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoakan" (1978) и ряда работ по математической логике.

Подробнее об этом см. "Л. Троцкий. Ссылка, высылка, скитания,
смерть". -- Публ. Ю. Фельштинского. -- Знамя, 1990, No 7, стр. 181--184.

Йозеф Геббельс (1897--1945), с 1933 г.--министр пропаганды и про
свещения в нацистской Германии. С 1944 г. -- имперский уполномоченный по
тотальной военной мобилизации. Покончил самоубийством.

С. М. Киров (Костриков, 1886--1934), социал-демократ с 1904 г. С
1921 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. С 1926 г.-- 1-й секретарь Ле
нинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП (б). Од
новременно с 1934 г. -- секретарь ЦК. Член ЦК с 1923 г. Член Политбюро с 1930 г. Убит Николаевым 1 декабря в Ленинграде. Убийство, подстроенное Сталиным, ознаменовало собой начало массового террора против партийных и советских работников.

Франсиско Франко (1892--1975), в 1936 г. поднял восстание против
республиканского правительства Испании. В гражданской войне одержал
победу. С 1939 по 1975 гг. был бессменным главой правительства Испании,
вел независимую политику, удержал Испанию от вступления во вторую ми

ровую войну на стороне фашистского блока. Добился политической стаби лизации и экономического благосостояния в стране.

Г. В. Ф. Гегель (1770--1831), немецкий философ, создавший систе матическую теорию диалектики.

Жерар Розенталь, французский троцкист, в течение многих лет был адвокатом Троцкого. Автор книги "Avocat de Trotsky" (1975).

Денис Притт (1888--1972), английский адвокат, лейборист, приняв ший московские процессы и написавший, что с юридической точки зрения они являются "образцом для всего мира".

М. П. Томский (Ефремов, 1880--1936). В партии с 1904 г. В 1922-1930 -- член Политбюро, одновременно (1922--1929)--председатель ВЦСПС. Выступил против резкого сворачивания нэпа, объявлен правым уклонистом. В 1929--1930 -- заместитель председателя ВЦСПС. Затем понижен до заве дующего Государственным издательством. До 1934 г. -- член ЦК. В 1936 г., узнав, что на процессе Зиновьева и Каменева против него даны показания, застрелился, не дожидаясь ареста.

49 Пьер Кот (1895--1977), в 1933--1939 гг. был неоднократно министром во французском правительстве. В 1936--1937 гг. -- в правительстве Народного фронта. После второй мировой войны один из организаторов просоветского Движения сторонников мира. Лауреат Международной ленинской премии 1953 г

Л Л. Седов (1906--1938), старший сын Троцкого, коммунист, оппо зиционер, покинул СССР вместе с Троцким, в эмиграции оставался ближай шим соратником своего отца, фактическим редактором "Бюллетеня оппози ции". Умер в 1938 г. в одной из парижских частных клиник при весьма странных обстоятельствах, давших основания считать, что он был убит (от равлен) органами советской безопасности.

Во время так называемого прусского плебисцита 1932 г. германские коммунисты голосовали вместе с нацистами. Основная заслуга в этом при надлежала немецкому коммунисту Гейнцу Нейману, сотруднику Коминтерна

и представителю советского правительства в Германии. Именно под его влиянием ЦК германской компартии принял решение голосовать вместе с нацистами во время плебисцита против правительства Северинга-Брауна. Вскоре Нейман понял ошибочность этой тактики и попытался было изменить курс германской компартии. В этом ему помешали Сталин, с одной стороны, и руководство германской компартии, с другой.

52 Журнал "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)" издавался под ред. Троцкого с июля 1929 г. Всего было издано 87 номеров журнала (часть номеров была сдвоенной). Последние четыре выпуска вышли уже после смерти Троцкого. Первоначально журнал издавался в Берлине, после прихода к власти фашистов -- в Париже, после начала второй мировой войны и смерти Троцкого (в 1941 г. -- перед самым закрытием)--в Нью-Йорке.

Старший сын Троцкого, Лев Седов, вплоть до самой смерти был ответственным редактором журнала в Европе.

М. М. Литвинов (1876--1951), большевик. Советский дипломат. На дипломатической службе с 1918 г. Член коллегии НКИД. В 1921--1930 гг.- заместитель наркома иностранных дел Чичерина. В 1930--1939 гг. -нарком иностранных дел.

Карл Каутский (1854--1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократической партии и Второго интернационала.

Дж Кайло (1863--1944), французский государственный деятель, радикал. Премьер-министр Франции в 1911--1912 гг., неоднократный министр финансов французского правительства.

Видкун Квислинг (1887--1945), организатор (1933) и лидер фашистской партии в Норвегии. В 1942--1945 гг. -- премьер-министр профашистского норвежского правительства оккупированной немцами Норвегии. Казнен как военный преступник после освобождения Норвегии от германской оккупации.

Раймонд Розенмарк, французский адвокат, через французскую Лигу прав человека (организацию, защищающую гражданские права и придерживающуюся просоветского курса) выступил с поддержкой обвинений, выдвинутых на открытых московских процессах. Противоположная точка зрения, представленная Лиге Магдалиной Паз, была Лигой отвергнута и не опубликована.

Леонид Николаев (1904--1934), коммунист, член РКИ, убивший в Ленинграде 1 декабря 1934 г. Кирова. Убийство было совершено с ведома Сталина и положило начало партийным чисткам.

Опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 41, январь 1935, стр. 1--10, под названием "Сталинская бюрократия и убийство Кирова".

И. Н. Смирнов (1881 -- 1936), большевик, член ЦК с 1920 г., нарком почт и телеграфов, левый оппозиционер. Исключен из партии sa оппозиционную деятельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Сослан в Сухуми. В i1929-m раскаялся, был восстановлен в партии. В 1930-м вновь исключен. Выставлен обвиняемым на процессе "троцкистско-зиновьевского объединенного центра" и приговорен к расстрелу.

Е. С. Гольцман (1882--1936), один из подсудимых на первом мос

ковском процессе 1936 г Расстрелян.

Фридрих Адлер (1879--1960), сын В. Адлера, один из лидеров авст рийской социал-демократической партии и идеологов австромарксизма. В 1911--1916 гг. -- секретарь австрийской социал-демократической партии Центрист. В 1916 г. убил министра-президента К. Штюргка за отказ восста новить права рейхстага, распущенного в 1914 г. Один из организаторов и лидеров 2 1/2-го интернационала (1921--1923 гг.) и Социалистического ра бочего интернационала (1923--1940 гг.).

63. Опущена глава "Новая московская амальгама", опубл. в "Бюллете не оппозиции", No 54--55, март 1937, стр. 9--18.

64 Густав Носке (1868--1946), германский политический деятель, правый социал-демократ. Во время ноябрьской революции 1918 г.--член Совета уполномоченных. В феврале 1919--марте 1920 г. -- военный министр гер манского демократического правительства, один из главных организаторов подавления коммунистического мятежа в Германии в январе--марте 1919 г.

65 Филипп Шейдеман (1865--1939), один из правых лидеров социал-демократической партии Германии, член правления партии с 1911 г. В ноябре 1918 -- феврале 1919 г. наряду с Ф. Эбертом был представителем Совета народных уполномоченных. В феврале--июне 1919 г. -- глава правительства Германии

Карл Либкнехт (1871--1919) -- германский социал-демократ, один из основателей германской коммунистической партии. В 1914 г. единственный член рейхстага Германии, проголосовавший против предоставления прави тельству военных кредитов. Основатель, вместе с Розой Люксембург, ком мунистической газеты "Роте Фане". Арестован и убит вместе с Розой Люк сембург в январе 1919 г. отрядом немецкой армии с ведома и по приказа нию германского правительства.

Роза Люксембург (1871--1919), немецко-польская революционерка, один из основателей и теоретиков польского социал-демократического дви жения, затем -- Союза Спартака в Германии и германской компартии (1918). Убита вместе с Карлом Либкнехтом.

Вальтер Хельд (псевдоним Хейца Эпе, 1910--1941). Руководитель не мецких троцкистов. После прихода Гитлера к власти уехал в Норвегию. Один из секретарей Троцкого в Норвегии. После оккупации Норвегии Гит лером выехал в СССР, по утверждению троцкистов, -- проездом, с надеждой как-то перебраться в США. В СССР был снят с поезда, арестован и вскоре расстрелян.

Олав Шефло, один из руководителей норвежской рабочей (лейбо ристской) партии

Мирсаид Султан-Галиев (1880?--1929?), в 1905 г. принимал актив ное участие в студенческом движении "Ислах". В 1905--1917 гг. - радикальный мусульманский националист. С ноября 1917 г. -- боль шевик. Занимал посты члена Центрального комиссариата по делам мусуль ман (Муском), председателя Мусульманской военной коллегии, члена Ма лой коллегии наркомата национальностей, редактора журнала "Жизнь на циональностей" Был членом ЦИК Татарской республики. В мае 1923 г.

арестован по обвинению в участии в "контрреволюционном националистиче ском заговоре против советской власти" и за "помощь басмаческому движе нию". Формально осужден не был, но был исключен из партии и во время следствия находился в тюрьме Освобожден в 1924 г. Вновь арестован в 1928-м. В 1929 г. осужден и отправлен в Соловецкий концентрационный ла герь. Здесь его следы теряются Очевидно, он погиб в лагере, но неизвестно когда.

А. В. Туркул, генерал русской армии, скончавшийся в эмиграции в 1958 г.

Пьер Навилль, род. в 1904 г. Основатель троцкистской Коммунисти ческой Лиги и троцкистского издания "La Verite". Был против вступления троцкистов во французскую социалистическую партию, на чем настаивал Троцкий (1934). Позже все-таки последовал за большинством французских троцкистов и в социалистическую партию вступил. После распада блока с социалистами был против вступления троцкистов в другую левую организа цию -- Рабоче-крестьянскую социалистическую партию. Автор мемуаров "Trotsky vivant" (1962).

Пьер Франк, род. в 1905 г. Французский троцкист, основатель троц кистской коммунистической газеты "La Verite". В 1932--1933 гг. работал секретарем Троцкого в Турции Руководитель троцкистской группы Молинье, Исключен в 1935 г. из троцкистской организации за нарушение дисциплины. Несколько позже, во время второй мировой войны, уже в Англии, он снова вступил в троцкистскую организацию и стал членом ее Международного се кретариата, реорганизованного затем в Объединенный секретариат.

В. С. Довгалевский (1885--1934), советский дипломат, на диплома тической службе с 1924 г , сначала в Швеции, затем в Японии. С октября 1927 г до дня своей смерти--полпред СССР во Франции.

Е. М. Ярославский (Губельман М. И., 1878--1943), социал-демократ с 1898 г. В Москве в 1917 г.-- член ВРК. В 1921 г.--секретарь ЦК партии большевиков. В 1923--1934 гг.--член Президиума и секретарь ЦКК. Член ЦК в 1921--1922 и 1939 гг. Член КПК в 1934--1939 гг. Член редакции га зеты "Правда" и журнала "Большевик". Редактор и автор ряда работ по истории, один из главных фальсификаторов истории партии, идеолог и тео ретик партийных и прочих чисток.

М. Ф. Шкирятов (1883--1954), большевик с 1906 г. С 1918 г. -- сек ретарь ЦК союза швейников. В 1923--1934 гг. -- член президиума, с 1930 г.- секретарь партколлегии ЦКК С 1939 г.--член ЦК и заместитель предсе дателя КПК. С 1952 г. -- председатель КПК.

Юрий (Георгий) Гавен, латвийский большевик, оппозиционер до 1926 г. В 1936 г. был назван одним из обвиняемых на процессе Зиновьева - Каменева, но судим или оправдан не был. На открытом процессе имя его не упоминалось.

Ж. Дантон (1759--1794), один из вождей якобинцев. Участвовал в подготовке восстания 10 августа 1792 г. Осужден Революционным трибуна лом и казнен в апреле 1794 г.

М. Робеспьер (1758--1794), один из руководителей якобинцев. С 1793 г.--фактический глава революционного французского правительства, один из главных инициаторов французского террора. Казнен термидориан цами.

Г. М Димитров (1882--1949), болгарский революционер, обвиняемый на Лейпцигском процессе 1933 г. (дело о поджоге Рейхстага). По договорен ности между советским и германским правительством выслан после процесса в СССР, где жил до 1945 г. С 1935 г.--секретарь ИККИ.

Эрнст Торглер (1893--1963), лидер германских коммунистов в Рейх стаге. В 1933 г. вместе с Димитровым был подсудимым на Лейпцигском процессе. Как и Димитров оправдан.

С. Д. Мрачковский (1883--1936), активный участник революции и гражданской войны, большевик. Исключен из партии за оппозиционную дея тельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда ВКП (б), сослан. В 1929 г. капитулировал, возвращен из ссылки. В 1933 г. снова сослан, а в 1936-м "а первом открытом московском процессе приговорен к смертной казни и расстрелян.

83 Н. Суханов (Гиммер Н. Н, 1882--1940), революционер, экономист, публицист, историк С 1903 г.-- эсер. С 1917-го-- меньшевик. Член Исполкома Петроградского совета 1-го созыва. Вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Го

сударственной Думы о составе первого буржуазного правительства России. До 1920 г. примыкал к меньшевистской группе Мартова. Автор семитомной истории русской революции "Записки о революции" (Изд. З. И. Гржебина, Берлин--Петербург--Москва, 1922--1923). Пытался примириться с большевизмом и вступить в партию. Принят так и не был. Стал членом Коммунистической академии. В 1930 г. был из нее исключен, а в 1931 г. -- выставлен обвиняемым на процессе меньшевиков и осужден как руководитель несуществовавшей подпольной меньшевистской организации. В 1939 г. осужден повторно. Умер в лагере.

Владимир Громан (1874--1931?), меньшевик, в 1931 г. был членом Президиума Госплана. Выставлен обвиняемым на процессе меньшевиков 1931 г. Во всем признал себя виновным и полностью коллаборировал со следствием. После процесса исчез. Вероятно, расстрелян.

А. А. Трояновский (1882--1955), как и будущие советские диплома ты Майский и Суряц, был сначала меньшевиком. В 1918 г. обвинял боль шевиков в шпионаже в пользу Германии. На дипломатической службе с 1927 г. В 1927--33 гг. -- полпред СССР в Японии. В 1933--1938 гг.--посол СССР в США.

И. М. Майский (1884--1975), меньшевик. С 1921 г. -- большевик. Со ветский дипломат. В 1929--1932 гг --полпред в Финляндии. В 1932-1943 гг. -- посол в Великобритании. В 1943--1946 гг.--заместитель наркома иностранных дел. Автор ряда книг и воспоминаний.

Л. М. Хинчук (1868--1944). В социал-демократическом движении с 1890 г. С 1903 г --меньшевик. В марте--сентябре 1917 г.--председатель Моссовета. В 1920 г. вступает в партию большевиков. С 1921 г. -председа

тель Центросоюза, с 1926 -- торгпред в Великобритании. С 1927 г.--зам. наркомторга СССР. С 1930 г. -- полпред в Германии. В 1934--1937 -- нар комвнуторг РСФСР. Арестован в 1937 г., погиб в лагере.
Я. З. Суриц (1882--1952), меньшевик, затем большевик, советский дипломат, на дипломатической службе с 1918 г. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1918--1919 гг.--заместитель советского полпреда в Дании, в 1919--1921 --полпред в Афганистане, в 1921--1922 гг. -- член Турк комиссии ВЦИК и уполномоченный НКИД по Туркестану и Средней Азии. В 1922--1923 гг.--советский полпред в Норвегии, в 1923--1924 гг. -- в Тур ции, в 1934--1937 гг. -- во Франции, в 1937--1939--член советской делега ции на сессиях Лиги Наций.
М. Е. Кольцов (Фридлянд, 1898--1942), большевик с 1918 г. Совет ский писатель. Видимо, сотрудничал с ГПУ--НКВД. Сотрудник "Правды", редактор журналов "Крокодил", "За рубежом", "Огонек". Советский коррес пондент в Испании во время проходившей там гражданской войны, автор книги "Испанский дневник" (1938). Арестован в декабре 1938 г. по обви нению в связи с испанскими троцкистами. Погиб в лагере.
Д. Заславский (1880--1965), бундовец, в дни октябрьского пе реворота выступал против большевиков, в частности Ленина. С 1919 г. во всем поддерживал советскую власть. Стал известным советским журнали стом.
Михаил Глазман, стенографист и секретарь Троцкого во время граж данской войны, позднее -- член секретариата Троцкого и ВРК. Исключен из партии в 1924 г. В том же году покончил самоубийством.
Георгий Бутов, глава секретариата Троцкого, арестован после исклю чения Троцкого из партии. Подписать выдвинутые против него и Троцкого обвинения отказался, объявил голодовку и умер в тюрьме в 1928 г.
Н. Сермукс, в годы гражданской войны был начальником военного поезда Троцкого, затем -- сотрудником секретариата Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким. Тайно отправился к Троцкому в Алма-Ату. Там был арестован, возвращен в Москву, а чуть позже выслан на север. Судя по всему, погиб в период чисток.
И. Познанский, секретарь Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким После высылки Троцкого в Алма-Ату в 1928 г. тайно отправился за ним. Был арестован, возвращен в Москву, чуть позже выслан куда-то на Север. Очевидно, расстрелян в период чисток
Антон Цилига, член политбюро югославской компартии. В 1925 г. эмигрировал в СССР и вступил в ВКП (б) С 1929 по 1932 гг. был левым оппозиционером, за что еще в 1930-м был сослан в Сибирь. Как иностранец, был выслан из СССР в 1935 г., предварительно отсидев непродолжительный срок в тюрьме и лагере На Западе опубликовал ряд статей о Советском Союзе, и в частности, об условиях заключенных в тюрьмах и лагерях. Троц кий сначала подозревал Цилигу в том, что тот является агентом советской разведки, однако позже начал печатать в своем "Бюллетене оппозиции" его статьи. В 1936 г. он все же порвал с ним как с "меньшевиком". В 1938 г.

Цилига опубликовал книгу на французском, переведенную через два года и на английский (английское издание: "The Russian Enigma", London, 1940).
Вальтер Дуранти (1884--1957), корреспондент "Нью-Йорк Таймс" в Москве, присутствовал на процессах в качестве журналиста и полностью под держал выдвинутые против обвиняемых обвинения.
97. Л. Троцкий. Моя жизнь Опыт автобиографии. 2 тома. Изд. Гранит, Берлин, 1930
Л. Троцкий. История русской революции. 2 тома (3 книги). Изд. Гранит, Берлин, 1931 -- 1933.
"Критика программы коммунистического интернационала" -- 200-стра ничная работа Троцкого, написанная в июле 1928 г. в Алма-Ате. На рус ском языке не публиковалась Хранится в архиве Троцкого (Т--3117). Ра бота "являлась одной из частей книги Л. Троцкого "Коминтерн после Ле нина", опубликованной на английском и других языках.
Котэ Цинцадзе (1887--1930), один из руководителей грузинских большевиков, левый оппозиционер (троцкист) с 1923 г. Исключен из партии в 1927 г. Сослан в 1928-м. Умер в 1930 г. в ссылке.
М И. Скобелев (1885--1939), с 1903 г. -- меньшевик. С 1912 г.- член Четвертой Государственной Думы, один из лидеров социал-демократи ческой фракции После Февральской революции член Исполкома, замести тель председателя Петроградского Совета, заместитель председателя ЦИК 1-го созыва. Министр труда во Временном правительстве. После большевист ского переворота эмигрировал, но в эмиграции эволюционировал влево. Стал сотрудничать с большевиками. Содействовал установлению советско-фран цузских торговых отношений, был представителем Центросоюза в Париже и Брюсселе. В 1922 г. вступил в компартию. Вернулся в СССР. Был пред седателем Концессионного комитета РСФСР, работал во Всесоюзном радио комитете. В 1939 г расстрелян.

.102. Я. М. Свердлов (1885--1919), в партии с 1901 г. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК. После VII (апрельской 1917 г.) партийной конференции -- секретарь ЦК. Руководитель Оргбюро по созыву VI съезда РСДРП, активный участник подготовки и проведения октябрьского переворота в Петрограде, член партийного центра по руководству вооруженным восстанием, член ВРК. Председатель большевистской фракции Второго Всероссийского съезда Советов и, после снятия Каменева, председатель ВЦИКа Был председателем комиссии по выработке первой советской конституции. С весны 1918 г. фактически руководил всей партийной работой. Организовывал созыв Седьмого партийного съезда, выступал там с отчетным докладом ЦК. Один из инициаторов принятия решения об убийстве царской семьи в июле 1918 г. В начале 1919 г., оттесненный выздоровевшим после ранения Лениным, стал терять власть. На время работы VIII съезда послан в провинцию; на обратном пути, по версии официальной историографии, "заболел" и вскоре умер. Не исключено, что обстоятельства смерти Свердлова совсем иные

103. Л. П. Серебряков (1890--1937), в партии с 1905 г. В 1918--1919 -член Президиума Моссовета. В 1919--1921 гг. -- член ЦК и член Оргбюро ЦК. В 1920--1921 гг. -- секретарь ЦК партии, член РВС Южного фронта. С 1922-го -заместитель наркома путей сообщения, с 1924-го -- на хозяйственной работе. Оппозиционер, член "объединенной оппозиции". В октябре

1927 г. исключен из партии постановлением XV съезда. Раскаялся в 1929-м.
В 1937 г. расстрелян.

104 Бенито Муссолини (1883--1945), социалист, исключен из партии в 1914 г. В 1919 г. основал фашистскую партию Италии. С 1922 по 1943 гг.-фашистский диктатор. В 1945 г. захвачен итальянскими партизанами-антифашистами и по приговору трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии казнен.

А. И. Рыков (1881--1938), сменил Ленина на посту председателя
СНК и пробыл на нем до 1930 г. С 1923 по 1928 гг. -- в блоке со Сталиным
против Троцкого. В 1928--1929 гг.--один из лидеров правой оппозиции.
Капитулировал в 1929-м, принял сторону Сталина. Но в 1930-м все равно
был снят с поста председателя СНК, а в 1938-м -- выставлен одним из об
виняемых на третьем московском процессе (бухарвнском). Расстрелян.
Н. И. Бухарин (1888--1938). В партии с 1906 по 1937. Член ЦК в
1917--1934, член Политбюро в 1924--1929. Многолетний редактор "Правды".
До 1928 г. в блоке со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева. В
1928 г. решил порвать со Сталиным. Блокировался с Томским и Рыковым
(так называемая "правая оппозиция"), потерпел поражение и в 1929 г. был
исключен из партии. Раскаялся Был восстановлен. В 1934 г. назначен редак
тором "Известий", но снят с этого поста десятью месяцами позже. Один из
обвиняемых на процессе 1938 г. Расстрелян.
107. Клод Адриан Гельвеции (1715--1771), французский философ.
Артур Уэлсли Веллингтон (1769--1852), герцог, английский фельд
маршал В войнах против наполеоновской Франции командовал союзными
войсками на Пиренейском полуострове (1808--1813) и англо-голландской ар
мией при Ватерлоо (1815). В 1828--1830 гг. -- премьер-министр, в 1834-
1835 гг. -- министр иностранных дел, в 1841--1846 гг. -- министр без порт
феля
Ф Э. Дзержинский (1877--1926), польско-русский революционер,
социал-демократ с 1895 г. Член ЦК РСДРП с 1907 г. С 1917 г. -- председа
тель ВЧК. Во время дискуссий о Брестском мире -- левый коммунист. В
1919--1923 гг. -- нарком внутренних дел. С 1922 г.--председатель ГПУ (затем-- ОГПУ). Одновременно с 1921 г. -- нарком путей сообщения. С 1924 г.-- председатель ВСНХ СССР.

ПО. Н. Н. Крестинский (1883--1938), большевик с 1903 г. С 1918 г.-нарком финансов РСФСР, с 1921 г.--полпред в Германии. С 1930 г. -заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1917--1921 гг.---член ЦК. В 1919--1921--член Политбюро и секретариата ЦК. В 1927 г. оппозиционер. Раскаялся. В 1938 г. был выставлен на третьем московском (бухаринском) процессе в качестве обвиняемого и расстрелян.

111 Светлана Аллилуева.
Яков Джугашвили.
Н. К. Крупская (1869--1939), жена Ленина. С 1927 г. -- член ЦК,
с 1929 г. -- заместитель наркома просвещения. С 1938 г. -- член Президиума
Верховного Совета.
А. Ф. Керенский (1881 --1970), по профессии адвокат, лидер фрак
ции трудовиков в Четвертой Государственной думе. С марта 1917 г. -эсер.
Во Временном правительстве занимал различные министерские посты: юсти

ции (март--май), военного и морского министра (май--сентябрь), министра председателя (с 8 июля) и верховного главнокомандующего (с 30 августа). За время своего руководства окончательно подорвал доверие к демократиче скому правительству, авторитетом в глазах армии не пользовался никогда, а потому большевиками был сметен с легкостью. Из Зимнего в последнюю минуту бежал, пробовал при помощи отряда Краснова вернуть себе власть. Потерпел неудачу и эмигрировал за границу. Открыто обвинял большевиков в государственной измене (намекая на сотрудничество с Германией). В пос ледний период эмиграции -- профессор Стэнфордского университета в Кали форнии.

Д. С. Ермоленко, прапорщик, военнопленный, перешедший 28 апре ля 1917 г. линию фронта и сообщивший компрометирующие Ленина и дру гих большевиков сведения о шпионаже большевиков в пользу Германии.

116. Как и Керенский в июле 1917 года, Сталин обвинял подсудимых в шпионаже. Но именно потому, что обвинения, выдвинутые Временным пра вительством в 1917 году, были по большей части справедливы, Сталин знал, в чем обвинять арестованных (а арестованные знали, что их есть, в чем об винять).

Г17. Александр I Карагеоргиевич (1888--1934), с 1921 г. король Югославии. Во внешней политике ориентировался на Францию. Убит в октябре 1934 г. в Марселе (вместе с министром иностранных дел Франции Л. Барту) хорватско-македонскими революционерами-террористами усташами.

118 Луи Барту (1862--1934), с 1894 г. неоднократно был министром во французском правительстве. В 1913 г.--премьер-министр Франции. В 1934 г.-министр иностранных дел Франции, сторонник советско-французского сотрудничества. Убит в 1934 г террористами вместе с королем Югославии Александром I.

119. Когда 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит Киров, советская пресса указала, что убийца Кирова Николаев встречался с неким латвийским консулом, чтобы попросить его передать письмо Троцкому. Латвийским генеральным консулом в СССР был в это время Джордж Биссинекс, высланный из СССР после убийства Кирова. Правительство Латвии заявило в свя

зи с этим официальный протест и указало, что генеральный консул Латвии никакого отношения к покушению на Кирова не имел.

Конон Берман-Юрин (1901--1936) и Фриц Давид (1897--1936) об винялись во встрече с Троцким в Копенгагене в 1932 г. для получения ин струкций о террористической деятельности. Берман-Юрин был советским корреспондентом в Германии. Давид -- редактором газеты германской ком партии "Die Rote Fahne".

Валентин Ольберг (1907--1936), в 1930 г. вступил в организацию немецких троцкистов. Был исключен из организации по подозрению в том, что сотрудничает с советской разведкой. До исключения вел в 1930 г. пе реписку с Троцким. На первом московском процессе (1936) выставлен об виняемым и приговорен к смертной казни.

Моисей Лурье (Alexander Emel), бывший член германской компар тии, писавший в 1932 г. антитроцкистские статьи для коминтерновской прес

сы. Был агентом-провокатором на первом московском процессе.
Натан Лурье, брат Лурье Моисея. По профессии хирург. Как и брат, был агентом-провокатором на первом московском процессе.
Я. Г. Блюмкин (1898--1929), левый эсер, участник убийства Мирбаха 6 июля 1918 г., сотрудник ВЧК, с 1920 г. -- большевик. Сотрудник ГПУ, сотрудник секретариата Троцкого. В ГПУ занимал ряд высоких постов, был резидентом ГПУ на Ближнем Востоке. В 1929 г. тайно встречался с Троцким в Турции. Взял у Троцкого письмо для оппозиционеров в СССР. По возвращении передал письмо оппозиционерам, судя по всему Радеку, был выдан ГПУ Арестован. Расстрелян 3 ноября 1929 г.
Диего Ривера (1886--1957), художник, один из основателей мексиканской компартии. С 1922 г. -- член ЦК. В 1927 г. вышел из партии в знак протеста против исключения левой оппозиции. После прибытия Троцкого в Мексику был некоторое время близок с ним, принял его у себя в доме. В 1939 г. Троцкий, однако, публично порвал с Риверой отношения из-за политических расхождений.
Макс Шахтман (1903--1972), руководитель американской компартии, один из зачинателей американского троцкистского движения. В 1940 г. вышел из партии из-за разногласий по вопросу о поддержке и защите СССР (заключившего союзнический договор с нацистской Германией) и организовал свою собственную Рабочую партию. В 1958 г. его партия влилась в социалистическую партию США.
Жорж Новак, в 1933 г. стал троцкистом. Секретарь американского Комитета защиты Троцкого, образованного в 1936 г. для расследования обвинений, выдвинутых против Троцкого на первом московском процессе. Комитет просуществовал до 1938 г.
Антонио Гидальго, друг Диего Риверы, занимавший крупный пост в мексиканском правительстве. Позже Ривера порвал с ним отношения (так как стал придерживаться еще более левых взглядов).
129. Эмилиано Сапата (1879--1919), руководитель крестьянского движения в Мексиканскую революцию 1910--1917 гг. Один из авторов программы ликвидации крестьянской земельной собственности в Мексике. В декабре 1914 -- июле 1915 г. отряды Сапаты и Ф. Вильи захватили столицу Мексики. Убит.
Ласаро Карденас (1895--1970), участник мексиканской революции 1910--1917 гг., в 1931, 1933, 1943--1945 гг. занимал министерские посты в мексиканском правительстве. В 1934--1940 гг. -- президент Мексики. В 1959 г. награжден советской Международной ленинской премией. С 1969 г. почетный президент просоветской организации "Всемирный совет мира".
В. Ломбарде Толедано (1893--1968), руководитель мексиканской конфедерации рабочих, крупнейшего профсоюза в Мексике, неоднократно и публично выступал против Троцкого, придерживался просоветской ориентации.
Опущена вторая часть речи Троцкого, опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 54--55, стр. 1--9, под названием "Речь к американским рабо

чим".
Опущена глава "Предварительное расследование в Койоакане", опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 56--57, июль--август 1937, стр. 15--20.
134. Н. И. Седова-Троцкая (1882--1962), вторая жена Троцкого.
Филипп Медведь, руководитель ленинградского ОГПУ в момент убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) В связи с делом об убийстве Кирова, как и ряд других сотрудников НКВД, был приговорен к тюремному заключению за халатность. В 1937 г. расстрелян.
Уильям Питт (младший, 1759--1806), премьер-министр Великобритании в 1783--1801 и 1804--1806 гг., лидер "новых тори". Один из главных организаторов коалиции европейских государств против французской революции и наполеоновской Франции.
Франциско Феррер (1859--1909), один из организаторов беспорядков, начавшихся в Барселоне 26 июля в связи с публикацией правительством декрета о мобилизации резервистов для войны в Марокко. По взглядам-- близкий к анархистам республиканец. Арестован и расстрелян в Барселоне в начале августа, после подавления беспорядков.
Никола Сакко (1891--1927), американский рабочий-революционер итальянского происхождения. В 1920 г. арестован по обвинению в убийстве, приговорен к смертной казни и казнен в 1927 г. вместе с Б. Ванцетти.
Бартоломео Ванцетти (1888--1927), американский рабочий-революционер итальянского происхождения. В 1927 г. казнен за совершенное, по заявлению суда, в 1920 г убийство. Левая международная общественность объявила обвинение недоказанным и объясняла суд над Ванцетти попыткой американского правительства расправиться с революционером.
Том Муни (1883--1942), член социалистической партии с 1907 г. и организации "Индустриальные рабочие мира". В 1912--1916 гг. -- руководитель профсоюза литейщиков в Сан-Франциско. Арестован по обвинению в убийстве, приговорен к смертной казни (1917), замененной тюремным заключением. Был освобожден в 1939 г.
Отто Бауэр (1882--1938), один из лидеров австрийской социал-демократии и Второго Интернационала, после первой мировой войны -- ведущий теоретик австрийских социал-демократов. Идеолог австромарксизма. В 1918--1919 гг.-- министр иностранных дел. Выступал за присоединение Австрии к Германии. Один из организаторов и лидеров 21/2-го Интернационала (1921--1923 гг.) и Социалистического рабочего Интернационала (1923-1940). С 1929 по 1934 гг.-- член австрийского Национального совета. С 1934 г. в эмиграции --сначала в Чехословакии, затем во Франции.
Жозеф Кайо (1863--1944), французский политический деятель, радикал, председатель совета министров Франции в годы первой мировой войны. В январе 1918 г. подвергся судебному преследованию по обвинению в дипломатических интригах, имевших своею целью обеспечить Германии выгодный для нее мир. В апреле 1920 г. приговорен за это к трем годам тюрьмы и лишению активного и пассивного избирательного права на 10 лет. Амнистирован декабрьским законом 1924 г. В апреле 1925 г. стал минист

ром финансов в кабинете П. Пенлеве. Вскоре ушел в отставку, но в июне 1926 г вновь занял этот пост, теперь уже в кабинете, образованном А. Бри аном.
Троцкий был лишен советского гражданства постановлением от 20 февраля 1932 года за подписью Калинина (см. Собрание Законов СССР, 1932, стр. 70. Постановление президиума ЦИК СССР). Вместе с ним за "контрреволюционную деятельность" были лишены советского гражданства с запрещением въезда в СССР, в том числе и по заграничным паспортам, еще 36 человек. Среди них были Зинаида Бронштейн (дочь Троцкого) и Наталья Седова (См. Ю. Фельштинский. К истории нашей закрытости. За конодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной полити ки. Терра, Москва, 1990, с. 157, 164).
Н И. Ежов (1895--1940), в партии с 1917 г. С 1934 г. -- член ЦК ВКП (б), член Оргбюро ЦК. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1935--1938 гг, гене ральный комиссар госбезопасности (1937), нарком внутренних дел (1936-1938). В 1938 -- нарком водного транспорта СССР. Арестован в 1938 г. Расстрелян.
Г. В Плеханов (1856--1918). Один из руководителей "Земли и во ли", "Черного передела". Организатор марксистской группы "Освобождение труда". Один из основателей РСДРП и газеты "Искра". В эмиграции с 1880 г. После Второго съезда РСДРП -- один из лидеров меньшевизма. В первую мировую войну -- оборонец, руководитель меньшевистской группы "Единство". В 1917 г. вернулся в Россию, поддержал Февральскую революцию. К большевистскому перевороту отнесся отрицательно, но против боль шевиков не выступил, загипнотизированный страхом возможной контррево люции. Остался на социал-демократических позициях Незадолго перед смертью снова эмигрировал, в Финляндию, где умер в санатории от тубер кулеза 30 мая. По указанию Ленина был похоронен в Петрограде.
Зинаида Волкова (Бронштейн -- по отцу, Седова -- по матери, 1903--1933), дочь Троцкого. Получила разрешение выехать из СССР для лечения на Западе. Уехала, оставив в СССР мужа (Платона Волкова) и одного из двоих детей (Льва Волкова). В 1932 г. вместе с Троцким была лишена советского гражданства с запрещением вернуться в СССР. Страда ла психическим расстройством. В 1933 г. в Берлине покончила самоубийст вом.
Не публикуется. В архиве отсутствует.
Имеется в виду книга Троцкого "In Defense of the Soviet Union" ("В защиту Советского Союза").
Карл фон Осецкий (1889--1938), немецкий публицист-антифашист. Выступал против Гитлера я нацизма. В 1936 г. получил Нобелевскую пре мию мира. Погиб в концлагере.
Отто Рюле (1874--1943), германский социал-демократ, депутат рейхстага, друг Карла Либкнехта, один из основателей германской компар тии, автор биографии Карла Маркса. После прихода нацистов к власти эми грировал в Мексику, жил и умер в Мехико.

Пьер Монат (1881--1960), в 1920-е годы был членом французской компартии, затем вышел из нее, основал свое периодическое издание "La Revolution Proletarienne" и Синдикалистскую лигу. Именно в связи с этим Троцкий порвал с Мотаном политические отношения в 1929 г.
Альфред Росмер (1877--1964), друг Троцкого со времени первой мировой войны, один из лидеров французских левых оппозиционеров до 1930 г. Затем ушел с политической арены из-за разногласий с руководством левой оппозиции, но в 1936 г. с Троцким "помирился".
Фернан Лорио (1870--1930), один из лидеров левого крыла фран цузской социалистической партии. Во время первой мировой войны поддер жал Циммервальдскую платформу. В 1920--1921 гг. был одним из иниция торов раскола французской соцпартии и образования коммунистической пар тии Франции, одним из руководителей которой он стал. Член президиума на Третьем конгрессе Коминтерна. Несколько лет спустя порвал с коммунизмом и основал независимую политическую группу "Против течения".
Евгений Дебс (1855--1926), один из основателей (1900--1901) социалистической партии США и организации "Индустриальные рабочие ми ра" (1905). В годы первой мировой войны--интернационалист.
П. Н. Милюков (1859--1943), лидер кадетов, министр Временного правительства в марте--мае 1917 г. Эмигрировал в Париж, где был редак тором "Последних новостей".
Кому это выгодно? (франц).
Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум, 1873--1923), в 1895 г. член Петер бургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С 1903 г.- лидер меньшевиков. С 1917 г. -- руководитель левого крыла меньшевизма. В 1918 г. -- член ВЦИК. Эмигрировал из России в 1920 г. Был одним из руководителей 2 l/2 Интернационала
Е. Ф. Азеф (1869--1918), тайный сотрудник департамента полиции с 1892 г. Сумел проникнуть в боевую организацию эсеров и своевременно разоблачить ряд планируемых террористами преступлений. В 1908 г. был вы дан бывшим директором департамента полиции Лопухиным революционеру В. Бурцеву. Последний поспешил сообщить об Азефе террористам. Инког нито Азефа было раскрыто, и он поспешил скрыться.
Карл Штюргк (1859--1916), граф, глава австрийского правительст ва в 1911--1916 гг. Убит Ф. Адлером.
И. П. Бакаев (1887--1936), арестован по делу об убийстве Кирова, приговорен к тюремному заключению, выставлен затем в качестве обвиняе мого на процессе Зиновьева--Каменева (1936) и приговорен к расстрелу.
Опущена предыдущая глава "Кто составлял список жертв террора? ("Дело" Молотова)", опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 58--59, сентябрь-октябрь 1937, с. 17--21.
В. И. Межлаук (1891--1938), в партии с 1917 г. С 1924 г.-- на чальник Главметалла. С 1931 г.--1-й заместитель председателя Госплана СССР. С 1934 г.--председатель Госплана, заместитель председателя СНК и СТО СССР, член ЦК. В 1937-м -- нарком тяжелой промышленности. Рас

стрелян.

163. Г. К. Орджоникидзе (Серго, 1886--1937), большевик с 1903 г, в гражданскую войну один из политических руководителей Красной армии. С 1920 г --председатеть Кавказского бюро ЦК, 1-й секретарь Закавказского крайкома. В 1924--1927 гг.-- член РВС. С 1926 г.--председатель ЦКК и нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО. С 1930 г.--председатель ВСНХ, член Политбюро С 1932 г. -- нарком тяжелой промышленности. Покончил самоубийством (но, возможно, был убит).

Л. М. Каганович (1893--1992), большевик с 1911 г., в 1917 г. член Саратовского комитета партии большевиков. В 1918 г.--комиссар всерос сийской коллегии по организации Красной армии. В 1919 -- председатель Во ронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 г. -- член Туркестан ского бюро ЦК РКП (б). С 1922 г.--заведующий организаторско-инструктор оким отделом ЦК В 1924--1925 гг --секретарь ЦК, в 1925--1928 гг.- первый секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1930 по 1952 гг. -- член Политбю ро ЦК ВКП (б). С 1928 по 1939 гг. -- секретарь ЦК, а в 1930--1935 гг. еще и первый секретарь МК. После XVII съезда партии -- председатель комиссии партийного контроля при ЦК.

А. А. Шестов, сотрудник НКВД, работавший в западной Сибири и использованный на втором московском процессе как обвиняемый-провокатор. Расстрелян после процесса.

166 Н. И Муралов (1877--1937), большевик с 1903 г. В 1918 г.-командующий войсками Московского военного округа. В 1920-е годы -- левый оппозиционер, троцкист. В 1927 г. исключен из партии постановлением XV партийного съезда, сослан в Тару. В 1937 г. расстрелян по делу "антисоветского троцкистского центра (параллельного)".

М. С. Богуславский (1886--1936), ветеран гражданской войны, оп позиционер, арестован в августе 1936 г. по обвинению в саботаже желез ных дорог и расстрелян после первого московского процесса.

С. Л. Седов (1908--1937), младший сын Троцкого, был далек от политики. После ссылки Троцкого в Алма-Ату оставался в Москве (в отли чие от старшего сына, последовавшего за отцом в ссылку), хотя несколько раз навещал родителей. В эмиграцию вслед за отцом не поехал, что было, вероятно, трагической ошибкой, так как уже в 1935 г. Сергей Седов был арестован, а в 1937 г., очевидно, расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Эрих Людендорф (1865--1937), немецкий генерал, в первую миро вую войну--помощник генерала Гинденбурга. С августа 1914 г. -- началь ник штаба Восточного фронта. Фактически руководил Восточным фронтом в 1914--1916 гг., а в 1916--1918 гг. -- всеми вооруженными силами Герма нии. Участник Капповского путча в 1920 г., соучастник фашистского путча 1923 г. в Мюнхене.

Троцкий излагает здесь традиционную версию проезда Ленина че рез Германию, созданную самими большевиками. Реальность, безусловно, не была столь безоблачной. Ленин созвал совещание "интернационалистов" именно для того, чтобы иметь "алиби" на случай осуждения его Временным правительством или социалистическими партиями в России и за границей. По той же причине Ленин настоял на включении в число участников проезда

еще и представителей других партий. ЦК большевистской партии согласие на проезд эмигрантов через Германию не давал. Вагон, в котором ехал Ленин, действительно считался "запломбированным", что должно было гарантировать большевиков от контактов с немцами во время проезда по территории Германии. Однако поезд, в котором ехал Ленин, "по техническим причинам" задержался в Берлине на сутки. И этого времени было больше, чем достаточно, для любых контактов, от которых не обязательно спасали "пломбы".

171, Один из подсудимых на процессе.

172. Франц Пфемферт (1879--1954), в 1911--1932 гг. -- издатель немецкого экспрессионистского журнала "Die Aktion". Александра Рамм, его жена, переводчица Троцкого на немецкий.

173 29 ноября 1932 г. западным информационным агентствам было ошибочно сообщено о внезапной смерти Зиновьева. Агентство "Интернэшенел Ньюс Сервис" телеграммой сообщило об этом Троцкому и попросило его написать на смерть Зиновьева статью. Троцкий начал было писать некролог (см Л. Троцкий. Портреты революционеров. Изд. Чалидзе, США, 1988, с. 208--209), как стало ясно, что произошло недоразумение и Зиновьев жив. Видимо, в 1937 г., работая над книгой "Преступления Сталина", Троцкий сделал карандашом на полях телеграммы "Интернэшенел Ньюс Сервис" пометку: "Как же Берман-Юрин и Фриц Давид ничего не упомянули об этом факте?" Если б они встречались с Троцким именно в эти дни, то, по мнению Троцкого, должны были бы рассказать на суде о приходе ошибочной телеграммы как доказательстве состоявшейся встречи.

174. Генрих Брандлер (1881--1967), основатель германской компартии, руководитель немецких коммунистов в год неудавшегося коммунистического мятежа (1923). В 1924 г. снят с руководства по указанию Коминтерна. Образовал оппозиционную фракцию, симпатизировавшую правой оппозиции Бухарина. Исключен из партии в 1929 г. До второй мировой войны оппозиция Брандлера существовала в виде самостоятельной партии (КРО).

175 Август Тальгеймер (1884--1948), один из основателей германской коммунистической партии, исключенный, как и Брандлер, в 1929 г. и вместе с ним организовавший новую партию: Коммунистическую правую оппозицию.

М. И. Калинин (1875--1946), в партии с 1898 г. С 1919 г.-- председатель ВЦИК (ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета), с 1926 г.- член Политбюро.

Е. А. Преображенский (1886--1937), член партии в 1903--1927. 1929--1933, 1933--1936. Делегат I съезда Советов, один из руководителей Уральского обкома партии. В 1918 г. -- левый коммунист. В 1920--1921 - секретарь ЦК РКП (б). С 1921 г. -- на хозяйственной работе. Один из ведущих советских экономистов, автор теории первоначального социалистического накопления, согласно которой для получения денег для индустриализации в СССР требовалась "дань" с крестьянства. Советская индустриализация фактически и проводилась по планам Преображенского, но сам Преображенский, вставший на путь левой оппозиции, в декабре 1927 г. постановлением XV съезда был впервые исключен из партии за оппозиционную деятельность и сослан в Уральск. Покаялся в 1929 г., уже после высылки Троцкого, был восстановлен в партии, затем снова исключен. Расстрелян.

И. В. Вардин (Мгеладзе, 1890-1943). В партии с 1907 г. Один из большевистских руководителей в Саратове, после переворота--член сара товского губкома. В 1918 г. -- член бюро Петроградского комитета партии большевиков. В период обсуждения Брестского мира -- левый коммунист. В 1919 г. -- член Московского комитета партии, сотрудник "Правды" и "Из вестий". В 1920-м -- член Киевского губкома партии, затем начальник по литотдела Первой конной армии. В 1921 г. -- уполномоченный референт ВЧК. В период дискуссии о профсоюзах -- сторонник платформы Троцкого. В 1927 г. солидаризовался с оппозицией. Капитулировал, но в декабре 1927 г. постановлением XV съезда был исключен из партии и сослан. В пе риод чисток -- осужден. Вероятно, погиб в заключении.

179. И. Т. Смилга (1892--1938), в партии с 1907 г. В 1917 г. -- член Кронштадтского комитета РСДРП (б), председатель Облисполкома армии, флота и рабочих Финляндии. В гражданскую войну -- член РВС ряда фронтов, начальник Политуправления РВСР и член РВСР. С 1921 г. -- заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. В 1917--1920 гг. и 1925--1927 гг. -- член ЦК. С 1927 г. -- на хозяйственной работе. Левый оппозиционер. В 1928 г. смещен со всех постов, исключен из партии постановлением XV съезда и сослан. Капитулировал в 1929 г. Бесследно исчез в годы чисток (видимо, умер в заключении или был расстрелян).

180 И. Я. Врачев, один из немногих и по сей день еще живых троцкистов В 1928 году -- в ссылке Ряд данных позволяет судить о том, что письма, передаваемые Троцким через Врачева, несколько позже, вместе с архивом Врачева, попали в руки НКВД. Биографический очерк о Врачеве см.: Альберт Ненароков. "У времени в плену". -- Огонек, No 39, 1987, с 9--11.

Вл Сибиряков (Виленский), большевик, левый оппозиционер. До исключения из партии в декабре 1927 г. и высылки в Пермь был редактором журнала "Каторга и ссылка".

А. О. Альский (Мальокий, М. Альский, 1892--1939), в партии боль шевиков с 1917 г. После октябрьского переворота -- на советской работе в Воронеже, Литве, Белоруссии. Был заведующим учебно-распределитель ным отделом ЦК РКП(б). С 1921 г. -- заместитель народного комиссара финансов и член коллегии НКФ РСФСР. Оппозиционер. Исключен из пар тии в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Сослан в Нарым, затем в Барнаул. Погиб в период чисток.

Т. Хоречко, в оппозиции с 1923 г., один из подписавших заявление сорока шести 15 октября 1923 г. Левый оппозиционер. Исключен из партии в 1929 г. постановлением XV съезда. Погиб в период чисток.

Уильям Максуэлл Бивербрук (1879--1964), барон, английский га зетный магнат. В 1918 и 1940--1945 гг. -- член британского правительства.

185 Х Г. Раковский (1873--1941), один из руководителей балканских революционеров до и во время первой мировой войны. Во время войны сотрудничал с немцами, получал от них деньги, вел через свою газету пораженческую пропаганду. В годы гражданской войны -- глава второго советского правительства на Украине (1919--1923), затем на дипломатической работе: с 1923 по 1925 гг --полпред в Англии, в 1925--1927 гг. советский посол во Франции Первоначально -- один из лидеров левой оппозиции. Как оппозиционер исключен в 1927 г.

из партии, сослан. В 1934 г. раскаялся, но на московском (бухаринском) процессе 1938 г. выставлен обвиняемым, приговорен к двадцати годам. Умер в заключении. Подробную его биографию 1919--1923 гг. см. в статье В. Мельниченко "Звездный час" -- Правда Украины, 15 января 1989 г.

186. Ленинбунд -- германская коммунистическая организация, стоящая на позициях, близким левой оппозиции в СССР. Основана в 1928 г. после исключения группы ведущих немецких коммунистов из германской компартии (Р. Фишер, А. Маслова, Г. Урбанса и др.).

187 Альберт Вайсборд (1900--1977), американский коммунист. Вышел из американской компартии в 1930 г. Годом позже организовал небольшую самостоятельную компартию -- "Коммунистическую лигу борьбы", считал себя троцкистом. В 1937 г. Коммунистическая лига борьбы была распущена Сам

Вайсборд во многом пересмотрел свои взгляды в более умеренном направлении.

188 См. Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП (б) -- В кн Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т 4 Ред-сост. Ю. Фельштинский. Изд. Терра, Москва, 1990, с. 109--174.

В. К. Путна (1893--1937), большевик с 1917 г, советский военачальник, комкор (1935), ветеран гражданской войны, в 1920--1930 гг.-на военно-дипломатической работе. Расстрелян по делу о военном заговоре ("Дело Тухачевского") в июне 1937 г.

Летом 1929 г. Блюмкин тайно встречался с Троцким в Турции и по крайней мере однажды взял у Троцкого для передачи в СССР письмо. Принято считать, что письмо было адресовано Радеку. Из самого письма следует, что это не так. Оригинал написанного от руки письма Троцкого, которое увез Блюмкин (впрочем, это могло быть не первое и не единственное письмо) сохранился в бумагах Льва Седова в архиве Гуверовского института (кол. Б. И. Николаевского, ящик 307, папка 10):

"(Через Блюмкина)

1. По поводу ренегатства Радека и К", написана Т[роцким] статья "Жалкий документ", которая выходит на трех языках. 2. Ближайшая осень будет по всем данным кризисной. Подготовка к ней предполагает беспощадное разоблачение и отсечение капитулянтов. 3. Важной частной задачей является создание правильных и устойчивых связей с нами. 4. Необходимо направить, одного-двух человек для организационной работы в Берлине и Париже. Самое лучшее -кого-нибудь из ссыльных. 5. Парижский Харин сыграл роль провокатора: взял для печатания документ и выдал посольству. Копии у нас имелись.

Работа в области иностранной оппозиции продвигается пока медленно. 1 сентября выходит в Париже еженедельник "Веритэ" под редакцией Роз-мера, с участием активной молодежи, вполне нашего направления. 1 октября начнет в Париже выходить международный орган "Оппозиция" (ежемесячник), пока только на французском языке. Только с выходом этих изданий работа получит систематический характер, притом политич[еский], а не только пропагандистский. Многочисленные группки стали прямо помехой движению (в том числе безжизненные группы Трэна и Паза). Издания ставили без них, все живое из их групп примкнет. Пусть Вас, поэтому, не удивляют и не пугают возможные верхушечные передвижки и дезертирства. Радеки и полурадеки есть и здесь. Самое важное сейчас -- иметь еженедельное издание, которое будет давать наше освещение всем мировым событиям.

Урбане не наш человек. Это путаник и нелояльный человек, т. е. испор-ченый зиновьевской школой. Он колеблется между Брандлером и Коршем, а в практической работе гоняется за дешевой сенсацией. В Ленинбунде -- борьба течений. Нам необходим серьезный еженедельник на немецком языке. Мы его поставим вслед за французским изданием. И в Германии не надо пугаться неизбежных верхушечных перетасовок.

Живые и активные группы -- в Бельгии и Америке.

Почти все иностранные группы заняли неправильную позицию по поводу русско-кит[айского] конфликта. Критиковать их будем открыто и решительно.

В Австрии три группы, две из чих сближаются, группа Фрея остается в стороне. В Чехословакии наша группа приступает к изданию документов. Завязываются связи с Ю[жной] Америкой

П. С. Документов через Урбанса не посылайте: он нелоялен и в отношении воспроизведения в печати. Посылайте нам непосредственно, по другим адресам. Что нужно, мы перешлем и Урбансу."

Сара Вебер (Якобе, 1900--1976), в 1933--1934 гг. -- секретарь Троц кого в Турции и Франции. В 1938 г. прибыла в Мексику, чтобы снова рабо тать у Троцкого секретарем.

Рудольф Клемент ("Адольф", 1910--1938), секретарь Троцкого в Турции и Франции. Троцкист. В 1938 г., незадолго до открытия троцкистской конференции, учредившей Четвертый (троцкистский) Интернационал, был похищен советскими органами безопасности в Париже. Несколько позже его труп нашли в Сене. Был также известен под кличками "Камиль", "Фреде рис" и "W. St.".

Камиль Шотан (1885--1963), премьер-министр Франции в 1930, 1933--1934 и 1937--1938 гг. В 1920-е и 1930-е годы--один из руководите лей радикалов. В 1928--1930 гг.--вице-премьер. После нападения гитлеров ской Германии на Францию был сторонником капитуляции Франции перед германскими войсками.

Раймонд Молинье, род. в 1904 г. Один из основателей французско го троцкистского движения. Троцкий сотрудничал с Молинье до 1935 г., ког да группа Молинье была исключена из троцкистской организации за нару шение партийной дисциплины -- публикацию собственной газеты "La Com mune".

195. Служба безопасности во Франции.

196 Андре Мальро (1901--1976), французский писатель. В 1933--1934гг. симпатизировал Троцкому, но во время московских процессов поддержать его отказался. Автор книги "La Condition Humaine", о которой Троцкий отозвался весьма положительно.

Морис Донзель ("Парижанин", 1885--1937), переводчик работ Троцкого на французский. В 1933 г. активно добивался разрешения фран цузского правительства на въезд Троцкого во Францию.

Х. Снефлит (1883--1942), основатель голландской и индонезийской коммунистических партий. Вышел из них в 1927 г. В 1933 г. присоединился к троцкистам, но вышел из Четвертого Интернационала в 1938 г. из-за рас хождений в вопросе о тактике в Испанской войне. Во время второй мировой войны был арестован гестапо и расстреляв.

Питер Шмидт (1896--1952), глава голландской Независимой социа
листической партии. В 1935 г, после объединения голландской Независимой
социалистической партии и Революционно-социалистической партии, стал пре
зидентом новой партии, получившей название Революционно-социалистической
рабочей партии. После первого московского процесса 1936 г. начал отхо
дить от экстремистской коммунистической линии, вышел из партии, со вре
менем вообще отошел от троцкизма.
Джон Пэтон (1886--1977), в 1927--1933 гг. -- секретарь Независи
мой лейбористской партии, сотрудник Лондонского бюро (ассоциации левых
партий, в том числе ПОУМа, не входящих во Второй, Третий или Четвер
тый, троцкистский, интернационалы), образованного в 1935 г.
Я. С. Агранов (1893--1939), в 1912--1914 гг. --эсер. С 1915 г. -- в
большевистской партии. В 1919--1920 гг. -- секретарь СНК. С мая 1919 г.
работал также особоуполномоченным при президиуме ВЧК. В 1921 г.--сек
ретарь Малого Совнаркома. Расстрелян.
Имена ненавистны (лат.)
Вильям Херст (1863--1951), один из крупнейших газетных издате
лей.
Марти Нексе (Андерсен, 1869--1954), датский писатель, член ком
партии Дании с 1919 г. Всегда был настроен крайне просоветски. Поддер
живал во всем советское правительство, в частности, активно выступал в его
поддержку во время советско-финской войны.
Ромен Роллан (1866--1944), французский писатель, лауреат Нобе
левской премии (1915), придерживался левых взглядов и симпатизировал
Советскому Союзу.
Приложения не публикуются.
См. Ю. Фельштинский. К истории нашей закрытости, с 164
Жорж Клемансо (1841--1929), премьер-министр Франции в 1906-
1909 и 1917--1920 гг. Лидер радикалов. Неоднократно занимал министерские
посты в правительстве. В годы первой мировой войны выступал за войну
до победного конца, участвовал в выработке Версальского договора. О "те
зисе Клемансо" см. статью Л. Троцкого "Тезис Клемансо" и режим в пар
тии"-- в кн.- Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, т. 4,
с. 179--186
Н. Н. Кузьмин (1883--1939), социал-демократ с 1903 г., ветеран
гражданской войны, член РВС ряда армий. С 1925 г. -- начальник Политуп
равления Среднеазиатского военного округа, член Среднеазиатского бюро
ЦК. В 1931--1932 гг. -- член РВС, командующий Сибирским военным окру
гом. Расстрелян.
Людвиг Берне (1786--1837), немецкий публицист и литературный
критик.
Рудольф Гесс (1894--1987), один из основателей германской нацио
нал-социалистической рабочей партии. С 1925 года -- секретарь Гитлера. С
1933 -- заместитель Гитлера по партии. В 1941 г. перелетел в Англию и пе
решел на положение "невозвращенца". В Германии был объявлен предате

лем и сумасшедшим, в Англии же был арестован, интернирован, после окон чания войны выставлен обвиняемым на Нюрнбергском процессе, приговорен к пожизненному заключению. Остался убежденным нацистом. В семидеся тые и восьмидесятые годы на неоднократные предложения советского пра вительства публично раскаяться в своей деятельности и заклеймить Гитлера и нацизм (в обмен на "помилование" и переезд в Восточную Германию) от вечал отказом. В тюрьме неудачно пытался покончить самоубийством. Не задолго до смерти союзниками ставился вопрос о его освобождении, однако советская сторона высказалась против. Гесс стал последним из заключенных тюрьмы для нацистских преступников, осужденных на Нюрнбергском про цессе. С его смертью здание тюрьмы, по заключенному между союзниками соглашению, должно было быть стерто с лица земли, дабы не стать релик вией настоящих и будущих поклонников нацизма.

Джон Финнерти, адвокат комиссии Дьюи по расследованию выдви нутых против Троцкого обвинений. В свое время оказывал юридическую по мощь обвиненным В убийстве Сакко, Ванцетти и Муни.

Альберт Гольдман (1897--1960), американский коммунист, в 1933 г. ушел из компартии и вступил в троцкистскую Коммунистическую лигу борь бы. Ушел и оттуда в 1934 г., чтобы вступить в социалистическую партию США. В 1937 г. был исключен из социалистической партии за экстремизм.

Был советником Троцкого во время заседаний комиссии Дьюи, а позже -американским представителем Троцкого.

Имеется в виду Джон Дьюи.

Опущена предыдущая глава "Обезглавление Красной армии", опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 56--57, июль--август 1937, с. 1--7.

Силов и Рабинович, большевики, сотрудники секретного отдела ГПУ, симпатизировавшие левой оппозиции и обвиненные в том, что сооб щили троцкистам о причинах и обстоятельствах ареста и расстрела Блюм кина. Арестованы и расстреляны без суда в конце 1929 г. по обвинению в саботаже железных дорог.

Г. Е. Зиновьев.

Г. Евдокимов, большевик. Поддерживал оппозицию Зиновьева про тив Сталина. Троцкистом никогда не был. Шел по процессу Зиновьева--Ка менева и был расстрелян в 1936 г.

Л. С. Сосновский (1886--1937), в партии с 1904 г., публицист. В 1912--1913 гг. работал в "Правде", был секретарем большевистского жур нала "Вопросы страхования". В 1917 г. -- член уральского обкома партии. В 1919--1920 -- председатель Харьковского губернского комитета КП Украи ны. В 1918--1924 также, с перерывами, редактор газеты "Беднота". В 1921 г. -- заведующий Агитпропом ЦК РКП (б). До исключения из партии в конце 1927 г. был постоянным сотрудником "Правды". Позднее был вос становлен в ВКП (б) и направлен на работу в "Известия", где проработал до ссылки. Как оппозиционер в 1928 г. сослан в Барнаул. Арестован по делу параллельного антисоветского троцкистского центра (процесс проходил с 23 по 30 января 1937 г.). Расстрелян.

А. Г. Белобородов (1891---1938), член партии большевиков с 1907 г. В 1918 г. -- председатель Исполкома Уральского областного Совета, один из исполнителей приказа Ленина и Свердлова о расстреле Николая Второго и его семьи. В 1919-м --член ЦК. В 1920 -- кандидат в члены ЦК. В 1923--1927 гг.-- нарком внутренних дел РСФСР. С 1927 г.-- троцкист, оп позиционер. Исключен из партии в декабре 1927 г. решением XV съезда. Сослан в Усть-Вымь, расстрелян.

В. Эльцин. Оппозиционер, в 1927 г. исключен из партии. В 1928 - сослан в Усть-Вымь, сын Б. Эльцина (1875--1937?), старого большевика, оппозиционера, арестованного в 1929 г. и погибшего в лагере.

П. К. Мдивани ("Буду", 1877--1937), бывший глава правительства советской Грузии. В 1928 г. исключен из партии как троцкист. Раскаялся. В 1931 г. восстановлен в партии, реабилитирован. До 1936 г. занимал пар тийные посты в Грузии. В 1936 г. был снова исключен из партии за анти партийную деятельность и в июле 1937 г. приговорен Верховным судом Грузии к расстрелу.

Михаил Окуджава, большевик, партийный работник Грузии. Аре стован по делу Мдивани, приговорен к смертной казни Верховным судом Грузии в июле 1937 г. Расстрелян.

Вальтер Ситрин, генеральный секретарь британских профсоюзов в 1926--1946 гг. В 1935 г. получил титул сэра, а затем и баронета.

225 Стенли Болдуин (1867--1947), премьер-министр Великобритании в 1923--1924, 1924--1929 и 1935--1937 гг. Консерватор. В 1926 г. правительство Болдуина успешно справилось со всеобщей забастовкой в Англии, а в 1927 г., в ответ на подрывную деятельность советского правительства в Англии, разорвало дипломатические отношения с СССР.

Самюэль Хор (1880--1959), консерватор, неоднократно занимал по сты в британском правительстве. В 1936--1937 гг. был Первым Лордом Адмиралтейства и Государственным секретарем внутренних дел Великобри тании.

В. М. Молотов (1890--1986), в партии с 1906 г. Во время боль шевистского переворота -- член Петроградского ВРК. С 1919 г.--председа тель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП (б). В 1920 г.-- секретарь ЦК КП (б) Украины. В 1921--1930 гг. -- секретарь ЦК ВКП (б). В 1930--1941 гг. -- председатель СНК СССР. В 1941--1957 гг.- 1-й заместитель председателя СНК (позднее -- Совета Министров). В 1939--1949 и 1953--1956 гг. -- нарком (министр) иностранных дел. С 1957 г. -- посол в Монголии. В 1960--1962 гг. -- постоянный представитель СССР при международном агентстве по атомной энергии. С 1962 г. -- в от ставке. Из партии исключен "за антипартийную деятельность" Хрущевым. Восстановлен Черненко в 1984 г.

И. П. Павлуновский (1888--1940), социал-демократ с 1905 г. В ок тябрьский переворот -- член Петроградского ВРК. С 1918 г. работал в ВЧК--ОГПУ С 1928 г. -- заместитель наркома РКИ, с 1930 г.-- член Пре зидиума ВСНХ. С 1932-го -- заместитель наркома тяжелой промышленности.

С 1934 г. -- кандидат в члены ЦК. Погиб в период чисток.
Один из обвиняемых на процессе Пятакова--Радека.
Опущена последующая глава "Начало конца", опубл. в "Бюллетене оппозиции", No 58--59, с. 1--4.
В. Н. Яковлева (1884--1941), в партии с 1904 г. В 1916--1918 гг.- секретарь московского областного бюро ЦК партии. С 1917 г.--в ВСНХ, ВЧК, наркомате продовольствия. В 1920--1922 гг.--секретарь МК, Сибир ского бюро ЦК. В 1918 г.-- левая коммунистка. В 1923--1928 гг. -- троц кистка. Раскаялась. В 1929--1937 гг.--нарком финансов РСФСР. Выстав лена обвиняемой на третьем московском процессе. Приговорена к тюремному заключению. Погибла в лагере.
Т. Сапронов (1887--1939), в 1926 г.--лидер демократических цент ралистов и член "объединенной оппозиции". В декабре 1927 г. -- исключен из партии постановлением XV съезда и вскоре сослан. Капитулировал в 1928 г. Расстрелян.
В М. Смирнов (1887--1937), старый член партии, один из лиде ров демократических централистов. В 1926 г --участник так называемой объединенной оппозиции. Высказывался за организацию в СССР второй пар тии. Исключен из ВКП (б) в декабре 1927 г. постановлением XV партийного съезда. Сослан. Расстрелян.
Александр Ищенко, левый оппозиционер. Исключен из партии по становлением XV съезда в декабре 1927 г. Сослан. В 1928 г. капитулиро вал. Погиб в период чисток.
Троцкий намеренно называет не еврейские фамилии, причем не обя зательно русские. Раковский был болгаро-румынского происхождения. Мрач ковский-- польского. Вряд ли, справедливо указание Троцкого на то, что в оппозиции евреев было не больше и не меньше, чем в бюрократии или партии вообще. Левые оппозиционеры, поддерживавшие Троцкого, расходились с партийным большинством прежде всего по вопросу о строительстве социализма в одной стране. Понятно, что интернациональный лозунг "мировой революции" в той форме, в которой ее предполагал Троцкий, больше симпатизировал евреям, не смотрящим на Россию с узко-национальной точки зрения. Наоборот, лозунг социализма в одной стране чаще притягивал коммунистов не еврейского происхождения, так как был попыткой совмещения мировой коммунистической и национальной идеи. Разумеется, как и любое обобщение этот вывод уязвим в частностях (приведенный Троцким список нееврев в оппозиции далеко не полон). Однако собственно '"троцкистов" в списке Троцкого было мало: В. М Смирнова, Сапронова и Ищенко к троцкистам отнести нельзя. Однако попытка Сталина в период "социализма в одной стране" сыграть на выставлении на первый план прежде всего еврейских фамилий -- очевидна.
Н. А. Угланов (1886--1940). В партии с 1907 г. С 1921 г. -- в ЦК.
Секретарь московской партийной организации. В 1928 г. поддержал Бухари на против Сталина, в результате чего в 1930-м был снят с поста за оппози ционную деятельность. Погиб в заключении в период чисток.
Троцкий, возможно, преувеличил. В его архиве нет "сотен" писем.
Можно даже утверждать, что число таких писем в материалах Архива Троц кого незначительно.

Настоящие фамилии Зиновьева и Каменева.
Морис Делапин.
Карлтон Бильс, род. в 1893 г., американский журналист и публицист. Член Международной комиссии Дьюи. Во время заседания одиннадцатой сессии Комиссии задал Троцкому вопрос о вмешательстве Троцкого во внутренние дела Мексики начиная с 1919 г. (агитация в пользу революции в Мексике в рамках теории мировой революции Троцкого). Встретив недоброжелательную реакцию на свои вопросы со стороны других членов Комиссии, Бильс покинул заседание, заявив о своей отставке и опубликовал в прессе соответствующее заявление.
М. М Бородин (Грузенберг, 1884--1951), с 1903 г. социал-демократ. С 1923 по 1927 гг. по линии Коминтерна руководил подрывной коммунистической деятельностью в Китае, был главным политическим советником ЦИК гоминьдана. "Провалил" революцию в. Китае. С 1932 г. был главным редактором газеты "Московские новости" на английском языке.
Жанна Молинье, жена Генриха Молинье, ушедшая затем к сыну Троцкого Льву Седову. Генрих Молинье был единомышленником Троцкого. Француз по национальности, бизнесмен, офицер в отставке, он был крайне удобен для выполнения всякого рода "официальных" дел: получение виз и пр. Погиб во время второй мировой войны.
В. М. Примаков (1897--1937), советский военачальник, комкор (1935). В партии с 1914 г. Ветеран гражданской войны, командовал кавалерийской бригадой, дивизией и конным корпусом Червонного казачества. Расстрелян.
С. М. Буденный (1883--1973), ветеран гражданской войны, член коммунистической партии с 1919 г. В 1924--1937 гг. -- инспектор кавалерии РККА. С 1935 г. -- маршал. В 1939--1941 гг. -- заместитель и 1-й заместитель наркома обороны.
В. Р. Менжинский (1874--1934), социал-демократ с 1902 г. В октябрьский переворот -- комиссар ВРК. С 1917 г. -- нарком финансов РСФСР. С 1919 г.--член президиума ВЧК. С 1923 г. -- заместитель председателя, а с 1926-го --председатель ОГПУ. Член ЦК с 1927 г.
М. А. Трилиссер (1883--1940), в партии с 1901 г. С 1926 г --заместитель председателя ОГПУ, с 1930 г.--член президиума ЦКК, член комиссии советского контроля. В 1930--1934 -- заместитель наркома РКИ РСФСР. Погиб в период чисток.
Виктор Серж (Кибальчич, 1890--1947), в молодости анархист. Эмигрировал из России во Францию. После большевистского переворота вернулся в советскую Россию и работал в Коминтерне. Арестован за оппозиционную деятельность, освобожден в 1928-м, затем снова арестован в 1933-м. Благодаря кампании протеста, организованной во Франции левой интеллигенцией, освобожден в 1936 г. Тогда же получил разрешение покинуть СССР. В заключении успел разочароваться в коммунизме сталинского типа, а, прибыв за границу, разочаровался и в троцкизме, за что был впоследствии подвергнут Троцким критике.

Сюзанна Лафолет -- бывший редактор троцкистского издания "The New Freeman". Секретарь комиссии Дьюи по расследованию обвинений, вы двинутых на московских процессах.

Эрвин Браун -- см Эрвин Вольф (Николь Браун).

250 Л. Билин -- псевдоним Роберта Кеби (род. в 1905), члена французской троцкистском организации и автора гимна Четвертого Интернационала (троцкистов).

Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификаций. Изд. Гранит, Бер лин, 1932.

Ян Франкель (Вернер, он (же Джон Гленнер, род. в 1906 г.), чеш ский троцкист, организатор чешской левой оппозиции в 1927 г. В 1930-1933 гг. -- секретарь и телохранитель Троцкого в Турции, в 1935-м--в Нор вегии, в 1937-м -- в Мексике. Давал свидетельские показания для комиссии Дьюи, опубликованные в книге "Дело Льва Троцкого". В 1940 г. вышел из Четвертого (троцкистского) интернационала и вступил в Рабочую партию, организованную Шахтманом.

Бернард Вольф (род. 1915 г.) американский троцкист. В 1937 г. в течение нескольких месяцев был английским секретарем Троцкого.

Впервые опубл. в кн.: Writings of Leon Trotsky (1937--38). New York, 2nd ed. 1976, pp. 56--59.

Бертрам Вольф (1896--1977), возглавлял фракцию в американской компартии Был исключен из компартии за фракционную деятельность в 1929 г., через год после исключения из американской компартии троцкистов. До конца 1937 г. выступал с поддержкой обвинений, выдвинутых на москов ских процессах против "оппозиции". В конце 1937 г. в рецензии на книгу "The Case of Leon Trotsky" публично отмежевался от своих прежних взгля дов и выступил против процессов. Позже вообще отказался от коммунисти ческой деятельности, стал респектабельным профессором, писал книги, са мой известной из которых стала "Three Who Made a Revolution" (1948).

256. Ж. Ловстон, один из руководителей американской компартии в 1920-е годы. Солидаризовался с Бухариным. Вскоре после падения Бухари на исключен из американской компартии. Группа "правой оппозиции" продолжала существовать в течение 1930-х, но была распущена в начале второй мировой войны. В дальнейшем Ловстон изменил свои взгляды, отказался от коммунизма вообще и был советником по иностранным делам у руководителя американских профсоюзов Джорджа Мина.

Впервые опубл. в "Socialist Appeal", 12 марта 1938.

Хенан Лаборде (1896--1955), руководитель мексиканской компар тии до начала 1940 г. Снят по указанию Коминтерна, видимо, в связи с на чалом Сталиным непосредственной подготовки убийства Троцкого. ,

А. П. Розенгольц (1889--1938), в партии с 1905 г. В 1917 г.--член Московского ВРК. В 1918--1921--член РВСР и РВС ряда армий и Кав казского фронта. В 1923--1924 --член РВСР В 1925--1927 --на диплома тической работе. В 1927 г. в оппозиции. Раскаялся. С 1928 г. -- член колле гии, заместитель наркома РКИ СССР. С 1930 -- нарком внешней торговли. В 1927--1934--член ЦКК, с 1934 -- кандидат в члены ЦК. В 1938 г. вы

ставлен обвиняемым на третьем московском процессе (правотроцкистского антисоветского блока) и после процесса расстрелян.

Д. Д. Плетнев (1872--1941), до революции кадет. Известнейший врач-терапевт, профессор. Один из лечащих врачей Кремля, заслуженный деятель науки РСФСР (1933), один из основателей кардиологии в СССР. Обвинен в убийстве советских вождей и выставлен обвиняемым на третьем московском процессе (1938). Приговорен к 25 годам лагеря со снижением до десяти лет. Погиб в лагере.

Впервые опубл. в "Socialist Appeal", 12 марта 1938.

Впервые опубл. в газете "Нью-Йорк таймс", 3 марта 1938. С пропу ском нескольких предложений и опиской "Мрачковский" вместо правильного "Раковский". Полностью и без ошибок опубликовано позднее в кн. "Writings of Leon Trotsky (1937--38)", p. 191--194. По-русски публикуется без пер вого абзаца, имеющегося в английском тексте статьи, но отсутствующего в русском.

Игнатий Рейсе ("Людвиг", наст, имя И. Порецкий), сотрудник со ветской разведки, перешедший на положение невозвращенца летом 1937 г. и ставший троцкистом и членом Четвертого интернационала. 4 сентября 1937 г. убит советскими органами безопасности под Лозанной (Швейцария).

Александр Бармин, во время гражданской войны -- командир Крас ной армии. После окончания гражданской войны работал в наркомате внеш ней торговли, затем находился на дипломатической работе. В 1937 г. был советским посланником в Греции. Перешел на положение невозвращенца.

Вальтер Кривицкий (1889--1941), глава советской разведки в За падной Европе. В декабре 1937 г. перешел на положение невозвращенца. Со общил западным разведкам ряд ценных сведений о ГРУ. Автор книги "Sta lin's Secret Service" (1939) --"Сталинская тайная полиция". Убит в Вашинг тоне советскими органами безопасности.

266. А. А. Слуцкий, руководитель Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) при НКВД СССР. 17 февраля 1938 г. в кабинете своего начальника был отравлен цианистым калием. Сог ласно официальной версии умер от сердечного приступа.

267. Л. М. Карахан (1889--1937), в партии с 1917 г., член ВРК. Секретарь советской делегации на переговорах о Брестском мире. В 1918--1920 и 1927--1934 гг. -- заместитель наркома иностранных дел. В 1921 г. -полпред в Польше, в 1923--1926 -- в Китае, с 1933 г. -- в Турции. Расстрелян.

А. С. Енукидзе (1877--1937), член партии с 1898 г. В 1917 г.- член Петроградского ВРК. С 1918 г. -- секретарь президиума ВЦИК. В 1922--1935 гг. -- секретарь президиума ЦИК, член ЦКК с 1924 г. Член ЦК с 1934 г. В 1935 г. исключен из партии по обвинению в том, что оказывал помощь некоторым арестованным и сосланным большевикам-оппозиционе рам. Расстрелян.

Впервые опубл. в "Sunday Express" (Лондон) 6 марта 1938 г. с некоторыми сокращениями. Полностью опубликовано на норвежском в "Tidens Tegn" (Осло). Позже полностью опубликовано на английском в

книге "Writings of Leon Trotsky (1937--38)", p. 197--205.
И. Ф. Дубровинский (1877--1913), в революционном движении с 1903 г., большевик. Один из руководителей московского "Рабочего союза", агент "Искры", член ЦК партии в 1903--1905 и 1907--1910 гг.
И. А. Зеленский (1890--1938), в партии с 1906 г. С 1920 г.-- секретарь Московского комитета партии, с 1922 -- член ЦК. С 1924 -- Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б); одновременно в 1924--1926 -- секретарь ЦК. С 1931 г. -- председатель Центросоюза. Расстрелян.
В. И. Иванов (1893--1938), в партии с 1915 г. С 1920 г.--секретарь Ярославского губкома РКП (б). С 1924 г. -- секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. В 1927--1937 гг. -- секретарь Северо-Кавказского, затем Северного крайкомов ВКП (б). Член ЦК с 1934 г. В 1938 г., в момент ареста, нарком лесной и деревообрабатывающей промышленности. Расстрелян.
Г. Ф. Гринько (1890--1938), с 1919 г. -- большевик-боротьбист, в 1919--1920 гг. -- член Всеукраинского ВРК. С 1920 г. -- нарком просвещения, председатель Госплана, заместитель председателя СНК УССР. С 1926 г. - заместитель председателя Госплана СССР. В 1930--1937 гг. -- нарком финансов. С 1934 г. -- член ЦК. Расстрелян.
М. А. Чернов (1891--1938), бывший меньшевик, затем большевик. В 1929--1930 гг. -- ответственный за сбор зерна на Украине. К моменту ареста -- нарком сельского хозяйства. Обвинен в провале сельскохозяйственных заготовок, выставлен обвиняемым на третьем московском процессе и расстрелян.
А. И. Икрамов (1898--1938), большевик с 1918 г. В 1921--1922 гг.- секретарь ЦК КП(б) Туркестана. С 1925 г. -- секретарь, с 1929-го--1-й секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). С 1934 г.--член ЦК. Выставлен обвиняемым на третьем московском процессе и расстрелян.
Файзулла Ходжаав (1896--1938), с 1916 г. -- младобухарец. С 1920 г. -- в коммунистической партии, член Бухарского ревкома, председатель Совета народных назиров. С 1922 г. -- член Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б). С 1925 г. -- председатель СНК Узбекской ССР. Выставлен обвиняемым на третьем московском процессе и расстрелян.
277. В. Ф. Шарангович (1897--1938), в партии с 1917 г. С 1923 --на профсоюзной и партийной работе. В 1930--1934-- 2-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1934--1937 -- член КПК при ЦК ВКП (в), уполномоченный КПК по Казахстану и Харьковской области. С 1937 г.-- 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. Обвинен в буржуазном национализме, выставлен обвиняемым на третьем московском процессе и расстрелян.
278 П. П. Крючков (1889--1938), секретарь Горького, обвиненный в убийстве Горького на третьем московском процессе. Расстрелян.
Сергей Бессонов (1892--1941), сотрудник советской торговой миссии в Берлине. Арестован в феврале 1937 г. В декабре признал выдвинутые против него обвинения и согласился поддержать обвинения прокурора на процессе. Приговорен к пятнадцати годам, но уже в 1941 г. расстрелян.

П. Т. Зубарев (1886--1938), работник наркомата сельского хозяй
ства, был обвинен в сотрудничестве с царской тайной полицией в 1908 г. и
во вредительстве в области сельского хозяйства. Выставлен обвиняемым на
третьем открытом процессе (1938) и расстрелян.
В. А. Максимов-Диковский (1900--1938), секретарь Куйбышева. Вы
ставлен обвиняемым на третьем московском процессе, обвинен в убийстве
Куйбышева и расстрелян.
П. П. Буланов (1895--1938), секретарь Г. Г. Ягоды. Обвинен в со
участии в убийстве Горького и сына Горького на третьем московском про
цессе. Расстрелян.
Л. Г. Левин (1870--1938), с 1920 до 1938 г.--один из главных ле
чащих врачей Кремля. На третьем московском процессе обвинен в убийстве
сына Горького Максима Пешкова, Горького, Куйбышева и в соучастии в
убийстве Менжинского. Расстрелян.
И. Н. Казаков (1870--1938), врач Менжинского, обвиненный в убий
стве своего подопечного. Выставлен обвиняемым на третьем московском
процессе и расстрелян.
А. И. Виноградов, врач, лечивший членов правительства, арестован
по обвинению в отравлении советских вождей. На открытом процессе вы
ставлен не был, так как умер в подвалах НКВД (1938), судя по всему под
пытками, во время следствия.
В. В. Куйбышев (1888--1935), в партии с 1904 г. В гражданскую
войну -- один из политических руководителей Красной армии. С 1922 г. -
секретарь ЦК. С 1923 г. -- председатель ЦКК, одновременно -- нарком РКИ
и заместитель председателя СНК и СТО. Член Политбюро с 1927 г. Скоро
постижно скончался в 1935 г. Возможно, был убит по указанию Сталина.
287. Максим Горький (А. М. Пешков, 1868--1936), советский писатель.
До революции сочувствовал большевикам, после октябрьского переворота -
подверг их либеральной критике. Эмигрировал. Вернулся. Был первым сек
ретарем Союза советских писателей. Возможно, что умер в результате не
правильного лечения, организованного Сталиным умышленно.
288. Об обвинении в отравлениях, выдвинутом на процессе, в чернови
ках Л. Троцкого к незаконченной им биографии Сталина записано следую
щее:

Доктор Казаков показал: "Вследствие моего разговора с Ягодой я выработал вместе с Левиным способ лечения Менжинского, который действительно разрушал его последние силы и ускорял его смерть. Таким образом, Левин и я практически убили Менжинского. Я дал Левину смесь лизатов, которая в сочетании с алкалоидами вызвала намеченный результат, т. е. смерть Менжинского".

Казаков был в этом отношении особенно полезен, так как он, по словам: доктора Левина, оперировал при помощи медикаментов, которые он сам изготовлял без всякого контроля в своей лаборатории, так что он один знал секрет своих инъекций... "Я никогда не сомневался, что это было делом Казакова", -- говорит Левин.

По признанию обвиняемых Ягоды и Буланова, имелось в виду убить Ежова, преемника Ягоды, с помощью специально приготовленного для этой цели "яда". Обвиняемый Буланов,

секретарь Ягоды, объявил, что он приготовил сам смесь ядов, назначенную для Ежова.

Ягода находил, что сын Горького ведет дурной образ жизни, оказывает неблагоприятное влияние на отца и окружает отца "нежелательными людьми", отсюда он приходит к выводу устранить сына и предлагает доктору Левину оказать ему в этом содействие в ликвидации сына Горького. Так. показывает сам Левин.

Ягода сказал Крючкову, секретарю Горького и своему агенту: "Нужно уменьшить деятельность Горького, деятельность Горького стесняет известных лиц". Буланов, со своей стороны, свидетельствует, что "Алексей Максимович... с исключительным восторгом говорил каждый раз, как представлялся случай, о роли Сталина в стратегии социалистического государства". А Бухарин в своих показаниях называет Горького сталинцем, сторонником политики сталинской партии: "Горький непоколебимый сторонник сталинского руководства". Эти повторения, эти нагромождения имеют своей целью вытеснить из сознания другую версию, именно борьбы между Сталиным и Горьким.

Недавно умерший советский дипломат Раскольников в своем предсмертном письме высказывает уверенность, что Горький умер естественной смертью. Но в таком случае его судьи по чьему-то приказу приговорили к смерти ни в чем не повинных врачей. Что лучше, в конце концов, что благоприятнее для сверхборджии: отравление Горького или убийство людей, ложно обвиненных в деле отравления, решить нелегко.

Показание доктора Левина, 68-летнего старика, производило наиболее потрясающее впечатление. По его словам, он намеренно содействовал ускорению смерти Менжинского, Куйбышева и самого Максима Горького. Он действовал по требованию Ягоды, ибо боялся "истребления своей семьи". Левин, по его словам, не имел никакой личной цели. Наоборот, "он любил Горького и его семью". Он убил сына и отца из-за страха за собственную семью.

Доктор Левин говорил доктору Плетневу, что в случае ослушания "Ягода нас наверняка уничтожит, и вы и все не спасетесь от Ягоды. Он не останавливается ни перед чем, он не забывает ничего". Эти слова относятся не к Ягоде, а к его хозяину, который не останавливается ни перед чем, не забывает ничего. В руках Ягоды сосредоточивалась охрана Кремля, и в частности охрана Сталина. Если б он был заговорщиком, а не агентом Сталина, он мог бы найти каждый день благоприятную обстановку для того, чтобы расправиться с диктатором. Плетнев, Казаков, Крючков -- все участники действительных и мнимых преступлений объясняют свое поведение страхом перед Ягодой. И это объяснение приемлется как вполне естественное. Размах этих преступлений поражает. Они далеко переросли личность Сталина

Самым поразительным является включение в список Максима Горького. Как писатель и человек, он пользовался широкими симпатиями, политиком не был никогда. С молодых лет болел туберкулезом и жил в Крыму, затем в фашистской Италии, где благодаря своему чисто литературному характеру-деятельности не встречал никаких затруднений со стороны полиции Италии. Последние годы Горький снова поселился в Крыму. Так как он очень жалостлив, поддавался всякого рода влияниям, то ГПУ окружало его под видом секретарей и машинисток кольцом своих агентов. Их задачей было не допустить к Горькому нежелательных посетителей. Какой смысл был в убийстве 67-летнего больного писателя?

Это все доказывает, что деятельность Горького, по словам Ягоды, стесняла "высокие личности". Эта формула насчет высоких личностей повторяется несколько раз. На суде ее растолковывают так, будто дело шло о Быкове, Бухарине, Каменеве и Зиновьеве. Но в этот период названные лица были париями, преследуемыми ГПУ. Под псевдонимом "высокие

личности" могли фигурировать только хозяева Кремля. И прежде всего Сталин.

К К. Юренев (Кротовский, 1888--1938). С 1905 г. -- социал-демо крат. В 1913--1917 гг. "межрайонец". С 1917 г. -- председатель бюро Глав ного штаба Красной армии. С 1921 г. -- на дипломатической работе: пол пред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Расстрелял.

Имеется в виду письмо Х. Раковского Г. Валентинову, бывшему ре дактору газеты "Труд", оппозиционеру, сосланному в 1928 г. в Усть-Кулом (см. Л Троцкий. Портреты революционеров, стр. 345--366).

Г. Е. Львов (1861 -- 1925), князь, депутат Первой государственной думы, председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей Земгора. В марте--июле 1917--глава Временного правительства. После ок тябрьского переворота эмигрировал, в 1918--1920 -гг. возглавлял Русское по литическое совещание в Париже.

Гучков А. И. (1862--1936), лидер октябристов. Депутат и предсе датель (1910) Третьей государственной думы. В 1915--17 -- председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 -- военный и морской министр Временного правительства. После октябрьского переворота в эмиг рации.

Впервые опубл. в "Нью-Йорк таймс" 4 марта 1938.

Как подготовлялся московский .процесс. Из письма старого больше вика.-- Социалистический вестник, No 23--24 от 22 декабря 1936 года и No 1--2 от 17 января 1937 года. См. также Ю. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. Издательство гуманитарной литературы. М., 1993, приложение 7.

Впервые опубл. в сокращенном виде в "Нью-Йорк таймс" 5 марта 1938 г. Полностью опубл. в кн. "Writings of Leon Trotsky (1937--38)", pp. 210--213.

Федор Бутенко, советский дипломат в Румынии, бежавший в Ита лию и перешедший на положение невозвращенца в 1938 г.

Ганс фон Сект (1866--1936), немецкий военачальник, генерал-пол ковник В первую мировую войну -- начальник штаба армии. В 1920-1926 гг. -- начальник управления сухопутных сил рейхсвера. В 1934-1935 гг. -- военный советник при Чан Кай-ши.

Гогенцоллерны -- династия бранденбургских курфюрстов, прусских королей и германских императоров. Основные представители: Фридрих Виль гельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II.

Впервые опубл. в кн. "Writings of Leon Trotsky (1937--38)", pp. 195--196.

Впервые опубл. в кн. "Writings of Leon Trotsky. Supplement (1934-- 40)". .New-York, 1979, pp. 763--764.

301 Невилл Чемберлен (1869--1940), британский политический деятель, консерватор. С 1922 г. неоднократно входил в правительство. Премьер-министр Великобритании в 1937--1940 гг. Подписал Мюнхенское соглашение 1938 г., легализовавшее насильственный раздел и захват Германией Чехословакии. Вышел в отставку в мае 1940 г.

302. Впервые опубл. с сокращениями в "Нью-Йорк таймс" 6 марта 1938 г. Полностью

опубл. в кн. "Writings of Leon Trotsky (1937--38)" pp. 216--218.

303 Впервые опубл. там же, стр. 224--226.

Впервые опубл. тйм же, стр. 231--233.

В. В. Осинский (Оболенский, 1852--1938), в партии с 1907 г., в 1917--1918 --председатель ВСНХ. Левый коммунист. В 1920--1921 гг,- один из руководителей группы "демократических централистов" ("децистов"). В 1921--1923 гг. -- заместитель наркома земледелия. В 1923--1924 гг,- полпред в Швеции. С 1926 г. -- управляющий ЦСУ. Был в троцкистской оп позиции. Раскаялся В 1929 г. -- заместитель председателя ВСНХ. Выставлен обвиняемым на третьем московском процессе (1938). Расстрелян.

В. Н Манцев (1889--1939), большевик с 1906 г. С 1918 г.-- заме ститель председателя ВЧК. С 1920 г. член коллегии ВЧК. В 1921--1923 гг.- председатель Всеукраинской ЧК, нарком внутренних дел Украины. С 1924 г. - работал в ВСНХ и наркомате финансов. С 1936 г. заместитель председателя Верховного суда РСФСР. Расстрелян.

Впервые опубл. в кн. "Writings of Leon Trotsky (1937--38)", pp. 234--235.

Е. А. Щаденко (1885--1951), социал-демократ с 1904 г. В граждан скую войну -- член РВС 1-й Конной армии. В 1937--1943 гг. -заместитель наркома обороны. В 1943--1944 гг. -- член Военного совета Южного и 4-го Украинского фронтов. Генерал-полковник (1942).

Впервые опубл. в "Socialist Appeal" 23 апреля 1938.

Андре Нин (1892--1937), глава испанской компартии, секретарь. Красного Интернационала профсоюзов. Работал в СССР в Коминтерне. Ле вый оппозиционер. Выслан из СССР в сентябре 1930 г., вернулся в Испа нию и занимался подрывной деятельностью там, став одним из ведущих ис панских троцкистов. Постепенно стал отходить от Троцкого, вышел из троц кистской организации и основал свою собственную партию--ПОУМ (Марк систская Объединенная Рабочая партия) --в 1935 г. Вскоре после этого был похищен агентами советской госбезопасности в Испании и убит.

Курт Ландау, австрийский троцкист, возглавивший германскую "ле вую оппозицию". В 1931 г. вышел из организации и сформировал свою соб ственную группу. Участвовал в гражданской войне в Испании, но поддержи вал ПОУМ, а потому был похищен советскими агентами (или просоветскими испанскими коммунистами) и убит.

312 Марк Рейн, сын русского меньшевика Р. Абрамовича. Вырос в Германии. После прихода нацистов к власти эмигрировал во Францию. В Париже стал председателем союза германской социал-демократической молодежи и членом группы "Ней-Бегиннен". Воевал на стороне республиканцев: в Испании во время гражданской войны. Похищен и убит в апреле 1937 г. Похищение, возможно, было организовано Заграничным отделом ПСУК (компартия Каталонии), которым руководил немецкий коммунист Альфред Герц.

FB2 document info

Document ID: fb2-3bf1a095-ac8c-6cb1-494a-20651dfbd938
Document version: 1.01
Document creation date: 2007-06-12
Created using: LibRusEc kit software

Document authors :

- rusec

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon